

Олег Верещагин
Оруженосец

Оруженосец – 1

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - GermanAW; OCR, ReadCheck -
pip228; Cover - FaerSalamandra; Conv - shtuks;) <http://huge-library.org/>
«Олег Верещагин «Оруженосец»»: Ленинградское издательство; С-Пб; 2011
ISBN 978-5-9942-0774-1

Аннотация

Эльфы — дивные, орки — мразь, и никак иначе. Люди... Вот люди — разные. Время действия — Третья Эпоха, до Войны Кольца ещё почти две тысячи лет. Вот туда и попадает современный четырнадцатилетний пацан. Достанется ему с лихвой, но и научится он многому...

Олег Верещагин ОРУЖЕНОСЕЦ

*Первый ребячий испуг окровавленной стали...
В страхе обмоченный килт в негеройском бою...
Мухи на трупе — мы с ним ещё утром болтали!..
Ночь без конца в заражённом чумою краю...
«Крыс» и «Шмендра», Песня о славе*

Я от всей души благодарю

- *Иара Эльтерруса* — хорошего человека и писателя, без которого все мои рукописи никогда бы не встретились с типографской бумагой;
- *Сергея Садова* — за десятки дорог для тех, кому тесно в нашем мире; «от моих героев — его героям!»;
- *Тимура Лея* — когда-то в стране, которой больше нет, научившего меня, как держать настоящий меч;
- *Илью Морозова* — того, из чьих воспоминаний о детских играх и суевериях родилась Ломион Мелисса;
- *«Рысёнка» Тар-Кириана* (из Чёрных Нуменорцев) — за увлечённое и восхищённое раскрытие природы очарования Великим Злом;
- *Павла Зубкова* — главного героя, живого и реального. Nai hiruvalye Valimar. Nai elye hiruva.

Я искренне извиняюсь перед отставным лейтенантом армии Её Величества, ветераном Первой мировой войны, профессором Оксфорда Джоном Роналдом Руэлом Толкиеном за то, что вторгся в его мир.

Спасибо Вам, профессор!!!

От автора

...Во всём виноват Пашка.

Я повторяю это снова — во всём виноват Пашка, и прошу зафиксировать это для будущих поколений — во всём виноват малолетний (14 лет на момент того разговора) засранец (я не откажусь от своих слов даже под пыткой) Павел Зубков.

Это поразительно начитанный и умный (даже по меркам моего детства, когда мальчишки читали в сто раз — без преувеличения — больше... да и умнее были значительно) мальчишка, которому я обязан кропотливой работой по перепечатке некоторых моих книг (и многочисленными опечатками в оных). Интересы Пашки в музыке и литературе до такой степени совпадали с моими, что я, поэкспериментировав, начал давать ему «поток» всё, что читал и слушал сам...

...пока не споткнулся на Толкиене.

А ведь я был уверен — уверен! — что книга Пашке понравится!!!

И добро бы он просто промолчал. Хотя бы из вежливости.

Белобрысый потомок русских, немцев и скандинавов (в его жилах течёт именно эта жуткая смесь), экс-беженец из Казахстана и пр. и др. — короче, Павел Зубков не пожелал щадить моих возвышенных литературных чувств. Правда, конспективно. Весной 2008 года,

отдавая мне первый том, он сказал просто: «Фиг-ня!» Именно так, отдельно. Я так очумел, что решил, будто ослышался, и через какое-то время поинтересовался, нести ли вторую книгу. В ответ на что получил недоумённый взгляд и почти ласковое, как будто обращённое к умалишённому пояснение: «Олег Николаевич, но это же правда фигня...» Я повторил вопрос с угрозой в голосе: нести или нет?! Павел огрызнулся: «Нет!» На майке у него в тот момент был изображён наш тамбовский символ, и вообще он сам сильно напоминал собирающегося тяпнуть надоедливую руку молодого волка.

Я «отпал». Гнев бушевал в моей груди. Мне хотелось сказать то, что я никогда не говорил ни одному из своих подопечных — сакраментальное и очень обидное, но часто употребляемое многими моими коллегами: «Мал ещё рассуждать!» Но я удержался... Я ведь сам вызвал его на этот разговор.

И я был бессилен.

Спасать Пашку было поздно. Увы. Я решил отомстить. Совершенно недостойно отомстить четырнадцатилетнему подростку.

Я сделал Пашку Зубкова главным героем этой книги.

Всю тонкость моей мести вы поймёте позже...

...Итак — от начала Третьей Эпохи прошло 1408 лет.

У нас же было лето 200... года.

Глава 1, в которой наглядно показан вред романтического взгляда на мир

Мир — поразительно скучное место.

Если тебе четырнадцать лет — он скучен особенно.

Пашка перевернулся с боку на бок, откинул простыню и тяжело вздохнул.

В этом мире всё поделено, расписано и высчитано. Например, люди получают паспорта в четырнадцать лет, потому что кто-то решил, будто это самый подходящий возраст. Но с какой пьянки именно этот возраст — и для всех?

А самое главное... самое главное, неинтересно тут. Честное слово.

Пашка перевернулся на спину и стал смотреть, как за окном мигают звёзды.

Раньше было интересно. Мальчишка усмехнулся в темноту. Да-да, конечно, он сто раз слышал. Хорошо мечтать о прошлых временах, лёжа в постели... а стоматологов нет... а средний срок жизни — 35 лет... а войны... а чума... а то-сё-пятое-сотое... И, наверное, всё так и было. И стоматологов нет.

Да хрен бы с ними, со стоматологами. У него хорошие зубы. Проволоку перегрызть можно.

За окном в отдалении истошно заорал пьяный. Что-то, как ни странно, оптимистичное.

Пашка сердито закрыл глаза и попытался уснуть.

Может быть, это из-за того, что он любит читать книжки и слушать хорошую музыку? Но и остальные вокруг не выглядят счастливыми. Даже самые примитивные существа, и те какие-то... Если радостные — то с пьянки или истерично.

В голову полезли строчки Олега Медведева — «Кайнозой»... Раньше он не знал этого певца и вообще мало слушал бардов. Но Олег Николаевич его на это счёт здорово просветил... вот только приступы такой тоски стали чаще. Как там?..

...Но как ты там, где ты там, малыш,
Быть может, тоже ночей не спишь?
А за окном, как и здесь, могильный август,
дождик косой,
А впереди — двадцать первый век,
Текущий камень пангейских рек,
Потом — осенняя слякоть, потом — зима,

потом — кайнозой...

Сперва он просто слушал. А потом Олег Николаевич как-то раз расшифровал эти строки. Оказалось, что в них есть смысл, а не просто ритм и печаль...

Пашка снова открыл глаза. Улыбнулся. Оказывается, некоторые хорошие современные песни надо воспринимать, как стихи древних скальдов, где смысл прятался за та-а-акенными словесными оградами, что ух. Правда, там смысл был воинственный. А тут — горький.

Там в самом начале: «Каменных рек Пангеи не взять рукой...» Каменные реки — это города. Пангея — древний пракоинконтинент... и так же называется проект будущего, который проталкивают американцы: единый мир под их властью. Текучий камень — бетон; текучий камень пангейских рек — городские улицы, дома из серого одинакового бетона, мир двадцать первого века... Потом — осенняя слякоть; грязь в жизни, грязь везде, тусклое существование... а потом — зима. Уж не ядерная ли зима? Или просто холод человеческих душ? А потом — кайнозой. Время беспощадных хищников, мир динозавров, где прав тот, у кого длинней клыки и меньше совести... Вот и смысл песни. Печальный и страшный.

Как ты там, где ты там, малыш?
Быть может, тоже ночей не спишь?

«Не сплю, хотя и не малыш, — подумал Пашка. — Или малыш? Мечтаю о сказке. Да ещё и красивой».

Он потянулся, прислушался, как сопят спящие братья. Да, вот уж у кого никаких проблем со сном. У Сёмки — в силу мелкости возраста. У Димки — в силу черт характера, он и на сковородке уснёт.

Снаружи опять, но уже дальше, взревел пьяный. Собаки отозвались радостной кантатой. А вот интересно, о чём думают пьяные? Уж точно их не беспокоят мировые проблемы...

Он уставился на полную луну, как раз появившуюся в окне. А что, если в нём есть что-то от оборотней? Недаром ему так нравятся волки, ночь и луна... Пашка попытался высмеять себя за уж совсем детскую попытку найти в окружающем хотя бы кусочек сказки — но почему-то не получилось. Высмеиваться не было желания абсолютно. Было желание протянуть руку и коснуться луны. Интересно, она зазвенит, если щёлкнуть по краю пальцем?

«Засыпаю», — подумал он. И почему-то встряхнулся, испуганно отгоняя сон, хотя ещё минуту назад именно заснуть и хотел больше всего. Наверное, всё-таки успел уснуть по-настоящему, потому что рывком сел в постели, пытаясь отделить сон от яви. Луна ломилась в окно; несколько мучительных секунд Пашка не понимал, спит или нет, что ему приснилось, а что было на самом деле.

Он толкнул локтем подушку и опять лёг. Почему-то вспомнилось, как обиделся Олег Николаевич, когда он вернул недочитанную первую часть «Властелина Колец». Старая книжка, неинтересная. В конце концов, он так и сказал. Ну, конечно, Олег Николаевич прав — из неё, можно сказать, выросло всё фэнтези. Но из наскальных рисунков выросла вся живопись — что же теперь, обвешать всё вокруг наскальными рисунками и ничего больше не признавать?

Сравнение ему понравилось. Он решил, что непременно так и скажет Олегу Николаевичу при следующей встрече. А пока... какая луна...

Снаружи начинался ветерок, ветви покачивались... Значит, скоро рассвет. Да что ж в самом деле такое?! Пашка за собой знал, что он — «сова». Но уж так-то... Хотел уснуть — чем-то сам себя напугал, не поймёшь теперь, чем...

А что если... Он хмыкнул и привстал. Можно сейчас одеться и пойти погулять. А днём забраться в какое-нибудь укромное местечко и выдряхнуться разом за всю ночь. Ну лето же, каникулы, и не так уж их много осталось... Пойти и сделать какую-нибудь глупость... например, изрисовать рунами всю автобусную остановку. Или логотипами «Арии»... А то

«Fesh, Fesh». Куда ни пойдёшь, везде взглядом натыкаешься... Или ещё лучше — перебраться через заболоченную низину за огородами, подняться на склон и усесться где-нибудь в роще на поваленное дерево. И сидеть, пока не встанет солнце, отмахиваясь от комаров...

Мысль о комарах слегка охладила романтические желания. Вспомнилось: «А ежели рядом, скажем, хоббита нет, из кого же они, гады, кровь пьют?!» Надо же, врезалось в память...

Пашка сел на постели, прислушался. Тихо, спят все... Даже собаки замолчали. «Ну и пусть спят, — решительно подумал он, укрепляясь в желании отправиться на прогулку. — Плавки одеть? Не надо, не купаться идём...» Сидя, он дотянулся до джинсов, стал натягивать их и хихикнул невольно, вспомнив, как три дня назад ночью прятал (а потом днём тишком отстирывал) трусы. Тогда ему уснуть вполне удалось (луна была ещё не полная) — и даже сон приснился...

Он опять хихикнул, влезая в рубашку с длинным рукавом. От комаров всё-таки поостережёмся, иначе всё удовольствие испортят. Встав, он тихонько пошёл к двери, но увидел лежащую на столе раскрытую книгу — Торссен, «Источник судьбы». Вот откуда пришла мысль о рунах, он её читал вечером и забыл.

Ступая на цыпочках, Пашка подошёл к столу, закрыл и вновь — наугад — открыл книгу. Просто чтобы позабавиться — что там? Он так часто делал.

Книга открылась на руне «Райдо». Странствие... Надо же. Иногда ему казалось чудным, как руны и правда совпадают с событиями. Правда, он тут же говорил себе, что на этом и основано всё гадание — под расплывчатое предсказание можно подогнать любые последующие дела. Но всё-таки, что ни говори, а он и правда сейчас отправляется в небольшое странствие.

Закрыв книжку, Пашка выбрался из комнаты, зацепил в коридоре кроссовки и вышел, не скрипнув дверью, на крыльцо.

Снаружи и правда начало светать. Где-то близко, за окраиной, скрипел коростель. Пашка постоял, поёживаясь. Как всегда в такие минуты, ему на миг захотелось вернуться обратно и улечься в постель. И как всегда, он переломил секундную слабость и, держа в руках кроссовки (всё равно перед низинкой разуваться), спустился по ступенькам.

Деревня спала. Повально, беспробудно, самым сладким утренним сном. В низине — сколько хватало глаз — колыхалось белёсое в полутьме туманное море. Ветерок улёгся, коростель умолк, и стояла такая тишь, что Пашка сбил шаг и замер, изо всех сил прислушиваясь, стараясь уловить хотя бы звук.

И когда он остановился, тишина стала окончательной, всеобъемлющей и всеобщей.

«Не надо идти, — вдруг подумал мальчишка. — Надо скорее вернуться домой». Мысль была отчётливой и ясной.

Пашка упрямо стиснул зубы. Вот ещё. Не хватало испугаться неведь чего, стоя у родной ограды. Нет уж. Он пойдёт в рощу и будет сидеть там, пока не рассветёт совсем!

А всё-таки как-то что-то не так.

Это был последний писк разума.

Вздрагивая от холода, Пашка пересёк росную полоску травы и оказался на деревенской улице. Влево она уходила в поля, вправо — собственно в деревню. Прямо шла небольшая тропинка, протоптанная в основном мальчишками, не склонными искать обходных путей, чтобы добраться до лесков и рощ на другой стороне заболоченного распадка. На середине тропинка ныряла в туман. И за низиной выныривала из него на склон, уходила в рощу. Всё это было уже видно совсем хорошо.

Если не оборачиваться — казалось, что нет ни деревни, ни даже дороги. Может быть, сзади тоже лес?

Пашка обернулся. Солнце ещё даже не начинало всходить, но самый край неба на западе горел алым. Он как раз успеет подняться в рощу, чтобы увидеть восход.

Мальчишка сделал шесть — он считал — шагов — и вошёл в туман с головой. Ещё

через семь шагов ноги погрузились в тёплую стоялую воду, и Пашка, нагнувшись, одной рукой подкатал джинсы до колен. Выпрямился.

Неподвижная белёсая муть окружала его со всех сторон. Пашка поднял руку, провёл ею по воздуху. Туман завихрился спиралями, которые не сразу рассосались — повисли, медленно раскручиваясь. Пашка написал в воздухе руну «Райдо» — и улыбнулся. Она тоже исчезла не сразу. Мальчишка толкнул её грудью, переходя заболоченную низинку, поболтал по очереди ногами в последней лужице... Странно, вода в ней оказалась холодной, да и дно лужицы было не тинистым, а галечным. По очереди поджимая ноги (садиться в мокрую траву не хотелось), натянул, не зашнуровывая, кроссовки. И почему-то вспомнил одну песню группы «Тамлин» — тоже спасибо Олегу Николаевичу... Дикая, скачущая музыка... Пустой женский голос — как будто ветер дует в забытый на камне у заброшенной дороги рог (Пашка подумал и представил себе именно так...).

Где твое небо, Тэмлин?!
Сердце разрублено снами.
Воин, плененный свирелью,
Спит под чужими холмами.
А высоко над нами
След от турбин самолета,
И на сияющем шраме
Солнце янтарным медом.
Спит под землей дорога,
Устлана мягкими мхами,
Только следов немного,
И завтра совсем не станет.
Где твое небо, Тэмлин?
Сказ превратится в сказку,
Свет обернулся тенью,
С тобой не желает знать.
Где твое небо, Тэмлин?
Где твой народ, о Тэмлин?!
В снах о прошедших веснах?
В вами забытом небе
След от турбин самолета.
И, теряя надежду,
Небо латает дыры,
Глядя на нас, как прежде,
И тихо прося о мире.
Где твое небо, Тэмлин?
Сказ превратится в сказку,
Свет обернулся тенью,
С тобой не желает знать.
Где твой народ, о Тэмлин?¹

Дунул ветер — резкий, холодный, пронизывающий. Туман пополз в сторону, обнажая лощину, поросшую высокой жёлтой травой, жёсткой на вид, которая гнулась под ударами ветра. Пашка расширил глаза.

Сознание выключилось.

Он стоял в этой лощине — рядом с ручейком, бегущим по галечному ложу. Наверху, на

¹ Песенный текст группы «Тамлин».

склонах, росли голые кусты можжевельника, за ними узкими языками кое-где лежал снег. Пашка долго смотрел на него — весенний, в чёрных крапинах. Потом медленно перевёл взгляд туда, где лощина открывалась на поросшую черным весенним лесом равнину и краешек какой-то горной цепи слева. Над лесом шли чередой несколько дождевых зарядов. Пахло сыростью и холодом. По серому небу тут и там ползли низкие тучи, и только на востоке — именно там, где оно и должно было быть, где Пашка и видел его! — в просвете между горизонтом и слоем туч, всходило алое яркое солнце.

— Что это? — вырвалось у Пашки. — Что?!

В ответ ветер свистнул сильнее, и один из дождевых зарядов оказался — выполз из-за края лощины — как раз над Пашкой.

Как во сне, мальчишка пошёл, скользя и заваливаясь на бок, на выставленную руку — к выходу из лощины. Он продолжал бормотать, широко открыв глаза:

— Что это, что?..

Глава 2, в которой в лотэссэ идёт дождь

Первый же день лотэссэ порадовал мир дождём.

С утра это просто был дождь — совершенно не весенний, настоящий осенний, холодный, нудный; от него, казалось, даже молодая листва на кустарнике и деревьях почернела и пожухла. Потом откуда-то из низин начал выползать туман, закачался на уровне колен человека и так и остался, лениво переползая с места на место, клубясь и шепча. Дождь не перестал.

По Восточному тракту, пустынному, насколько хватало взгляда, ехали двое. Огромные кони то отчётливо щёлкали подкованными копытами по камню, которым в незапамятные времена был выложен тракт, то глухо месили грязь там, где камни исчезли, стёрлись или ушли в землю.

Всадники ехали молча, надвинув на глаза капюшоны длинных чёрных плащей, насквозь промокших, из-под которых только и виднелись что руки в высоких кожаных перчатках да вставленные в стремя поднятые носки сапог.

Плащи украшали скрещённые серебряные мечи — герб Кардолана. У сёдел кроме двух парных больших сумок (выглядевших довольно тощими) были закреплены треугольные щиты в чехлах, поднимались длинные пики, украшенные обвисшими выпелами. У того, который ехал справа, за седлом крепились большой лук в чехле и закрытый длинный тул.

Кони месили туман. Казалось, что они раздвигают его с трудом.

Всадники молчали.

Лес вокруг звучал шёпотом дождя.

Жителям Кардолана — страны, где зелёных лугов и весёлых рощ на речных и озёрных берегах гораздо больше, чем дремучих лесов, — должно быть, было неудобно в дождливом лесу на самой границе Рудаура.

— Проклятое место, — сказал тот, что справа. У него оказался звонкий, хотя сейчас словно бы отсыревший мальчишеский голос. — Мне тяжело дышать, Эйнор. Кажется, что захлёбываюсь.

С этими словами он откинул капюшон.

Лицо мальчишки лет пятнадцати — узкое по-нуменорски, с упрямым подбородком, чуть веснушчатое — было усталым и осунувшимся. Длинные светлые (как раз совсем не нуменорские) волосы потемнели под промокшим капюшоном. Серые большие глаза смотрели замученно.

— Как тут можно жить? — почти с отчаяньем спросил он спутника.

— Тут мало кто живёт, — отозвался тот. Голос второго всадника тоже был совсем молодым. — Враг и чума опустошили эти места, Фередир. А когда-то по этому тракту шли и шли путники и караваны из Линдона в Раздол и обратно, и даже дальше... В лесу стояли

деревни, лежали поля и даже цвели сады... За утро мы встретили бы множество гномов, эльфов и людей...²

— «Множество людей»! — пробурчал светловолосый, поглаживая шею благодарно похрапывающего коня. — Пусть мой Азар покроет меня вместо кобылицы, если мы не рискуем встретить тут множество орков или холмовиков — но только не людей.

— Ты и вправду считаешь, что холмовики — не люди? — Старший, как видно, уже привычно пропустил мимо ушей обычную для уроженцев Южного Эриадора грубость и тоже откинул капюшон. Он и вправду был старше — лет семнадцати-восемнадцати — и выше своего спутника, но при этом производил впечатление чего-то более хрупкого: длинные чёрные волосы, тонкие черты лица, тоже серые, но более пристальные глаза — в общем, это был чистокровный нуменорец, и хрупкость его была столь же кажущейся, как хрупкость стального клинка.

— Конечно нет, — убеждённо ответил младший. — Холмовики, лоссоты, дунландцы... Всё это не люди. Скажи ещё, что люди — вастаки и эти чёрные уроды с юга, которые размалёвывают себя, как... как... как... — Он не нашёл сравнения и задрал нос: — Вастаки, фэ! Они пьют кобылье молоко прямо из сиськи.

— А холмовики живут в пещерах и сношают дырки в камне, — покивал темноволосый. Вздыхнул и устало продолжил: — Ты говоришь глупости, Фередир. Тем более смешные, что в твоих жилах течёт кровь Людей Сумерек.

— Мой дед такой же нуменорец, как и твой, рыцарь! — огрызнулся, краснея, Фередир и толкнул обиженно вскинувшего голову коня каблуками.

— Рыцарь восьмого князя Кардолана Абатарика Изрэ взял в жёны Селди, родившуюся в Ирисной Низине. Их же сын Фазл нашёл себе жену у народа матери, и звали её Нахальд. Первенцем у них родился Фередир. Это ведь из вашей Книги Семьи?

В голосе Эйнора не прозвучало насмешки, и раздувший было ноздри Фередир смущённо пробормотал:

— Ну... Люди Сумерек — это почти Люди Запада...

— Даже Люди Тьмы — всё равно люди, — печально заключил Эйнор. — Когда мы бьёмся друг с другом — кому это на руку? И когда кто-то из нас говорит: «Не люди те, кто не такой, как я!» — кому?

— Прости... — в конец упавшим голосом сказал Фередир. — Но скажи... Разве кровь ничего не значит?

— Многое, — обронил Эйнор. И ничего не стал объяснять.

Фередир вздохнул. Вот он всегда так. Прошло уже три года с того момента, когда крепящийся (очень хотелось плакать!) мальчишка, родившийся там, где в море впадает Сероструй, уехал из родного села за молодым, только-только посвящённым рыцарем Эйнором — служить одиннадцатому князю Кардолана Нарaku. Уехал не оглянувшись, чтобы никто потом не сказал, что он девчонка, которая плачет, покидая родной дом. Плакал он

² В указанный период — середина Третьей Эпохи — пространство между Мглистыми горами, Эттенблатом, Северным нагорьем, Голубыми горами и по линии устье Барандуина-Мория было на 70–80 % занято лесами, подобными знаменитому Вековечному лесу (который, собственно, и есть остаток тех, древних лесов!). В частности, лес полностью покрывал Хоббитанию — в те времена почти незаселённую территорию. (Древень в «Двух твердых» говорит Мэрри и Пину: «В те давние времена отсюда (в смысле — от Фангорна) до Лунных гор тянулся сплошной лес, а это была всего лишь его восточная опушка...») То же можно сказать и о населении. Точных указаний нет, но мне думается — если исходить из обычных средневековых пропорций, — что к 850 г. Третьей Эпохи Арнор населяло примерно около миллиона человек. В описанный же мной период население Артедайна составляло примерно 200–250 тысяч, Кардолана — 100–150 тысяч и Рудаура — 80–100 тысяч человек. Из общей численности населения земель бывшего Арнора чистокровных нуменорцев было в целом не более 50 тысяч человек. Связано это с тем, что в 865–1350 гг. Третьей Эпохи (по свидетельству самого Дж. Р. Р.) между всеми тремя княжествами происходили постоянные стычки за право владения Буреломным Угорьем, Пригорьем и Эмон Сул. Вдобавок к этому примерно с 1100 г. в эти распри стали постоянно вмешиваться холмовики Эттенблата, а с 1275 г. — и чародейский Ангмар.

потом, ночью, вцепившись зубами в плащ. Плакал, пока чья-то ладонь не коснулась волос...

Не плачь, когда поют свирели,
В дворце с закрытыми дверями,
За облаками, за горами,
Куда ведет тропа пустая.
Не плачь, когда поют свирели,
В осколках сердца отражаясь,
Пусть плачут тучи над домами,
Дождем холодным проливаясь.
Заштопай сломанной иголкой
Прорехи в небе с облаками.
Тебе сегодня нужно только
Немного поиграть со снами...³

А утром почти невозможно было поверить, что это Эйно́р сидел ночью рядом с плачущим мальчишкой и напевал в точности ту песню, какую пела мальчишке мама всего за день до этого. И через неделю, когда они уже третий день ехали через безводную степь, и вся вода была в бурдюках — тёплая, пахнущая кожей, — а на привале Фередир присосался было к костяному горлышку, Эйно́р съездил его по уху. Подождал, пока мальчишка поднимается — со звоном в голове и слезами на глазах — и спокойно объяснил, что в таких местах сперва поят коней.

Тот удар (не последний, кстати) Фередир простил давным-давно. За три года он, казалось, научился понимать Эйно́ра. Но временами рыцарь ставил оруженосца в тупик. Просто в тупик. Или словом. Или жестом. Или просто взглядом... Кто-то из старших воинов сказал как-то: «Чему ты удивляешься, парень? Он — ЧИСТОКРОВНЫЙ...» И тоже ничего не объяснил.

Впрочем, эти мысли сейчас недолго занимали оруженосца. Он посмотрел на вершины дубов, облизнул губы от дождевых капель и спросил:

— Эйно́р, как ты думаешь, а кто такой Ангма...

Рыцарь, не глядя, прихлопнул его губы ладонью:

— Не называй его. Тем более — так близко от границ. Говори просто — Он или Чёрный Повелитель.

— А что, Он... — Фередир огляделся. — Он может тут появиться?!

Фередир засмеялся:

— Ну конечно... С крыльями, как у Турингвэтиль из древних времён... Нет, конечно, Фередир. Ему наши с тобой дела слишком мелки. Но вот щёлкнуть в нашу сторону пальцами он и впрямь может озаботиться. И налетим мы и правда на шайку орков. Или ещё что случится.

— То есть докричаться до Него напрямую невозможно? — уточнил Фередир. Эйно́р странновато посмотрел на младшего:

— Да нет. Можно. Почему нельзя. Он ведь был когда-то человеком. Нуменорцем, как я. Но стоит ли его звать?

— А что же Валары? — Фередир опять посмотрел в небо. — Наши предки ничем не провинились перед ними. Разве они не видят, как пустеют наши земли, как нас теснят враги? Когда ты обращаешься к Эру, о чём ты его просишь, Эйно́р?

— Я ни о чём его не прошу, — пожал плечами под плащом юный рыцарь. — Я просто говорю с ним, чтобы Эру знал: я верю в его благость и мудрость, я приму то, что он пошлёт. А просить... Просить у Эру — всё равно что торговаться с собственной совестью.

³ Песенный текст группы «Тэмлин».

— Значит, Эру не может нам помочь... — задумчиво протянул Фередир. И увидел постражавшие глаза Эйнора. Рыцарь раздельно проговорил:

— Эру — Творец. Он создал нас и дал нам волю, разум и совесть. Чего ты хочешь ещё, Фередир сын Фаэла? И что ещё нужно человеку? — Подумав, он добавил: — Среди нас, Людей Запада, было немало тех, кто продавал себя Злу. И зло им помогало, наделяло страшным могуществом. Ты и сам знаешь историю нашего народа. Но когда против таких «могущественных» со всей решимостью и верой выступали отважные люди — зло всегда бросало своих. Всегда. Властелин зла — лжец и предатель, а те, кто служит ему в надежде на его силу, — лишь его орудия. И я не знаю ни одного из них, чью смерть можно было бы назвать достойной.

— Достойная смерть... — пробормотал Фередир. Эйнор кивнул:

— Умереть в старости в постели, среди скорбящих родичей и слуг, поняв в последний миг, что тебе нечего стыдиться в прожитом, — достойно. Умереть в бою, среди сверкания клинков и боевых кличей, сжимая в руке меч и видя, как выются в небе наши стяги, — достойно. Никто из продавшихся злу не умер так. Для них смерть была бесконечным ужасом и бездной страдания. Как для наших несчастных предков в последние годы Нуменора...

— Мы победим, Эйнор? — требовательно спросил Фередир. — Ответь. Я не говорю — сейчас. Может быть, через сто лет. Через тысячу лет. Мы ведь победим?

— Конечно, — кивнул Эйнор. — Чёрный Повелитель падёт. Падёт и его господин. А будем ли при этом мы — да так ли важно, дружище?

Он стукнул оруженосца по плечу перчаткой и понукнул коня.

Дальше ехали молча.

«Он не знает, как я его люблю, — думал Фередир. — Больше своих братьев, больше своего отца. Он самый храбрый и самый умный среди всех рыцарей Кардолана. Пусть он прикажет — и я брошусь на меч. На тысячу врагов. Поеду в Ангмар один и вызову на поединок Чёрного Повелителя. И ничего не испугаюсь...»

— Впереди и чуть справа — человек. За кустами, — негромко сказал Эйнор. Фередир почувствовал, что багровеет от стыда — правая сторона была его стороной, и он, замечтавшись, не уследил за ней! Но стыд тут же сменился напряжением. Засада?! Доспехи в мешках... От орочьего лука доспех защитит, а от большого можжевелевого — нет... Взять щит на правую руку?.. Сразу догадаются, что их раскрыли... Уже не важно... Коня — вперёд, закрыть им и собой Эйнора... Откуда будут стрелять?.. Откуда нападут?..

Внутренности, как всегда перед боем, скручивало в тугой, болезненный ком. Да где же этот лежащий, чего не вскакивает?! Где засада?..

— По-моему, он один, — по-прежнему спокойно сказал Эйнор, останавливая своего Фиона. — Пойди посмотри.

Фередир соскочил на размокшую обочину. Отодвинул плащ, вытянул меч — не арнорский, а такой, какими пользуются к востоку от Мглистых Гор, доставшийся от деда. И, раздвигая настороженным клинком кусты, пошёл туда, где теперь уже и сам различал лежащее в густой траве тело.

— Эй, это парень какой-то! — послышался через минуту его удивлённый голос. — Человек, в лохмотьях... Эйнор, слышишь?!

— Слышу. — Эйнор уже подходил тоже, ведя под уздцы обеих лошадей и держа в правой свой меч, откованный ещё в Нуменоре Бар. — Гляди-ка. У него волосы, как у тебя... — Рыцарь передал поводья оруженосцу, поймал не глядя ножны клинком и опустил на колено около лежащего ничком человека. Осторожно перевернул его. — Мальчишка, моложе тебя. Хм... что-то эльфийское в лице... но это не эльф, точно.

— Наверное, и правда из йотеод или из северян. — Фередир наклонился опять. — Он мёртвый?

Эйнор стащил зубами перчатку, положил пальцы по обе стороны грязной шеи найденного.

— Жив... Странно одет. Смотри, какие штаны.

— Странно, — согласился Фередир. — Смешно. Похоже на парусину, как на кораблях Гондора. Только синяя. А рубаха обычная. Ни ремня, ни ножа... Может, ненормальный?

— Или... — Эйно́р продолжал вертеть тело. — Погляди, что у него.

Запястья мальчишки были рассечены круговыми ранами — кожа стёрта до мяса. На спине сквозь драную грубую ткань проглядывали длинные рубцы.

— От верёвки и от плети, — тихо сказал Эйно́р. — И ноги — босой, всё в кровь разбито.

— Бежал из плена! — воскликнул Фередир и с уважением посмотрел на лежащего. — Наверное, ангмарцы схватили его у истоков Андуина, по ту сторону гор... — Оруженосец стал отстёгивать плащ. — Возьмём его с собой?

— Конечно. — Фередир положил пальцы на виски мальчика. Нажал.

Мальчишка открыл глаза сразу — серые, невидящие. Что-то негромко сказал. И опять то ли впал в забытье, то ли просто опустил веки.

Глава 3, в которой мы знакомимся с Гаравом⁴

Я не умер?

Нет, кажется, не умер.

День. Небо это серое... На чём это я лежу? Это не трава... и небо какое-то... половинное...

Да нет, просто надо мной что-то натянуто.

Меня подобрали, всплыла ясная мысль.

Кони фыркают. Да, кони... Кони?!

Кто подобрал?!

ОПЯТЬ?!?!?!?

Молнией пролетели в мозгу образы расправ над беглыми. Неужели, неужели?! Он попытался вскочить, руки и ноги были свободны, но предательская слабость подкосила, в голове тонко запели нудные струны, внутри всё противно ухнуло — и Пашка повалился обратно на плащ.

Плащ... Он лежит на плаще. И над ним натянут плащ — от дождя. Беглого положили на плащ — странно...

Послышался голос — мальчишеский, вопросительный. Над Пашкой склонилось веснушчатое лицо — длинные светлые волосы свисают до плеч, весёлые серые глаза... Мальчишка пахнул мокрой тканью, металлом, конским и своим потом, кожей одежды. Он улыбался. Опять что-то спросил. Потом, нахмурившись, спросил снова — уже на другом языке, явно подбирая слова. Пашка узнал слова, похожие на слова языка, на котором говорили ТЕ.

— Не понимаю, — ответил он и сглотнул.

— Ёе понимаю? — переспросил мальчишка. Пашка кивнул и расплакался.

Он плакал, судорожно сотрясаясь всем телом, глотал эти слёзы, икал, кашлял, слёзы забивали горло, душили — Пашка слепнул от них, ощущая только громадное, почти убивающее облегчение. Он понял одно — этот парень никакого отношения не имеет к ТЕМ. А значит — спасён.

Спасён.

Мальчишка не успокаивал его — сидел рядом на корточках и смотрел в сторону. Постепенно Пашка успокоился, вытер рукой лицо, судорожно вздохнул — и увидел, что возле натянутого плаща стоит ещё один человек. Тоже почти мальчишка, темноволосый и сероглазый, одетый в вытертую чёрную кожу, с мечом и длинным кинжалом на перевязях

⁴ *Garaf (сундарин)* — волк.

широкого пояса.

Не сводя пронзительных серых глаз с лица Пашки, он задал какой-то вопрос. Младший, подняв лицо, помотал головой и что-то сказал. Черноволосый нахмурился, сказал что-то ещё на одном — третьем уже — языке.

— Не понимаю я, — пробормотал Пашка. Подумал и добавил: — I don't understand, sorry... — И снова вздрогнул нервно, подумав, что слова английского языка звучат тут ещё страннее, чем русский, — как напоминание, что он учился в школе и учил английский — не во сне, правда!

Ребята переглянулись. Младший — уже неуверенно — повторил вопрос на том языке, на котором говорил второй раз — медленно и отдельно:

— Uskka yeg, du spikka yothejd?⁵

«Спросить... говорить...» — слышались Пашке искажённые английские слова.

— No, — покачал он головой. — I don't speak... I'm Russian. — И в безумной надежде добавил: — Russia... Moscow...

— Рахан? — поднял брови старший. — Носс?⁶ — Он пожал плечами, вздохнул, как бы смиряясь со сказанным Пашкой. — Эйно́р. — Он указал на себя. — Фереди́р. — Указал на светловолосого.

— Паш... Павел. — Пашка показал на себя и только теперь увидел, что запястья у него перебинтованы. Эйно́р высоко поднял брови и покачал головой как-то осуждающе.⁷ Спросил:

— Wirra du? Yothejd, imma Asgaroth?⁸

Пашка опять пожал плечами. На этот раз он вообще не понимал, о чём речь.

— Где я? — с отчаяньем спросил он в свою очередь. — Я ничего не понимаю, честное слово.

— Йе понимау, йе понимау, — повторил светловолосый. Засмеялся необидно. Что-то сказал старшему, тот кивнул. Светловолосый поднялся, отошёл туда, где были привязаны большущие лошади и лежали сумки. Завозился, поглядывая через плечо. Эйно́р продолжал сидеть, глядя на Пашку в упор. В рукояти меча поблёскивал, как бесстрастный кошачий глаз, большой зелёный камень, ограненный в виде многоконечной звезды.

Пашка сглотнул и спросил тихо, неуверенно поведя рукой вокруг:

— Ангмар?

Лицо темноволосого стало настороженным. Он коротко ответил:

— Baw...⁹ — потом усмехнулся и добавил: — Si Cardolan...¹⁰ Worn dennat Angmar,

⁵ Скажи, ты говоришь на северном? (У Дж. Р. Р. Толкиена нет разработанного словаря северян-бьёрнингов или роханцев. Не нашёл я его и на толкинистских сайтах. Поэтому мне пришлось воспользоваться для передачи языка Людей Сумерек — в начале Третьей Эпохи общего для всех живущих к востоку от Мглистых гор — искажённым саксонским диалектом древнегерманского. Тем более что, по признанию самого Толкиена, он во многом «писал» роханцев, бьёрнингов и жителей Дола с англо-саксонских завоевателей Британских Островов. — *Прим. авт.*)

⁶ На общеупотребительном синдарине «рахан» — всадник, «носс» — племя (так слышались Эйно́ру слова «рашн» и «Москоу».) Получилась бессмыслица — «племя всадников». Такого народа не существовало в середине Третьей Эпохи. Хотя ирония ещё и в том, что на каких-то пятьсот лет позже Пашка был бы, наверное, принят по этим словам за роханца, плохо знающего синдарин.

⁷ Имя «Павел» Эйно́р воспринял как «пай э нел» — «тринадцать», что, конечно, вызвало у него удивление непредусмотрительностью родителей Пашки.

⁸ Откуда ты? Северянин, из Эсгарота? (*синдар* .)

⁹ Нет... (*синдар* .)

worn Cardolan.¹¹

Пашка постарался сесть удобнее. В происходящее по-прежнему не верилось, но всё, что с ним происходило, не могло не быть реальным, значит... Неизвестно, до чего ещё он бы додумался, но тут светловолосый Фередир принёс большой ломоть серого хлеба и такой же — копчёного мяса. Рот у Пашки мгновенно наполнился слюной. Он уже и не помнил, какая она на вкус, настоящая еда! А Фередир сказал, протягивая хлеб и мясо:

— Itta.¹²

— Eat? — переспросил Пашка по-английски. Фередир и Эйно́р переглянулись, и Эйно́р кивнул:

— Eat...

...Глядя, как найдёныш давится от жадности и ест, Эйно́р размышлял. Мальчишка не мог быть подставой — слишком уж всё изошрённо выглядело. Кроме того, его ещё можно будет расспросить, а в Ангмаре не могут не знать, что нуменорца почти невозможно обмануть. Скорее всего, беднягу и правда схватили на востоке от Мглистых гор, гнали в рудники за Карн Думом, а он сбежал. Такое случалось не так уж редко. А что язык, на котором он говорит, не слишком понятен — кто знает, какие племена живут дальше на востоке и северо-востоке? Если бы Эйно́р и правда был в обычном патруле, он бы не пожалел времени и доставил найдёныша к ближайшему посту пограничной охраны. Но бросить своё дело Эйно́р не мог, путь его лежал на восток, а значит, и парню придётся идти на восток. Если встретятся пограничник Кардолана или отряд из Раздола — отлично. Если нет — можно будет, когда он немного придёт в себя, расспросить как следует, снабдить его едой, вещами какими-никакими — и пусть себе шагает на юг. Не зима, и места чем дальше, тем безопасней. Доберётся до родины, никуда не денется.

Решение было принято. Эйно́р встал и, придерживая меч, пошёл к коням.

* * *

— Да не так, нет! Смотри! Бьют отсюда, а ты отбиваешь сюда — не просто подставляешь, а отталкиваешь изо всех сил и сам бьёшь, смотри — р-раз!

Эйно́р, сидя на седле с записной книжкой в руках, под растянутым плащом, с блуждающей по губам улыбкой наблюдал за тем, как Фередир муштрует странного найдёныша. В образ учителя он вжился сразу, немедленно и прочно — кажется, ему доставляло удовольствие гонять кого-то.

«Навязался, — без раздражения подумал Эйно́р, закрывая блокнот и всовывая карандаш в кармашек на кожаной обложке. — Кто же он такой? Синдарина или хоть адунайка не знает вообще. С трудом понимает язык северян, сам отвечает на невероятно искажённом... Правда, быстро учится. Недели не прошло, а он уже более-менее болтает... Но вот родной язык вообще непонятен. Ни на что не похож. Разве что отдельные слова — нет-нет да и мелькнут еле-еле схожие с тем же северным. А по внешности — северянин и есть. Или йотеод. Имя совершенно дурацкое, хотя вроде как раз на синдарине».

Кстати, Фередир уже к вечеру первого дня стал кликать найдёныша Гаравом. Сзади на его странных штанах оказалась кожаная нашивка — очень красиво вытисненный оскаленный волк. Глупо и неосторожно называть человека «тринадцать», вот Фередир и приклеил найдёнышу имя — Гарав. Потыкал в нашивку, сказал, тот кивнул и стал откликаться...

Собственно, только та нашивка от старой одежды у найдёныша и осталась. Остальное

¹⁰ Это Кардолан...

¹¹ Тут не Ангмар, тут Кардолан.

¹² Ешь.

пришлось выбросить. (А всё-таки странная у него была одежда...) Ростом он был ниже Фередира (и уж тем более — Эйнора), но кое-что из запасной одежды на него пошло. Даже вторые фередировы сапоги; Гарав как-то по особому намотал поверх шерстяных чулок отодранные от своей старой одежды прямоугольные лоскуты — и ничего, сели сапоги и не болтались. Вот только ехать ему приходилось с Фередиром вместе. Ни Фередир, ни его Азар ничего против не имели. А сам найдёныш почему-то дико смущался и что-то бормотал, повторяя странное слово «храмовники».¹³

Эйнор засмеялся. Младшие оглянулись на него. Оба взмокли — и не от дождя. Фередир сдувал с носа капли пота. Гарав улыбался, грудь ходила ходуном. Хм, кажется, улыбался первый раз за все дни знакомства.

— Так, ну-ка. — Рыцарь поднялся на ноги. — Давайте-ка оба на меня со своими палками... — Он сделал приглашающий жест. — Ну, что встали? Давайте, давайте, только всерьёз — ну?!

— Ты справа, я слева, — быстро сказал Фередир и показал найдёнышу рукой. Тот кивнул. Мальчишки начали приближаться, держа длинные тяжёлые палки, как мечи. «Кстати, — отметил Эйнор, — как бы то ни было, а навыки обращения с оружием у Гаравы есть. Есть, отчётливые. Не превосходные, но заученно-средние. Те, с которыми можно отмахаться от двух-трёх орков. Или от такого же среднего воина-человека».

Ладно.

... — Ой! Ты чего?! М...

Гарав тоже что-то изумлённо крикнул по-своему.

Эйнор стоял над поверженными телами. Палку Фередира он крутил в пальцах левой. Палку Гаравы держал на плече.

— Подъём, — негромко скомандовал он. — Держите оружие... Гарав, — он кивнул найдёнышу, — принеси мне вон тот шест.

— Шест? — повторил Гарав на синдарине. И, указав на палку, подпиравшую плащ, поднял брови. Эйнор кивнул. Мальчишка принёс шест бегом, аккуратно закрепив снятый с него край плаща за сучок дерева. Передал шест рыцарю.

— Значит, смотри. Защита от классического прямого укола. Пря-мо-го, понимаешь?..

... — Я пойду отдохну. — Эйнор воткнул палку в землю, мальчишки, тяжело дыша, переглянулись. Фередир спросил, потирая плечо:

— А нам?..

— А вы будете готовить обед и собираться. Пора и дальше. Пообедаем и выезжаем.

Эйнор отправился под навес, стащил сапоги и улёгся...

... — Ф-феодал, — произнёс Пашка. — Пошли работать, а то без обеда останемся. Зверь...

... — А? — не понял русского — конечно! — Фередир. Повторил, коверкая, за найдёнышем несколько слов и засмеялся, махнул рукой: — Не понимаю... Учись по-нашему скорей. Вот: пошли готовить еду. Готовить еду.

— Еду, — повторил Гарав. Показал на себя. — Я. Сам. Сам приготовлю.

— Правда?! — обрадовался Фередир. — Ну тогда я пока... — Над его макушкой просвистел сапог. — Я пока тебе помогу, — поправился он и, вздохнув, отправился за сапогом.

¹³ Рыцари Ордена Святого Храма (в просторечье — тамплиеры, храмовники) были предметом множества шуток с сексуальным подтекстом. Обыгрывался даже их герб — два рыцаря на одной лошади, означавший обет смирения и бедности. О нём шутили: «Ну, эти храмовники даже на лошади ухитряются...» Следует сказать, что большинство слухов о половой распущенности храмовников и их склонности к извращениям были многократно преувеличены. Большая их часть была специально «выброшена в массы» по приказу короля Франции Филиппа IV Красивого, которому нужен был повод для расправы с орденом — король завидовал огромным богатствам тамплиеров.

Сидя около быстрого холодного ручья, Фередир и Гарав отчищали мелким белым песком миски и котелок. Работа шла быстро.

— Да! — Фередир обернулся через плечо. — Ты сегодня помойся потщательней.

— Зачем? — Гарав поднял брови.

— Ну, я думаю, что честно будет нам с тобой теперь спать с Эйнором по очереди...

— Ч-что? — Найдёныш застыл над ручьём. — В как-ком смысле... спать?

— В самом обычном, — пожал плечами Фередир. — С нами же нет женщин... да и потом... — Он понизил голос. — Эйно́р — чистокровный нуменорец, а у них часто такое бывает... Понимаешь? Выверт природы. Читал «Аккалабет»? А, нет, конечно...

— Н-не... не понимаю... — Гарав быстро белел, глаза стекленели от обречённости.

— Ну это. — Фередир звучно хлопнул двумя пальцами правой руки по ладони левой. — Да ничего страшного, немного потерпишь... только не кричи, ему это не нравится. Ну как, договорились?

— Й-а... нет, не х-х-хочу-у... — Гарав сглотнул. — Ты что, я не хочу, я не буду...

— Тогда придётся тебя связать, — Фередир вздохнул. — Может, не стоит? Сам согласишься?

— Да нет же! — Белый, как стенка, Гарав вскочил на ноги. — Ни за что, я... — И остолбенел, глядя, как Фередир надул наконец щёки и сделал то, от чего удерживался с самого начала разговора — расхохотался.

От его хохота в лесу зашумело. Гарав стоял, ощущая, как всё тело как будто покалывает иголками — сперва немного, потом сильнее, сильнее, сильнее... Фередир посмотрел на найдёныша — и захохотал снова, опрокинулся на спину, колотя по воздуху пятками и чуть ли не завывая:

— Ой... о-ой... видел бы ты свою... свою ро-жу-у... Я по-шу-тил, ты что?!

— Ах ты скотина... — процедил Гарав и вдруг прыгнул на Фереди́ра.

Оруженосец не успел даже опомниться, как получил два полновесных удара — сперва прямо в нос, потом — в ухо, отчего наполовину оглох. Попытался отпихнуться, но от размашистого тычка в горло закашлялся, а от удара ребром ладони под ухом ощутил, как всё вокруг поплыло. Между тем Гарав ещё два раз врезал ему по лицу, и только после этого очумевший и растерянный Фередир начал сопротивляться по-настоящему. Сбросить с себя Гарав — хотя он был ниже ростом и не такой крепкий — оказалось нелегко, тот дрался свирепо, что-то шипя, и только после того, как Фередир, изогнувшись, забросил ногу на шею озверевшему найдёнышу, ему удалось оказаться наверху. Он попытался схватить Гарав за руки и прекратить драку миром, но в благодарность получил сильнейший пинок коленом по почке и удар кулаком под дых, после чего разозлился и, зарывав, сам начал молотить найдёныша кулаками, не обращая внимания на сыпавшиеся в ответ яростные и очень точные удары.

Мальчишки катались по траве, ожесточённо хрипя. Если бы сейчас их спросили, из-за чего началась драка, они бы, наверное, в ответ залаяли, как разъярённые псы. Поэтому появившийся из-за деревьев Эйно́р несколько секунд стоял, созерцая побоище равнодушными глазами, потом, подойдя к ручью, стащил сапог, зачерпнул им воды и, вернувшись, выждал ещё полминуты, после чего вылил воду на катающийся по берегу комок, уже совершенно ничего общего не имеющий с людьми.

— Й-ау!

— В-ва!

Мальчишки отлетели друг от друга, мотая головами, плюхнулись на свои пятые точки и воззрились на Эйно́ра свирепыми глазами. У обоих были разбиты губы, из носа текла кровь; у найдёныша заплывал левый глаз, у Фереди́ра кровь капала с правой брови. Хм, а Гарав-то, похоже, левша... В бою очень опасен левша...

— Что это за схватка молочных щенят? — холодно осведомился Эйно́р. — Почему у

тебя рожа в крови, Фередир?

— А у него?! — почти взвизгнул оруженосец, мотая головой в сторону снова подобравшегося Гарава, разбрызгивая с лица воду и кровь.

— Его я не знаю, — заметил Эйно́р. — Почти совсем. Но тебя я учу три года не для того, чтобы любой встречный-поперечный мог запросто отделать тебя до крови. Может быть, мне оставить при себе его, а тебя отослать на юг?

— Что-о-о-о?! — Фередир взвился с песка; Гарав тоже подскочил и закричал что-то на своём языке, явно растеряв весь свой синдарин. Потом сделал неожиданно понятный жест — поднял от пояса правую руку и согнул её в локте, а потом вильнул задом в сторону Фереди́ра. Тот с рёвом ринулся вперёд — и налетел на выставленную в пах ногу Эйно́ра. Гарав тоже рванул добивать павшего — и тяжело отлетел, получив точно такой же пинок.

— Теперь то же самое, но на понятном языке и членораздельно, — как ни в чём не бывало приказал Эйно́р.

— Я... — Фередир густо покраснел и, глядя под ноги, пробурчал: — Я пошутил...

— Смотри в глаза и говори, — приказал Эйно́р. Фередир вскинул глаза:

— Я... клянусь честью, это была шутка... Эйно́р... Я сказал ему, — кивок головой, Фередир ладонью размазал по лицу кровь, — что ты спишь с мальчишками и что теперь... ну, теперь его очередь...

— Что ты сказал? — Эйно́р склонил голову набок. Фередир сопел и вытирал кровь. — А что. Это хорошая мысль, — кивнул Эйно́р. — Я никогда этого не пробовал. Иди-ка сюда.

— За... — Фередир подавился воздухом, его глаза стали огромными. — Зачем?..

— Хочу попробовать, как это. Не думаю, что мне понравится, да и ты в восторге не будешь... Иди сюда и снимай куртку.

— Я... я... — Фередир помотал головой. — Не надо, я... ты ведь шутишь?! Ты же не можешь!!!

— Снимай куртку, — холодно сказал Эйно́р, расстёгивая перевязь меча. Гарав, стоя неподвижно, только переводил взгляд с Эйно́ра на Фереди́ра и обратно. — Я не делал этого уже почти два года и думал, что с этим у нас покончено. Но, видимо, нет.

— Ты будешь меня пороть? — Лицо Фереди́ра обмякло, он задёргал шнуровку, подходя ближе. Видно было, что у оруженосца подкашиваются от облегчения ноги.

Эйно́р с каменным лицом сложил перевязь вдвое, выпустив наружу чеканную серебряную пряжку. И тут Гарав перехватил руку рыцаря.

— Нет... нет, не надо... не так... — Найдёныш путал слова, мотал головой, давился ими. — Я... драться начал... я начал... не бей его...

Фередир, стоя со снятой курткой, недоумённо смотрел на вновь побледневшего Гарава и не понимал, что к чему. Ну — десяток ударов. По правде сказать, он их заслужил. Фередир сам раскаивался, не понимая, как ему только пришло в голову так шутить с парнем, который сбежал из орочьего плена. Дубовая башка, морёный чурбан... Ясно же, что Гарава эта шутка показала продолжением кошмара...

— Да не надо, ты чего? — пробормотал Фередир. Эйно́р легко высвободил руку, но Гарав теперь вцепился в ремень:

— Не бей его! — крикнул он. — Ну... я прощаю! Я начал драться, а он только глупо пошутил, не бей его, не бей!!!

Эйно́р вновь легко освободился, но опустил руку.

— Не можешь забыть, как били тебя? — спросил он прямо. Гарав закусил губу. Потом кивнул и опустил голову. — Прости, я не подумал... Как ты ухитрился так разукрасить этого болвана? — Он кивнул в сторону Фереди́ра и приказал ему мельком: — Оденься... Он неплохой рукопашник и очень хороший рубака.

— Меня... учили, — ответил Гарав, помедлив. — Немного. Куда бить и как бить... И с мечом тоже. Только меня тренировали с палкой.

— Кто? — поднял подбородок Эйно́р, подпоясываясь. Гарав пожал плечами:

— Ну... учитель.

— Вот что... — Эйно́р помедлил и кивнул в ответ на какие-то свои мысли. — Тебе надо всё рассказать. Я не могу тащить с собой неизвестно кого. И не имею желания, если честно. Но второй спутник, который умеет неплохо драться, мне бы пригодился.

— Я могу рассказать, — Гара́в поморщился. — Теперь могу, слов хватит. Но ты не поверишь. Я и сам не верю.

— Ну, если сам не веришь, то это скорее всего правда... — Эйно́р махнул рукой: — Домывайте посуду и собирайтесь. Едем. А по пути расскажешь... — Он повернулся было идти, но потом усмехнулся и взял за плечо: — В Приго́рье — есть такое место — живёт Ганне́ль, дочь Гарвасту́ра. Она намного красивей тебя и этого болтуна. — Он покосился на Фере́ди́ра, шнурующего куртку. — Можешь мне поверить.

Глава 4, в которой мы узнаём наконец, с чего всё началось

В Зимру, столицу княжества Кардо́лан, пришла весна.

В этих южных краях весна приходила не чинясь, без стука. Ещё неделю назад дул с севера промозглый ветер, и тучи неслись над морем, таким же серым, как они сами, грозя дождём. И вдруг в предутренний глухой час ветер переменялся, море с радостным рёвом пошло на прибрежные скалы, и кованые из красной нетускнеющей меди флюгера города разом повернулись на север. Не прошло и трёх дней — и суровый бело-чёрно-красный город, тут и там рассеянный по скалам горстями домов, весь — от прибрежных рыбацких жилищ до Трёхбашенной Крепости на Олло́ Нэ́лтиль — оделся в яркую молодую зелень, окутался ароматом прославленных выющихся роз, став розово-золотисто-алым от бесчисленных побегов на стенах домов.

В одном из внутренних дворов Трёхбашенной Крепости, на краю мраморной чаши уже несколько веков иссякшего фонтана, изваянного в виде цветка галенаса, сидел, поставив на колено лютню золотисто-чёрного дерева, одетый в серый плащ певец. Его голос звенел среди укрытых розами каменных стен — то бросаясь к открытым воротам, то поднимаясь к высоким стрельчатым окнам. Лицо поющего, его голос безошибочно выдавали эльфа. Казалось, он не замечает, что его слушают, и поёт лишь для себя.

А между тем его слушали. Слушали не меньше дюжины юношей и мальчиков, одетых так, как одеваются в Кардло́лане, да и на всём Северо-Западе: чёрные с серебром туники на белых свободных рубахах с тяжёлыми золотыми запястьями, чёрные штаны, удобные для верховой езды, сапоги из мягкой коричневой кожи, подбитые сталью... На поясах у всех слушателей висели длинные мечи. Большинство слушали стоя, и лишь один юноша — чёрные волосы и черты лица выдавали чистокровного нуменорца — присел на край чаши фонтана и, подавшись вперёд, поставил подбородок на кулак руки, упёртой локтем в колено. Серые глаза юноши застыли; казалось, он ушёл в печальную песню наяву...

В пламени ночи горят клинки,
Свет их погаснет, нас проводив.
Больше не будет битв,
Больше не будет нас,
Больше не петь нам под россыпью звезд.
Ты, если сможешь, скажешь: «Прощай»,
Слезы застлали мир,
Болью коснулись глаз,
Может, для нас это время не в счет,
Кончилось все, и срок подошел.
Ветер стирает следы,
Ветер уносит нас,
Будут за этим днем сотни лет,

Будут еще золотые века,
И все забудешь ты,
Горько только пока.
Пишет конец чернилом судьбы
Нашей легенде чья-то рука,
Замок разрушен и вырублен лес,
Мельницы пьют облака.
Воля, неволя — разницы нет.
Двигается солнце, и снова закат.
Хоть никогда не поймут и не примут,
Нас, может быть, простят.¹⁴

Из высокого окна точно над фонтаном смотрел вниз рыжеволосый, рыжебородый мужчина. Его одежда ничем не отличалась от одежды молодёжи внизу, но на волосах плотно сидел тонкий серебряный обруч, украшенный спереди скрещёнными мечами. Лицо мужчины было задумчивым и печальным, синие глаза смотрели пристально и почему-то слегка растерянно.

Нараку, одиннадцатому князю Кардолана, было около сорока лет.

В небольшой комнате, стены которой покрывали панели из светло-жёлтого морёного дуба, отчего она казалась больше и солнечней, чем на самом деле, не было ничего, кроме двух больших шкафов со свитками и книгами, широкого стола, на котором стояли кованый витой светильник, чернильница, подставка для перьев, узкогорлый кувшин и два серебряных кубка, и двух стульев с резными высокими спинками. Всю мебель когда-то изготовили из чёрного дерева, отчего она резко контрастировала с фоном стен.

Кроме князя в комнате находился ещё один человек.

Высокий, седой как лунь, но не выглядевший дряхлым старик сидел в кресле, к спинке которого был прислонён чёрный посох с небрежно висящей на нём серой шляпой. Серой была и остальная одежда старика — какая-то бесформенная хламида; лишь побитые грубые сапоги, выглядывавшие из-под её нижнего края, очевидно, изначально были чёрными. Глаза старика, цвет которых трудно было разобрать под нависшими кустистыми бровями, тем не менее очевидно и неотрывно следили за князем.

— Жалею, что не звал тебя и не слушал твоих советов. — Нарак повернулся от окна и в несколько стремительных шагов оказался у стола. Сел, жестом предложил гостю вина (тот накрыл кубок ладонью и медленно покачал головой), налил себе. — Но поверь — мне дорогого стоило это решение.

— Разве не твой отец сражался вместе с князем Арвелегом на Буреломном Угорье? — Голос старика трудно было назвать старческим, он звучал сильно и сурово. — И разве не ты сам водил своих людей вверх по Бесноватой, чтобы помочь Раздолу?

— Мой отец оставил княжество мне, — покачал головой Нарак. — Я волен заключать и расторгать союзы так, как мне по душе. Это одно дело. Но то, на что я решился... Во дворе — мой сын, маг. — Нарак снова встал, отошёл к окну. — Олза. Что я должен ему сказать?

— Я видел твоего сына, князь Нарак, — спокойно и неспешно ответил старик. — Он достаточно взрослый и умный, чтобы понять. Или ты хочешь Кардолану судьбы Рудаура?

Нарак изменился в лице.

— Нет, — коротко ответил он. — Об этом я и думал в первую очередь. Нет. Пусть мой род пресечётся на корню, но — нет.

— Твой род не пресечётся, — неожиданно горячо возразил старик, вставая и тоже подходя к окну. — Неужели менее достойно служить могучему Королю Запада, чем гордиться титулом, который того и гляди станет пеплом? Хотя... — И он ссутулился,

¹⁴ Песенный текст группы «Тамлин».

покачал головой. — Хотя некоторые думают и так.

— Жизнь человека коротка, — ответил Нарак. — Может быть, тебе трудно это понять. Но я дал слово. И обратно его не возьму.

— Это поступок истинного правителя... Скажи мне, князь, кто вон тот юноша? — вдруг с интересом спросил старик. — Я вижу, он чистокровный нуменорец...

— Это сын моего погибшего друга и мой воспитанник Эйно́р. — Нарак тепло улыбнулся. — Ишь как сидит и слушает этого эльфа — как будто гончая учуяла след... — Но тут же Нарак снова посуровел. — Мой сын будет готов, как только...

— Нет, — покачал головой старик. — Не твой сын. Он слишком молод и... Если уж ты выслушал один мой совет — то выслушай и другой...

... — Довольно, Эйно́р, пойдём! — Рыжеволосый, с дерзкими и беспечными синими глазами мальчишка лет шестнадцати дружески, но нетерпеливо потянул за плечо не спешившего подниматься с края фонтана черноволосого юношу. Остальные кардоланцы уже отошли в дальний угол двора — там раздавались взрывы смеха и взблёскивала сталь. Эльф-певец спокойно паковал лютню. — Ну, слышишь меня? Пошли! Ты обещал потренировать со мной тот удар. Или ты хочешь, чтобы меня прикололи в следующей схватке? Не всегда же ты будешь рядом так удачно!

— Спасибо тебе, Эрегдосс. — Нехотя поднявшись с камня, Эйно́р поклонился улыбающемуся в ответ эльфу. — Не тяни меня, Олза, я иду, иду... Ты и минуты не можешь посидеть спокойно. Такие хорошие песни...

— Неплохие. — Рыжий на ходу уже доставал меч. — Только грустные. Жизнь и так короткая штука, а тут ещё грустить, слушая эльфа?! Уволь...

— Эйно́р!

Голос из верхнего окна заставил поднять головы всех, находившихся во дворе. Светлые, рыжие, несколько тёмных голов склонились — полными собственного достоинства движениями, лишь Олза вскинул руку:

— Отец!

— Эйно́р, поднимись. — Нарак, казалось, не повышал голоса, но он слышался отчётливо.

— Отец, мы хотели... — начал Олза, но князь жестом остановил его. Олза надул губы и тихо сказал, толкая Эйно́ра локтем: — Возвращайся скорее, а я пока погоняю по двору Нарвэйна и Фараза. Не упускай такое зрелище... — И, мгновенно повеселев вновь, пошел через двор, громко выкликая товарищей.

Внутри здания, на каменной лестнице, сейчас царила прохлада (а зимой даже в самые сильные холодные ветра не было холодно). Эйно́р на ходу подставил ладонь под тонкую струйку воды, падающую из сифона в виде драконьей головы в чашу — раскрытый розовый бутон; попил, отряхнул руку. Придерживая рукоять Бара — знаменитого отцовского меча, откованного ещё в Нуменоре, — открыл дверь в кабинет.

— Позволь войти, князь?

Нарак был один — сидел за столом, широко расставив ноги и держа в одной руке свиток, а в другой — кубок. Но Эйно́р мог бы поклясться — ощущение было таким же невидимым и явственным, как ветерок, — что только-только в кабинете был ещё кто-то. И этот кто-то не был человеком.

Эйно́р вспомнил, что вчера вечером видел — в Трёхбашенную приехал маг, которого называли Серый Странник. В Кардолане большинство людей не слишком-то привечали этих странных существ; никто даже толком не мог сказать, сколько их бродит по Средиземью — три? пять? семь? — и чего они хотят. Да и Нарак до недавнего времени не очень-то их жаловал, делая исключение разве что для Радагаста — великого знатока лошадей и собак. Правда, Серый Странник был частым гостем в Артедайне, да и Эйно́ру он (по ощущению, юноша видел его раз пять или шесть, не говорил — ни разу) скорее нравился...

— Садись. — Нарак отставил кубок, отложил свиток. «Песнь об Эарендиле» — успел Эйно́р прочесть выписанное ровными скруглёнными значками Тива заглавие прежде, чем

свиток свернулся в привычную трубку. Память сразу подсказала: «В Арвэниэле свой корабль сооружал Эарендил...» Странно. Князь никогда не был большим любителем чтения, хотя и не прочь был послушать баллады...

Эйнор сел, привычно положив меч на колени и не сводя глаз с Нарака, который молчал — молчал долго, глядя за окно, где ветер качал зелёные верхушки тополей. Юноша вздрогнул, когда князь заговорил наконец:

— Мы гибнем. Чья во мне кровь? Я называю себя князем Кардолана, но чья во мне кровь, Эйнор?

— Мне всё равно, — ответил юноша спокойно. — Ты ведь не только мой князь, ты — мой воспитатель. Я не буду говорить, что ты заменил мне отца. Отца нельзя заменить. Но ты мой воспитатель и мой князь.

— Всё не так просто... — Нарак сделал жест, как будто хотел налить себе ещё вина. Но остановил руку. — Если бы всё было так легко... Тебе известно о том, чего хочет Арвелег Артедайнский?

— Да, — кивнул Эйнор. — Корону Арнора.

— И что ты думаешь об этом?.. — Нарак перебил сам себя: — Не надо, не отвечай. Я знаю, что ты — нуменорец и тоже мечтаешь о возрождении Арнора. И что ты кардоланец и верен мне — знаю тоже...

— Зачем этот разговор? — угрюмо спросил юноша.

— Арвелег — прямой потомок Элендила, — словно не услышал его Нарак. — Его предки были полководцами и вождями ещё когда мои пасли коней тут, в Эриадоре, и не знали, что такое железо... Право Арвелега — не только на корону Арнора, но и — прервись род королей на юге — на корону Гондора...

— У короля Валакара есть сын, — напомнил Эйнор.

— Наполовину йотеод... — тихо ответил Нарак. — Я не нуменорец, у меня не бывает предвидений... но я князь — и вижу без них: в этом залог будущих распрей у наших южных соседей...

— Зачем этот разговор?! — повторил Эйнор настойчиво. Нарак молчал. Юноша поднялся на ноги и, подойдя к князю, встал около него на колени, положил руку на локоть Нарака. — Что тебя гнетёт, воспитатель? — тихо и участливо спросил он.

— Принятое решение. — Нарак вздохнул. — Я передам власть Арвелегу Артедайнскому.

Эйнор вздрогнул, изумлённо отстраняясь.

— Власть?

— Я передам власть Арвелегу Артедайнскому, — повторил Нарак. — Артедайн и Кардолан объединятся. Потом мы присоединим Рудаур и загоним холмовиков обратно в Эттенблат. А объединёнными силами можно будет справиться с Ангмаром. Ну а дальше... кто знает, может быть, сын или внук Арвелега будет править возрождённым Арнором и Гондором — и тяжёлые времена кончатся.

— Власть... А как же Олза? — Эйнор встал и придерживался рукой за спинку сиденья князя.

— Ты знаешь моего сына не хуже меня. Он обожает помахать мечом и быстро поймёт, что я прав... В моих жилах едва восьмая часть крови нуменорцев. Но я должен перешагнуть через свои мелкие желания хотя бы ради этой одной восьмой.

— Но зачем ты позвал меня? — тихо спросил Эйнор. — Я не твой советник. Я даже не лучший твой рыцарь.

— Я позвал тебя потому, что сперва хотел говорить с Олзой. — Нарак повернулся к юноше. — Но Серый Маг сказал мне, что ты больше подходишь для этого разговора. Хотя это похоже на подлость — словно я хочу сбересть сына и подставить под меч тебя.

— Глупец тот, кто так подумает, — искренне сказал Эйнор. — Но я всё-таки не понимаю, о чём ты говоришь.

— Я говорю о Рудауре. — Князь поднялся, толчком руки развернул на столе карту,

прижал её кубками и кувшином. — В Рудауре правит Руэта. Он вождь эттенблатских холмовиков и на словах оказывает обычаям нуменорцев всяческое почтение, а живущим в Рудауре немногочисленным твоим родичам благоволит. Но это на словах. На деле, судя по всему, обстоит иначе. Мне нужен человек, который разузнает, как обстоят дела в Рудауре и Эттенблате. И, возможно, добрался в Раздол с моими словами... Но моих рыцарей хорошо знают в тех местах... — Эйно́р улыбнулся. — Тебя — едва ли.

— Олза не справится, — сказал Эйно́р спокойно. — Странно было даже, что ты подумал о нём; он затеет скандал в первом же месте, где ему подадут вчерашнее пиво.

— Я подумал о нём, потому что он — мой сын, а это дело смертельно опасно. Северней Восточного Тракта человеку пропасть ничего не стоит.

— Я готов ехать, — сказал Эйно́р.

— Тогда слушай и запоминай. — Нарак положил на карту ладонь. — Поедешь через два дня. Не один. Возьми с собой одного-двух человек, которым веришь, как себе. Но и им не скажешь ничего о цели пути.

— Возьму Фереди́ра, — решил Эйно́р. Нарак мельком посмотрел на воспитанника:

— Своего оруженосца?.. Возьми, он и вправду надёжный мальчишка... Сперва, — палец князя проехал по карте, — вы отправитесь в Аннуминас.

— В Аннуминас?! — На этот раз Эйно́р дёрнулся, словно его встряхнули за плечи. — Но там же...

— Там вас будет ждать Тарланк сын Миндара. Он твой родич — из рудаурских нуменорцев. От него подробно узнаешь, как обстоят дела в Рудауре. Если то, что он расскажет, покажется тебе достаточным — поедешь дальше по Восточному Тракту в Раздол. И там просто перескажешь мастеру Элронду сегодняшний наш разговор. В Раздole узнаешь об эттенблатских и ангмарских новостях. И левым берегом Бесноватой вернёшься сюда. Если же... — Нарак задумался. — Если же то, что скажет Тарланк, покажется тебе недостаточным, ты тоже поедешь в Раздол. Но у Буреломного угорья свернёшь на север, в Рудаур и Эттенблат. Посмотришь всё сам. Дальше Эттенблата забираться не смей. Гляди в оба глаза, слушай в оба уха и дыши через раз.

— Буду слушать в четыре уха и глядеть в четыре глаза, — спокойно ответил Эйно́р. — Но что мне делать, если я встречу артедайнскую стражу? Аннуминас — их земля.

— Ничего не делать, — ответил Нарак. — Артедайнцы отвернутся. А случись что — помогут.

Эйно́р кивнул. Нарак помедлил, разглядывая своего воспитанника. Потом снял с левого указательного пальца перстень — широкий серебряный обруч испещрили чёрные витки орнамента, а в центре раскрытой лилии лежала голубоватая жемчужина. Эйно́р быстро повёл глазами — если что-то и было в Кардолане священным для всех, то это Венец Мечей, лежавший на волосах князя; Кьюлл — родовой меч, который держали в своих руках ещё прямые наследники Элендила, правившие когда-то Кардоланом... и эта вещь. По легендам Калан Айар был сработан кем-то из сыновей Феанора и неведомыми путями, кто знает, на чьих руках, добрался в Средиземье. Предок Нарака, третий князь Кардолана Голлор, принял Калан Айар из рук умиравшего от орочьей стрелы Магора, последнего из потомков Элендила, правивших княжеством... Это было давно. Очень давно. Но перстень-то был куда древнее — он пережил Нуменор, он пережил великие земли на Западе, которые тоже, намного раньше, поглотило море — и в которые мало кто и верил уже... Жемчуг живёт недолго — две, три, ну четыре сотни лет, не больше. Но в Калан Айар был вделан вечный жемчуг. Жемчуг с берегов Валинора.

Эйно́р верил. Поэтому задержал дыхание, когда Нарак взял его руку и надвинул перстень на тот же палец, на котором носил сам. Странное дело. Пальцы князя были почти вдвое толще пальцев юного нуменорца, и перстень не был князю тесен... но не болтался и на пальце Эйно́ра. Пришёлся впору. Точь-в-точь.

— Всё, что ты скажешь и сделаешь, — скажу и сделаю я, — сказал князь и положил руку на плечо Эйно́ра, обтянутое тугой кожей. — Последний князь Кардолана. Иди теперь.

Иди.

Князь толкнул Эйнора в плечо и пошёл к окну.

Глава 5, в которой Эйнор и Фередир узнают кое-что неприятное об Аннуминасе

В этом пути Эйнор был один.

Он ничего не рассказал и не собирался рассказывать Фередиру, а сам оруженосец не спрашивал ни о чём — ему было вполне достаточно того, что он, Фередир, едет почти стремя в стремя со своим рыцарем. Поэтому Эйнор остался один со своими мыслями и со словами князя — странными, необычными. Почти пугающими...

Как и все нуменорцы, Эйнор, конечно, мечтал о древней славе Арнора, что и говорить. Но это были именно мечты. Потомки рыцарей Нуменора жили долго — почти вдвое дольше Людей Сумерек, — но уже и прадед Эйнора не помнил дней единства. Кардолан казался вечным. И Эйнор в глубине души был твёрдо уверен — так будет и дальше. Он умрёт или падёт в бою, но и его внуки, и внуки его внуков будут служить князьям Кардолана.

И вот... Впрочем, наверное, все большие вещи делаются вот так, просто и обыденно. Большие слова и великие поступки выходят вперёд потом, когда уже никто не помнит мелочей, а забывать всё-таки не хочется...

...Они правым берегом Сероструя выбрались на Южный тракт и двинулись по нему на северо-запад. Места эти всё ещё были довольно густо населены, встречались не только многочисленные путники — в одиночку и группами, — но и поселения, придорожные трактиры и постоянные дворы... Шли дни — один, другой, третий... пятый... восьмой... двенадцатый... и уже давно остались позади граница Артедайна и Мост Каменных Луков, по которому перебрались, заплатив пошлину, через Барандуин. Почти сразу после выезда из Зимры Эйнор повернул перстень жемчужиной внутрь, к ладони. И обратно уже не поворачивал. Ни к чему видеть кому ни попадя Калан Айар. Фередир — тот видел, когда выезжали. И сделал большие глаза, восхищённо уставился на своего рыцаря.

Артедайн жил так же, как и Кардолан, — пробуждающейся после зимы жизнью. И люди были такие же, и язык, и всё остальное. И, если честно, Эйнору казалось, что нет никакого поручения князя, а есть просто какой-то обычный выезд, сколько их было...

Однако за древним селением Пригорье начиналась запустевшая земля. Столица Артедайна — Форност Эрайн, — и людные земли вокруг неё оставались по правую руку и позади.

Они последний раз заночевали под крышей — дальше живых поселений не было — в большом трактире «Гарцующий Пони». Местные жители были не похожи ни на нуменорцев, ни на северян — невысокие, черноволосые, напоминавшие дунландцев с юго-востока. Но тоже считали себя верными подданными артедайнского князя — и уж, конечно, владельцу трактира Наркиссу не было дела до того, кто такие постояльцы — лишь бы платили да не безобразили. А комнаты у него всегда были на любой вкус и в полном порядке...

...Утро, когда они выезжали из трактира, было тёплым, мокрым и туманным. Туман лежал густой, слоистый.

— Через шесть дней будем у Морока. — Эйнор подтянул подпругу Фиона, провёл перчаткой по крупу. Хозяйские работники принесли выючные сумы с продуктами. Для них рыцарь и оруженосец ехали в Форност Эрайн — срезая по течению Барандуина к Северному Нагорью. Возле конюшен несколько артедайнских пограничников выводили своих коней, переговаривались; на высоком крыльце трактира стояли двое эльфов — в серых с переливчатой зеленью плащах, оттопыренных мечами, тёмные волосы схвачены обручами, за плечами — луки, лёгкие узкие сапоги заляпаны грязью, как и низ плащей. Под плащами мерцали двойного плетения кольчуги с нагрудниками. Вчера вечером эльфов среди постояльцев не было... Плечи лучников украшал серебряный корабль Кирдэна, властелина

Гаваней. Через весь Артедайн добирались сюда — зачем? Эльфы опирались на длинные «ушастые» копыя и смотрели вокруг благожелательно и немного насмешливо. Вещи, видимо, лежали в номере, кони стояли в конюшне. Точно, Эйно́р вспомнил двух рассёдланных рослых и тонконогих жеребцов-меаров под синими с белым попонами, которые стояли в конюшне. Вечером их не было — ага, значит, эльфы приехали ночью. Или даже под утро — не почистились.

— Ну поехали, а? — тоскливо сказал Фередир, подводя коней.

— Да чего ты так заторопился? — Эйно́р погладил морду Фиона и взлетел в седло, привычно откинув плащ. Фередир поспешил последовать примеру рыцаря и прошептал:

— Эльфы...

— Ну и что? — Эйно́р, уже проезжая мимо стоящих на крыльце, поднял руку — две руки поднялись в ответ, артедайнцы просто внимания не обратили.

— Да ну их... — буркнул оруженосец. Передёрнул плечами. — Не люблю.

Об этом отношении своего оруженосца к эльдарам Эйно́р знал давно, но всё время забывал. Ему самому с детства эльфы казались притягательными — величавыми, грустными и отважными. Но он уже тогда заметил, что большинство людей на них смотрят так же, как Фередир. И давно отчаялся переделать оруженосца. Вот и теперь тот не скакал галопом подальше от постоянного двора только потому, что не хотел опережать рыцаря.

— Глупо, — заметил Эйно́р, шпоря коня (Фион привычно пошёл ровной иноходью). Фередир тут же нагнал своего рыцаря, держась в седле, как влитой.

— Поедем шагом, — попросил он. — Расскажи мне дальше «Лаэ́р Ку Беле́г»,¹⁵ а?

— Я уже рассказывал, — усмехнулся Эйно́р.

— Ну, всё равно...

* * *

В следующие дни туман почти не рассеивался. Временами — редел, временами — сгущался опять... но даже если начинал дуть ветер — с севера или северо-востока, — он только таскал этот туман с места на место. Мир ограничился до десятка шагов, и даже когда они выбрались из леса на холмы, не стал шире. Особенно резким был ветер по ночам. В лесу ещё можно было забраться под выворотни могучих древесных корней. А в холмах... путники ставили по бокам от бивака коней, растягивали как стенки плащи — запасные — разводили костёр и ночевали, завернувшись в свои плащи и поставив под голову сёдла. Огонь горел плохо, а в холмах вдобавок почти не стало топлива. Тонкая путаница веток кустарника и вереска сгорала то слишком быстро, то наоборот, разбухшая от влаги, никак не хотела разгораться. Утро наступало только внутри, в голове — а вокруг царил тот же серый сумрак. Эйно́р с трудом восстанавливал в памяти путь — временами в мозгу тоже возникал какой-то туман, и заученные и пройденные карты путались. По ночам, правда, не было того, чего он опасался, — шёпота. Те, кто бывал тут часто, говорили, что он случается по ночам, как будто к костру кто-то подсаживается — и... Если слушать или, храни Валары, начать отвечать, можно потерять рассудок. Так бывает часто в таких местах, где жили люди, а потом ушли не по-доброму.

— Тут вообще бывает лето? — спросил Фередир на шестое утро. — Не могу поверить, что тут раньше стояла столица королевства.

— Стояла. — Эйно́р оглядывался. Ему тоже не нравился туман. — И погода была несколько иной. Не-е-е-ет... Эти туманы приходят из Ангмара.

— Почему никто не сторожит границу? — возмущённо бросил Фередир. — У нас границы с Артедайном стерегут лучше, чем тут — ангмарскую!

¹⁵ «Песнь о Могучем Луке». Могучий Лук — прозвище эльфийского военачальника Белега Куталиона. Он был случайно убит своим лучшим другом, воином-человеком Турином Турамбаром. Именно Турин в ужасе и горе от содеянного сложил эту песню — плач по нелепо погибшему другу.

— Ну, до границы-то ещё далеко, — заметил Эйно́р. — А тут... что тут стеречь? Да и потом... — Он не договорил, но Фереди́р понимающе закончил:

— ...сюда никого на постоянную стражу не загонишь. Эх, всё, не могу больше, противно — туман! — Мальчишка махнул рукой и сказал: — Спою старую!

И правда затянул не просто старую — древнюю песню, которую пели, наверное, его предки, кочуя на востоке — в те дни, когда Нуменор ещё не встал из волн и не ушёл под воду Белерианд...

Из-за кургана беда
Глазами волчьими глядит...
Там бродит гнусный вастак —
И, верно, будет мной убит!
Чтоб угодить небесам,
Ему башку я снесу
И вражий череп отдам
Да в дар Крылатому Псу-у-у-у-у-у!¹⁶

Фереди́р даже в стременах приподнялся, подвывая, а кони дружно запрядали ушами. Эйно́р искоса поглядывал на оруженосца. В песне говорилось о временах, богах и делах, которые Фереди́ру были незнакомы, и его отцу незнакомы, и деду, и прадеду, и пра-пра-щурам уже не были знакомы. Но оруженосец пел, его лицо покраснело, и даже туман, казалось, отступил...

«Странно, — подумал рыцарь. — Мы, нуменорцы, гордимся своей кровью. Но вот она — тоже кровь. Ведь он жил в другом мире, в мире, который построили наши предки, со всем тщанием вспоминая Эленну. Он такой же, как я, по воспитанию. Но вот он поёт про дикие обычаи и дикие времена — и в глазах его восторг... Верно — правы те, кто говорит: наша кровь тает в жилах младших народов, и их волны скоро скроют её, как волны моря скрыли Нуменор. И что можно с этим поделать? Разве только надеяться, что этот бурный поток впитает нашу часть... и через тысячу лет будут петь и наши песни тоже, и уцелеет наша вера и наш обычай — пусть и в других людях...»

Оруженосец между тем перевёл дух после наивно-кровавой и первобытно-красивой песни и покосился на Эйно́ра. Лукаво предложил:

— А ты спой тоже. Дорога будет короче и туман реже. — Повернувшись в седле, оруженосец плюнул в белую муть.

— Орать, чтобы услышали все в округе? — хмыкнул Эйно́р. Фереди́р продолжал подначивать:

— Такую, чтоб не орать. Я уже за двоих наорался.

Эйно́р промолчал. И Фереди́р уже решил было, что, наверное, не дожждётся песни, и подумывал снова спеть самому. И вздрогнул, услышав голос рыцаря, который пел балладу, сложенную — по преданию — самим Анарионом, когда он пытался отговорить своего друга детства Изинди, капитана Великого королевского флота, от похода на Запад вместе с обезумевшим Ар-Фаразоном...

Брось, Капитан, оставь его.
Видишь — он уже умер.
Посмотри, какой холодный песок —
Я обжег об него ладони,
Глаза слезами обжег.
Ты помнишь, как мы стояли?

¹⁶ Часть песенного текста группы «Канцлер».

В ладонях дрожали клинки,
Пламя в глазах танцевало,
Бежали в страхе враги.
Ты помнишь, мы не боялись
Ветра и боли ран.
Когда мы смеялись — мы плакали,
И плакали — смеясь.
Ты помнишь, как мы любили?
Ты помнишь, как мы дрались?
Мне кажется, мы даже не жили —
Мы создавали жизнь!
Нет, Капитан, не бойся,
Им не достичь зари.
Смотри, как падают в бездну
Последние корабли.¹⁷

К озеру они выехали через два часа.

— О-ох... — вырвалось у Фередира. Эйнор промолчал, но лишь потому, что видел руины Аннуминаса раньше. Правда, с другого края. И тумана не было...

А сейчас туман лежал и здесь, даже над озером, надо всем. Но тут и там над его ровным слоем поднимались округлые белые купола и резные мосты, похожие на детские игрушки — такие сборные конструкции делали для богатых семей на заказ гномы из Мории, и развлекались ими не только дети. У Эйнора тоже была такая, из неё можно было собрать всё что угодно. Почти всё... «Куда делась та игрушка?» — подумал Эйнор. Он был беспечен, как и все дети, много поломал, но оставалось тоже немало... Подарил кому-то? Или просто задвинул куда-то в своей комнате во дворце? «Странно, не помню», — подумал Эйнор, рассматривая Аннуминас.

Так и здесь. Казалось, что нуменорский ребёнок выстроил из тонких куполов и ажурного плетения мостов свою мечту из книжки об Эленне, а потом — ушёл. Безлюдье лишь усиливало сходство, нельзя было уловить истинные размеры сооружений. И не сразу становилось видно то пролом в куполе, то разрыв в невесомом полёте моста... Город не штурмовали, не жгли, не разрушали. Просто время как всегда оказалось сильнее всех.

— Едем. — Фередир тронул каблуками бока Фиона. — Тут должна быть дорога...

...Дорога нашлась быстро — подковы коней неожиданно звонко цокали по плоским каменным плиткам размером с человеческое лицо. Нет. Дорогу время не смогло победить. Пока. А вот статуи по её сторонам — в два ряда замершие воины из белого камня в крылатых шлемах — уже поддались. Видимо, когда-то у каждого из них было своё лицо, но время стёрло черты, как и вязь тенгвара на невысоких кубических постаментах. Доспехи воинов были не очень похожи на современные, и Эйнор гадал — удобней они или нет? Похоже, эти доспехи делались не для конного боя...

— Ух, красиво, — выдохнул Фередир. Он вертел головой, сидя в седле. — Послушай, но почему такое место бросили?!

— Да просто меньше стало людей, и три княжества долго решали, кому держать здесь столицу, — очнулся Эйнор. — И, чтобы не драться из-за пустеющего города, решили его оставить... Фередир, если увидишь прозрачную такую тень или что-то услышишь — не обращай внимания. Это дневные призраки, они неопасны.

— Призраки?! — Фередир не столько испугался, сколько азартно заозирался ещё сильнее. — Я ничего не вижу!

— Ну и хорошо, — рассеянно ответил Эйнор. Кони вступили на мост. Когда-то его

¹⁷ Стихи С. Петренко.

ограждали по краям висевшие на каменных столбах цепи. Но от цепей ничего не осталось, а на одном из столбов сидела ворона. Фередир залихватски свистнул, и она рухнула вниз, к чёрной воде, выправилась, легла на крыло, нагадила на мост и ушла куда-то в туман. Фередир хихикнул.

— Смешно тебе, — укоризненно сказал Эйно́р. — Это всё-таки великая столица...

Оруженосец подтянулся — всерьёз, выпрямился в седле и принял каменный вид. Но тут же спросил, обращаясь к насущному:

— А где мы будем ночевать?

— Я рассчитываю, что нигде и что нас уже ждут, — ответил Эйно́р. — Но если что — не беспокойся, опять на постоялом дворе. Брошенном.

— Всё-таки лучше, чем в камнях или под корнями, — философски ответил Фередир.

— Лучше? — Эйно́р чуть привстал в стременах. — Ну, может, и так.

Впереди посвистывало. И, когда они доехали почти до конца моста, Эйно́р увидел, что это свистит в пробившей один из столбов сквозной дыре ветер...

...На улицах — внизу — тоже оказался туман. Даже гуще, пожалуй, чем в холмах, может, потому что тут не оказалось ветра, дувшего на озёрном берегу. А шаги и вовсе глохли, как будто едешь по толстому слою ткани. Кони тоже присмирели, опустили головы, и Фередир притих и ози́рался.

— Где ж тут постоялый двор? — пробормотал он. Эйно́р несерьёзно хихикнул:

— Что, поедешь ночевать обратно в холмы?

Фередир сердито помотал головой, потом ладонью убрал со лба мокрые пряди.

— Здесь. — Эйно́р, не останавливая коня, перекинул обе ноги на одну сторону, плавно соскочил, поймал повод и пошёл рядом. — Вот тут. — Он кивнул на арочные ворота.

Оруженосец тоже соскочил и задрал голову.

Конечно, на привычные ему постоялые дворы это каменное здание ничуть не походило. Вернее, каменным был только первый этаж, а второй, должно быть, всё-таки деревянным — «должно быть», потому что от второго этажа ничего толком не осталось. Зато на первом и окна, и дверной проём были обведены затейливой каменной резьбой, каменный кронштейн для фонаря над въездом во двор был сделан тоже из камня в виде протянутой руки. Дворец...

— Заводи коней, там есть конюшня. — Эйно́р задрал голову, прищурился. — Я буду на первом этаже, оружие и сумки туда занеси.

Фередир удивлённо посмотрел на рыцаря. Что это он? Объясняет, как будто первый раз... А потом оруженосец осторожно спросил:

— Ты беспокоишься?

Эйно́р, не глядя, увесисто пихнул Фереди́ра в грудь кулаком. Пригнулся и вошёл внутрь, придерживая меч...

...Во дворе и правда оказалась конюшня — огромная и тоже каменная. Фередир покрутил носом. Держать животных в каменных зданиях, с его точки зрения, было опасной глупостью. Уважение к древней столице резко упало, хотя, слов нет, конюшня была красивой и удобной. Но уж больно гулкой, холодной и пустой.

— Не будет сегодня травы, — сказал Фередир. Он расседлал коней и теперь поцеловал Азара в морду, и почесал надглазья. — Овёс... Плохо, что камень кругом? Потерпи...

Фион, оскорблённый тем, что на него не обращают внимания, цапнул мальчишку за плечо. Фередир приласкал и его, насыпал коням в ясли овса, налил воды — колодец оказался прямо тут же, в дальнем углу помещения, вода стояла вровень с краем каменной трубы. Оруженосец натаскал её складным кожаным ведром, ещё раз приласкал коней (обоих), проверил привязи и, собрав в охапку вещи, пошёл в здание...

...Эйно́р выбрал небольшую комнату с одним окном, в котором уцелели все стёкла. И кровати тут тоже были, хотя и без матрасов и прочего. Рыцарь, не чинясь, уже успел навести порядок и сам переоделся в сухое. Кивнул Фереди́ру:

— Переодевайся, я накрою. Голодный?

— Угу. — Сев на кровать, Фередир начал стаскивать сапоги.

После шести дней и ночей в тумане такое помещение может показаться самым лучшим на свете. В комнатке был даже камин, но дров не имелось, да и не так уж холодно, в конце концов. Особенно если одет в сухое и хорошо поел. Фередир, поев, потянулся было к оружию, но неожиданно зевнул. И сообразил, что уже поздний вечер, почти ночь.

— Ложись, — отрывисто бросил Эйно́р. Он сидел за столом, не двигаясь. — Будем ждать.

— Ты разбудишь на смену? — уточнил Фередир, даже не пытаясь возражать (кровать с разостланным плащом и вещмешком вместо подушки манила, как перина). Эйно́р ничего не ответил, только мотнул головой на кровать...

...Как назло, уставший до предела и только что мечтавший лечь Фередир спал плохо. И не то чтобы не спалось — в том-то и дело. Засыпал, а потом вновь какая-нибудь мелочь, на которую и внимания не обратишь, будила, словно резким толчком в бок. То скрипнули стропила, то блоха укусила (вот кого они тут кусают обычно-то?!), то словно бы прямо в комнате раздаётся отчётливый чужой голос... а то и вообще словно бы кто-то знакомый ясно окликает, ясно и тревожно. Фередир не вскидывался, только открывал глаза, обводил взглядом комнату, чтобы убедиться, что всё нормально, снова проваливался в сон — и опять всё повторялось заново.

Просыпаясь, оруженосец снова и снова замечал, что Эйно́р неподвижно сидит за столом. В одной и той же позе — голова сбычена и повернута к окну, длинные пальцы сплетены под подбородком. Сперва Фередир подумал, что Эйно́р говорит с кем-то. Но нет. Когда рыцарь говорил, то его лицо было отсутствующим. Сейчас — угрюмым и сосредоточенным.

Эйно́р слушал. И то, что он слышал, ему не нравилось.

Седьмой или восьмой раз Фередир проснулся — он не помнил. На этот раз его разбудил сон (это он сейчас понял, что сон, а так казалось — явь.) Какая-то сводчатая зала, как в княжеском дворце, но мрачная, страшная, а вдоль стен холодно пульсируют голубые огни...

...Фередир, бесшумно ступая, подошёл к кувшину, жадно напился. Вдохнул, подсел к столу. Эйно́р на него даже не покосился, не пошевелился, но при этом спросил:

— Сон?

— Угу, — буркнул Фередир, распластываясь щекой на прохладных досках столешницы.

— А ты знаешь, что ты видел? — Фередир отрицательно повозил щекой по столу. — Вот и я не знаю, — вздохнул Эйно́р. — И это плохо... Вот что. — Он повернул голову, и Фередир задержал дыхание: зрачки рыцаря были огромные, сожравшие серую радужку, — одевайся. Будем ждать. — Фередир не стал спрашивать ничего, встал, начал одеваться, но Эйно́р сам объяснил: — Сегодня всё и решится. Человек, которого я жду... он где-то близко, но... но с ним что-то не то. У меня скверное предчувствие.

Завязывая пояс, Фередир подошёл к двери, собираясь выглянуть в коридор... и обнаружил, что возвращается к кровати. Он помотал головой, повернул к двери... и увидел перед носом окно.

— Не пытайся, — спокойно сказал Эйно́р. — Сюда никто не войдёт, отсюда никто не выйдет, пока я не захочу. Сядь. Мне нужно, чтобы вошедший подумал, будто я здесь один.

— Ясно, — кивнул Фередир и, отойдя к столу, сел в углу кровати. Так его нельзя было увидеть от двери сразу...

...До сих пор Фередир не знал, что такое ожидание. Ему казалось, что в жизни он успел немало прождать. И не всегда ожидание было приятным. Но только сейчас он понял, что всё это было так, безделка. Мелочи.

Обострившийся слух улавливал звуки, которые жили на грани слуха — или даже за нею. Летучая мышь за окном пискнула, хватая в полёте ночную бабочку. Обычные мыши скребутся где-то в стене. И снова скрипят, ходят половицы в коридоре, ступеньки на лестнице. Впору поверить, что по ним уже идёт кто-то невидимый. Или правда идёт?

Странно. Ведь тот, кто должен прийти — он их союзник. Почему же так тянет... тянет... за что? За сердце? За душу? В теле у человека и места такого нет, которое сейчас ноет. Чуть какая-то — нет, а ноет...

Фередир посмотрел на Эйнора, на его неподвижное лицо, чуть приподнятые плечи под кожаной поддоспешной курткой, глубокий блеск обода Калан Айар на пальце.

Фередир подумал, что, когда он думал о подвигах и приключениях, то не знал, каково это: сидеть в тёмной комнате мёртвого города и ждать, ждать, ждать, глядя в бездонные глаза своего рыцаря? Приключение ли это и можно ли сложить об этом песню? Или это просто жизнь? Песни пишут о ком-то одном. Великом. О чём-то одном. Великом. Никто не напишет песен о десятках людей, которые вот так сидели в комнатах или у костров — и ждали.

В дверь постучали. Просто постучали.

— Кто? — спокойно, отрывисто и быстро спросил Эйнор.

Молчание.

Они сидели ещё несколько минут. Потом Эйнор поднялся, широкими шагами подошёл к двери, распахнул её. Поднял с коридорного пола кожаный мешок с плотно закрытой горловиной. Закрыв дверь и, вернувшись к столу, положил на него глухо стукнувший мешок.

— Интересно, — вполголоса сказал он.

— Что это? — пошевелился Фередир.

Эйнор достал кинжал, полоснул завязку, раздёрнул горловину и перевернул мешок.

Фередир вскочил, опрокидывая стул и отпрыгнув почти к окну — расширившиеся глаза мальчишки, не отрываясь, смотрели на предмет, покачивающийся на столе. Эйнор тоже вскочил, но плавно, мягко. Его верхняя губа приподнялась, в древнем, животном движении страха и ярости обнажились зубы.

— Ч-ч-ч-что это? — Фередир с трудом справился с прыгающими губами, не в силах отвести взгляда от стеклянных глаз мёртвой головы, принадлежавшей молодому мужчине лет двадцати пяти. Длинные чёрные волосы отблёскивали неживым. Тонкие черты лица, высокий лоб, чёткий подбородок — это был нуменорец. На невероятно ровном срезе шеи не было крови. Фередир различал довольно толстое кольцо кожи, слоистые мышцы, чёрно-алые трубы артерий, горла, белый диск позвоночника...

— Тарланк сын Миндара, — сказал Эйнор негромко, но ясно. Перекатил голову туда-сюда, потом тяжело вздохнул. — Не такой вести я ожидал... но и это тоже — весть.

— Это тот, кого мы должны были встретить? — спросил Фередир тихо.

— Он самый, — Эйнор потёр лоб. — Итак, ОН знает, что мы интересуемся вестями с севера. ОН знает, кого послали за вестями. ОН знает, кто должен был их нам передать. ОН знает, что мы здесь. Проще говоря, ОН знает ВСЁ.

Глаза мёртвой головы плавно повернулись в глазницах.

Чёрные губы скривились в усмешке.

Рот открылся.

Мощнейший удар швырнул Фередира в угол. Он с такой силой приложился затылком о брёвна, что какое-то время совершенно ничего не соображал. Просто видел, как из рта головы вырвалась плотная, вещественная струя пламени, чёрно-багрового и страшного, прошла в том месте, где он только что стоял — и исчезла в стене, не оставив и следа. Сбивший оруженосца с ног Эйнор мягко кувыркнулся через плечо, становясь на колено и вытягивая вперёд руку, левую — с перстнем. Голова снова поворачивалась, скаля зубы, но Фередир что-то крикнул. Раздался короткий, утробно-страшный гром, отчётливо запахло горелым. Глаза головы окрасились красным — нет, загорелись красным, между зубов высунулся язык, по которому сбегала серая пена. Чёрные губы шевелились, они силились что-то произнести, и Фередир, лёжа на полу, с отчётливым холодным ужасом спокойно понял: если это будет произнесено — всё. Они отсюда не выйдут живыми.

Лицо Эйнора потемнело от прилива крови и исказилось так, что благородные черты нуменорца обрели сходство со страшной маской с юга. Он тоже силился что-то произнести,

но тоже не мог. Его руки дрожали. Комнату заполняли две волны сияния: алое — исходящее от глаз головы, голубоватое — идущее от рук Эйнора.

— Ме... ч... ме... ч... — прохрипел Эйнор. Из носа у него двумя ручейками потекла кровь. — Ба... р... Ба... р...

Фередир, опомнившись, метнулся к кровати, возле которой было сложено и стояло оружие. Выхватил из ножен клинок и швырнул его Эйнору, который, перехватив оружие в полёте правой, махнул клинком:

— Прочь!

Вибрирующий вой с такой силой врезался в уши, что Фередир тоже закричал, зажав их ладонями. Он отнял руки от головы, только когда шатающийся Эйнор, размазывая кровь по лицу, толкнул его ногой и сказал:

— Дай умыться.

Глаза у него запали, губы побелели. Он добрался до постели Фередира и рухнул на неё, прислонившись к стене и уронив веки — так, словно они были сделаны из свинца.

Фередир метнулся к фляге. Эйнор бормотал:

— Как же я не заметил... Неужели?! Это ужас... ужас, если так...

Мальчишка подбежал к рыцарю с кувшином, и тот, припав к горлышку, начал даже не пить — вливать в себя воду. Остаток выплеснул в лицо, вытер кровь кожаным рукавом... и, отпихнув Фередира в сторону (тот повалился на кровать, выронив флягу), подскочил к столу. У мальчишки вырвался сдавленный вопль, когда он увидел, что страшный предмет на столе не успокоился — глаза жили, губы плясали и кривились. Но только сейчас в глазах было страдание — такое запредельное, такое бесконечное, что мальчишка зажмурился. И услышал голос Эйнора:

— Говори. Ну же, говори!!!

Ему ответил голос — глухой, без выражения, как будто говорил не человек:

— Я не могу уйти. Я не могу уйти. Он не отпускает. Он держит. Он меня поймал. Помо-гхххххх...

— Открой глаза, — послышался усталый голос Эйнора. — Не бойся, — в нём не было насмешки, — всё кончено. По крайней мере — здесь, сейчас и для нас... — Эйнор держал голову в руке, и Фередир увидел, какое печальное у него лицо. Он аккуратно опустил голову в мешок, затянул кое-как разрезанные завязки, добрался почти волоком до кровати и рухнул на неё. Подышал тяжело, посмотрел на оруженосца. — Удивительно, что ты вообще остался в сознании. К нам ведь пожаловал сам Чёрный Повелитель... — Эйнор хмыкнул.

— Я просить хочу, — хмуро сказал Фередир. — Если случится так — то ты сделай, чтобы я не оказался в руках у этих.

— Я всё сделаю, — спокойно и буднично ответил Эйнор. — А теперь давай спать. Сегодня больше ничего не будет. Ничего...

...Утром в конюшне Фередир обнаружил Фиона и Дзара загнанными — так, словно на них скакали всю ночь галопом. Кони шатались, закатывали глаза, их покрывала пена. Мальчишка, охнув, замер, а потом рванулся на помощь и приводил коней в порядок не меньше часа, бормоча ласковые слова и оглаживая несчастных животных. Эйнор несколько раз заглядывал в конюшню, но в первый раз оруженосец на него завопил, что «никуда не поедем!», и рыцарь, покачав головой, ушёл. Фередир краем уха слышал, что он ходит по двору, что-то бормочет, уходит в дом и выходит наружу и на улицу... Оруженосец спешил, конечно, но когда закончил обихаживать коней, выяснилось, что теперь не спешит уже Эйнор — он ходил по улице туда-сюда и что-то искал. В ответ на робкое: «Ну, можно ехать...» — огрызнулся на квэнья. Потом заявил, что он голоден. (Ели, сидя на крыльце.) А ещё потом отправился куда-то с жутким кожаным мешком и вернулся, только когда Фередир уже извёлся до предела.

В результате выехали только к полудню.

— Едем на восток, — отрезал Эйнор, взлетая в седло. Фередир уточнил:

— В Раздол?

— На восток, — повторил Эйно́р. И пусти́л Фиона шаго́м, прочно о чём-то задумавшись.

Глава 6, в которой мы узнаём, чем всё обернулось для Пашки...

По мокрому, поросшему необычно зелёной и сочной для этого времени года травой склону, хлюпая носом, скользя и то и дело падая, под дождём шлёпал мальчишка в насквозь мокрой и до лакировки грязной одежде.

Вообще, если бы он знал о том, где находится, то сообразил бы — в этих местах человек так же уместен, как белый в балахоне ку-клукс-клана на тусовке «чёрных братьев». «Идёт человек по Эттенблату...» — такое начало рассказа обеспечило бы гомерический хохот и славу остряка рассказчику в любом трактире. Но Пашка — а это был именно он — знать не знал, что это Эттенблат (и очень хорошо!). Он даже не замечал, что до нитки промок и вывозился в грязи, как поросёнок. Хотя бы потому что ни промокнуть, ни вывозиться он не мог в принципе, потому что всего этого не могло быть.

Первые полчаса своего пребывания в этом мокром, холодном и неудобном мире Пашка занимался тем, что изо всех сил зажмури́вал и широко распахивал глаза, заставляя себя проснуться. Он пребывал в полной и отчаянно-хладнокровной уверенности, что всё это сон. Даже интересный. Даже... МАМА-А-А-А-А-А-А!!!

Потом какое-то время Пашка вопил и бился головой о землю, истерично требуя, чтобы его «впустили», с чего-то решив, что вход — куда?.. — расположен именно в земле. Потом раз десять туда и сюда форсировал проклятый ручей, выкрикивая разную чушь, от одного упоминания которой в обычное время просто рассмеялся бы. Потом долго орал «помогите!», «пожар!» и даже сакраментальное «мамочка!», пока сам не услышал, что его голос обрёл монотонность муэдзина.¹⁸

После этого Пашка хлопнулся пятой точкой в траву и ещё долго сидел, глядя на свои кроссовки. Пока до него не дошла всё-таки вся реальность резкого ветра, сырого холода и дождя, который то переставал, то начинал моросить снова.

Тогда он встал и побрёл по склону.

Почему он шёл туда, куда шёл, Пашка не смог бы объяснить даже под пыткой.

Потом пошёл снег. Не пошёл — повалил, моментально скрыв всё вокруг, как будто белой плотной шалью закутало мир. Но шаль-то тёплая. А снег был реально холодный, и когда таял, превращался в воду, которая, казалось, была ещё холоднее снега. Таял он в основном на Пашке, а на траве превращался в настоящий каток. На этом катке мальчишка в конце концов хлопнулся крепко и съехал по склону вниз метров на двадцать — прямо в болотце, покрытое снежной кашей. Встал, но с трудом, и понял, что руки почти ничего не чувствуют...

— Блин, — всхлипнул Пашка, — ну что ж это такое-е-е?!

Он сунул руки под промокшую рубашку. Тело обожгло холодом, мальчишка даже вскрикнул. Но руки постепенно начали шевелиться — сперва пальцы, потом все ладони. Пашка хотел выкарабкаться обратно, но потом плюнул и побрёл низинкой, чавкая кроссовками по жиже. Ноги постепенно переставали что-либо чувствовать, отогревать их было негде...

Замерзать не хотелось. Но Пашка не знал, что можно сделать и как спастись. Поэтому он просто тупо тащился, переставляя ноги, и почти не поверил, когда увидел в склоне — между двумя скальными зубцами, ощерившимися из мокрой травы сквозь то слабнущую, то вновь набирающую силы метель — чёрную щель.

¹⁸ Вообще-то такое поведение для прототипа главного героя не характерно. Но я же обещал мстить со страшной силой за поруганность творчества Профессора... И мстю!!!

— Пещера! — выдохнул он. И полез — наискось по откосу, падая, скатываясь обратно и карабкаясь вновь. Пашка не думал о том, что у него нет огня, что в пещере, в конце концов, может кто-то жить — кто-то типа медведя... Главным было уйти из-под снега.

Вблизи щель входа оказалась не такой уж щелью — два крепких мужика пройдут плечо в плечо. Пашка ввалился внутрь... и тут же остановился. Его собственное дыхание вернулось к мальчишке эхом откуда-то из чёрной непроницаемой глубины. Пашка вгляделся — и немедленно показалось, что там что-то шевелится.

Он подался назад. Но снаружи валил снег...

Сказать по правде — он расплакался. От страха и беспомощности. Мальчишка стоял на пороге и всхлипывал, не в силах войти глубже или выйти наружу... а холод между тем жадно высасывал из него капельки жизни.

Тогда он сел на месте, сжался в комок и обнял коленки руками...

...К счастью для Пашки, снаружи всё-таки была не настоящая зима. Не настолько холодно, чтобы можно было замёрзнуть насмерть, потому что в ближайшие несколько часов Пашка не двигался. Более того — он задремал, как это ни странно. Задремал от усталости, призрачного ощущения хоть какого-то тепла и непонимания происходящего, порядком истрепавшего нервы. А проснулся от того, что дрожал — непрерывно и неостановимо.

Снаружи вышло солнце — светило резко и тревожно, снег дымился, исчезая, лежали чёткие тени. По-прежнему дул ветер.

Мир больше не оставлял сомнений в своей реальности. Как бы дико это ни выглядело.

Пашка со стоном поднялся на ноги и вскрикнул. В неподвижности он кое-как прогрел своим телом прилегавшую одежду. Теперь же к телу прилипли мокрые, почти ледяные участки.

Пашка медленными движениями обшарил карманы. И сам удивился. В левом кармане он наткнулся на бандану — чёрную, с белой головой волка. А справа внутри брючины висел в самодельном чехле туристский нож со сменными лезвиями — собственно нож, пилка, уширенное лезвие, отвёртка... Набор был там всегда, Пашка про него и не помнил толком. А в монетном кармане оказалась зажигалка!!! С галогеновым фонариком!!!

Включив его, мальчишка повёл лучом и убедился, что пещера довольно большая, а главное — обжитая. Синеватый призрачный луч наткнулся на кострище. И — чёрт! — сложенные рядом дрова, сушняк и полешки. Ну что стоило осмотреться сразу, как вошёл сюда! Что стоило?! Бар-р-р-ран!!! А теперь будет воспаление лёгких, угрюмо подумал мальчишка, уже поспешно складывая костёр — привычными, заученными движениями.

Дрова оказались сухими. Пашка, сидя на корточках, подкладывал, сдерживая нетерпение, веточки побольше — и вскоре с длинным громким выдохом протянул ладони почти в огонь. Посидел с полминуты и стал выбирать ветки, на которые можно повесить одежду. А потом раскопегарил второй костёр — в двух метрах от первого в глубь пещеры...

...Через пять минут Пашка сидел на корточках в окружении сушащихся вещей между двумя кострами и приходил в себя.

Не оставалось сомнений — каким-то чу... (вывертом природы, чудом это называть не хотелось) он оказался перенесён... куда? Какие-то горы, предгорья... и главное — погода не летняя. Не то весна, не то осень... То есть... то есть такого в принципе нигде на Земле быть не может, если на Тамбовщине — июль!!!

Не, может. Какое-нибудь плато Путоран. Или Исландия. Правда, неясно, как же всё-таки... Пашка помотал головой. Поёжился и несколько раз ткнул себя кулаком в висок, чтобы выколотить из головы мысли о том, что творится дома. Хотя... может, ещё ничего и не творится. Решили, что спозаранку умотал гулять. И до вечера не хватятся — не Москва, мало ли, где может ошиваться четырнадцатилетний парень? Но пото-ом...

— Да нет, не надо! — Пашка снова сунул себя кулаком в висок. Поймал себя на том, что это какой-то нехороший жест и заставил себя опустить руку. А то ещё чокнешься...

Но всё-таки — куда выбираться? Мальчишка рассеянно пощупал висящую одежду — она активно сохла, и простуды, кажется, не наблюдалось. Повезло. Хотя в этом. Захотелось

смеяться, но Пашка кое-как справился с этим смехом... и тут же понял, что опять пихает себя кулаком в висок.

А что если это не Земля?

В смысле — не его время... или не его пространство?

Что, если сбылась-таки его мечта?

— Ну к чёрту, — пробормотал Пашка. Этого просто не могло быть. Фантастические книжки — они и есть фантастические книжки. Их не бывает в реальности, их авторы выдумывают. Но теперь он просто не мог отвязаться от этой мысли, хотя, морщась, продолжал нажимать на висок снова и снова. В голову лезли самые неприятные моменты, связанные с попаданием в чужие миры земных подростков. — Не может этого быть! — вскрикнул Пашка. И снова дико уставился наружу, где по солнечной траве неслись резкие тени облаков. — Не, я так с ума сойду, — подвёл он итог.

Вообще Пашка был не так уж далёк от истины. Человеческий разум вполне может выкинуть такую штуку, попав в непривычные или страшные условия. Мальчишка понял, что понимает это, — и немного успокоился.

Бесконечно сидеть в пещере было совершенно бессмысленно, хотя бы потому, что запас дров невелик, а еды нет вообще. Обсохнув и согревшись, Пашка, кстати, ощутил жуткую жажду. Настолько нестерпимую, что даже хныкнул — ему показалось, что в горло заснули до желудка длиннющий ёршик для мытья посуды и при каждом глотке неспешно, вдумчиво поворачивают.

Мальчишка оделся и, подумав, перевязал волосы банданой, а нож вывесил открыто. От прикосновения горячей одежды к телу на секунду даже подумалось, что и снаружи тепло...

Но нет. Не было снаружи тепло, дул по-прежнему холодный ветер, хотя тучи-облака почти снесло. И вообще Пашка каким-то шестым чувством понял: нет, это всё-таки весна. Только ранняя или холодная.

Стоя у пещеры, он опять огляделся, но уже внимательно. Нигде ни единого признака человеческого жилья или просто следа человека (но в пещере-то было кострище...). Кругом были горы, холмы, блестящие известняковые выходы, тундра какая-то. И только на юге — далеко-далеко — синела призрачная полоска. Скорей всего, это был лес. И Пашка решил, что пойдёт туда и только туда. Он и сам не мог бы объяснить, почему его туда тянет. Скорей всего, это был генетический зов русского человека: в лесу — безопасность, на открытом месте — беда, в горах — зло...

— Может, я сошёл с ума? — даже с некоторой надеждой спросил Пашка. Ему не хотелось никуда идти. Ясно было, что кроссовки промокнули опять с первых же шагов, а летящие по солнечному небу редкие клочья облаков в каждую секунду могут смениться прежними тучами.

Правда, делать всё равно было нечего. Пашка несколько раз выругался погаже и зашагал на юг — к лесу...

...Спустя три часа, когда солнце перевалило зенит и тихо ползло на закат, мальчишка всё ещё шагал — ни разу за это время не остановившись, по мокрой равнине, где под жухлой травой тут и там прятались лужи, лужицы, а то и целые озера. Плюс у всего этого был один — в первой же луже Пашка напился от души. Вода была ледяной, но зато растворила ёршик в горле.

Пустошь не была безжизненной. Тут оказалось полным-полно всякой разной птицы... и мысли мальчишки стали обращаться в сторону голода. Не сказать, что он хотел есть так же, как недавно пить... но всё-таки ел он последний раз вчера вечером. В довершение всего — Пашка нет-нет, да и оглядывался — на севере появилась и неуклонно ползла следом во всё небо чёрная туча. Краёв у которой — кроме переднего, движущегося с медленной угрозой — не наблюдалось... Что там тащила эта туча в себе, чёрт его знает, но явно ничего приятного для одинокого и не по сезону одетого пацана.

В этой картине было столько неприятного, что Пашка раздумывал было — не надать ли бегом к лесу. Но вовремя сообразил, что бежать до этого самого леса ему придётся дня

два, не меньше. Всяко туча окажется там раньше, и трепыхаться уже нечего. Правда... был вариант вернуться назад, в пещеру. Но что он там забыл и сколько там придётся просидеть?

По здравом размышлении, он и в лесу ничего не забыл, а предстоящую ночь явно придётся провести в этой... тундре. Но Пашка не желал мыслить здраво, а желал, чтобы поскорей хоть как-то разъяснилась ситуация.

Солнце и тучи на небе одновременно — это неприятно выглядит, тревожно. Но что-то подобное Пашка видел в жизни впервые. Ярко блестела вода в многочисленных лужах и лужицах. Одна из таких лужиц оказалась-таки озером, по которому курсировали толпы гусей и уток. Перейти его вброд было бы, наверное, возможно, но после этого температуры было не миновать — и мальчишка пошёл в обход.

Озеро тянулось, как будто специально хотело отрезать Пашке путь к лесу. Более того — каким-то вывернутым манером оно повело Пашку (против его воли!) обратно к горам. Когда он это понял, то начал ругаться — громко и самозабвенно.

Как ни странно, это помогло. Раньше Пашка точно вспомнил бы, что в древности ругань использовали как защиту от неудач и происков нечисти. Но сейчас он просто облегчённо выдохнул. Очевидно, эта чёртова лужа была не остатком зимнего таянья, а, так сказать, постоянной. Поэтому через неё заботливо наладили гать. Кто-то навалил широкую полосу хвороста, а сверху настелил скрученные хлыстами из мятых прутьев бревенчатые стлани. По гати вполне могли пройти два кавалериста в ряд, не то что один пеший мальчишка.

Пашка заспешил по гати. Именно заспешил — почему-то не хотелось на ней задерживаться. Но даже на ходу он обратил внимание на вещь, которую заметил с самого начала, но как-то пропустил мимо сознания. На гать не ушло ни грамма железа и ни сантиметра синтетического троса.

Олег Николаевич пару раз рассказывал про места, при демократической власти скатившиеся в первобытность. Но как-то не верилось в это (чуть ли не меньше, чем в переносы в пространстве-времени). И, глядя на гать, ровно и увесисто подрагивающую под ногами, Пашка как раз и поверил в такой перенос...

...Его уверенность получила сокрушительное подтверждение, когда до конца гати оставалось метров двадцать, не больше. Разбрызгивая воду и стремительно приближаясь, из-за скальной гряды, в которую слева утыкалось это чёртово озеро, вылетели галопом пятеро всадников. Пашка обмер. Само по себе в наше время встретить пятерых конных — уже почти невозможно. А эти, кроме всего прочего, совершенно не походили на завсегдатаев какого-нибудь элитного клуба. Под ними были невысокие, большеголовые и очень лохматые рыжие лошади в простой, грубоватой (насколько мог судить Пашка) сбруе. Клетчатые плащи совсем не красиво — тяжело и мокро — бухали по спинам и конским крупам. Всадники шпорили своих коняшек низкими, уляпанными грязью сапогами, жёлтые — явно тоже кожаные — штаны также покрывала грязь. Рыжие длинные волосы и такие же длинные усы всадников были заплетены в косы, крючконосые, звероватые лица сосредоточены. Все пятеро ритмично охаживали коней короткими плётками. Пашка изумлённо увидел на поясах всадников мечи, а за спинами под плащами — круглые щиты — и отскочил на самый край.

Все пятеро пронеслись мимо, едва не спихнув с трудом удержавшего равновесие паренька в воду и обдав его запахами конского пота и мокрой ткани. Даже не обратив на него внимания!

— Эй! — растерянно и сердито крикнул вслед Пашка. Просто как крикнул бы заляпавшему его грязью автомобилю. И дико уставился в конские крупы и мотающиеся над ними плащи.

Смешно, но одновременно с удивлением ему стало почему-то полегче. Это были явно люди. А значит, он тут не один, в этом мокром холодном мире.

Правда, сами по себе всадники ему не понравились. Но с другой стороны, они, если исключить одежду, были ничуть не более неприветливы, чем обычные взрослые люди в Пашкином мире, спешащие куда-то и наткнувшиеся на сунувшегося под ноги пацана.

— Значит, всё-таки правда всё, — подумал вслух Пашка, отколупывая лепёшки свежей грязи со своей джинсовки — поверх той грязи, что высохла у костра в пещере. Конечно, можно было начать кататься по мокрой земле и громко визжать (кстати, на пару секунд такая мысль показалась мальчишке очень привлекательной). Но с другой стороны, если хорошенько подумать (но только хороше-е-е-енько, как говорил отец Тук в фильме «Айвенго»), чем это поможет? И так всё паршиво — офигеть...

Пашка даже не подозревал, насколько всё паршиво. Как и не подозревал, что такое граница — пусть формально и независимого, но всё-таки! — Рудаура и Ангмара.

Собственно, шансов у него не было.

* * *

Туча Пашку так и не догнала. Она остановилась, заняв полнеба, — наверное, поверху дул встречный ветер. А тут, внизу, стало, пожалуй, душновато даже — солнышко под закат припекало, ветер улёгся, откуда-то взялись толпы комарья, вода испарялась на глазах.

— Что за погода чёртова, — ворчал Пашка, уже без разбора снова плюхая по лужам. — И вообще провалилось бы оно всё...

Есть ему хотелось уже всерьёз. Местами на более-менее сухих проплешинах встречались полянки перезимовавшей клюквы, но наесться ею было невозможно, а от кислятины сводило челюсти, хотя мальчишка время от времени всё-таки перехватывал ягоды.

Мысли то скакали к дому (уже ищут или ещё нет?), то к тем всадникам (кто такие... а выглядят всё же неприятно), то возвращались к вопросу: где же он всё-таки?! — то к ещё более бесполезной теме: как он сюда попал-то?! В общем, думал он ни о чём и обо всём, и мысли от усталости были короткими. Собственно, Пашка не знал, какие вообще проблемы ему решать и можно ли их решить. Он поставил перед собой задачу — дойти до леса — и теперь стремился выполнить именно её и только её... хотя, возможно, это просто не имело смысла.

Что до леса в этот день точно не дойти, Пашка понял, когда солнце коснулось нижним краем горизонта. Резко покраснело, и по долине легли кровавые отблески и длинные тени. Ночевать на мокрой равнине не имело смысла, и мальчишка решил сворачивать в скалы и развести какой-никакой костёр.

Собственно, это было его главной ошибкой. Но Пашка знать об этом не мог — вряд ли бы понял, в чём она заключается, даже если бы знал, где находится. Он просто повернулся и побрёл к скалам — как мог быстро. Ноги в кроссовках скользили, как на ледяной горке.

С пещерой на этот раз не повезло. Но удалось найти несколько стволиков деревьев, пробившихся между камней, а потом — расщелину, точнее — нишу между скал. Сопя, Пашка подрубил деревца ножом, потом зло наломал их о камни и долго мучился, разводя огонь; когда у него это получилось (зажигалка совсем разогрелась и готова была, казалось, взорваться), оказалось, что совсем темно. Мальчишка со вздохом поставил к огню сушиться кроссовки и носки, а на ноги пониже натянул штанины и сжался около костра, стараясь занимать как можно меньше места. Он почувствовал, что очень устал. Пожалуй, таким уставшим Пашка не был никогда в жизни, ни в одном походе. Усталость, голод, мокрая одежда, холодный камень вокруг, неизвестность впереди... Больше всего на свете мальчишка сейчас хотел одного — попасть домой. Чтобы это оказался длинный и тяжёлый сон.

«Хотя, — подумал он, — будь это сон — его можно было бы вспоминать как приключение, честное слово. Что же мне делать-то? Просто выйти к людям? Ага, к каким ещё попадёшь...» Из истории он знал, что славяне и германцы к путникам-чужестранцам относились гостеприимно. Но, во-первых, эти всадники сегодня гостеприимными не выглядели (Пашка поёжился, только сейчас поняв, какой опасности избежал — ведь могли задержаться!!!). А во-вторых, да пусть будут хоть сто раз гостеприимными! Вряд ли они

смогут ему помочь вернуться домой. Если только у них тут такие переносы — обычное дело... Хорошо бы.

Он вздохнул, подложил деревяшек в трещащий огонь. Сырые полешки-обрубки горели медленно, но жарко, не только потрескивая, но и посвистывая как-то даже. Пашка привалился плечом и виском к камню и решил: усну. Надо поспать. А завтра...

Камень неожиданно передал Пашке странную пульсацию — как будто подрагиванье шло изнутри гряды. Мальчишка выпрямился, как ужаленный, — и застыл. Неужели ещё и землетрясение на его голову?! Потом осторожно приложил ухо к камню вновь...

Нет, на этот раз ничего. Показалось? Может, он уже стал засыпать — и, как иногда бывает, приснился такой вот толчок? Пашка осторожно перевёл дыхание. С чего он вообще так испугался? Нет, точно — приснилось...

Он вздохнул и пошевелил плечами, устраиваясь удобнее. Похлопал носом, проверяя — не простыл ли всё-таки. Сунул в огонь ещё пару полешек подлинней — концами в сторону от себя, чтобы горели потихоньку, но до него огонь не добрался, не хватало подпалить штаны во сне.

Костёр был разложен правильно, давал много тепла, которое отражалось от стен и улетучивалось наружу медленно — в общем, мальчишка и правда задремал. Дрёма перешла в глубокий, хотя и беспокойный сон — так спят очень уставшие физически и морально люди, которые не могут проснуться, даже если понимают, что надо. А между тем «правильный» костёр был разложен совершенно без учёта маскировки. И любой из людей в этой части мира сказал бы Пашке, что лучше трястись всю ночь от холода среди камней, чем дать себя выдать пляшущими на них алыми отблесками, заметными чуть ли не через всю болотистую равнину!!! Правда, Пашка и сам это знал. Но от усталости и тоски просто забыл — забыл, мир казался ему пустым, а всадники, виденные днём, вновь превратились в полусонное воспоминание.

Впрочем, долина-то и вправду была пуста. Большинство поселений рудаурских и ангмарских холмовиков находились или южнее, или западнее, или сильно восточнее. В общем, мальчишке «повезло» — холмовики хоть и славились угрюмым характером и мерзкими (с точки зрения южан или людей из-за Мглистых гор) привычками, но гостеприимство у них было святым делом. Это подтвердил бы любой, даже самый заядлый их недоброжелатель.

Те же, кто населял эти внешне безжизненные отроги, имели совсем иные представления о гостеприимстве...

...Две жутковатые хари, похожие то ли на китайцев, то ли на негров, то ли на обезьян, то ли на плод скрещивания этих разновидностей приматов, заглянули в расщелину одновременно, отсвечивая белёсыми глазами-плошками со щелевидными красными зрачками. Одетые в какое-то невообразимое рваньё (оно тем не менее делало тварей почти невидимыми в камнях — скорей их можно было обнаружить по вони, похожей на вонь прогоркшего жира), с надвинутыми на низкие лбы кожаными капюшонами, твари сжимали в лапах... или всё-таки руках?... недлинные ятаганы грубой ковки с петлями, образованными тонким концом клинка, вместо рукоятей... Невысокие, с Пашку ростом, хотя и кряжистые...

Орки смотрели на человека со смесью злорадства, злости, страха и замешательства. И не торопились нападать. Они видели, что перед ними мальчишка. Но хорошо знали счёт: за человека-воина можно отдать четверых своих. Берёт больше — надо бежать. На сонного можно напасть втроём, если хочешь убить. Но тут их было двое... однако перед ними — мальчишка... но с ножом на поясе и цветом волос, как у людей из-за Мглистых гор, свирепых и бесстрашных бойцов... кроме того, рядом были земли холмовиков, а Повелитель настрого запретил затевать свары с ними... В общем, невеликие мозги уруков были забиты этой противоречивой кашей, и решения они принять не могли. Они высунулись из пещеры ночью только потому, что внизу было нечего жрать. По крайней мере для них — молодых и ничем не отличившихся. Повелитель набивал подземелья всё новыми и новыми толпами, орки приходили из-под Мглистых, и всем нужны были пища, место, самки... Местные с

трудом отстаивали то, что им было оставлено, — временами вспыхивали схватки, несмотря на то что после каждой такой появлялся отряд холмовиков и именем Повелителя вешал «зачинщиков» (кто был поранен и не успел спрятаться) у входов в пещеры. На кой Повелителю столько орков, никто не понимал. Никто не думал даже, что их вообще столько есть в мире. Зато отыгрывались на тех, кто послабее, — иногда даже жрали, а уж пинали и отбирали всё, что можно, на каждом шагу, не вздохни.

— Сожрём, — наконец не выдержал тот, что покрупней из парочки. — А?

— Ага, сожрём, — протянул другой. — Тебя сожрут. Кто он такой, чего тут?

— Не узнает никто ничего, сожрём. Жрать хочу.

— Убьёт ещё. Проснётся и убьёт.

— Ну а как?!

— Давай других приведём.

— Ну иди, веди остальных, чего отдадут-то?! На пол-укуса! — прошипел зло крупный. Видно, этот аргумент был неотразим. Орки подобрались и стали тихо проникать в пещерку — держась у стенок, подальше от огня...

...Пашка проснулся именно от запаха. И первое, что сделал, — заорал от ужаса, почти одновременно подумав, что, конечно, это сон-кошмар и сейчас он откроет глаза или его растолкает Димка, как было пару раз, когда он вопил по ночам.

Но страшные существа, пролезшие в пещеру, не исчезли — хотя и шарахнулись обратно, вопя ещё громче Пашки. Для них всё выглядело не менее жутко, но логично — страшный тарк проснулся (или совсем не спал, хитро караулил бедных орков, которые умирают от голода!!!) и сейчас поотрубаёт обоим головы огромным ножом (вчетверо короче их ятаганов), висащим на поясе.

Будь на месте Пашки его ровесник из местных, орков ждала бы именно такая судьба. Даже мальчишка холмовиков не преминул бы прирезать обоих «союзников» — просто из вечной вражды людей и орков. Но Пашка просто вскочил — и бросился вслед за этими чудищами. Не в погоню, нет — движимый лишь стремлением выбраться из пещеры (любой местный, сложись так дело, остался бы внутри, держа в одной руке нож, а в другой — факел или палку потолка).

Прямо за порогом мальчишке показалось (зримо вполне, он даже выругался удивлённо, что забыл открыть) — налетел лбом на дверь. Пашка рухнул на спину, въехав обратно в пещеру — чуть ли не в костёр.

И, услышав над собой хриплое рычание какого-то зверя, отключился окончательно. Честно сказать — просто от страха, не от удара...

...На самом деле крупный урук-хай,¹⁹ ловко сваливший Пашку ударом щита, просто спросил у трясущихся возле камней уруков, которые ещё не верили, что спаслись от ужасного тарка, даже вполне спокойно:

— Кого вы тут испугались, мелкота засранная? Эгой, да это человек!

Глава 7, в которой Пашка узнаёт себе цену...

Вообще горные орки не держат рабов. Когда-то давно их предки-кочевники брали

¹⁹ Необходимые пояснения для тех, кто не читал Толкиена — или не вчитывался. Урук — это простой орк, мелкий, глупый, трусоватый и не выносящий солнечного света. Урук-хай — «усиленная» порода. Урук-хайи умней, крупней размерами и вполне «лояльны» к солнцу. Тарк — это на Черном Наречии «человек» (искажённое эльфийское «таркил»). Оттуда слово попало во все оркские диалекты. Вообще-то, согласно большинству источников, урук-хайев вывел Саурон в середине третьего тысячелетия Третьей Эпохи (т. е. через тысячу с лишним лет после описываемых мною событий!). Но крупные и смыслённые орки упоминаются и в источниках по войнам в Белерианде (ещё в Первую Эпоху!), поэтому я рискнул описывать их и использовать это название (*Прим. автора*).

людей в рабство — как вьючных животных, женщин — чтобы «улучшать породу». Но те времена давно были забыты. Попавшие к ним женщины, как правило, быстро умирали от примитивного многократного насилия, детей так же быстро съедали, а мужчины ненамного переживали детей и женщин — их заставляли работать в шахтах. Это не было рабством в привычном, «нормальном» смысле слова, когда раб может прожить и десять, и тридцать, и сорок лет у хозяина. Здесь человек просто работал на износ и умирал за какие-то недели, иногда — дни...

Сейчас решался важный вопрос, кто такой Пашка — мужчина или ребёнок. Большинство, воздевшие просто пожрать, настаивали, что раз он без бороды, то он точно ребёнок, а что довольно крупный для ребёнка — так это и хорошо, можно поесть от пуза. Другая часть, апеллируя всё к той же бороде, замечала, что многие люди бороду как раз бреют, для ребёнка Пашка великоват, а Повелитель требует от кузниц выполнять урок по наконечникам стрел, кому железо-то и уголь в шахтах бить?! Третья группа — самая малочисленная, состоявшая из, по мнению прочих, «зажравшихся до рыгачки», урук-хайев, — придерживалась особого мнения: человека, неважно, кто он, нужно просто продать в Карн-Дум, в тамошние рудники — из патриотического долга и чтобы заработать; завтра всё равно придут оттуда. Была ещё парочка орков, которые утверждали, что если закрыть глаза и отвернуться, то Пашка сойдёт за женщину. Но над ними издевательски посмеялись все три основные группировки спорщиков, а один из урук-хайев даже произнёс вдохновенную, хотя и краткую речь о нравственности и славных традициях орочьего племени, которые не допускают такого грязного скотства — и о том, как растлевающее влияют человеческие пороки на неокрепшие умы славной пещерной молодёжи.

Как водится в таких сообществах, победила демократия, то есть те, кто был лучше сплочён и вооружён. Урук-хайи.

Оценить своего везения — или как бы уж он на это взглянул — Пашка не мог в силу нескольких причин. Во-первых, он не понимал языка орков (впрочем, они и сами друг друга с трудом понимали). Во-вторых, ему было элементарно страшно. Так страшно, что страх затормозил — к счастью — все реакции и восприятие действительности. Мальчишке казалось, что он видит сон — окружающее стало нереальным. Пещера, вонь, факела, костёр, жуткие хари, визг, каменный мешок с деревянной решёткой, духота — всё было неправильным и несуществующим.

Как его сюда волокли — он не помнил начисто. Куда делась одежда — на мальчишке оставались джинсы и майка — тоже было неясно, во всяком случае никто в этой ужасной толпе не щеголял трофеями.

Да что же это со мной?! Как проснуться?!

Наверное, мальчишка сошёл бы с ума — тихо и незаметно, как бывает в таких случаях и со взрослыми людьми (да со взрослыми даже чаще). Но к его плечу прикоснулись.

Пашка медленно повернул голову. Ему, собственно, было всё равно, просто привычка: хлопают по плечу — обернись.

Оказывается, в пещере он был не один был. Мальчишка испытал неожиданное и резкое облегчение уже просто при виде обычных человеческих лиц, хотя ещё недавно они вряд ли показались бы ему такими уж «обычными».

Его трогал за плечо парень на три-четыре года старше самого Пашки — в одних драных кожаных штанах, с длинными волосами неразличимого от грязи цвета. У стены пещеры сидел, положив руки на колени, мужик ещё на десяток лет старше, бородатый и тоже в одних штанах. Он в сторону Пашки даже не смотрел.

— Где я?! — с истеричной требовательностью спросил мальчишка. — Что это такое?!

Парень свёл брови. И Пашка вдруг понял: он не понимает русского.

Так значит — всё правда!!! Это на самом деле иной мир, а эти твари... о господи, эти твари — ОРКИ!!! Как в книжке!!! Да точно же!!! Пашка схватился руками за голову, чтобы мозги, превратившиеся в кашу, не выплеснулись через уши. И зажмурился, умоляя, чтобы он оказался сейчас в больнице с черепно-мозговой травмой — на него налетел КамАЗ, и он

получил множественные переломы и сотрясение мозга, он до конца лета проваливается в больницу — пусть! Но только не это!!!

Для длинноволосого парня, впрочем, действия Пашки выглядели вполне логичными и понятными: отчаянье попавшего в плен к оркам человека. Он похлопал мальчишку по плечу и мягко, но настойчиво, перетащил ближе к стене, где оказалась набросана какая-то тухлая солома. Усадил между собой и бородачом (тот равнодушно подвинулся). И снова что-то спросил. Пашка всхлипнул (нет, он не плакал, просто так вырвался воздух из горла) и сказал:

— Я не понимаю... — Потом кивнул на толпившихся и галдевших снаружи существ: — А это... орки?

— Ork, — кивнул парень и отбросил со лба волосы обеими руками. И опять повторил какую-то длинную вопросительную фразу. Голос у него был чуть-чуть гортанный, в кино так говорили немцы. Пашка тяжело вздохнул и покачал головой:

— Не понимаю я... Где мы? Ну это... Где, где? — Он нарисовал зачем-то в воздухе руками шар, но парень, как ни странно, понял и что-то ответил. Вот только ответа Пашка не понял ни фиги и вздохнул. В пещере было душно и ужасно воняло, но откуда-то по полу тянуло холодом — мальчишка рассеянно, машинально постарался поглубже зарыть ноги в солому, снова вздохнул и поставил подбородок на колени, обхватив поднятые ноги руками поплотнее.

Как видно, парень сообразил, что Пашка ничего не понял. Он показал на себя, на бородача, на самого Пашку и поднял к лицу сведённые вместе в запястьях руки, сжатые в кулаки. Пашка понял — плен. Потом парень сомкнул обе своих руки кольцом на шее. Пашка понял — рабство. Потом — неожиданно знакомым жестом потёр друг о друга пальцы. Пашка понял — продадут. Стало чуть-чуть легче — не убьют и не съедят.

— Куда? — Мальчишка сделал вопросительное лицо, поболтал рукой, потёр пальцами. Парень и это понял. Махнул неясно в какую сторону:

— Angmar.

У Пашки была хорошая память. Даже на книги, которые ему не нравились.

«...королевство Арнор... ратной силой его, может, и не одолеть, но одолело злое чародейство, ибо колдуны владели тогда северным ангмарским краем».

Но этого просто не может быть!!! Толкиен — ПИСАТЕЛЬ. ПИ-СА-ТЕЛЬ. Он ВЫДУМАЛ свой мир. И всё!!!

Орки галдели.

В пещере воняло.

Ноги мёрзли.

— Арнор... — неуверенно сказал Пашка. Парень отпрянул удивлённо:

— Агпог?! — Он рассмеялся и покачал головой. Опять убрал с лица волосы. Потрепал Пашку по плечу. Хлопнул себя по груди: — Tunnas... — потом добавил то ли фамилию, то ли ещё что: — Rhudaug... — И почему-то тяжело вздохнул, но тут же снова улыбнулся. Видно было, что парень он неунывающий, и Пашке стало ещё на капельку полегче. Он показал на себя:

— Пашка.

— Pashka, — повторил Туннас. И улыбнулся ободряюще, кивнул.

Пашка не знал, что слышит своё имя из чужих уст в сущности в последний раз...

...В пещере было душно, но всё-таки тепло, намного теплей, чем у костра, или, тем более, на сырой равнине. Снаружи стояла глубокая ночь, по мнению Пашки, самое время было спать — и он уснул. Уснул, как это ни дико, уснул, зарывшись по возможности в солому, спиной к спине с улёгшимся рядом Туннасом. Может, и не совсем уснул, просто отчасти потерял сознание от усталости, голода и переживаний — но так или иначе, из реальности он выпал капитально...

...Его разбудил скрип клетки — всего через каких-то полчаса, как раз в тот момент, когда мальчишке начал сниться дом — и там, во сне, пришла умиротворяющая светлая убеждённость, что сном было как раз всё то, что произошло с ним за последний

сумасшедший день.

Орк рванул мальчишку за волосы на себя — Пашка вскрикнул, кругом загоготали, из глаз сами собой брызнули слёзы... а когда он проморгался — его уже выволокли из клетки, запястья и большие пальцы рук уже были скручены каким-то хитрым узлом за спиной. Другой верёвкой, пропустив её Пашке между ног, двое орков примотали спереди так же связанные за спиной руки Туннаса, а к нему — молчаливого бородача.

Пашка вытер слёзы о плечо, о майку — и опустил глаза. Перевёл дух, покрутил головой. Хотелось пригладить волосы, чтобы избавиться от ощущения этой мерзкой лапы на них. Он никогда не любил смотреть себе под ноги, в жизни всегда смотрел прямо. И сейчас секунду тоскливо глядел в каменный пол, а потом вскинул голову и посмотрел на стоящего слева орка. С вызовом — так получилось непроизвольно.

Орк оскалился. И — на спину Пашки обрушилась длинная, витая из трёх ремней плеть на короткой рукояти. От неожиданности мальчишка вскрикнул раньше, чем ощутил боль, — и тут же получил второй удар, боль от которого наложилась на нахлынувшую первую. Пашка заорал — крик вырвался сам, уже настоящий крик боли. Третий удар сшиб мальчишку на колени, но Пашка заставил себя заткнуться и только скрипнул зубами. За молчание получил ещё один удар, который снёс молча (и откуда взялось это упрямство?!), а после этого его — снова за волосы — вздёргнули на ноги.

От боли в глаза мутилось. Пашка гадал — до крови или нет? Ему казалось, что удары сорвали со спины и майку, и кожу, и мясо — до позвоночника. И нельзя было ни потрогать, ни посмотреть — можно было только терпеть и ждать, пока боль уйдёт. Она не спешила, но всё-таки немного отступила. Зато пришёл страх. Что же делать?! Ведь если будут бить вот так и часто, наверное, согласишься делать что угодно, лишь бы не били. Пашку ни разу в жизни не «наказывали физически», как это говорится. Неизбежные побои в драках — вообще другое дело: бьёшь ты, бьют тебя, главное — не трусить и работать кулаками, а то и ногами, и даже если ты проиграешь, то чувства растоптанности не будет. А то, что он ощущал теперь, было страшно, потому что на это нельзя был ответить. А терпеть... если терпеть, но что же тогда? Тогда согласишься со всем, что будет дальше... Сначала — с тем, что тебя бьют. Потом — с тем, что ты вещь. А потом, наверное, и мысли станут как у раба — о еде и сне... Пашка испугался до дрожи. И было противно. Так противно, что слов нет. Но больно — хуже. (Он вспомнил свой крик — и замерло на миг дыхание.) Так что делать-то, как быть?! Вот она — романтика, с истеричной иронией заметил себе мальчишка. А что если взбунтоваться? Вот сейчас просто никуда не пойти — и...

Слева качнулось копьё. Пашка представил себе удар этого грубо кованного широкого наконечника. Это не пуля, не мгновенное дело. Мысленное зрелище самого себя, умирающего на полу в луже крови, было таким жутким, что мальчишка крепко зажмурился и потряс головой. Это не кино, это ведь взаправду...

«Бежать, — подумал Пашка. — Бежать надо. Но как? Куда? Какой тут побег, если даже просто руки не освободишь?»

Туннас через плечо смотрел на мальчишку — сочувственно и ободряюще. Эх, если бы можно было расспросить — хотя бы просто поговорить, чтобы понимать друг друга... было бы легче. Пашка уже хотел улыбнуться в ответ... но его мысли отеснил лай, скулёрж и завывание — и в пещере появился конвой.

Пашка обмер. Конвой — это были всадники. Орки сидели на волках.

Вообще Пашка любил волков. Даже больше, чем собак, которых просто обожал. И очень жалел, что никогда не видел этих зверей вблизи. Но...

Нет, эти огромные, с пони размером, твари, на которых покачивались орки охраны, походили именно на волков, не на гиен, как в кинотрилогии. И в то же время были намного страшней и противней любой гиены. Жутковатой была даже сама манера передвижения зверюг — больше похожая на кошачью, бесшумную и какую-то... предательскую, пришло в голову Пашке странное, но верное определение. А когда мальчишка встретился взглядом с одним из волков — его пробрала дрожь. На Пашку посмотрели человеческие глаза. Причём

человека очень скверного. Жестокого, насмешливого и умного.

Волк фыркнул и отвёл глаза — равнодушно.

Щёлкнула в воздухе плеть, и Пашка сжался, сделал первый шаг — поспешный, даже слишком. Показалось, что сейчас будет ещё удар — по спине. Его не было, и Пашка немедленно возненавидел свой страх... а ещё больше — самого себя за то, что понимал: страх сейчас сильнее его. Никогда с ним такого не было. Он всегда, даже совсем в детстве, умел ломать страх. Любой. И гордился этим.

Но оказалось, что он просто не знал настоящего страха...

...Из пещер, мимо чёрных — и озарённых алыми отблесками костров внутри — входов которых шла колонна, выталкивали и вытаскивали всё новых пленных, в основном — молодых парней и мужчин. Младше Пашки никого не было, даже ровесников не наблюдалось. Сперва Пашке показалось, что людей очень много, и только снаружи он понял, что так казалось в тесном коридоре. Людей было десятка три.

Пашка успел это подумать — и стиснул зубы. Снаружи резанул холодный ветер (хотя небо было ясным, сияли россыпи звёзд — знакомых!) и даже спрятать руки под мышки или в карманы было нельзя. Но ещё хуже оказалась ледяная каша под ногами. «Я не дойду, — с ужасом подумал мальчишка. — Босиком по снегу не дойду никуда». Он бегал по снегу босиком, кто из мальчишек не бегал — ради придури, на спор... И было холодней, и снег настоящий, а не такая жижа. По там десяток-другой прыжков — и в тепле. А тут — куда идти, сколько?

Но что было делать? В спину с силой ударило (мальчишка вздрогнул) тупым концом древка копья, рыкнул зверь, дернула спереди верёвка — и Пашка пошёл, съёжившись от страха и унижения. Он не осмелился даже обернуться на ударившего его орка, чтобы не встретиться глазами со взглядом волка.

* * *

Судя по звёздам, прошло часа два, Пашка умел это определять. А ещё вспомнил вдруг, что Большая Медведица — вон она, над головой — на каком-то из языков Толкиена — Valacirca, Серп Валаров (кто такие Валары, он не помнил). Три часа ночи, он умел определять время по этой штуке.

Ступни не чувствовали совсем ничего. Совсем. Пашке казалось, что он идёт на чём-то чужом и резиновом — наверное, так люди ходят на протезах. Руки просто онемели, но несильно, связка не была тугой — вот только при малейшей попытке пошевелить руками верёвка немилосердно пилила кисти и основания больших пальцев; умеют связывать, с-с-сволочи!

От обиды — как всё нелепо и страшно выходит — глаза сырели сами, сделать с этим ничего не получалось, да Пашка и не очень старался. Он уже почти уверился, что всё кончится просто — на каком-нибудь из шагов ноги откажут, он упадёт, проволочётся на верёвке пару шагов, а потом, как в книжке про такие дела, верёвку обрежут и ткнут в спину копьём. Когда мальчишка читал про такое, он иногда ставил себя на место главного героя — и не задумывался, что убитый тоже был человеком; он же не герой, а герой-то останется жив и победит!

Себя было жалко. Но и жалость к себе выглядела как-то отстранённо, потому что ничего не могла изменить.

Мальчишка и не заметил даже, как и когда они выбрались из мокрой ледяной каши на каменную осыпь. Волки порывивали и повизгивали — под лапами камни осыпались, они съезжали назад то и дело, и Пашка вдруг подумал, что, не будь люди связаны, тут можно было бы попытаться бежать. А следующей его мыслью было: спасён! Больше ни о чём думать не хотелось, самым важным стало, что они, кажется, дошли и он стоит на ногах!

Вереница пленных ныряла в расщелину на склоне — перед входом в неё несколько урук-хайев снимали с пленных верёвки и поторапливали их пинками и толчками. Из

расщелины падали колеблющиеся отсветы пламени.

От верёвок на руках остались сине-багровые следы. А пинок сшиб бы мальчишку с онемевших ног, если бы Туннас не подхватил, повернувшись, падающего Пашку и не оттащил полуволоком к соломенной подстилке — такой же, как в предыдущей пещере, только тут не было решётки, и солома была навалена просто вдоль стены в пещерном коридоре. А на другой стене тут и там ярко горели понатыканные в расщелины камня факелы. На тюрьму это ничуть не походило.

Пашка даже не сел — упал, не выдержал, застонал. Обеими руками вцепился в ступни. Они были белые с синим. Мальчишка закусил губу, повёл вокруг взглядом.

Севший рядом Туннас — он активно растирал себе ноги, хотя они выглядели не так страшно, как у Пашки, — покачал головой и показал знаками, что надо сесть, спрятав ступни под себя. Пашка так и сделал. И через минуту ощутил покалыванье... а потом — боль. Боль нарастала... ширилась и становилась сильной... жгучей... непереносимой... ОГНЕННОЙ!!!

Орки галдели неподалёку. Один прошёл мимо, зевая во всю пасть и бездельно щёлкая бичом.

«Я НЕ ЗАКРИЧУ», — отчётливо подумал Пашка и закрыл глаза. Эти слова — красным на чёрном — повисли в наступившей темноте. А ещё в ней откуда-то снизу поднимались языки пламени, и Пашка стоял в этом пламени и не мог пошевелиться.

Всё, что он произнёс, было вытолкнутое сквозь зубы длинное и тихое: «Ммммммххх...»

А потом потом боль стала откатываться, отступать, гаснуть. Она не ушла совсем, но Пашка всё-таки рискнул сесть нормально.

Ноги стали красно-синими. По обеим подошвам из множества порезов и ссадин сочилась кровь. Но мальчишка обрадовался крови: раз идёт — значит, ноги спасены! Только бы больше никуда не гнали, хотя бы пока... Он поднял голову.

Туннас улыбнулся, кивнул, хлопнул Пашку по плечу. Сидевший по другую сторону молодой мужик с перебинтованной грязной тряпкой правой рукой тоже что-то сказал Пашке — явно одобрительно. Дёрнул углом рта и символически сплюнул в сторону орков.

«А ведь похоже, что тут много пленных воинов, — вдруг подумал Пашка вроде бы о постороннем. — Враги орков, значит... Кто же такие? Не помню по книжке... Интересно, я что, попал в ТЕ САМЫЕ времена?.. А! Нет! Ангмар же ещё цел, значит, вся история с Кольцом будет не скоро, через сотни лет. Совсем плохо, я про те времена ничего и не знаю... Чёрт, Олега Николаевича бы сюда, — он вдруг тихонько хихикнул, не истерично, а правда весело, — он-то точно знает, что к чему... и с ним нас бы эти уродцы так не схватили. Ведь был нож, костёр был, а, блин, камней куча кругом, в конце концов! И так тупо попался!» Ему стало стыдно и тошно. Себе-то можно было признаться, что он попался в плен большей частью от страха...

А ещё к Пашке вернулось его вечное любопытство. Он огляделся. Тут было полно орков... нет, не только орков, Пашка увидел и людей — причём не пленных явно. Более того, с орками они себя вели, как... как англичане с турками в Крымскую войну, пришло начитанному мальчишке на ум странное сравнение. Это были такие же рыжие крючконосые мужики, как те всадники, виденные мальчишкой на равнине. Вопреки всей логике, Пашке при виде людей стало полегче — как будто они явились сюда защищать пленников, хотя умом-то он понимал, что люди к людям могут быть ничуть не менее жестоки, чем орки.

— Рынок, что ли? — Пашка потёр палец о палец, поднял брови, повёл подбородком. Туннас кивнул, что-то коротко сказал и вздохнул.

Пашка поёжился. Мысль о том, что его продадут, не столько даже пугала, сколько возмущала и казалась какой-то... неудобной и смешной. Именно неудобной и смешной, как клоунская обувь. Кстати, вокруг не было похоже на рынок — никто не расхваливал товар, не лез к пленным в рот и не заставлял демонстрировать мускулы. Казалось, что орки уверены, что пленных купят, а покупателям — кстати, кто они? — по фигу, что приобретать. Будь Пашка опытной в жизненных делах, он бы понял, что это так и есть, потому что тут

покупали и продавали не рабов в личное пользование, когда боятся обмануться и стараются надуть, а работников в королевские шахты за Карн Думом. Это гарантировало, что купят так или иначе всех. Так чего метаться? Видимо, по этой же причине пленных и не подумали кормить или поить.

Распоряжались покупкой трое людей. Двое молодых парней — возраста Туннаса — и пузатый седобородый мужик. Пузатый-то пузатый, а ручищи, стиснутые в запястьях тяжёлыми золотыми браслетами, были там же с два Пашкиных запястья, и это явно не жир висел. Говорили все трое на языке — другом, не на том, на каком говорили пленные вокруг. Пашке показалось, что язык этих людей похож на немецкий или английский, а вот в речи Туннаса знакомых слов не улавливалось вообще. На поясах у всех троих висели большие ножи, мечи — длинные, с рукоятками, похожими на две составленные торцами катушки от ниток, топоры с маленькими полотнами, таким дров не нарубишь, только в бой. Под выцветшими, но добротными плащами мерцали кольчуги. Толстяк помалкивал, а двое молодых рулили «своими» орками (намного лучше вооружёнными и не такими шумными, как местные), как скотом. Местные орки и не спорили даже, брали кусочки рубленого золота (поменьше) или серебра (побольше) — и тут же начинали делить. Вот тут был галдэж... От тупой обыденности происходящего и отсутствия какой-либо парадности у Пашки перехватило дыхание, спокойствие и какая-никакая храбрость покинули мальчишку. Он сжался в комочек.

Кто его знает, может, поэтому его и заметили последним. Остальных уже вытащили к противоположной стене и не связывали — заковывали в цепи — такая грубая «восьмёрка» с глухим замком на запястьях, от неё — цепь к соседней «восьмёрке»; цепь была длинной и просто перекидывалась через плечо. Каждому закованному один из молодых воинов совал прямо в зубы костяное горлышко большого кожаного меха, потом в руки — большой кусок вроде бы хлеба. Брали все и пили все.

Пашка остался у стены один и испугался. Поднял голову, заморгал. Притиснулся к стене. Люди смотрели на него равнодушно, а вот двое орков — местный и пришлый — подошли и затараторили. Пашка не понимал слов, и неприятный даже на слух разговор некому было перевести...

... — Ты кого подсовываешь, крысак подземный?! — спросил ехидно пришлый орк. — Щенок совсем — одно. А другое — не здешний, а северянин, — он помотал за волосы голову мальчишки, — или йотеод. Гляди на него, буркалы пошире растопырь — соломенная башка!

— Сильный, крепкий... — восхваляющим тоном начал торговец. Пришлый орк оскалился.

— Фы! Северяне упрямые! Не будет работать, будет убегать, купить и убить — убыток! Йотеод ещё хуже —дохнут под землёй сразу. Их если покупать, то совсем детёнышей, чтоб ничего не помнили, не знали ничего. Взрослого купишь, а он тебя камнем в башку тюк — и что?

— Какой он тебе взрослый?! — праведно возмутился торговец, заслоня Пашку, как родного. — Детёныш и есть!

— Бреешь, пёс!

— Сам визжишь, как крыса, тварь подземная!

— Убью! — Пришлый схватился за широкий нож, торговец сделал то же... Их растащили с гоготом приятели того и другого. Люди презрительно усмехались и нетерпеливо переговаривались. Торговец напоследок деловито плюнул в пришлого и сказал:

— Полмарки золотом.

— И мою сестру в придачу, — отреагировал пришлый.

— Имей её сам, мне не надо, — под общий на этот раз хохот отбрил его торговец и довольно оскалился. Пришлый орк махнул лапой и, ворча, полез в кошель.

Пашка проследил, как из лап в лапы перекочевал тут же, на месте, отрубленный ножом кусочек золотой палочки. Как киевская гривна в учебнике истории за 6-й класс, только

гривна серебряная... Мальчишка дёрнулся, отчаянно вскинул глаза — это за него?! Его... продали?! До этого он мог считать себя пленным. Пусть струсившим, пусть нелепо угодившим в лапы орков, но — пленным! А теперь что?!

Второй раз он дёрнулся, когда на запястьях клацнул замок. Вскинулся. И уронил голову...

...Люди снаружи уже гарцевали верхом на крепких маленьких лошадках, выстраивался волчий конвой орков. Эти орки, видимо, не боялись солнца — оно вставало за спиной выходящих из пещеры людей, из-за гор.

Хлеб был чёрствый, но не противный, не несъедобный.

Делая первый шаг на раскисшую, но уже бесснежную землю, Пашка вздрогнул. Стиснул зубы — ногу обожгло холодом и болью. И, тяжело поднеся к лицу скованные руки, начал есть по-настоящему.

Глава 8, в которой все бегут

На острые грубые колья, установленные между камней, были надеты животами люди. Уже мёртвые, с облегчением отметил Пашка. Но глаз оторвать не мог, смотрел с жадным тёмным любопытством, чувствуя, как пустой желудок начинает скручиваться в узел — плавно и туго. Правда, мертвые были не очень похожи на мёртвых людей, скорей на какие-то неумелые декорации-манекены. Смешно, но в кино трупы часто выглядели... живее, что ли? Страшнее...

Их было четыре. Четыре молодых мужика и маль...

Пашка споткнулся, но даже не ощутил боли в ушибленной ноге. Нет, никакой это был не мальчишка, просто очень миловидный и безбородый... Кто? Высокий, выше казнённых людей. Темноволосый, с очень красивым, не искажённым мучением, а как бы застывшим лицом, белым, как лицо статуи...

...не человек.

Эльф.

Пашка понял, что это эльф.

Ехавший сбоку от колонны всадник что-то сказал рабам, вытягивая руку (на казнённых смотрели все, не только Пашка). Не нужно было знать языка, чтобы понять: предупреждает — вот так, мол, со всеми будет, кто сбежит. Или, может, кто пойдёт против воли Ангмара? Не важно. В общем, за сопротивление — смерть.

Странно, но почему-то от этого в Пашке окреп какой-то стерженёк — тонкий, но прочный. Может быть, потому, что людям его крови грозили смертью за сопротивление самые разные враги — из века в век уже не одно тысячелетие? Или ещё почему? Но только Пашка смотрел на мертвых и не боялся, а...

— Загарадун!²⁰ — вдруг выкрикнул кто-то в голове колонны. И несколько (мало, но не один и не два) голосов поддержали:

²⁰ Меч Запада! (*адунайк*) — боевой клич королевства Арнор, позже — княжества Артедайн.

У Толкиена упоминается, что переселившиеся после гибели Нуменора в Средиземье «верные» говорили на синдарине — в знак того, что они не имеют ничего общего с прочими нуменорцами, осквернившими себя общением с Сауроном и пользовавшимися адунайком. Позже в знаменитой Трилогии упоминается, что языком почти всех людей стал весторн, возникший на основе комбинации синдарина, того же адунайка, древнего языка людей талиска (у меня талиска передан искажённым саксонским диалектом древнегерманского) и — в меньшей степени — других языков Средиземья. Но Профессор не уточнил, когда, в какой момент весторн «задавил» адунайк. А между тем жившие на берегах Средиземья нуменорцы и их подданные (именно они составили большинство населения Арнора и Гондора, причём подавляющее большинство) говорили-то именно на адунайке! Поэтому я взял на себя смелость представить дело так, что в Трёх Княжествах говорят всё-таки по-прежнему на адунайке (и синдарине отчасти), а весторн ещё не «оформился». Ну, в конце концов, до событий Трилогии ещё две тысячи лет (*Прим. автора*).

— Загарадун! Загарадун!

— Загарадун! — крикнул Туннас. Перед лицом Пашки свистнул бич, пересёк спину Туннаса, но тот только вздрогнул. И тогда Пашка — хоть и не знал этого слова — тоже крикнул, вызывая крикнул прямо в лицо подскакавшего орка:

— Загарадун! — И молча стерпел удар по плечам, хотя он пришёлся точно по одному из прошлых вспухших рубцов. Туннас удивлённо и благодарно посмотрел на Пашку и о чём-то спросил. Пашке подумалось: «Наверное, спрашивает опять, откуда я». Мальчишка улыбнулся и повёл плечами. Видно, Туннас понял, что Пашка просто хотел показать, что не сдался и сам не понял, что крикнул. Но ободряюще кивнул мальчишке...

...Они шли уже четыре часа — по какой-то дороге на юг. Пашка не знал языка своих спутников и товарищей по несчастью — иначе он бы понял, что все они очень удивлены и даже встревожены этим странным обстоятельством, ведь копи Карн Дума находились на севере... Но он просто шагал и мёрз. Правда, не нестерпимо — ветер то и дело утихал, и тогда солнце реально пригревало, земля и трава хоть и не высохли, но более-менее согрелись. Правда, идти было всё равно больно. Хорошо, что всадники никуда не торопились, качались себе в сёдлах в голове каравана, а орки без их команды явно не могли и воздух испортить. И только когда на скалах справа показалось это... украшение, рыжие оживились.

Кстати, на крики они особого внимания не обратили. Но — то ли так и было запланировано, то ли в отместку за непокорность — привал объявили именно тут, прямо под казнёнными.

Поднялся шум и гам, всадники — и орки, и люди — соскакивали наземь, рассёдлывали своих животных. Пленных усадили на траву — цепочкой, как они были скованы. И Пашка удивился, увидев, как именно к нему подошёл один из младших людей. Что-то сказал, толкая мальчишку носком мягкого сапога в бедро. Пашка напрягся... и тут вмешался Туннас. Он что-то насмешливо объяснил — и эта насмешка была не над Пашкой. Видно, её ощутил и рыжий — он ударил Туннаса в плечо ногой, опрокинув на спину, Пашку дёрнуло вбок. Туннас тут же сел снова и молча показал скованные руки. Толстяк окликнул младшего соратника, и тот потупился. Потом сломал ветку сухого вереска, показал Пашке. Помахал перед носом — мальчишка невольно отшатнулся. Рыжий показал, как берёт охапку, мотнул головой, сделал какое-то странное движение... как будто ложкой ест...

И Пашка понял — посылают за дровами...

...Что ж. Мысль о побеге, конечно, пришла — пришла сразу, как только щёлкнули под большим ключом тяжёлые наручники. Но была она похожа на перепуганного кролика, который бежит в свете фар, не зная, что уже, в сущности, пойман. А ещё как только Пашка отошёл от стоянки он увидел, что следом идёт волк. Один из орочьих. И никто из конвоя в сторону карабкающегося по осыпи мальчишки и не смотрит.

Страх мгновенно лишил мальчишку собственных мыслей и желаний. Под взглядом человеческих глаз зверюги он заледенел и двигался, как автомат. Наломал росшие в расщелинах, ещё не зазеленевшие после зимы сухие стволы берёзок — много, еле дотащить. Отволол к стоянке.

Волк шёл следом.

Рыжие люди на Пашку не смотрели. Только когда он сложил принесённое, старший, глянув мельком, перебрал мальчишке что-то... А! Кремень и кресало. Кремень был, скорее всего, кварцем. А кресало похоже на кусок напильника. Как всем этим пользоваться, Пашка в теории знал и даже с интересом попробовал бы... если бы не обстоятельства.

— Трут... — сказал он, кашлянул и повторил. — Трут... надо... Так не загорится.

Люди переглянулись. Самым странным и... и жутким было то, что у лица у них были не злые, не жестокие, не насмешливые — усталые, особенно у старшего. Равнодушные даже. В глазах — непонимание, но снова без злости. Но потом один из молодых — не тот, который расковывал Пашку, — ворча, встал, потянулся, потёр под смех двух остальных отбитый о седло зад... И принёс от сложенных сёдел коробку, из которой достал что-то, похоже на

комков из тонких ниток. Пашка, взяв это в руки, понял — сухой мох.

Ну что ж... Как ни странно, но трут занялся сразу — Пашка не ударял кремнём о кресало, а скрёб (где-то читал) — и искры сыпались градом. А складывать костры (сейчас он сложил обычный «шалаш») он умел уже сто лет. Вскоре огонь заплясал вовсю — берёза хорошо горит и сырая, — и молодые конвоиры оживились, стали вгонять в землю по сторонам костра металлические стояки, потом один приволок здоровенный котёл, а второй вместе с Пашкой пошёл за водой — с двумя кожаными вёдрами. Причём одно тащил сам.

Вода текла в сотне шагов от лагеря струёй из-под двух нависших балконом камней. Пашка сунулся к ней — только сейчас ощутил, что внутри всё спеклось в камень, — и получил в ухо.

Удар был нанесён без злобы, но с такой силой, что Пашку швырнуло на камни, слышать левым ухом он перестал, а эта сторона головы онемела.

Мальчишка вскочил и бросился на рыжего. Целя под дых правой, а левой — рабочей — прикрываясь. И сумел! Рыжий не знал, что Пашка левша. И словил хук в челюсть. Причём классный — на ногах рыжий устоял только потому, что грохнулся спиной в отвесную каменную глыбу...

...Да.

Что скажешь?

Так Пашку не били ещё никогда в жизни. Рыжий быстро раздавил организованное сопротивление мальчишки (которое тот всё же оказал и пару раз попал удачно) и умело молотил кулаками, поднимал упавшего и бил снова. Когда Пашка перестал сопротивляться (просто потерял сознание), позволил упасть (упавшего не ударил ни разу) и отлил водой.

Пашка привстал и плюнул ему на сапог кровью из лопнувшей изнутри левой щеки. Рыжий не стал его бить больше — вздохнул вдруг как-то странно, чуть ли не сочувственно, и стал сам набирать воду в вёдра...

...Оказалось, что кормить горячим будут и рабов (орки давно что-то пожрали и просто валялись на каких-то подстилках, галдели или спали; волки бродили вокруг — то ли охотились, то ли дозор несли, то ли и то и другое...). Впрочем, Пашку это не обрадовало. Он лежал на сдвинутых ногах Туннаса и ещё одного молодого парня (не на сырую же землю валиться?) и шипел — Туннас вытирал ему лицо намоченным в талой воде краем Пашкиной же майки, что-то одобрительно приговаривая. Пашка через силу улыбался. Странно. Ему было больно, офигенно больно. И в то же время как-то... бодрее он себя, что ли, чувствовал? Немного побаивался продолжения — сейчас разложат на камнях и отлупцуют плётками. Но люди сюда даже не смотрели и говорили про что-то своё, по очереди пробуя из котла.

Ну что ж, вломили крепко... Помимо рассечённой щеки шатались два зуба. Болели рёбра и ныло ухо.

— Хватит, ладно. — Пашка отстранил вновь скованными руками пальцы Туннаса с подолом своей майки и сел. Поёжился. — Холодно. И жрать охота...

...Жрачку плюхали в деревянные миски — их везли в одном из выюков. А вот ложек не полагалось. Видимо, считалось, что густую кашу рабы съедят и так. Ну что ж...

Каша оказалась гречневой — густой, почти несолёной и, конечно, без мяса или чего-то похожего. Просто пустая каша (а сами лопали с копчёным мясом, судя по запаху). Но живот у мальчишки давно подвело до предела — так, что и голод-то немножко отступил, вернулся только при виде каши, но с утроенной силой. Правда, есть было плохо — пару раз горячая каша попадала изнутри на раненую щёку, и от боли слёзы наворачивались на глаза. Да что ж такое?! Да и «браслеты» мешали, Пашка дёргал руками, сердито зыркал вокруг... и в какой-то момент понял, что его правая кисть от одного из таких рывков до середины пролезла в кольцо!

Пашка обмер. Тут же заставил себя жевать, прикрываясь миской. А правой рукой покручивал, пока железо не врезалось в кожу совсем уж нестерпимо.

И понял, что, пожалуй, сможет вытащить руку. Кольцо, рассчитанное на крупную кисть — мужскую или здешнего юноши, может, даже много работавшего старшего

мальчишки — для узких кистей невысокого Пашки оказалось широко.

Туннас, глядя на Пашку, плавным движением задвинул его кисть обратно (на руке выступила кровь из широкого стёса-ссадины). Второй сосед в этот момент пересел, прикрывая происходящее. Пашка посмотрел Туннасу в глаза — в упор, неотрывно. Тот покачал головой, незаметно указал на волков. Потом, не переставая есть — прихватывать прямо губами из стоящей на поднятом колене чашки, опустил руки и на мокрой земле начал чертить линии.

— Rhudaur, — он показал на себя. — Thani... ugru...²¹ — поморщился, показал на себя, потом повторил: — Rhudaur... — И показал, как перерезает горло.

— Я понял, — кивнул Пашка. — Твоя земля. Рудаур. Тут плохо. Да?

Наверное, Туннас понял только кивок, но в ответ кивнул. Ткнул в чертёж:

— Nen... — украдкой повёл вокруг, обводя рабов, орков, волков...

— Мы... — прошептал Пашка и снова кивнул. Туннас опять ответил кивком. И провёл решительную черту на юг (кажется):

— Cardolan, — и ещё одну — на юго-запад: — Arthedain... — повторил, — nêh... — И пальцами показал идущего человека, потом — на свои чёрточки.

Пашка опять кивнул. Он на самом деле понял. Они идут не на север, которого сначала так боялись его спутники. А почему-то на юг. Туда, где... эти Кардолан и Артедайн. Арнорские княжества, где «хорошие парни».

А вдруг получится сбежать?! Пашка быстро посмотрел в стороны, как будто его мысли могли подслушать конвоиры. Туннас — с блеском в глазах — тронул кольца на руках мальчишки и одобрительно кивнул: мол, да, можно будет попробовать! Это было ясно без слов.

Но тут же Пашка внутренне окаменел, как от заморозки. А заморозила его одна простая мысль: он-то руки вывернет. А дальше... а ведь дальше надо будет помочь освободиться остальным. Иначе он... кто?!

А они тебе кто, взбунтовалось что-то внутри — с подвизгом взбунтовалось! Получится — беги со всех ног и...

Он опять встретился глазами с Туннасом, который, тоже явно повеселев, со вкусом вылизывал миску. И тот, высунув из миски нос, подмигнул Пашке.

* * *

Ну что ж... Хорошо было уже и то, что миски мыть досталось не Пашке — его, как видно расковырять снова поопасались. Пустячок, а приятно. Плохо то, что опять пришлось идти, и, хотя ветер улёгся, верхом натянуло тучи, и из них начал сеяться холодный дождь. Орки были вроде бы как даже довольны, хотя от них и их волков понесло мокрой вонью. Волки воняли намного приятней... Да и спать хотелось, глаза слипались.

«Ох заболело, — подумал Пашка, переставляя ноги, которые опять начали коченеть. — Точно теперь заболело, а что тогда? Аспирином поить не будут и даже мёда наверняка пожалеют. Куда мы тащимся-то?!»

От невозможности просто поговорить с кем-нибудь Пашка добавочно бесился. И как-то даже не сразу сообразил, что они подходят к лесу, а под ногами — утоптанная дорога, хотя и размокшая, но явная, прорезанная тут и там следами телег и конских копыт. Холодная грязь, похожая на мерзкое мыло, оказалась такой же скользкой, Пашка несколько раз чудом сохранил равновесие, а в колонне двое или трое падали и быстро поднимались.

Через полчаса после начала дождя они миновали то, что издалика казалось грядой холмов. Вблизи Пашка понял — это не холмы, а вал. Старинный вал, тянувшийся на восток и запад, сколько хватало взгляда. Через равные промежутки на «холмах» были видны почти

²¹ Земля... тьма... (адунайк).

сровненные с землёй серые каменные кольца — руины сторожевых башен... Между двух таких — в лощину, которая когда-то была, наверное, проёмом ворот, — колонна и прошла.

— Angmar. — Обернувшись, Туннас кивнул назад, на север. — Rhudaur. — Он качнул головой вперёд...

...В лес колонна вошла ещё через пару часов, торопясь укрыться от дождя. Мальчишка почти позабыл о том, что с ним случилось, о холоде, мокрой насквозь одежде, заоченевших ногах и оковах, которые стёрли запястья до крови.

Лес был грандиозен. По сторонам от дороги строем стояли сосны — в три-четыре обхвата, с красно-коричневой трещиноватой корой, вознёсшие на дикую просто высоту компактные вечнозелёные кроны (минус — в грязи на дороге было полно иголок, острых, как настоящие иголки). В подлеске густо рос можжевельник. Дух стоял — смесь весенней сосны и весеннего же можжевельного аромата. Показалось, что даже стало теплее. И просто-таки не верилось, что в сотне шагов отсюда — мокрая тундра и чёрные холодные скалы, под которыми живут орки. Жаль, что восхищения хватило ненадолго — вернулись боль в руках, рту и спине, холод, сырость, и Пашка почувствовал себя очень несчастным. Просто до предела. Впрочем... он вдруг усмехнулся. Он уже не раз за короткое время пребывания тут думал: ну, всё плохо, дальше и хуже некуда! И каждый раз оказывалось — очень даже есть куда. Станным образом эта мысль немного утешила. Пашка даже стал вспоминать карту из книжки. Но не мог её вспомнить — и сбился на недоумённые размышления о том, что всё-таки произошло нечто совершенно невозможное. Можно попасть в иное время, иное пространство, на иную планету — предположим! Чёрт с ним, с разумом!!! Но в книжку?!. Это уж совсем запредельное...

А дорога между тем оживилась. Пару раз навстречу проскочили верховые, потом минут пять навстречу же тянулся обоз — запряженные философского вида битюгами большие возы с закрытой дерюгой поклажей, на которых сидели нахохлившиеся мужики в плащах. Потом ещё один отряд — пеший — уже обогнал рабов. Человек сто, не меньше, почти все — рыжеголовые, с косами на висках, шагали вразброд, но бодренько, следом за мотающимся на древке значком, похожим на римский легионный, только на полотнище синего цвета был изображён золотой боевой топор. За плечами воины несли кожаные мешки, щиты в чехлах, копья... На ходу они перекликались с едущими в голове колонны рабов всадниками — и Пашка мог поклясться, что голоса были насмешливые. Конвоиры-люди отмалчивались. «А ведь, похоже, — подумал Пашка, — им не очень-то по душе эта роль — конвоиров... Даже морды спрятали».

Туннас опять что-то сказал, кивая вслед воинам. Пашка вздохнул:

— Эх, не понимаю... А то бы спросил, скоро ли придём...

Дождь между тем перестал, и над деревьями расчистилось небо, появилось солнце. У Пашки возникла ещё одна проблема — всё сильнее хотелось в сортир обеими способами. А что-то подсказывало: вряд ли из-за этого станут останавливаться. Почему-то невозможность такого элементарного дела, то, что он и тут зависит от чужой воли, мальчишку обозлила донельзя. Кроме того, желание становилось довольно-таки мучительным. И орки, и их волки решали эту проблему, не останавливаясь, но это вызывало лишь отвращение, а не желание последовать их примеру.

Пашка уже начал изводиться всерьёз, когда вдруг потянуло в ещё сыром воздухе дымом, потом послышались собачий лай и людские голоса, справа резко, сразу началась росчисть, на которой что-то делали люди — десятка три, а за нею поднимались дымки над какими-то строениями. От дороги стремглав улёпётывали к работающим в поле дети, штук десять — бежали и вопили. К тому времени, когда колонна подошла к деревне, навстречу уже вышло не меньше дюжины мужчин — с большими топорами и копьями, снабжёнными широкими наконечниками. Их возглавлял здоровенный старик... или просто седой, потому что никаких других признаков старости заметно в нём не было, и жест длинной узловатой руки, украшенной золотыми браслетами (седой был гол по пояс), выглядел королевски-повелительным.

Колонна остановилась. Пузатый «босс», как окрестил Пашка начальника конвой, спешился и заговорил с седым. Остальные разглядывали конвой хмуро и напряжённо. Пашка заметил, что в поле все побросали работу, а убежавшие было дети подошли почти вплотную. Они были только в цветастых клетчатых рубашках — черно-белых, — не сразу поймёшь, где мальчишки, где девчонки; все лохматые, рыжие, длинноволосые, чудовищно грязные, но с живыми, ясными глазами — любопытными, немного испуганными и явственно жалеющими. Заметил Пашка и то, что орочий конвой старается держаться как можно ближе к рабам и подальше от местных людей. Орки не галдели, не задирались и вообще вели себя тихо.

Седой тем временем именно на орков пару раз и показал, а потом, когда толстяк что-то стал возражать, отмахнул рукой — как мечом рубанул. И толстяк тоже махнул рукой, но с досадливо-согласным видом, а потом отдал короткую команду — и волчьи всадники порысали дальше по дороге. Следом пошли полдюжины местных мужчин. Остальные окружили рабов, и колонна снова двинулась. Седой прикрикнул и на детей, и на работников в поле, а сам пошёл рядом со спешившимися конвоирами-людьми.

Кряжистый молодой бородач из местных, занявший место рядом с Пашкой, хмуро поглядывал на мальчишку, качал копьём, потом крикнул в голову:

— Hay, wir strappa sveyni? Im dennat tarkan, im'sta yothejd... Tennka yearn torra mitr, tok hyllda!²²

Пашка быстро закрутил головой, встретил взгляд Туннаса — отчаянный и в то же время как бы говоривший: «Повезло...» — но седой отмахнулся, и бородач, ещё что-то проворчав, сожалующее посмотрел на Пашку и больше не говорил ничего. Пашка так и не понял, чего тот хотел...

...Деревня оказалась за невысоким, но добротным частоколом — с помостом для воинов, с мощными — впрочем, открытыми настежь — воротами. Странным Пашке показалось только одно — каменные воротные столбы, покрытые резьбой в виде выющихся бесконечно цветов и стеблей. Столбы эти совершенно не вязались с общим видом деревни, где было грязно (впрочем, может, это после зимы?), а дома, сложенные из каменных плиток, законопаченных в широких щелях желтоватым мхом, бурели плоскими соломенными крышами.

Таким же было помещение, в которое привели рабов. Впрочем, нет — хуже, потому что тут никто не удосужился законопатить щели мхом и пахло очень знакомо Пашке — свиньями. Под КПЗ решили приспособить то ли брошенный, то ли временно пустующий хлев (запах из таких мест почти никогда не выветривается).

Но это была крыша над головой. Плюс к этому рабов расковали. Хотя, как и опасался Пашка, туалета тут не предусмотрели. Впрочем, подумал он об этом, уже сделав свои дела у дальней стены. И вздохнул. Что тут скажешь... Всё не в штаны, уже маленькая победа.

Трое местных натаскали внутрь соломы. Прошлогодней, но много, чуть ли не стог. А через пять минут после этого, не больше, появилась женщина, которая принесла вместе с двумя мальчишками несколько больших плоских лепёшек и два здоровенных круга сыра. Что-то приговаривая, она ловко разделила еду на всех. Пашка опять взбеленился на свою глухонему — многие о чём-то спрашивали и её, и мальчишек, и все трое охотно отвечали. Напоследок те же пацаны приволокли бадью с водой — и двери заперли. По поведению своих спутников Пашка понял — всё, больше сегодня никуда не погонят.

Хлеб оказался свежий, но непривычный, тяжёлый какой-то (тот чёрствый кусок, съеденный утром, Пашка по вкусу не мог вспомнить, чтобы сравнить). То ли непропечённый, то ли тут такой всегда едят (вернее было второе, остальные ели и никакого недовольства не выказывали). А вот сыр был очень хорош, похож на брынзу, которую Пашка обожал. Жаль, что кусок был всего-то в треть ладони. Да ещё Пашкиной, не мужской.

²² Эй, куда гоните мальчишку? Он не нуменорец, он йотеод... Сменяйте его мне, заплачу золотом! (талиска).

Он свалился на солому, как подкошенный, дожевал то, что ему досталось, лёжа, даже запивать не стал. И понял, что его знобит. Оставалось надеяться, что это просто тряска после холода, и это пройдет. Пашка постарался себе подгрести побольше соломы и по возможности зарыться в неё. «Аппетит-то никуда не пропал, — успокаивал он себя, — а у меня при температуре первым делом отрубает желание есть. Обойдётся. Должно обойтись...»

Ох, как навалилась на мальчишку — от головы до кончиков пальцев ног! — давящая усталость! Растёртые в кровь запястья, запухшие рубцы на спине, пораненные, сбитые и начавшие отогреваться ноги — всё заныло, но это нытьё только усиливало желание спать и спать.

Пашка закрыл глаза и сразу поплыл в сон — без сновидений, глухой, чёрный и беззвучный...

* * *

Проснулся Пашка от собственного плача — тихого и безутешного.

Глубокий сон усталости — сон без сновидений — в какой-то момент сменился кошмаром. Пашке снилось, что он бежал, но его поймали и сажают на кол. Даже крикнуть не получалось, и мальчишку разбудил свой плач.

Но всё-таки действительность — душноватая и в то же время довольно холодная — оказалась в тысячу раз лучше сна. Озноба у мальчишки больше не было; он перевёл дыхание и провёл рукой по мокрому от слёз лицу, облегчённо привыкая к мысли, что ужас ему только снился. Нет ничего хуже рабства, подумал он и поёжился. Оказывается, есть вещи, по сравнению с которыми рабство может быть хуже только на словах...

Но... странно. Почти тут же что-то в Пашке взбунтовалось при этой мысли. Взбунтовалось не как днём, судорожными толчками, смешанными со страхом, а непримиримо и яростно. Он не облакал своей ненависти к схватившим его оркам и их неведомому хозяину не то что в слова — даже в мысли. Не искал объяснений и оправданий. Но для себя чётко решил: бежать при первой реальной возможности. И — если будет хоть малейший шанс! — помочь бежать остальным. Почему?! А ни почему, а по хрен — просто потому, что он так хочет, а не так — не хочет! Эх!!! Не поговорить ни с кем, а без знания мира, в который он попал, бежать сложно... Пашка скомкал солому и пристукнул кулаком по её подушке. Не будет он рабом, не хочет и не будет, и всё тут!!!

Но притворяться — будет. Пока будет. На кол не хочется, да и по морде получать — не велико удовольствие...

Самое мерзкое — эти волки. Вспомнились глаза, и сейчас, ночью, когда чувства обострены, мальчишка отчётливо понял: это никакие не волки, а существа умнее, намного умнее своих наездников-орков. Как кони у Братьев Ели в книгах Муркока про Корума Лло Эрайнта. Вопрос в том, умнее ли они людей?

Хм... Но сейчас волков и их наездников в деревне нет. А местные не горят желанием пачкаться работоторговлей. Пашка перевалился на бок, встал на четвереньки и подобрался между спящими к щелястой стене. Сложена она была умело, крепко, хоть и с дырами и без цемента — без шума не расшатаешь. Деревня спала, но у ворот горел костёр и возле него виднелись тени. Лошадей не видно нигде... Местные караулят, что ли?

Пашка вздрогнул — его взяли за плечо — и отшатнулся, готовясь защищаться. Но в отблесках через щель сверкнули глаза Туннаса.

— Я хочу бежать, — прошептал Пашка. — Понимаешь? Бежать. — Он показал пальцами. Туннас кивнул и тряхнул Пашку за плечи — одобрительно. Потом выставил шесть пальцев — руку и ещё один, — показал на себя, выставил ещё один, показал на Пашку — выставил восьмой. — Восемь человек хотят бежать? — прошептал Пашка. — Восемь, да? Со мной и с тобой?

— Tolodh,²³ — кивнул Туннас. Сложно было не понять, о чём говорит мальчишка. Туннас пошевелил руками, показал два пальца кольцом. Кивнул на Пашку.

— Без вопросов, — кивнул мальчишка и сглотнул от волнения. — Я помогу. — Он несколько раз кивнул, помедлил и, протянув руку, пожал ладонь юноши. Туннас несколько недоумённо посмотрел на Пашку, потом улыбнулся и крепко, резко перехватил его правую руку под локтем своей. Пожал. — А, вот как у вас, — тоже улыбнулся Пашка. — А я вообще-то левша...

* * *

Утро было солнечным и холодным, но безветренным. Грязь от вчерашнего дождя схватило морозом. Иней сверкал, как рассыпанное и развешанное серебро, но от этой красоты становилось не по себе. Тем более что притащившие хлеб и большой котёл с какой-то похлёбкой (следом вошёл один из молодых конвоиров — с мисками) двое мальчишек явно поясняли людям в хлеву, что снаружи холодно. Правда, сами они были босиком... хотя им-то из дома никуда не шлёпать.

Рабы особо никуда не торопились — поднимались, явно ругались, потягивались, переговаривались... Пашке хотелось почистить зубы. Ужасно хотелось. Даже больше, чем есть.

В котле оказалось что-то жидко-мучное и вроде бы с грибами. Хлебать это пришлось через края плошек... и, кстати, похлёбка оказалась вкусной. Реально вкусной, а не просто с голоду. Рыжий конвоир зевал во нею пасть и сонно посматривал вокруг. «А вот скрутить его сейчас, — вдруг подумал Пашка, жуя хлеб. — Их тут всего трое... а местные... Неужели будут за них воевать? Орки рядом, но не здесь же...»

Нет. Его собратья по несчастью в основном не выглядели трусами. И если они не пользуются таким явным шансом — значит, есть причина. Видимо, местные не любят работорговлю в принципе, но всё равно враги южанам. Хотя странно как-то. Туннас говорит, что это Рудаур — его земля. Но он внешне не похож на деревенских совсем. Путаница какая-то... Хотя (Пашка вздохнул) что он тут вообще пока понимает? Ни фиги.

— Люблю я русскую еду, — пробормотал он, — но ем обычно, что найду.²⁴

Пока ели, подошли двое других конвоиров. С ними шёл вчерашний старик, все трое держали в руках кружки с чем-то дымящимся; ещё одну молодой конвоир принёс своему ровеснику. По хлеву поплыл аромат корицы и яблок. Кто-то громко сказал что-то вопросительным тоном, вокруг засмеялись, и даже конвоиры поддержали, а седой так просто захохотал, разевая пасть — с удивительно крепкими целыми зубами.

Говорят они на разных языках, отмечал Пашка. Эти, рыжие — на языке, немного похожем на английский и немецкий. А почти все ра... пленные — на совсем непонятном. Но языки друг друга они понимают. Карту бы вспомнить, ведь была карта... Пашка тщетно мучил себя — и, как часто бывает, стоило ему отчаяться и перестать думать о карте, как она вспомнилась неожиданно подробно.

Их ведут на юг — к горе Эмон Сул и Восточному Тракту, тому самому, по которому хоббиты шли в Раздол. Но тогда там не было никакого государства. А сейчас там... что? Шахты? Лесозаготовки? Поля? Все остальные тоже удивлены, видно, раньше туда людей не гоняли... Значит, не шахты, не лесозаготовки, не поля... что-то совсем новое. Вряд ли хорошее...

За всеми этими мыслями Пашка пропустил момент, когда их стали заковывать и выводить наружу. Хрень!!! Мёрзлая грязь резанула ноги, как битое стекло. Ещё новая попытка

²³ Восемь (*адунайк*).

²⁴ Высказывание действительно принадлежит П. Зубкову.

— ну ладно, счёт будет больше.

Деревня проснулась уже давно. Провожали караван только вездесущие ребяташки. Напоследок — уже у леса — кто-то из них запустил свежим навозом в толстого начальника конвоя, и вся свора детворы с хохотом ринулась наутёк. А уже за опушкой навстречу попался рослый парнишка — Пашкиных лет, в потёртой одежде, грязных сапогах, с копьём в руке и двумя белыми поджарыми псами, которые тут же встали по бокам от хозяина, едва появились чужие люди. Левая рука мальчишки была обмотана окровавленной тряпкой, вообще выглядел он разухабисто-небрежно... но шею, запястья и ухо украшало золото — витая толстая гривна, массивные зарукавья и серьга. Следом показались четверо пацанов младше — они с натугой, но весело тащили на волокуше огромного кабана, однако замерли на месте, увидев процессию.

Проходя мимо, Пашка встретился взглядом с синими прищуренными глазами своего ровесника. В них была гордость — врождённая и неосознанная гордость молодого хищника, не знавшего до сих пор поражений в жизни. Было глубокое презрение — но не к Пашке и не к другим закованным. И было откровенное сочувствие — именно к ним.

* * *

К счастью, грязь очень быстро подтаяла. А нагнавшие колонну почти сразу орочьи всадники опять окружили идущих. Пашка заметил, что их вроде как стало... меньше, что ли? И некоторые явно были ранены.

«Засекли» это и другие пленные. По колонне пробежал шепоток. Впрочем, разгадка пришла почти сразу — через какие-то полчаса неспешного хода-волочения.

Слева открылась вырубка, на которой тут и там лежали тела орков и волков — примерно десяток и полдюжины. Тут же находились ещё с десяток орков — тяжелораненые и кое-как перевязанные. А самое главное (Пашка подобрался), лежали два больших коня и воин-человек. Пашка не мог толком разглядеть его — и конские трупы, и труп человека лежали у опушки метрах в ста. Зато...

Колонну остановили, всадники спешили. Двое орков волоком протащили от опушки к толстяку-начальнику молодого, лет Туннаса, парня в доспехах, помятых и покрытых кровью. Пашка заметил, что у него явно перебита правая рука и рассечена голова — кровь всё ещё вяло лилась по длинным светлым волосам. В нескольких местах висели обрывки кольчуги, похожие на обрывки свитера — тоже перепачканные кровью. Поверх доспеха — тоже оборванная и окровавленная — была надета серая накидка с алым гербом: орлом, распростёршим крылья.

Замерев и вытянув по швам стиснутые в кулаки руки, Пашка наблюдал за происходящим. В сущности, молчали все, только орки галдели над своими ранеными. Да ещё раздался резкий голос толстяка, он стоял, широко расставив ноги и похлопывая плетью по левой ладони, и сейчас что-то сказал пленному. Ткнул плетью в орла на накидке.

Стоявший перед ним парень выпрямился, придерживая правую руку левой. Пашка хорошо видел бледное от потери крови и, наверное, страха, лицо с тонкими чертами, чем-то похожее на лицо Туннаса. Губы пленного скривились, он ответил коротко и отвернулся. Нет, понял Пашка, не боится он. Не...

— Ох! — вырвалось у мальчишки, и Туннас, подавшись к нему, звякнул цепью и прижал лицом к себе. Но Пашка всё равно видел — не смог, не успел отвернуться...

Орки навалились на пленного и швырнули его на колени. Во взметнувшейся руке толстяка красиво, чисто сверкнул на солнце меч — длинный, прямой. И как-то легко, играючи рухнув вниз, отсек пленному голову. Она с неожиданно громким тупым стуком упала на мокрую обочину под гогот орков. Тело ещё несколько мгновений стояло на коленях, выбрасывая две густые, очень яркие струйки, потом рухнуло на бок, перевернулось на спину, как живое, и оттолкнулось ногами, дёрнулось... наконец замерло.

Пашка ощутил сильнейший спазм в желудке и головокружение. Быстрота и простота

расправы показались ему душным плотным одеялом, которое набросили на плечи и голову — а сверху ещё навалили тяжеленный мешок. Мальчишка понял, что теряет сознание от ужаса и отвращения — и никак не мог избавиться от стоящей перед глазами картины: она снова и снова вспыхивала на тёмном фоне наваливающегося обморока — как стоп-кадр из страшного фильма.

Фильм, фильм, фильм, затвердил Пашка про себя, стараясь сосредоточиться на ощущении рук Туннаса на плечах и спине.

Но колонна пошла дальше. И Пашка увидел — увидел у своей ноги, левой — обезглавленное тело, из которого всё ещё вытекала кровь. Лицо валяющейся рядом головы, к счастью, было скрыто волосами.

Мимо протрусили два волчьих всадника. Один из волков повернул голову, уставился в глаза Пашки.

На этот раз мальчишка не отвёл взгляд. Волк приподнял губу, обнажая клыки — клыки в палец длиной.

И тогда мальчишка тоже оскалился. Не в шутку — всерьёз...

...волки прорысили дальше.

* * *

К остановке на обед стало совсем тепло, казалось даже, что наступило лето. По дороге то и дело шли обозы, конные и пешие отряды и одиночки — все с оружием. Пару раз снова начинались поля, в которых виднелись деревеньки. А один раз влево свернул короткий отрезок дороги, вымощенной камнем. Около поворота лежали какие-то каменные куски — вроде бы разбитая статуя. А чуть дальше — на плоском холме — чернели развалины замка. Не такого мощного, как в книжках, но явно замка... Развалины не производили впечатления древних, вот что отметил Пашка, против воли трогая языком изнутри опухшую щёку. Даже скорей было похоже, что замок не так давно взяли штурмом...

...Снова та же каша. Впрочем, нашагаешься вот так — и съешь что угодно. А на обочине — склоне, который уже порос травой и прогрелся, — было сидеть даже приятно. Орки на этот раз не отдыхали — шныряли вокруг снова и снова, петли и круги нарезали, и Пашка старался понять, что ж они так беспокоятся?

Мальчишка вздохнул. Тронул за рукав Туннаса, кивнул на одного из волков и спросил:

— Как называется?

Туннас понял.

— Gaug, — сказал он. — Gaug.

— Гаур, — повторил Пашка. — А это? — он показал на себя, на Туннаса. — Люди?

— Ана, — улыбнулся Туннас. Кивнул на орков: — Ork.

— Это я знаю, — буркнул Пашка. А Туннас ещё раз указал на Пашку и сказал:

— Yothejd... — Потом на себя: — Eruhin.

Пашка свёл брови. Этого он не понял.²⁵ Но расспросы не прекратил:

— Дорога, — он указал на неё.

— Bathan... — и хлопнул Пашку по руке, зазвенев цепью: — Ра.

— Рука, понял... Загарадун, — вспомнил Пашка клич, который выпалил вслед за другими около посаженных на колья.

— На-а-а... — протянул Туннас и усмехнулся. Развёл руками: мол, не могу объяснить.

Колонну начали поднимать. Вставали все неохотно, с руганью, неспешно.

А Пашка сейчас дорого бы дал, чтобы узнать наконец — куда же их ведут и зачем?!

²⁵ Туннас просто назвал предположительную национальность Пашки — «йотеод», и свою — «эрухин» (нуменорец).

К городу вышли тем вечером.

Правда, что они идут к городу, стало ясно ещё часов за пять до сумерек. Дорога превратилась в широкий мощёный камнем тракт с мерными столбами по обочинам. Люди — пешие, всадники, повозки — двигались в обе стороны не то что сплошным потоком, но густо. Слева и справа больше не было леса, он отступил — лежали бесконечные поля. И в эти поля уже начало садиться солнце, когда впереди появились дома. Их было много, но уставший Пашка даже как-то не сразу понял, что это не деревня, потому что дальше — за этими домами — поднимались серые стены с невысокими башнями, да и домов было явно многовато даже для большой деревни.

— Forombar,²⁶ — сказал Туннас.

Пашка кивнул. Он, если честно, сейчас больше всего хотел присесть или прилечь.

Орочий конвой свернул куда-то в сторону. Вместо него появились восемь всадников, и Пашка понял: меняют и человеческий конвой. Странно. Вслед уезжающему толстяку и двум молодым парням мальчишка смотрел чуть ли не с сожалением. Вернее, это было не сожаление. Просто от новых конвоиров неизвестно чего можно было ждать.

Впрочем, они просто поехали шагом справа и слева и тоже не выглядели особо счастливыми от своей роли. Командовал ими молодой мужик с короткой бородкой, но без усов. Он сразу ускакал в голову и свернул колонну куда-то вправо, в грязную улицу, которая резко спускалась вниз. Видно, это когда-то был овраг. Потом поверху построили дома, а ещё потом понастроили и по склонам, вплоть до самого низа — да нет, не дома, скорей хижины. Пахло дымом, дерьмом припахивало тоже, и эта вонь мешалась с запахом какой-то еды. Тут была уже ночь, если так можно сказать. В этой ночи двигались и перемигивались огоньки, слышались людские голоса. Под ногами хлюпало... но не холодно — и уже хорошо. Уже хорошо.

Глава 9, в которой беготня переходит в эндшпиль, но Пашка не знает этого слова

Форомбара Пашка толком и не видел. Да и не особо хотел. Когда ты в таком положении, то смотреть по сторонам быстро становится тошно. Они переночевали в запирающемся сыром сарае, а утром просто пошли дальше. Точнее, их погнали, а орки появились снова уже за городской околицей. И не одни — пригнали ещё человек сто, не меньше, уже закованных.

В следующие восемь дней пути на юг новые партии — человек по тридцать-шестьдесят — присоединялись к колонне каждый день. Теплело тоже с каждым днём, и хотя часто шёл дождь, чувствовал себя Пашка неплохо. Физически неплохо.

Думать о прошлом он себе запрещал. Хотя каждый вечер, когда они останавливались на ночлег в деревнях, обязательно считал: меня ищут третий день... пятый день... восьмой день... Ненавидел себя за этот отсчёт — и считал, хотя каждый раз понимал, что придёт потом: картины родной деревни, поиски, родители, братья... Иногда мальчишка начинал цепляться за мысль, что, может, как в некоторых книгах и фильмах, там, дома, время не идёт, остановилось относительно этого мира. Мысль успокаивала. Но только до того момента, когда он засыпал и видел во сне всё то же.

Пашка никогда не жаловался на память. Но тут заметил, что с трудом запоминает слова

²⁶ Название «Форомбар» мне встретилось в нескольких околотолкиенских текстах. По описанию, это был довольно большой город, построенный то ли холмовиками, то ли даже вастаками. Неизвестно, был ли он столицей Рудаура. У меня — будет.

местного языка, хотя расспрашивал Туннаса каждый день при любой возможности. «Нет, — тоскливо думал он после каждого урока, — в рабстве я не смогу. Вот ведь не бьют, не заставляют работать, не издеваются, даже голодом не морят в общем-то. А мне так погано, что даже страшно. Как будто всё вокруг замедлилось, и даже соображаю я хуже обычного».

Честно сказать, он не замечал приготовлений к побегу и даже усомнился: может, Туннас наврал про побег или он сам, Пашка, что-то не так понял? Мысли об этом тоже приходили по вечерам, и от них никуда было не деться. Как будто в ладонь положили горящий уголь и насильно сжали кулак. Можно только скрипеть зубами и ждать, пока остынет... но ведь и тогда шрам останется навечно — пятно на изуродованной ладони.

Пашке хотелось выть. В голос, по-настоящему. Временами вместо равнодушия накатывало дикое осатанение — и пару раз Туннас ловил ладонь мальчишки в последний момент, когда тот собирался выдернуться из оков и... что дальше, он и сам не знал. После этих приступов ярости настроение становилось немного лучше. Даже получалось размышлять на отвлечённые темы... но и эти мысли были невесёлыми.

А ведь это было тысячелетиями, думал мальчишка, уже привычно шлёпая по мокрой после дождя или шагая по подсохшей под лучами солнца дороге. Страшно подумать, тысячелетиями это было. Десятки миллионов людей вот так прошли по дорогам в оковах и пропали в никуда. В сущности, кусочек истории, когда людьми перестали торговать, по крайней мере официально, это какой-то век. (Да и то... в Пашкином мире всё постепенно катилось обратно в яму, он это понимал, не маленький...) А до этого кого интересовали чувства раба в Лаврийских рудниках, над которыми разные там Платоны на вольном воздухе хитромудрствовали в философии? Или подпaska, на которого надевали ошейник с четырьмя длинными шипами — чтобы не лёг и не уснул, не проспал барский скот, пока барин упражняется по-французски? Да, временами возникали государства, где о людях думали, как о людях. Но во-первых, ненадолго в плане истории. А во-вторых, и там как правило «людьми» считали своих. И только. Чёрт его знает. Может, союзники-друзья Туннаса так же преспокойно торгуют этими рыжими? Может, они для Пашки кажутся хорошими только потому, что одной цепью скованы...

После такой мрачной философии опять приходило оупение. Но как-то раз Пашка всё-таки решил выяснить этот вопрос и при помощи то пальцев, то трёх десятков с грехом пополам выученных слов растолковал Туннасу: мол, есть у вас рабы?

Юноша побагровел. Сказал возмущённо: «Нах эфал-эфалак!!!»²⁷ Пашка понял, что, кажется, его послали — понял из-за сходства первого слова с прославленным русским ругательством. Но Туннас быстро успокоился и кое-как пояснил в ответ: нет рабов. Эрухини не держат рабов. Никогда не держали. Насчёт «никогда» голос Туннаса вроде как запнулся,²⁸ но в остальном не верить ему не было причин. Да и реакция слышавших разговор других людей не оставляла сомнений в его правдивости.

Утром девятого дня впереди появился вал.

Пашка не понял, что к чему. Но все вокруг начали переговариваться, а Туннас взял мальчишку за плечо, несколько раз тряхнул, что-то повторяя. Пашка растерянно улыбнулся...

...Что это такое, он понял позже, когда всё стало совершенно ясно. Влево и вправо — на широкой рощисте среди леса — уходили строящиеся укрепления. Сотни людей копошились на них: копали и таскали землю, вбивали колья, возводили башни, пилили,

²⁷ Собственно, это адунайское ругательство и переводится приблизительно (но ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО!): «Пошёл нах...!»

²⁸ Вообще-то для нуменорцев — даже большинства морэдайн — содержание рабов было непредставимой гнусностью. И в самом Нуменоре даже в последние годы перед падением, когда нравственность расшаталась до предела, рабства как такового не было. Но на континенте некоторые морэдайн почти наверняка обращали местных в рабов.

рубили и строга́ли... Ещё до того, как стали различимы люди, были слышны гомон, треск, визг и шум.

Строились укрепления. Масштаба... Человек малообразованный сказал бы — «китайской стены», но Пашка знал, что никакой китайской стены не существует, и подумал — Адрианова вала.²⁹ Строились явно по плану, хоть и наспех.

«Так вот куда, — сообразил Пашка, — нас гнали! Так. А дальше?»

Дальше всю колонну выстроили — и перед нею появился человек, вид которого вызвал у большинства рабов явный страх, а у некоторых — в том числе у Туннаса — столь же явное злое отвращение. Высокий, темноволосый, стройный, широкоплечий, в чёрном плаще, чёрном колете, с длинным мечом на поясе, он казался молодым, но в то же время было видно, что это лишь внешность. Не просто обманчивая — обманчивая полностью. Пашка не знал шёпотом повторённого многократно слова «морэдайн», но тоже подобрался.

Морэдайн³⁰ — имя, что ли? — явно занимался распределением на работы. Следом за ним шли несколько человек — точь-в-точь писцы из книжек — и вёл огромного красивого коня в богатой сбруе гордый, как щенок в новом ошейнике, мальчишка помладше Пашки. Рыжий, но волосы не в косы заплетены, как у всех местных, а распущены, как у господина. Видно было, что мальчишка счастлив без памяти прислуживать темноволосому атлету. Пашка даже зубами скрипнул.

Из неровного строя распорядителя работ несколько раз явно старались оскорбить, причём не стесняясь, в голос. Но он, как говорится, и ухом не вёл, только отдавал черкающим на ходу палочками по доскам писцам короткие распоряжения. Следовавшая в отдалении орочья охрана разбивала людей на группы, отковывала и уводила.

А Пашка между тем напрягся. Морэдайн остановился прямо перед ним, глянул — с высоты, но не свысока, а как-то удивлённо. Спросил что-то. Пашка промолчал, глядя ему между глаз — есть такой приёмчик, глядишь вроде и в лицо прямо, а в то же время взгляд не поймать. Да он и всё равно не понимал спрошенного. Но морэдайн повторил вопрос. Что-то ответил кто-то из пленных. И морэдайн, хлопнув по бедру высоченной крагой с зубчатым раструбом, пошёл дальше не оглядываясь. Вёдший в поводу коня мальчишка на ходу длинно и презрительно сплюнул Пашке между ног...

...То ли Туннас всё-таки что-то знал точно, то ли понадеялся на «авось» — однако всех, пригнанных из Эттенблата, оставили вместе и, отковав от общей цепи, повели под конвоем четырёх орков напрямик к валу. Протянули, опоздали, зло думал Пашка. Отсюда как сбежишь-то?! Правда, никакими «ужасами рабства», которые так любят расписывать многие фантасты, типа плетей или раскалённого клейма (а Пашка всё-таки внутренне приготовился к этому...) не наблюдалось. Но это, честно говоря, и не радовало почти. Уж не значило ли такое отношение, что на рабов тут смотрят даже не как на собственность, а как на малозначащие детали какого-то механизма... или вообще смазку для этого механизма? Мол,

²⁹ Это действительно так. Великая китайская стена — просто небрежный вал земли и камней (возможно даже, построенный при Мао Цзэ Дуне). Те её снимки, которые всем известны, — единственный каменный 47-километровый участок. Его и показывают туристам. А если подходить реально, то наиболее грандиозное военно-инженерное сооружение — Стена Адриана в Британии. Она должна была оберегать границу римской колонии с Каледонией от набегов пиктов. Сейчас от неё сохранился 250-километровый земляной вал с остатками каменного фундамента. В отличие от разрекламированного, но НИ РАЗУ никого не остановившего по причине несуществования Великого китайского бугра, Стена Адриана на протяжении двух веков сдерживала натиск пиктов, скоттов и германцев.

³⁰ Морэдайн — так называемые чёрные нуменорцы. После гибели континента Нуменор уцелели, конечно, не только противники последнего короля (как вовремя спасшиеся на кораблях, так и жившие в колониях на берегах Средиземья), но и его весьма многочисленные сторонники (особенно в колониях южнее Гондора). В дальнейшей борьбе морэдайн, судя по всему, потерпели поражение от эльфов и своих соотечественников — противников короля, но едва ли были истреблены полностью. По крайней мере морэдайн мы видим даже в войсках Саурона на рубеже Третьей и Четвёртой Эпох.

и возиться не стоит... Похоже было на то, что главное здесь — стройка, и никак иначе...

...Нет, видимо, Туннас всё-таки что-то знал. Потому что их группа не задержалась на валу — её провели под конвоем в проём, в котором, наверное, будут установлены ворота. И повели дальше к лесу — по широченной, в километр, росчисти.

В лес вело несколько дорог. Как раз когда рабы входили с опушки в глубину, навстречу попались одна за другой несколько «упряжек». Пашка с ужасом и состраданием отвёл глаза — оборванные, измученные люди с перекошенными лицами тянули на верёвках, налегая всем телом, здоровенные дубовые брёвна. «А ведь и мне так же придётся... нет, не буду, не стану... или как же?» — бессвязно подумал мальчишка, против воли кривясь, чтобы не заплакать.

Колонна отшагала по просеке с километр. И впереди показалась росчисть, на которой балдели с полдюжины спешенных орков. Лежали грудой топоры, пилы, какие-то цепи — наверное, одинарные наручники.

Пленных остановили и стали отковывать по одному — но тут же запихивать в пары цепей: на ноги и на руки. Наручники позволяли руками довольно активно шевелить. А вот кандалы на ноги движения ограничивали очень резко. Оставляли возможность ковылять потихоньку — и не более.

Почему-то кандалы на ногах показались Пашке настолько омерзительными, что он готов был взорваться. И остановил его только предостерегающий взгляд Туннаса. Стиснув зубы, мальчишка по очереди ставил ноги на специальный пенёк и, глядя в затылок заковывающему орку, представлял, как... по этому затылку... с размаху... да наручниками... фух, всё.

Орков опять осталось четверо, остальные уехали обратно. Ну правильно, рабы едва могут прошкандыбать от дерева до дерева, особо и охранять не надо. А тихушная проверка между тем показала, что руки Пашки и тут проходят в кольца. А ведь, подумал он словно не о нём речь шла, можно было догадаться сделать кольца для наручников овальными. И всё. Фиг вытащишь.

Они с Туннасом пилили уже второе дерево. Работать пилой Пашка умел, а постоять на месте было даже приятно — при движении кандалы били ноги так, что моментально их раскровянили. Кроме того, работа позволяла согреться — с севера вдруг натянуло тучи, день сразу стал весенне-нежарким, даже ветер подул откуда-то, а майка Пашки давным-давно состояла из большого количества дыр, разделённых полосками и нитками ткани. Хорошо ещё, джинсы держались.

Орки между тем...

Пашка не верил своим глазам.

Орки уснули. Элементарно уснули, развалившись вокруг солидного пенька, на котором, как на столе, чем-то закусывали.

Туннас перестал пилить и кивнул Пашке.

Мальчишка ощутил, как в щёки и уши ударила кровь, забурлила где-то в голове, и он почти оглох. Ссаживая кожу, вытянул руки из наручников и, повинувшись жесту Туннаса, пошёл ещё за двумя рабами — с топорами. Остальные продолжали работу.

Они отошли шагов на полсотни. Один из людей положил на поваленное дерево свой топор, второй помог Пашке устроиться — и двумя резкими, точными ударами перерубил цепь возле самых щиколоток, почти не сделав мальчишке больно. Металлические кольца болтались на ногах, но сами ноги были свободны. Да нет, Пашка весь был свободен! Он впервые за последнюю неделю был не заперт и не скован, и вокруг был лес!!! Мальчишка поднял руки к небу и засмеялся. Даже подпрыгнул на месте, хоть и молча.

Освободившие его тоже улыбались понимающе... но и как-то напряжённо. Пашка понял, почему. Если он сейчас вздумает бежать один, он наверняка убежит. А они — останутся. И эти люди боялись — что решит в общем-то чужой, даже языка их не знающий мальчишка.

Пашка опустил руки. Помотал головой:

— Нет. Я не убегу, не брошу, — решительно сказал он и снова помотал головой. — Не брошу. Пошли! — И первым двинулся обратно. Чтобы не было никаких сомнений...

...Шума орки не слышали. В принципе, подумал Пашка, сбежать пленные могли бы и так, без его помощи. Но было бы сложнее — и не факт, что в какой-то момент лязг железа о железо не разбудил бы орков.

А вот ему самому стало очень страшно. Так, что моментально вспотели руки, а рот переполнился слюной. Пашка испугался, что хлопнется в обморок...

...Есть такое банальное словечко — «вдруг». Но что делать, если многие большие вещи случаются именно «вдруг»? В тот момент, когда Пашка остановился у крайних деревьев, не в силах идти дальше (а на него смотрели не перестающие работать), и его начало крутить и гнуть, а ноги собирались то ли дать дёру в лес, то ли просто отказать на месте — вот именно в тот самый момент вдруг мальчишка услышал где-то в глубине себя Голос.

Он и раньше слышал этот голос, когда писал стихи. Почти всегда — после хорошей книги или фильма. Стихи его хвалили и ругали, по-разному. Самому Пашке они нравились, но он был очень самонадеянным парнем... тогда. В прошлом. Последние дни самоуверенность его выкорчевали здорово, и о стихах он как-то не думал.

А вот сейчас...

В небе реет знамя,
Смело маршем в бой!
В наших душах пламя
Не залить водой!

Стихи были не ах. Может, слишком бодренькие. Может, слишком складненькие (Пашке вообще-то не нравилось рифмовать одинаковые части речи). Но как-то так вышло, что сейчас — сейчас вот такие стихи и были самое то.

И Пашка пошёл. Быстро и решительно пошёл к оркам, глядя не на них, а между ними, но без колебаний, ощущая, как это здорово — быть хозяином своему телу. И как-то подсознательно, бочком мозга, Пашка понял: больше кандалы на него не наденут.

Не наденут, и всё тут.

Он шёл и думал, эти стихи — они приходили строчка за строчкой...

В небе реет знамя,
Смело маршем в бой!
В наших душах пламя
Не залить водой!
Драться до победы,
Биться до конца!
Смерть живым неведома —
Нет у ней лица...³¹

С последней строчкой Пашка оказался возле орка с ключами на поясе, быстро наклонился, быстро снял кольцо с крюка и кинул назад. Не глядя.

Орк открыл глаза. Непонимающие.

— Ну, с-с-с-сука, — процедил Пашка, ещё не зная, что же ему делать и как быть.

Орк решил всё за мальчишку. Цапнул пояс. Вскинулся. Откатился. Вскочил. Схватился за рукоять ятагана.

Тогда Пашка прыгнул на него, потому что ничего другого уже не оставалось.

Орк был крупный, выше и тяжелей Пашки, и сильнее. Но у него — как и у многих

³¹ Стихи П. Зубкова.

народов мира Пашки! — был один серьёзный для бойца недостаток, вообще характерный для орков. Он привык брать нахрапом, угрозами и визгом. И сейчас, когда человеческий мальчишка вместо того, чтобы испугаться, налетел на него, саданув плечом под дых и сделав подножку, орк... испугался сам. Оказался внизу и, вместо того чтобы пустить в ход нож, стал с воплями отталкивать мальчишку. А Пашка оседлал противника и начал бить его кулаками в лицо — попеременно правой и рабочей левой, не обращая внимания на когти орка, которые окончательно разнесли майку на груди и рвали кожу.

Этот первый бой стал бы для Пашки и последним — потому что он, как и многие новички, видел только своего противника, которого побеждал, а ещё один орк уже замахнулся на мальчишку ятаганом (кстати, драка Пашки с командиром дала пленным ещё время — орки не понимали, что вообще творится, и решили, что один раб как-то освободился и сдуру напал). Но ударить орк не сумел — брошенный Туннасом топор угодил в лоб орку обухом и размозжил тому голову...

...Пашку оттащили от орка и тут же прикончили того трофейными ятаганами. Мальчишка рычал и хрипел, сжав в кровь разбитые кулаки. Потом из красного тумана выплыли глаза Туннаса, который держал Пашку за виски и что-то говорил.

— Мне нужна рубашка, — неожиданно для самого себя сказал Пашка, посмотрев на наливающиеся кровью длинные и глубокие царапины на груди. И отчётливо вспомнил слово: — Hammad.

* * *

Несколько раз плеснув себе в лицо водой, Пашка распластался на берегу ручья и лежал так — лежал несколько минут, хотя понимал, что эти минуты — предательство. Из успокоившейся поверхности воды (с чёлки Пашки падали, тревожа её, редкие капли) смотрело чуть колеблющееся лицо мальчишки — измученное, всё в грязи и засохшей крови из длинной царапины на щеке.

— М-м, — сказал Пашка и попытался отжаться, встать. Но руки тряслись, и он поднялся, как старик: подобрал ноги, сел, потом встал, уцепившись за ветку дерева. Достал из кармана джинсов комок ткани — бывшую майку, — снова нагнулся, намочил её и пошёл в кусты.

Туннас лежал за кустами на боку. С закрытыми глазами, тяжело, сипло дыша. Белые губы покрывала корка.

Пашка надеялся, что Туннас умер, пока он ходил к ручью. И сейчас готов был расплакаться, видя, что тот жив.

Мальчишка тащил наполовину более тяжёлого юношу со вчерашнего утра — а сейчас был новый полдень. Стрелу, вошедшую под рёбра, Пашка сломал и каким-то чудом сумел уволочь Туннаса от выследившего беглецов патруля. Сейчас он жалел об этом, жалел, что не побежал один, а, увидев, как Туннас валится в сторону с побелевшим лицом, вернулся, подхватил под мышки и поволок.

Так он и тащил Туннаса с тех пор — то пятясь, под мышки, то на спине, как мешок, шатаясь и постанывая от тяжести. Нет, не всё время. Когда Туннас пришёл в себя, то прошёл сам часов пять. Потом упал. С тех пор он ещё раза четыре шёл сам — минут по двадцать, по полчаса, ну — час. Потом падал, и Пашка его волок, ругаясь — то шёпотом, то в голос. Несколько раз плакал, но не навзрыд, а зло, с рычанием. Опять ругался. И опять волок.

Ночью — они кое-как устроились в сырой ложбине — Пашка почти не спал. Сжимался в комок и слушал, как Туннас дышит. Нет, не слушал — чувствовал спиной какие-то сбивчивые толчки и рывки внутри тела старшего... друга? Чёрт его знает... Пашка даже большей частью не понимал, что Туннас говорил. А с утра вообще начал его ненавидеть. Туннас больше не мог идти сам и вообще в себя не приходил. А Пашка встал с одеревенелой спиной, был сперва дико голоден (он не ел двое суток), но часа через два голод отступил, сменившись жаждой и ощущением ломоты в суставах. Мальчишка надеялся, что это не

болезнь. И действительно, сейчас, когда он напился, ломота отступила. Но слабость осталась.

Пашка опустил рядом с Туннасом на колени. Хотел уже выжимать воду ему на губы, но тот открыл глаза — так неожиданно, и были они такие ясные, что Пашка отшатнулся и сел.

— Лучше? Тебе лучше?! — Вся злость была забыта.

— Pashka, — сказал Туннас. Протянул руку и взял мальчишку за колено. — Ayadda... izindi bathan... a... abar...³²

Он ещё что-то добавил. Потом улыбнулся. Сильно сжал Пашке колено.

И глаза у него стали пыльными.

Минуту, не меньше, Пашка стоял на коленях неподвижно. Потом рывком прижал к лицу мокрый комок. Застыл. Неподвижно и молча, как будто окаменел.

И лишь ещё через минуту раздалось первое рыдание — тяжёлое, длинное, натужное.

Не приносящее облегчения.

Глава 10, в которой Гарав даёт клятву и не жалеет об этом

Гарав замолчал и сгорбился.

Эйнор тоже молчал — сидел на камне, смотрел вдаль и выглядел совершенно непробиваемым, равнодушным. Мальчишку колотило, он никак не мог успокоиться. Неизвестно, как рыцарь поймал момент, когда Гарав пришёл в себя — но определил точно и опередил Фередира, который как раз тоже продышался и восторженно открыл рот:

— Вот это д...

— Значит, Руэта строит укрепления руками рабов, а пригоняют их даже из Ангмара... Добрая весть, — в голосе Эйнора была злая ирония. — Что было потом? — спросил он резко.

— Потом... — Гарав потёр лоб. — Потом я не помню. Наверное, я всё-таки заболел и как-то шёл...

— А всё-таки? — голос Эйнора был спокойным, даже чуть ленивым, но глаза — глаза стали пристальными и холодными. — Откуда ты так хорошо знаешь наши места? Шёл ты больной, пусть. И что?

Лицо Гаравы сделалось беспомощным. Он закусил губу и погрыз её.

— Ты говорил, что раньше никогда тут не был... — Гарав помотал головой. — Но ты называешь почти всё, мимо чего мы проезжаем.

— Я правда тут не был никогда! — почти взмолился Гарав. — Эйнор... поверь мне, я не лгу! И не лгал!

— Я тебе верю, — кивнул Эйнор. — Я нуменорец, а нас почти невозможно обмануть... да и не старался ты меня обманывать, когда говорил это, я вижу. Но тогда всё тем более интересно: откуда ты знаешь места, в которых не был никогда в жизни? Можно их изучить по карте. Да. Но зачем — вот вопрос? И как ты всё-таки попал в Эттенблат? Ты начал говорить с того момента, когда вышел на равнину — откуда?

Пашка побледнел. С трудом сказал, не сводя глаз с рыцаря, который по-прежнему расслабленно сидел на камне, похлопывая по голенищу сапога веточкой.

— В чём... в чём ты меня подозреваешь?

— Пока — ни в чём, — парировал Эйнор. — Но пойми меня. Я ничего не знаю о тебе. А это плохо. Особенно сейчас.

— Ты не поверишь, если я расскажу, — упавшим голосом ответил Пашка. — Я сам не верю. Но я не знаю, как попал сюда. Вообще не знаю.

Возможно, нуменорца и нельзя было обмануть. Но Эйнор и не ждал лжи здесь. А Гарав

³² Оно пришло... до свиданья... спа... спасибо... (адунайк).

не знал, почему не рассказал правду — правду о Пашке и его мире. Может быть, он просто боялся, что эти люди — люди, которые ему понравились и которые сделались наконец-то чем-то вроде якоря для него в этом мире, — решат, что он дурачок. Бросить не бросят, но сунут в какую-нибудь деревню пастухом (почему-то у Пашки именно это ассоциировалось с дурачком в средневековье). И Гарав «ушёл в отказ» накрепко, сказав ещё раз, что помнит себя только с того момента, когда увидел мокрую равнину.

Точно. Гарав не знал этого (подозревал), но Эйно́р и правда внимательно исследовал мысли и сознание мальчишки при помощи осанвэ³³ — однако искал он не те вещи, которые прятал Гарав.

— Не бросайте меня, — вдруг жалобно и открыто попросил Гарав. — Я поеду с вами и дальше, можно? Ну не бросайте.

— Эй... — начал Фереди́р, бросая на Гарава короткие сочувственные взгляды. Эйно́р поднял руку — оруженосец заткнулся мгновенно — и посмотрел на Гарава:

— Поговорим вечером, — сказал рыцарь. — Серьёзно поговорим.

Он сказал это сухо, почти неприязненно. Но мальчишке сразу стало легче.

Правда.

* * *

Фереди́р ушёл на охоту недовольный, хотя до этого несколько раз напоминал, что неплохо бы поесть свежатинки. А теперь Эйно́р его фактически усла́л. Гарав разводил костёр, поглядывая на эту картину, — он понимал, что разговор будет с глазу на глаз. Но не очень догадывался — о чём.

— И кем ты хочешь с нами ехать дальше?

Вопрос настиг Гарава неожиданно — он как раз ломал через колено толстую сушину и почти уронил её. Повернулся, положил в огонь несломанную, — пламя поползло по дереву.

— Я не знаю, — хрипло сказал мальчишка. Эйно́р кивнул на седло Фереди́ра. Гарав понял — подошёл, сел. Уронил руки между коленей. — Мне всё равно. Мне же не... — Он перхнул. — Некуда идти. Возьмите слугой.

— Я не харадри́мец и не держу бесполезных слуг, — негромко сказал Эйно́р.

— Я же помогаю, — беспомощно прошептал Гарав.

— Скажи, — предложил Эйно́р. Гарав вздрогнул:

— Что?

— Скажи то, что подумал. До того, как предложил себя в слуги.

Гарав почувствовал, что краснеет. Быстро, неудержимо. Горло ему стиснуло, потому что просьба была дикой и дерзкой.

— Я... — выдавил он. — Хочу... как вы. Во... во... — Он прокашлялся, поправил деревяшку, которая уже капитально обуглилась в середине. — Воином. Но это же невозможно...

— Почему? — Голос Эйно́ра был искренне удивлённым.

— Но я же не...

— Не нуменоре́ц?

— Нет, я не...

— Девушка?

— Нет! — Гарав возмутился. — Я не... я же не знатного рода. Я вообще... никто.

Он с трудом подобрал эти слова, и Эйно́р явно не понял — не слова по отдельности, а их смысл. Потом потёр висок и усмехнулся:

³³ В общем смысле — мощнейшие ментальные способности вплоть до прямого и непосредственного чтения чужих мыслей (впрочем, это возможно, судя по всему, только по согласию «читаемого»). Присуще всем эльфам, но из людей осознанно умеют им пользоваться только нуменорцы и некоторые из их нечистокровных потомков.

— А! Это... Я не понял сразу. В наших местах это не имеет... — Эйно́р поморщился. — Имеет очень мало значения. Дело рыцаря — выбирать себе спутников и говорить, кем они будут, их дело — соглашаться и оставаться или не соглашаться и уходить. И всё.

— А?! — Гарав не верил сказанному и готов был завопить от восторга. — И ты...

— Я не против второго оруженосца. Но... — Эйно́р оперся локтем на седло и несколько секунд смотрел поверх головы своего оруженосца. Потом тихо сказал: — Положи плащ и слушай. Представь себе на секунду, что ты — сын воина. Внук воина. Правнук воина. Тебе разрешают меньше, чем остальным. С тебя требуют больше, чем с остальных. И Кардолан — это твоя жизнь. Он окружает тебя, и ты знаешь — вот символ твоей веры... — Брови Гаравы удивлённо надломились, но Эйно́р не обратил внимания. — А ещё — твоя земля ведёт войну. Бесконечную, которая есть всегда. Горе тебе, если поверишь, что её нет, — даже если она не напоминает о себе годами! И ты знаешь, что рано или поздно возьмёшь в руки оружие... В восемь лет я стал пажом. В одиннадцать — оруженосцем. И в тот же год я увидел, как убивают и что такое война... — Эйно́р помолчал. Гарав слушал, чуть склонив голову к плечу и внимательно глядя на рыцаря расширившимися глазами с золотой тревожной искрой. — У меня был друг, — продолжал Эйно́р. — Сын рыцаря, как и я. Только он знал своего отца... Мы дружили все те три года — тот парень жил при дворе, как и я. А когда мы стали оруженосцами — он поехал домой. Ненадолго, отдохнуть... Он жил в среднем течении Буйной. Вскоре после отъезда пришла весть, что орки переходят границу тут и там, грабят и откатываются... Князь послал на границу пятитысячное войско под командой нашего лучшего полководца — Имразора. Я так гордился тем, что и мне доверили честь — идти с войском... Когда мы добрались... орки уже ушли. Ушли, услышали, что мы идём, — и ушли... Но кое-что они всё же сделали... Нас было пятьсот — два десятка рыцарей с оруженосцами и пажами... четыре сотни лёгкой конницы с юго-востока. Мы зашли дальше остальных. Навстречу дул ветер, плотный, как заросли кустов. Пахнул чем-то таким отвратительным, что нас тошнило...

— Вы... — Гарав не договорил. А Эйно́р, кажется, и не услышал. Он закрыл глаза. И вдруг ощутил осторожное касание — Гарав видел его памятью. Эйно́р не успел даже удивиться — как же так, его же этому никогда не учили...

...Дома догорали. Орки сожгли всё, что не смогли утащить. Всё и... всех. Пахло горелым мясом от тел, которые лежали ближе к огню. Пыль, забрызганная кровью, свернулась длинными чёрными полосами. Тяжёлые боевые попоны коней мели её краями. Серая пелена гари, поднятая подкованными копытами, скрывала отряд. Штандарты казались одноцветно-серыми, неясно даже, чьими...

Отрубленные головы орки вонзали на колья и расставляли вдоль дороги. Не только головы — на некоторых ещё жили люди...

... — Ма-ма!!! — вскрикнул Гарав, вскидывая руку к глазам — ладонью наружу, словно он это видел наяву и мог защититься.

— Мы тоже вонзаем головы на колья, — спокойно сказал Эйно́р. — Головы казнённых преступников. Но никогда никого не сажаем на колья. И не делаем того, что так любят орки, — не издеваемся над беззащитными.

— Твой друг — он... — начал Гарав, но Эйно́р перебил его:

— Я искал. Долго искал. Я очень боялся, что орки схватили его и увели. Нас учили, что лучше броситься на меч, чем попасть к ним. И дело даже не в какой-то особой гордости, хотя мы — гордый народ. Плен у орков — это... впрочем, ты, пусть краем, знаешь, что это. — Гарав вздрогнул. — К счастью, я нашёл его. Он лежал возле обрушившегося частокола форта. Ему отрубили правую руку и голову, сорвали всё, что было ценного... но мы три года делили комнату, я не мог его не узнать — и порадовался, что судьба позволила ему умереть в бою. Голову я так и не нашёл — наверное, её бросили в огонь. А рука лежала подальше. С мечом. У нас были одинаковые мечи, нас опоясали ими как оруженосцев. Мой Бар, — пальцы Эйно́ра тронули рукоять меча, — тогда ещё ждал моего рыцарства... Меч был весь

выщерблен. Помню, я подумал тогда: «Если уж придётся умереть в бою — пусть я так же умру!» Я не плакал, только помню — всё хотел схоронить его, а мне не давали и что-то говорили, говорили... даже ударили, чтобы я опомнился... Оказалось, Гарав, что нас заманили в ловушку.

— Подожди... — Гарав по-прежнему был бледен, но выглядел решительно. — Я должен это увидеть. Сам. Как это у нас получилось...

«Не надо», — хотел сказать Эйно́р. Но кивнул и прикрыл глаза:

— Смотри...

...Приближение орочьего отряда ужасно. Их ещё не видно, но почему-то вновь поднимается ветер, и он несёт уже не только пыль, но ещё и ослабляющий тошнотворный ужас, от которого меч становится неподъёмным, а мозг заполняет мысль даже не о бегстве — о том, чтобы упасть наземь и просто ждать своей участи.

Потом возникает звук. То ли вой, то ли рёв, то ли стон — слитный и давящий, ближе и ближе, и нет сил терпеть... Словно единый голос кричит тебе в уши обо всех твоих страхах, грехах, слабостях. И ты — крошечная песчинка в этом безумном вихре, рождённом в далёких горах, который сейчас поглотит не только тебя, но и весь мир, тебе дорогой и тебя вскормивший.

Ещё миг — и горизонт подсекает чёрная коса. Она ширится, растёт, обрамляется искристым сиянием и рождает ещё один страшный звук — слитный лязг металла.

Это приближается враг. Впереди — волчьи всадники в чёрном железе. Вал, который прокатится по тебе, раздавив, как твоя нога давит муравья, — равнодушно, походя и мгновенно. И вот уже нет ничего, кроме трёх полос. Вверху — небо. Внизу — вытоптанная земля. Между ними — стремительно растущая и пожирающая их стена чёрного железа. Вой пульсирует прямо в мозгу. Тебе — одиннадцать лет. Ты стоишь голый перед этим неостановимым потоком. Всё кончено, всё кончено, всё кончено, всё кончено, всё кончено, всё...

Дрожит земля от гнева,
Вскипает океан!
Пути нам преградили
Отряды низких стран!
Когда потоком диким
Нас потеснят враги —
О Тулакс, Гром Великий,
Дух Сечи, помоги!
...Что это?! А строй поёт:
— О Варда, будь опорой,
Защитой до конца
Душе, что станет скоро
Перед лицом Творца.
Мы все среди мучений
От женщин родились —
За верного в сражение,
О Варда, заступись!

И твой голос — высокий и ещё детски-тонкий — сам собой вплетается в мужской хорал:

Мы вновь идём к победам!
Мы — это смерть врагам!
Как помогал Ты дедам,
Так помоги и нам.
Великий и чудесный,

И светлый в смертный час —
Эру, Отец Небесный,
Творец, услыши нас!³⁴

...Развеялся душный морок ужаса. Спешенные всадники опускают копыя меж сдвинутых щитов, и грозно скрещены на них и на штандартах Мечи Кардолана.

С нами наш герб! Вера наша с нами! Вот мы встречаем вас в поле, и вот наши лица в обрамлении стали — плюньте в нас своим оружием, если хватит мужества, которого вы не ведаете! Это вам не крестьяне в поселении и не захваченная врасплох полусотня форта!

Накатывает тяжёлый вонючий вал, и уже видны оскалы волчьих морд, шлемы с рогами, черепами и султанами, хвостатые чёрные копыя... Подходят волчьи сотни — чуждые и чужие всему человеческому...

Эйно́р надевает лёгкий шлем, вдевает ладони в кольчужные рукавицы, подаёт рыцарю щит и пику. Губы сами собой шепчут слова выученной когда-то древней песни:

Грядущий день нас прочь уведёт
За окоём,
Никто не узнает наших имён,
Но песни будут звучать.
Цель так близка, встретим свой рок,
Ты не одинок,
Без страха иди сквозь тьму и холод,
Ведь песни будут звучать,
Они будут звучать...

— Крепись, мальчик, — глухо сказал из-под шлема рыцарь, — мы выстоим.

Опустился второй ряд копий. Звук атаки сделался невыносим.

Всё. Больше нет ни неба, ни земли. Острая железная стена — во весь мир.

И вот она рушится на перегородившую околицу сожженной деревни линию кардоланцев...

...С треском ломаются копыя. Как пущенный катапультой камень, врезается в стену щитов черная туша с обломком копыя, пробившего грубые толстые латы. Воют и визжат, заваливаясь, волки, и дымящаяся кровь свищет в пыль чёрными струями. Гнётся стена щитов, но не ломается, в руках третьего ряда уже сверкают «полуторки» и находят щели в чёрном железе... Но уже кто-то из кардоланцев падает на щит, ломая вошедшее в грудь хвостатое копьё... а у кого-то вместо лица и шлема — смятая кровавая лепёшка от удара чем-то тяжёлым... Из заднего ряда выдвигаются новые, отрастает поломанная щетина копий, смыкается пробитая стена щитов — и катят новые чёрные волны...

— Вперёд! Дагор, Кардолан!

Эйно́р двигает коня за рыцарем — огромным, на гигантском коне, рядом с которыми волчьи всадники кажутся мелкими. Стальная глыба отводит сверкающий острый локоть — бьёт пикой, выдёргивает дымящийся гранёный наконечник из лопнувшего доспеха... бьёт пикой... бьёт пикой... С хрустом расщедается тяжёлое веретено; его остаток, превратившись в руке рыцаря в палицу, вбивает в плечи угловатый шлем и летит в сторону...

— Дагор, Кардолан!

Эйно́р ловко прикрывает рыцаря своим щитом, давая возможность выхватить меч, но рыцарь страшным неспешным движением достаёт из петли у седла полэкс. Стальной в стальной руке, он поднимается...

— Дагор, Кардолан!

³⁴ Основа гимна — стихи Дж. Р. Киплинга.

Кровавой грудой валится из седла то, что только что было волчьим всадником.

Копьё с визгом скользит по щиту Эйнора. У мальчишки не хватает сил отклонить лёгким мечом удар тяжёлого лезвия, но со щитом он управляется ловко... Страшная маска, вся из каких-то углов, в поднятой чешуйчатой руке — ятаган... Узкий клинок лёгкого меча в до отказа выброшенной руке Эйнора входит в глазную щель маски — кровь ручейком бежит по долу.

Ах! Гранёный молот в руке орка бьёт рыцаря в лоб — ловко! Бессильно падает рука с окровавленным полэксом, и орк с торжествующим воем вскидывает молот для удара в затылок, от которого не спасёт шлем...

Эйнор принимает удар на щит и слышит, чувствует, как хрустко-больно ломается кость. Открыв рот, он кричит и принимает на себя всю тяжесть безвольно склонившегося на сторону рыцаря, одновременно обняв его сломанной рукой и закрыв щитом, не давая упасть.

Орк рычит и вновь поднимает своё страшное оружие, чтобы вмять в плечи черноволосую голову наглого щенка вместе с лёгким шлемом... Поздно! Латный кулак перехватывает вооружённое запястье, гнёт назад... Орк хрипит, но не может освободиться, а в левой руке пришедшего на помощь другого рыцаря мелькает — раз, два, три! — узкий нож, ловко пронзая более слабую металлическую чешую на открытом боку орка... И второй оруженосец закрыл щитом уже и самого Эйнора, и начавшего шевелиться оглушённого рыцаря...

...Гарав тяжело дышал. Эйнор смотрел на него спокойно, потом сказал:

— Утрись. У тебя лицо всё в поту.

Мальчишка медленно вытерся. Помолчал. Эйнор молчал тоже, но явно ждал, когда Гарав заговорит.

И тот заговорил.

— Страшно... Я не знаю. В общем, я ничего не знаю. Я даже прошлого своего не помню. Но как Туннаса ташил... помню. И людей на кольях я видел. Поэтому... если можно... я бы хотел...

— Тогда встань, — сказал Эйнор. И сам поднялся, обнажая меч. — И подумай ещё раз. После того как ты повторишь за мной всего несколько слов, путь назад будет лежать лишь через предательство, а путь вперёд может привести к смерти. Уже на днях! Подумай!

Голос юного нуменорца наполнился тяжёлой и жутковатой силой. Гарав даже пошатнулся. Но выпрямился и вскинул подбородок.

— Я готов.

— Я, Гарав... — начал Эйнор тут же. И мальчишка, притиснув к бёдрам сжатые до белизны кулаки, повторил:

— Я, Гарав...

* * *

— А что тут было? — спросил Фередир. Выйдя из-за кустов с тремя утками у пояса, он как-то почуял — остатки произошедшего буквально висели в воздухе у костра над стоянкой, — что разговор был и был серьёзным.

— Познакомься с младшим оруженосцем. — Мотнул головой в сторону рубящего сушняк мальчишки Эйнор. — И приготовьте наконец ужин, олухи.

Фередир секунду стоял неподвижно. Потом по его лицу поползла улыбка.

И Гарав понял, что улыбается в ответ.

Глава 11, в которой Эйнор решает ехать ясно куда, но непонятно, зачем

Когда мальчишки проснулись утром, оказалось, что Эйнор, который брал себе последнюю стражу, как с вечера не ложился, так и торчал у кое-как пыхтящего костра. Было

туманно, но туман этот показывал, что день придёт солнечный и вообще лето всё ближе. А вот рыцарь показался Гараву похожим на торчка в чайных дозах — бледный, волосы какие-то... неживые, глаза запали. Зевая и вздрагивая, Гарав и Фередир стали обуваться. Эйно́р на них и не покосился, а когда Гарав было сунулся с вопросом о самочувствии, залепил ему по щеке, причём очень сильно.

— Чего он?! — Мальчишка всё-таки обиделся на удар. Фередир, скатывавший одеяла, пожал плечами и тихо ответил:

— Не лезь, он думает и смотрит.

— Вы долго будете возиться?! — неожиданно окликнул их Эйно́р раздражённым голосом. — Где костёр, где вода, завтрак где?! Поедете голодными, если через десять минут вода не будет кипеть!

— Что-то не то, — объяснил Фередир. — Давай скорей. Ты за водой, я — костёр.

— Угу, — кивнул Гарав.

Вода закипела даже раньше, чем через десять минут. От вчерашних уток осталась одна ножка, Эйно́р сё брезгливо укусил, кинул у огня и стал бродить вокруг костра кругами. Нет, поведение его правда напоминало наркота, который ждёт дозу, Гарав даже испугался.

— На, — ткнул ему между тем половину ножки (со второй мясо было счищено наголо) Фередир. — Эйно́р, ты будешь суп-то?

— Да, — отрезал тот.

То, что Фередир называл супом — Гарав уже познакомился с этим блюдом, — готовилось просто. В кипящую воду бросали шматок свиного жира, перетопленного с сухарной крошкой, тёртым вяленным мясом и такой же тёртой сухой зеленью и солью. Когда Гарав увидел шлёпнувшуюся в котелок припахивающую массу, он, хотя и был голоден, усомнился, стоит ли есть. Но суп этот был поразительно вкусным. Впрочем, сейчас он в горло не лез — Гарав заподозрил серьёзно, что нарушил своим навязчивым появлением какие-то планы Эйно́ра. Что у него эти планы есть и что они серьёзны, сомнений не оставалось.

— Поедем в Форно́ст, — сказал Эйно́р, за завтраком ни слова не проронивший. Гараву это название мало что говорило (вроде бы читал в книжке, но он не помнил даже, что это за место). А Фередир даже руки уронил:

— Куда?! — подавился он. — До Раздо́ла — четыре дня пути!!! Это же обратно и на север!

— Твое дело — не протереть седло задом, — отрезал Эйно́р неожиданно грубо. Фередир пожал плечами:

— Да я-то что. Но что мы будем жрать? Я на такие петли не рассчитывал. И потом, нас же трое теперь.

— Вот именно. И у третьего нет ни коня, ни оружия, ни вещей, — пояснил Эйно́р. Фередир всем своим видом показал: да мне-то, как хочешь. Но Гараву удивлённо сказал:

— Запросто могли бы всё купить в Раздо́ле. Хотя... — Оруженосец поморщился. — Может, оно и к лучшему. Не видеть эльфов лишний раз.

— А что, они такие страшные? — Гарав вспомнил посаженного на кол и невольно вздрогнул всем телом.

— Нет, что ты... — Фередир собрал миски. — Коней седлай давай, я помою... Не страшные, красивые, мудрые... А только всё равно...

Он дальше ничего не стал объяснять.

* * *

Обратно ехать было скучно. Хорошо ещё, стоило рассеяться туману, как Эйно́р как будто ожил. Мальчишки, вёдшие себя тише воды ниже травы, даже вздрогнули, когда услышали вдруг голос рыцаря — Эйно́р пел на каком-то незнакомом и красивом языке. Гарав понял, что это эльфийский.

— Ого, у него настроение хорошее стало, — прошептал Фередир в ухо Гараву. —
Слушай, он сейчас будет петь много.
Гарав кивнул.

Pella hísië, penna már
órenyan iltuvima lár.
Erya tenn' ambaróne sundar
nályë — firië, nwalmë, nár.
Tular Valar mí silmë fānar.
Meldanya curuntanen tánar.
Minya Vard' elerrilë anta;
miruvóre Yavanna quanta.
Ulmo — losse ëaro, yallo
Aulë cára vanima canta.
Nesso — lintessë, Váno — helma.
Tula Melkor ar anta melmo.
Erwa ná Feanáro hin,
úner mára voronda nin.
Hlara, melda carmëo aina,
laurefinda vë Laurelin:
ú-kenuvalyë tenn' Ambar-metta.
Hlara enya métima quetta.
Pella hísie, pella nen,
tíra ilúvekéna hén.
Indis.
Engwa indëo olos.
Naëva manina elya men.³⁵

— Это песня Macalaurë Fëanáro-hino, — сказал Эйно́р, закончив. — Не очень весёлая,
но у этого великого певца было мало весёлых песен.
— Он был эльф? — спросил Гарав. Эйно́р кивнул.

35

За туманом, без дома,
моей душе не найти покоя.
До самых ее проклятых корней
ты — смерть, мучение, огонь.
Приходят Валар в сияющих обличиях
и творят мою любимую своим волшебством.
Первой — Варда дарит звездный блеск;
нектаром жизни наполняет Йаванна.
Ульмо (дарит) пену моря, из которой
Ауле создает прекрасный облик.
От Нессы — резвость. От Ваны — кожа.
Приходит Мелькор и дает ей возлюбленного.
Одинок сын Феанора;
никто не остался верен мне.
Слушай, любимая, (плод) святого искусства,
златоволосая, как Златое Древо.
Я не увижу тебя до конца света.
Слушай мое последнее слово.
Из-за тумана, из-за воды
смотрит всевидящее око.
Женщина.
Сон больного разума.
Да будет благословенным твой путь.

— Нолдо. Сын великого Феанора, сам великий воин и великий певец. Спеть ещё?
— Да! — Мальчишки выкрикнули это в один голос. Эйно́р засмеялся, но тут же посерьёз­нел...

Словно птицы на небе, летят облака
Над безмолвной морскою волной...
А когда-то, с поры той минули века,
Белый Град здесь стоял над скалой...³⁶

— Ну что ты поёшь такие грустные? — огорчённо спросил Фередир и чуть пришпорил коня. Эйно́р улыбнулся:

— Спой весёлую.

— Ну, не знаю, весёлую или нет, но точно пободрей спою! — задиристо отозвался Фередир. Подбоченился в седле (Гарав поёрзал, теснясь).

Я искал Границу Бури —
А у бури нет границ...
И с тех пор мой корабль танцует
Под настойчивый ветра свист.
Белой чайкою рвется парус,
Где ты был — там тебя уж нет...
Даже имени не осталось
У осколка древних легенд.
И с тех пор меня мотает
По морям, городам и войнам.
Память льдинкой в ладони тает —
И нет силы крикнуть: «Довольно!»
В многих знаниях — много горя,
Я — воистину Черный Вестник,
Я играю чужой судьбою
С оголтелою бурей вместе!

Фередир присвистнул — без пальцев, но громко — и продолжал:

Но тебя ничто не удержит,
Если ветер — твоя стихия.
Если в сердце живет надежда —
Объяснюсь ей тогда в любви я.
У любви — очертанья бури,
Ну а буря границ не знает...
Это все, что еще могу я,
Это все, что меня спасает.
Снова поутру — стылый ветер,
Для меня это — просто будни,
И в каком я сегодня веке —
Я узнаю только к полудню.
Я, нашедший Границу Бури,
Что границ не имеет вовсе,
Листопадом в окне любуюсь.

— Спой ты, Гарав, — предложил Фередир, едва умолкнув.

— Я не умею, — покачал головой Гарав. — Совсем. Честно. Слушать люблю и... — Он чуть не сказал «...и стихи сочинять», но не сказал. — И стихи читать.

— И ещё много чего не умеешь, — заметил Эйно́р. — Поразительно. Ну ладно, ты потерял память. Но уж тогда бы до конца!!! А то вот как жрать — ты помнишь, но при этом забыл, как седлать коня.

— Я из крестьян, — ответил Гарав «предположительным» тоном. — Коней видел только в запряжке. Может, у нас вообще на быках пашут? Не помню.

— Ну, честно сказать, что ты из просто крестьян, не похоже, — уже без смеха продолжал рыцарь. — Тебя учили владеть мечом, причём учили неплохо. У тебя получается.

— Угу, — буркнул Гарав. — Я заметил, когда с тобой дрался. Неплохо. Просто офигеть, как замечательно у меня получалось.

— Это ничего не значит, — ответил Эйно́р почти равнодушно, без малейшего хвастовства и не обращая внимания на слово «офигеть». — С мечом в Кардолане меня могут одолеть два человека. И всё... Хотя коней ты, похоже, и правда видел только в запряжке. И практически не умеешь пользоваться щитом.

— Навстречу, — подал голос Фередир, всё это время не перестававший наблюдать за обстановкой.

По тракту навстречу неспешно рысил конный отряд. Впереди скакали два рыцаря, следом — полдесятка оруженосцев, а дальше — десятка три конных латников. Флажки, плащи и накидки воинов украшали острые шестиконечные звёзды Артедайна. Все воины были в полном доспехе — и двойная конная колонна проскочила мимо подавшихся к обочине путников в молчании, лишь головы обоих рыцарей — непокрытые, шлемы держались на луках сёдел — одновременно повернулись к троице путешественников. Гарав запомнил мрачные бледные лица, сильно напоминавшие лицо Эйно́ра в моменты раздражения — только старше и суровей. Похоже было, что эти люди никогда в жизни не улыбались, а Эйно́р умел даже смеяться.

— Скачут к мосту через Буйную, — сказал Фередир, играя поводьями. — Из Эмон Сул.

— Эмон Сул — это развалины на горе? — вспомнил Гарав. Фередир удивился:

— Почему развалины? Это и есть гора. А на ней — сторожевая башня. Кстати, гора наша, кардоланская. Но дозоры там держат вместе с Артедайном.

— С 1356 года, — сказал Эйно́р. — До этого было много крови.

— С кем воевали? — поинтересовался Гарав. Эйно́р криво усмехнулся:

— Сами с собой... Артедайн, Кардолан и Рудаур сражались из-за Эмон Сул и Палантира на ней.

— Палантира? — Гарав вроде бы слышал это слово.

— Зрячий Камень, изделие самого Феанора, — пояснил Эйно́р. Но больше ничего не добавил. Только оглянулся туда, где ещё виднелся среди молодой зелени хвост отряда, и пробормотал: — Хотел бы я знать, почему они торопятся...

Гарав не понял его тревоги. Он, если честно, вообще думал уже о другом.

Те дни, когда он, видимо, шёл больной — сколько их было? — для мальчишки стали водоразделом. Нет, он помнил всю жизнь Пашки. Но не был уверен, что это не сон, вытеснивший какие-то настоящие воспоминания. Скорее всего, он и правда откуда-то из-за Мглистых Гор и почему-то потерял память. А сознание подсунуло взамен на опустевшее место жизнь четырнадцатилетнего мальчишки из странного мира, где есть автомобили и самолёты. Сложный сон. Ну и что? В мире, где есть маги и магия, ещё и не такое возможно.

Гарав не успокаивал себя. Он и правда так думал. Не всё время, но часто. Но сейчас —

сейчас старался всё-таки понять, какое же его прошлое настоящее?

* * *

На этот раз они въезжали в Пригорье днём.

Гарав просто-напросто извертелся в седле, рассматривая всё вокруг. Когда же перед ними распахнулись ворота, вёдшие на улицу, мальчишка засмеялся и вывернулся особо изощрённо; Азар недовольно фыркнул, а Фередир треснул беспокойного соседа локтем в живот:

— Да что ты как на сковородке?!

— Не, я ничего... — Гарав явно не обиделся. — Это правда Пригорье?!

— Самое настоящее, — буркнул Фередир. — Уже две тыщи лет как Пригорье.

— А Могильники и Вековечный Лес — там? — Гарав указал на запад.

— Какой лес? — не понял Фередир. — Тут везде лес. И нет там никаких могил.

— Как же... — начал Гарав, но замолчал. Ах да, правда!!! Вековечного Леса ещё нет. И Могильников нет — ведь в Могильниках как раз и будут лежать погибшие в войне кардоланцы. В будущей какой-то войне. «А что если и я там тоже буду лежать?» — вдруг подумал Гарав, и эта мысль не напугала, а показалась забавной.

— Это здесь живёт эта, как её — Ганнель? — вспомнил он. Фередир ответить не успел — ответил Эйно́р, ехавший чуть впереди:

— Здесь.

Гарав заткнулся — тон рыцаря был не очень-то приветливым. Ему явно не нравилось, когда имя дамы трепали просто так.

А ну и ладно! Смотреть по сторонам было забавно, хотя Фередир морщился и ёжился — кажется, не получал никакого удовольствия от того, что они с Гаравом едут вдвоём — ни покрасоваться, ни погарцевать; в безлюдье ещё ладно, но тут-то из-за каждого забора смотрят!

Пригорье было похоже на обычную русскую деревню, честное слово! Накатанная улица, уже по-летнему сухая и пыльная. Густая низкая трава на обочинах. Символические плетни, за которыми всюду цвели — белым и розовым — яблони. Невысокие дома под серыми ровными соломенными крышами (впрочем, кое-где виднелись и черепичные, но не красные, а буроватые). Огородики (а вдали чернели вспаханные и, видимо, только что засеянные поля). Правда, люди не походили на русских. И на Фереди́ра не походили. Они были темноволосые, как Эйно́р, но ниже (даже взрослые мужики), кряжистые, крепкие, мужчины — бородатые. Одеты в коричневое, серое, чёрное. У всех на поясах — даже у женщин и мальчишек — ножи. При виде рыцаря пригоряне наклоняли головы — молча, движением не подобострастным, а скорей просто уважительным — и возвращались к своим делам. Бездельничающих не было, только в одном из проулков Гарав мельком заметил группу во что-то играющих детей, совсем клопов. «Хм, — подумал мальчишка скептически, — неужели Эйно́р до такой степени демократ, что влюбился в одну из местных девчонок?» Насколько он мог заметить, они все были крепкие, здоровые, но, на взгляд Гаравы, не слишком симпатичные и вряд ли могли понравиться Эйно́ру... Но потом пришло на ум, что Пригорье — это ведь не только сам посёлок, но и земли вокруг него. Наверняка тут где-то стоит замок, в котором живёт вполне достойная рыцаря пара.

Увидев двухэтажный трактир с вывеской «Гарцующий пони», Гарав полубезумно захихикал, только что не подлетая над седлом. Он поискал взглядом «окна вровень с землёй», но потом вспомнил, что хоббитов тут пока что нету, значит, не для кого и такие номера заводить. Да и второй этаж трактира выглядел совсем новёхоньким, видно, только-только пристроили.

— Ты что, был тут? — спросил Фередир, когда они спешили (и Гарав получил по физиономии брошенными поводьями Фиона — не успел поймать. Эйно́р направился в трактир, оруженосцы — к коновязи). — Смотришь, как будто домой вернулся.

— Нет, просто точно слышал про это место, — честно сказал Гарав, захлёстывая повод о бревно. — Хозяина зовут Наркисс?

— Угу. — Фередир несколько раз поцеловал Азара в морду, прежде чем заняться рассёдлыванием. (Конские носы Гараву тоже нравились, но не настолько, чтобы их чмокать, и он просто потрепал Фиона по шее.) Осведомлённость найдёныша Фередира не удивила — «Гарцующий пони» был известен от Голубых гор до Мглистых. — Жаль, что ночевать тут не будем — поедим, запасёмся продуктами и дальше. Но хоть земли будут повеселей.

— А ты в Форносте был? — Гарав поместил седло на специальное крепление, снял потник и внимательно начал осматривать конскую спину.

— Был... подай совок, вон там... ага... Большущий город. Да ты сам увидишь. Жаль только, холмы и горы кругом, не люблю я их.

— Неловко как-то, — буркнул Гарав, снимая узду. — Из-за меня такие крюки.

— Хе. — Фередир насыпал в ясли овёс из стоящих рядом радушно открытых мешков. — Будь уверен, если бы это не было на руку Эйнору, мы бы и дальше тряслись вместе на одном коне... Что, моё солнце? Что, мой крылатый? У-у-у-у... — Фередир снова поцеловал требовательно толкнувшегося ему в плечо Азара. — Что ни делает сын Иолфа, всё это не просто так.

— А что мы вообще делаем?.. Вон бадейки, воду будем наливать?

— Дай одну... пошли. — Фередир подцепил лохматую верёвочную ручку тяжёлой сырой бадьи. — Что делаем... Откуда я знаю? Эйнор поехал и взял меня с собой, а что, зачем... — Он пожал плечами.

Мальчишки сходили к колодцу за конюшной, притащили воду. Когда они, таща сумки, выбрались во двор снова, Эйнор уже стоял на крыльце.

— Фиона расседлал? — кивнул он Гараву.

— Расседлал, почистил немного, напоил, накормил, — кивнул тот, подавляя желание в шутку отдать честь.

— А... — Эйнор поморщился. — Ладно. Я пройдуся. Буду часа через четыре. В зале обед. Ешьте, можете поспать, если найдёте, где.

— А ты? — обеспокоился Фередир, подбрасывая на плече сумку.

— Я голодным не останусь, — отрезал Эйнор и зашагал через двор — быстро, плащ полетел следом.

В большом зале было светло — множество окон распахнуты настежь, — но почти пусто. Только за двумя сдвинутыми столами сидели человек двадцать... Да нет (Гарав споткнулся), каких, к чёрту, человек?! Гномы, блин!!!

Это и правда были гномы — невысокие (но и не мелкие, с того же Гаравы ростом, пожалуй), плечистые, в коричневых плащах, они вытянули ноги под столы, макали бородищи в большущие кружки (явно с пивом), ели что-то вроде сушёной рыбы — стружкой — и переговаривались еле слышно на совершенно непонятном языке. Гарав — у него слух и зрение были великолепными — несколько раз уловил слово *zigil* и шёпотом спросил у Фередира, что оно значит.

— А! — оруженосец засмеялся, сваливая сумки около стола, к которому их подвёл встретивший сразу у порога слуга — молодой предупредительный парень. — Это из их тайного языка. Вообще-то его никто не знает, это правда. Но бородачи так часто обсуждают прибыли и убытки, что только ленивый не выучит названия драгоценностей. *Zigil*, Гарав, — это серебро. Это гномы из Мории.

— Ты там был? — Гарав уселся на табурет.

— Нет, ни разу. Да гномы никого туда и не пускают после войны за Эрегион. Думаю, и нет там ничего интересного, да и не люблю я горы, я же сказал. То ли дело у нас... Ага, вот и обед!

Собственно, это был первый раз, когда в этом мире Гарав увидел то, что и правда можно назвать обедом. В мисках был густой суп — пахло мясом и зеленью. На тарелках — варёная картошка (мелкие цельные клубни), политая коричневой подливой, и по половине

жареной курицы. В кружках — пиво. И полкаравая хлеба.

Фередир начал с того, что выдул полкружки пива и только потом набросился на еду. Гарав принялся к своей кружке. Ясное дело, что в этих краях пиво не осветляют кадаверином³⁸ — и вообще оно тут явно «живое». Но любителем выпивки Гарав не был никогда...

— Молодые господа чем-то недовольны?

Мда, хозяин подкачал. На книжного Лавра Наркисса он ничуть не походил — скорее напоминал фермера. Со здоровенными ручищами, в тяжёлых башмаках, с грубоватым лицом... Но тот Наркисс, конечно, потомок этого — и не в первом колене, успеют они набраться трактирного лоска.

— Да нет, всё нормально. — Гарав поднял голову. — Скажите... любезный хозяин, а воды принести нельзя?

— Помыть руки?

— Нет, попить.

Фередир изумлённо посмотрел на Гараву. Наркисс посмотрел скорее оскорблено. И ответил подчёркнуто-вежливо:

— Желание посетителя будет выполнено.

После чего отошёл только что не с опаской, а через минуту уже другой слуга принёс в пивной кружке чистой холодной воды.

— Ты чего? — наконец-то удивился Фередир вслух.

— Не хочу пиво пить, — пояснил Гарав.

— Отличное пиво.

— Ну не хочу, понимаешь?

Фередир пожал плечами, как бы говоря: «Какая мне разница», и вернулся к обеду. Который, кстати, был отличного качества, только курица маленькая. Видимо, подумал Гарав, селекция тут ещё в зачаточном состоянии... Не заняться ли? Дело несложное, только долгое офигенно.

Но это были мысли мельком, между делом — вскоре мальчишки уже подчищали тарелки, довольно сопя. Хозяин ещё пару раз проходил по залу, посматривая на них со смесью одобрения и удивления.

— Про твою воду сегодня вечером весь зал гудеть будет, — сообщил Фередир. И, откинувшись к стене, талантливо изобразил в лицах: — «Оруженосец... Воду?! Брешешь!..» — «Провалиться мне. Полную кружку...» — «А оруженосец воду в кружке потребовал, пошептал на неё и будущее гномам предсказывал, вон там сидели, сам видел...» — «Гномы с оруженосцем, который в волшебной кружке карлика-предсказателя принёс, чистым мифрилом расплатились...»

Гарав рассмеялся и потянулся, выставив ноги под стол:

— Пошли сеновал искать, — предложил он. — Поспим?

* * *

Эйнор опоздал почти на час.

Можно быть человеком долга до мозга костей — Эйнор им и был, и не помнил и не представлял другим, — но пересилить себя и оторваться от другого человека, который тебе дорог и которого ты не видел четыре месяца... в общем, он опоздал.

Трактирщик сообщил, что оруженосцы вместе с сумками на сеновале. Потом с заминкой поинтересовался:

³⁸ Трупный яд. Искусственный кадаверин применяется в пивной промышленности для придания пиву светлого оттенка. Собственно, то что называют «пивом» в нашем мире в наше время — смертельный кумулятивный яд, и кадаверин тут далеко не главное. Между тем исторически пиво **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** полезно для человека.

— А вот скажи мне, кардоланец... у меня что, пиво плохое?

Чистокровный нуненорец, Эйно́р не любил пиво (разве что эльфийский яблочный эль). Но что в «Гарцующем пони» плохого пива быть не может, знали все.

— Хорошее, — совершенно определённо ответил Эйно́р. — С чего ты взял, что плохое?

— С того, — буркнул Наркисс и хлопнул полотенцем по косяку. — Воды ему налейте. Чистой. Щенок ещё, а туда же, с намёками.

Наркисс круто повернулся и ушёл в помещение. Вышедший следом слуга сообщил:

— Тут не во гнев будет сказано — оруженосец ваш, младший, ростом такой невысокий, хозяину в душу прям наплевал. Пиво пить не захотел, воды потребовал. А тут ведь дело какое — как сентябрьский эль варили, так в чан-то недоглядом — между делом скажу, вот сколько хозяин пиво варит, впервой! — крыса бухнулась. И того. Готова. Полчана распробовать успели, пока её вычерпали. Смеху было, не стой ругани — оборжалось с того крысиного эля всё Пригорье. Так вот с тех пор хозяин про пиво очень того — как будто кота против шерсти.

Губы Эйно́ра дёрнулись. Но лицо в целом осталось непроницаемым. Он кивнул слуге, бросил ему медную монетку и двинулся к сеновалу, мельком проведя рукой по лбу благодарно переступившегося Фиона.

Мальчишки, естественно, забрались на самый верх. Эйно́р пошевелил сено мечом в ножнах.

— Мыши, — раздался сонный голос Фередира.

— Угумн, — отозвался Гарав. Сено зашевелилось интенсивнее... потом замерло... а ещё потом сверху свесились две взлохмаченные головы, одинаково испуганно хлопающие глазами.

Эйно́р показал пальцем на пол перед собой.

Головы исчезли. И — в краткий момент между этим исчезновением и падением на пол сеновала двух оруженосцев с сумками — рыцарь широко улыбнулся.

Глава 12, в которой рыцарь с оруженосцами посещают славный город Форност

Единственным городом, который в этом мире видел Гарав, был Форомбар. Но видеть-то видел — однако не помнил. Да и не хотел. Так что смело можно было сказать: столица Артедайна Форност была первым городом, увиденным им здесь.

Как и в прошлый раз, близость города была заметна задолго до того, как появился сам город. Широченный тракт — немощёный, но с боков выложенный белым камнем, со столбами-указателями через равные промежутки — окружали поля, в которых виднелись деревеньки и хутора. Кое-где к дороге вплотную подступали сады. Народу было не так уж много, если сравнивать с Ангмаром, но среди путников кроме довольно частых гномов объявились явные монголоиды, негры и арабы. По крайней мере по внешности это были монголоиды, негры и арабы.

А в то утро, когда Эйно́р объявил, что к полудню они будут в городе (и согнал оруженосцев с коня — Гарав понял, что их парочка, несмотря на внешнюю невозмутимость, Эйно́ра раздражает своей нелепостью, и не обиделся, не возражал), рядом с неспешно сворачивающими бивак путниками остановились двое верховых.

Гарав как раз увязывал одеяла и, мельком посмотрев на подъехавших, удивился — ни узды, ни стремян. Это было первое, что он отметил... а вторая мысль обожгла.

ЭЛЬФЫ!!!

Это и правда были эльфы. Они спешили — ловко соскочили с высоких тонконогих коней, серых, как тени (при виде их Фион коротко проржал и взрыл землю копытом). Синие с золотом плащи держались на одном плече, на широких косых поясах — длинные мечи. На

эльфах вообще было много украшений — на шеях, запястьях... Темноволосые, улыбчивые (и с совершенно нормальными ушами, почти возмущённо отметил Гарав, — волосы, убранные на висках в тонкие косы, туго уложенные вокруг головы, уши позволяли рассмотреть очень даже хорошо... ну разве что мочек почти нет, но и у людей такие уши встречаются тоже — да у самого Гаравы были такие же...), высокие, они поприветствовали людей поднятыми ладонями.

Фередир продолжал возиться с вещами, хотя на приветствие ответил. А Гарав, если честно, уставился на эльфов с неприкрытым любопытством.

И чем больше он смотрел, тем больше не соглашался с Фередиром. Эльфы привлекали, притягивали и внушали... нет, не зависть... не робость... не уважение даже... а что-то... Пока мальчишка подбирал слово, эльфы поприветствовали и Эйнора, который глядел на них с улыбкой. Они заговорили на языке, который, как уже знал Гарав, назывался синдарин, при этом оба эльфа посмотрели на мальчишек извиняющимся взглядом — как бы попросили прощения за то, что те не понимают.

Уехали эльфы, так и не сказав никому, кроме Эйнора, ни слова, хотя учтиво попрощались со всеми тремя. Фередир сердито бросил Гараву:

— Рот закрой.

— У меня он закрыт, — возразил тот. Фередир буркнул:

— Тогда глаза верни на место, не выпучивай так.

— Чем они тебе не нравятся? — спросил Гарав, сморгнув.

— Зато тебя, я вижу, уже околдовали. Того и гляди побежишь за ними, как маленький ребёнок — они их так и...

Сильный удар по щеке пошатнул Фередира.

— Временами твой язык слишком болтлив, Фередир сын Фаэла, — сказал Эйно́р. — А главное — твоя голова не поспевает за ним.

Фередир опустил голову. Его щека даже слегка вздулась — прямо на глазах. Оруженосец покусал губу. А Гарав встретил тяжёлый взгляд Эйнора и сказал — просто чтобы не выглядеть трусом и предателем перед «огрёбшим» Фередиром, пусть Гарав и не был с ним согласен:

— У нас тоже рассказывают, что эльфы крадут детей.

— Если мы... когда мы вернёмся, поинтересуйся летописями и узнай, что такое Аст Ахэ,³⁹ — сказал Эйно́р почти зло. — Тогда ты поймёшь, глупый мальчишка, кто и зачем крал детей... Сворачивайтесь быстрее, ну?! К полудню мы можем быть в городе, и я определённо не желаю ночевать в поле ещё одну ночь!

... — Больно ударил? — тихо спросил Гарав Фередира, когда они шагали по дороге — по обе стороны от мерно качающего головой и явно довольного избавлением от двойного груза Азара.

— Угу, — честно отозвался Фередир.

— Из-за меня это опять.

— Да ну. Раз тебе нравятся эльфы — это уже всё. А я просто подосадовал. У нас на юге их и правда не любят, — признался он наконец. — Они слишком... слишком...

— Слишком правильные? — спросил Гарав. Фередир уставился на него в изумлении:

— Вот, да, то слово! Правильные, — повторил он, словно стараясь это слово раскутать. — Верно.

³⁹ Аст Ахэ — рыцарский орден, созданный в Первую Эпоху Морготом для «несения добра во имя зла». Рыцарей Аст Ахэ чаще всего готовили по принципу янычар. При этом им внушались понятия добра, отваги, справедливости, чести — всего, чего были лишены прочие слуги Моргота. Воспитанный таким образом мальчик был уверен, что Моргот — носитель справедливости и спаситель людского рода. Таким образом, все свои великолепные качества рыцарь обращал — самым ужасным образом! — на пользу Зла... Пожалуй, ярче всего печальная судьба рыцаря Аст Ахэ — полуэльфа Илльо — описана в романе О. Брилёвой «По ту сторону рассвета».

— Разве когда ты видишь что-то красивое, ты всегда завидуешь или злишься?

— Нет... — задумался Фередир. — Но мне... — Он вдруг засмеялся. — ...Но мне почти всегда хочется этим обладать. Если бы я мог, я бы стащил на землю все звезды. Не от жадности, нет! — вдруг помотал головой Фередир. — Я хочу посмотреть вблизи, какие они... И вот я думаю — может, когда-нибудь человек достигнет звёзд. — Фередир вздохнул. — Но никогда человек не станет, как эльф... И мало кто может с этим смириться.

Гарав удивлённо слушал Фередира. Тот говорил взросло и мудро.

— Ты о бессмертии? — спросил он наконец. Фередир кивнул. — Ты что, очень боишься смерти?

— Я? — Фередир покачал головой. — Нет. Просто я не люблю несправедливости. И не понимаю... — Он замаялся. — Я не понимаю замысла Эру, — понизил он голос. — Я спрашивал Эйнора, но не смог понять и его слов... А как я могу принять то, что не понимаю?

— Эйнор же принимает, — осторожно, словно ступая по скользкому льду (да эта тема им и была), вспомнил Гарав.

— Эйнор — нуменорец, — со значением ответил Фередир. — Пока не пал их остров, Эру сам приходил к ним, как к себе домой. Кто знает, что он открыл предкам Эйнора? А нам были оставлены земли, где мои предки не сразу научились плавить бронзу, Гарав. В нашем доме — как-нибудь ты увидишь, когда приедешь погостить! — есть бронзовые клинки, они древнее Арнора! Они смешны, завораживающие и ужасны. Да что я тебе рассказываю, вряд ли у вас было иначе... Скажи ещё что-нибудь на своём языке! — внезапно отбросил серьёзность Фередир. И Гарав, естественно, выдал матерную тираду, а потом мальчишки долго хихикали на ходу, когда Гарав объяснил, что она значит — все слова вместе и каждое в отдельности...

...Когда-то Форност явно начинался с двух крепостей на высоких холмах — крутых и, словно венцы, одетых кольцами мрачных багровых стен, мощных и суровых, — и казавшегося тонким и хрупким моста между ними, вознесённого на арочных переходах на высоту нескольких сот ярдов. В центре каждой крепости высился донжон.

Потом — Гарав даже усмехнулся, настолько точно это отвечало схемам в учебнике истории — крепость росла, и новое — общее — кольцо стен, уже не таких высоких, но всё-таки грозных, серых, с приземистыми частыми башнями, обняло оба холма. А дальше город расползался вкривь и вкось — по склонам других холмов и по низинам. Внешнее кольцо обороны было, но всего лишь земляной вал с частоколом. Правда, что значит — «всего лишь»? Знающие люди в Интернете и на ролёвках утверждали, что взять такие укрепления — задача нелёгкая, а без осадных машин или предательства — вообще невозможная.

Форност строился как арнорская пограничная крепость, а как город рос уже в дни Артедайны. Поэтому по величественности он проигрывал Аннуминасу — даже заброшенному. Но Гарав не видел Аннуминаса. И Форност его удивил. На глаз город был по площади не меньше Тамбова — областного центра родины Пашки. Конечно, тут дома в основном одноэтажные, да и строились с размахом, место явно не сэкономили. Так что живёт здесь — ого, да никак не меньше пятидесяти тысяч человек; для средневековья — мегаполис! Кое-где вокруг по холмам паслись стада.

Эйнор тоже спешил в сотне шагов от ворот. Тут народу было много, шли и ехали в основном в город — хотя кое-кто и оттуда. Звучали сразу несколько языков, но в основном — адунайк, которым Гарав владел уже свободно, хотя дико смешил Фередира акцентом, и талиска, из которого мальчишка знал — от Фередира — полсотни слов.

Ров у внешнего вала был глубокий и широкий, но без воды. Через него вёл мощный мост, сразу не сожжёшь и не развалишь. Но ещё через два десятка шагов Гарав понял, в чём тут дело. Ворота — очевидно, одни из нескольких — располагались внутри вала, высотой в три человеческих роста, из толстенных (с поставленного боком взрослого мужика) дубовых плах, обитых и стянутых сталью. Именно внутри, и Гарав, задрав голову, понял что в случае опасности сверху обрушатся десятки тонн камней и земли. Достаточно выбить четыре мощных клина по углам большого помоста, под которым проходила дорога и стояли ворота,

и на месте ворот будет просто вал. Не раскопаешь сразу, даже если не мешают.

Возле ворот стояли не меньше дюжины стражников. С мечами на поясах и копьями в руках, треугольные щиты за плечами, поверх кольчуг — чёрные накидки с восьмиконечными звёздами, на ногах — поножи и наколенники, на головах — высокие конические шлемы с чешуйчатыми нащёчками-застёжками. Никакой пошлости они, кстати, не брали и вообще ничего не делали — стояли и смотрели. Но не лениво — внимательно, даже немного неприятно. Кардоланского рыцаря с оруженосцами, впрочем, пропустили без слов...

...Улицы Форноста оказались вымощены камнем. Каменными были и многие дома, да и деревянные выглядели солидно и зажиточно. Правда, смущали соломенные крыши, но Фередир объяснил приятелю:

— А что тебе не так? Дождя не слышно и не протечет. Ни птицы, ни кошки не мешают, а по черепичным гремят, как конный отряд! Зимой тепло держит, летом прохладно... Горят они, правда, сильно, но тут уж что поделаешь... Я под такой вырос, — со значением (мол, давно это было!) закончил оруженосец.

Гарав кивнул. Крыши были аккуратные, да и вообще в городе оказалось чисто. Фередир снова просветил Гараву, что в дома — почти во все — подведена по трубам проточная вода с гор. Причём не только для питья, но и для смыва канализации. Такого слова Фередир не знал, но Гарав понял и с уважением огляделся.

Форност и правда был красив. За какие-то десять минут ходьбы Гарав насчитал три фонтана — каменных и ухоженных, выбрасывавших вверх мощные струи. На том месте, где начиналась широкая улица, через которую между домами тут и там перешагивали красивые арочные мостики — улица, явно уводившая в крепость, — замерла навечно статуя из серого камня: воин в тяжёлом, непривычном взгляду доспехе и крылатом шлеме выходил из моря, и каменные волны завивались и бурлили у его колен. Именно около этой статуи Эйно́р свернул налево, походя набросил узду Фиона на какую-то каменную завитушку и кивнул мальчишкам на квадратный усыпанный песком дворик, окружённый колоннадой. В противоположном входу с улицы конце виден был ряд дверей.

— Мне туда, — сказал рыцарь. — Ждите здесь.

И зашагал по песку — твёрдо и ровно, широким шагом, придерживая меч и откинув плащ на одно плечо.

— Ну, подождём. — Фередир поставил Азара рядом с Фионом, повесил на седло снятый пояс с оружием и прислонился к одной из колонн.

— Куда он пошёл-то? — уточнил Гарав, вставая напротив в той же позе.

— Это задворки княжеского дворца, — как ни в чём не бывало ответил Фередир.

Гарав огляделся изумлённо. Вдоль колоннады прошли мужчина и женщина в красивых длинных одеждах, на которых поблескивал металл — о чём-то разговаривавшие, они даже не посмотрели в сторону мальчишек.

— Я думал, что дворец там. — Гарав мотнул головой в сторону крепости.

— Нет, конечно, — тоже удивился Фередир.

— И что, любой может войти?

— Сюда? Конечно... — Фередир зевнул и потянулся. Потом вдруг толкнул Гараву в плечо, когда тот отмахнулся — в грудь и сделал подсечку. Гарав упал, но потянул Фереди́ра за собой, перехватив его запястья, швырнул в песок с упор в живот. Мальчишки покатались между чопорных колонн, не давая друг другу встать, сопя сосредоточенно и попеременно оказываясь сверху. Оба старались выглядеть злыми, оба хотели победить всерьёз, но обоим в то же время было смешно и хорошо — необъяснимо хорошо...

...За борющимися мальчишками из-за колонн внимательно наблюдал богато и ярко одетый харадрим. На его губах застыла сладострастная — и, видимо, безотчётная — улыбка, он тяжело дышал (впрочем, может быть, из-за явной полноты), глаза маслянисто поблёскивали.

Аганна был купцом и, естественно, шпионом одного из южных властителей — а заодно

Гондора, Арнора, Кардолана, Ангмара и морэдайн. Купца такая многосторонность не смущала — он с детства был приучен к мысли, что золото и серебро всегда остаются таковыми, из чьи бы рук ты их ни получал. А эта служба ещё и давала возможность рисковать в делах купеческих — на крайний случай прибыли от шпионажа могли покрыть убытки от рискованных операций, а милость властей — закрыть их же глаза на, например, контрабанду.

Впрочем, на севере Аганна не любил бывать. Холодно. Люди грубые и неотёсанные. Пища тяжёлая. Музыка отвратительная. Понятия о развлечениях примитивные. Единственное, что тут было стоящим, по мнению харадрима, — это дети. Мальчики... или девочки, на крайний случай. Но они были недоступны так же, как вершины здешних проклятых гор. Три года назад с огромными трудностями и издержками Аганна выписал и обеспечил доставку в своё имение мальчика-северянина лет десяти-двенадцати, не больше. Сколько на него ушло одного сонного зелья!!! Но этот негодяй (красивый, как изображения в древних, затерянных в песках храмах) буквально за какие-то минуты до того, как Аганна собрался его навестить, перерезал себе горло осколком разбитого кувшина. Аганну до сих пор бросало в дрожь, когда он вспоминал забрызганную кровью постель и стены (богатеи́шая ткань, мозаичные росписи...), и думал, что сумасшедший красавчик мог ведь и дожидаться его, Аганну. И... Мысли о том, что все эти северяне — сумасшедшие, добавочно отравляли пребывание здесь. Но как отказать себе в удовольствии посмотреть на светловолосых привлекательных мальчишек. Они приехали с хорошо знакомым Аганне Эйнором сыном Иолфа, не последним из рыцарей Кардолана, воспитанником князя... Одного из оруженосцев — Фередира — Аганна знал, когда-то даже подарил ему пони (в слабой надежде на... гм... близкое знакомство). А второго — невысокого светловолосого паренька лет 13–14, не больше — Аганна не знал. Вообще-то он пошёл за Эйнором, но тот скрылся в здании, куда Аганна не хотел заглядывать лишний раз. Пришлось остаться ждать — хотелось всё-таки знать, что тут делает Эйно́р, а времени подставить вместо себя кого-нибудь из платных помощников не было. И не дать волю фантазии Аганна не мог... но вздрогнул, издав слабый звук испуга и изумления, когда услышал над плечом голос, произнёсший на харадском:

— Доброго утра тебе, почтенный Аганна.

— А... — Аганна перевёл дыхание и церемонно склонился, сказав на адунайке: — Доброе утро тебе, рыцарь Эйно́р сын Иолфа.

Юный нуменорец стоял в каком-то шаге, и Аганна поспешно — вроде бы из вежливости — отодвинулся. На самом деле ему просто было страшно. Эйно́р был очень красив, и хотя темноволос, однако не так, как привычные харадские юноши. Но вот глаза... Словно серые гвозди, входящие в плоть. Аганна почувствовал себя мотыльком, какого он видел как-то в коллекции одного морэдайн. На белом листе бумаги, булавка — насквозь, никуда не деться и ничего не скрыть.

— Я вижу, — оживлённо заговорил Аганна, — ты нашёл себе ещё одного оруженосца в придачу к пре... — он не договорил «...красному» и сказал: —... данному Фередиру? Кто этот мальчик? Он ведь не из нуменорцев?

— Я подобрал его по дороге и посвятил в оруженосцы, — ответил Эйно́р сухо, но Аганне показалось, что серые гвозди слегка согрелись и помягчели. Ободрённый этим, купец продолжал:

— Воистину, ты добр, как добрые боги. И почти так же могущественен — вознести просторождённого мальчишку из дорожной грязи... Жди, он отплатит тебе благодарностью! — Аганна позволил себе подмигнуть. И видя, что Эйно́р молчит и не высказывает недовольства, вспомнил: — Как сказано в легенде о князе твоих беспутных братьев морэдайн, князе, что ехал по грязной дороге и вдруг, словно судьба толкнула его под руку, и он, сам не ведая зачем, нагнулся и подобрал с обочины камешек. Подбросил его в руку и так, забавляясь, ехал дальше. А потом хлынул дождь, омыл камень, и увидел князь, что это огромный алмаз, прекрасный, хоть и неогранённый... Главное, чтобы такой камень

достался умелому гранильщику, не так ли? — И купец позволил себе подмигнуть второй раз.

— А, эта легенда о князе Тamarхиле... — Эйно́р усмехнулся. — У нас её рассказывают иначе, почтенный Аганна. Был поединок Тamarхилиа и вашего вождя, имени которого история не помнит уже потому, что он был подл и ударил копьём лошадь князя. И Тamarхиль рухнул в грязь. А харадримец уже целил пронзить оглушённого Тamarхилиа копьём. Но князь схватил подвернувшийся под руку камешек, покрытый грязью — ничего иного не попало́сь ему под пальцы, — и кинул во врага. Хотел ли он того или случай вёл его руку, но камень попал в глаз коню харадримца, он взбесился, сбросил своего хозяина, и вождь упал и сломал себе шею. Тот камень — просто кусок гранита — Тamarхиль огранил сам и вставил в свой скипетр, что и до сих пор можно видеть где-то в Умбаре — не знаю точно, где... Так что полезное это дело — внимательно смотреть под ноги; как знать, может, то, что ты поднял походя, спасёт тебе жизнь?

Говоря это, Эйно́р вроде бы незаметно, но неотвратимо оттеснял сереющего харадрима дальше и дальше в глубь коридора — пока тот не упёрся в стену и не икнул от неожиданности.

— А теперь слушай меня, жирный кусок навоза... — Голос говорившего на харадримском Эйно́ра был похож на шипение стали по мерно вращающемуся наждачному кругу. — Я могу зарезать тебя здесь даже не кинжалом, уж точно не мечом — не хочу его пачкать. Рукой. — Его ладонь уперлась в область подреберья купца, и Аганна жалобно пискнул, поняв, что похожие на стальную перчатку пальцы юноши легко войдут в плоть. — Да ещё и сделать так, что тебя найдут не раньше чем через неделю и совсем в других краях, и все решат, что тебя ограбили орки... или ты всё-таки вздумал исполнить свою давнюю мечту, что копошится у тебя под черепом, харадрим... — нажатие стало чуть сильнее, — ...но не рассчитал, и какой-то грубый северный щенок свернул твою чёрную шею. — Но отсюда я возвращаюсь домой — через пару дней. И не хочу оставлять артедайнским братьям твой труп, у них и без того полно хлопот. Если за эти пару дней я увижу тебя ближе чем в десяти шагах хоть от одного ребёнка — пусть даже от сопливого уличного мальчишки, — я переборю своё нежелание. Ты понял меня? Не надо слов. Просто кивни или помотай головой.

Аганна закивал со скоростью дятла. И громко выдохнул, когда жуткая ладонь отстранилась от живота. Но в то же время в каком-то закоулке тренированного сознания не купца — шпиона отложились эти слова: «...отсюда я возвращаюсь домой — через пару дней». Пожалуй это будет интересно знать многим.

— Амня, — сказал Аганна.

— Я понял, ты благодаришь меня за милость, — кивнул Эйно́р. Купец снова затряс головой положительно. — И я благодарю тебя за приятную беседу, почтенный Аганна. — Нуменорец снова легко перешёл на адунайк и, развернувшись на каблуках, зашагал прочь...

... — Эйно́р!

— Эйно́р!

Мальчишки — тяжело дышащие и перепачканные песком — догнали рыцаря и важно зашагали с обеих сторон. Важно, но оба стреляли весёлыми взглядами и украдкой вытряхивали из лохм всё тот же песок.

— Помойтесь, причешитесь, обуйтесь и приведите в порядок одежду, бестолочи, — сказал рыцарь. — Вон фонтан. Сейчас пойдём покупать Гараву снаряжение, оружие и коня. Вещи и Фиона с Азаром пока оставьте здесь, никто не сведёт и не утащит.

— Ого, наконец-то! — засмеялся Фередир. А Гарав крикнул:

— Ура!

— Ура! — после минутного раздумья поддержал Фередир. — А что это такое?

— Ура, — в замешательстве пожал плечами Гарав. И оба на миг притихли, а потом расхохотались, когда Эйно́р крикнул, кладя им руки на плечи:

— Ур-р-ра!!!

— УРА-А-А!!! — заорали уже все трое, и шагавший навстречу высокий седой

нуменорец в строгих одеждах и с длинным мечом на выложенном серебром поясе, посмотрев им вслед, покачал головой.

В его время молодёжь не вела себя так бесцеремонно, развязно и нелепо...

* * *

Лавка оружейника оказалась солидным двухэтажным зданием. Два окна были откинuty, как прилавки, возле них толклись самые разные люди — в основном, конечно, мужчины (и мальчишки), и что-то покупали, торговались — внутри были видны молодые приказчики. Но Эйно́р совершенно спокойно пошёл прямо к дверям, над которыми вывеска изображала меч — просто меч, но нарисованный очень искусно. Была там и надпись, не витым тенгваром, а рунами кертара. Впрочем, Гарав не умел читать ни те, ни другие. Если честно, от этого его ела досада. Стыдно и даже противно было ощущать себя неграмотным. «Надо будет букварь добыть, что ли, — подумал мальчишка. — Научусь, не развалюсь!»

— «Меч». Лучшая лавка в городе и вообще по обе стороны Мглистых гор, — сообщил Фередир. Подумал и признался: — Конечно, у эльфов и у гномов оружие лучше. Но это надо ехать сколько, а у гномов ещё и на заказ делать.

Хозяин лавки — худощавый рослый старик с орлиным профилем, явный нуменорец — сам вышел навстречу посетителям, а точнее — спустился откуда-то сверху. С Эйно́ром он поздоровался за предплечья, даже чуть приобнялся, они перебросились парой слов на синдарине.

Но Гарав уже не обращал на это внимания. Оно полностью оказалось приковано к богатству, которым был полон весь первый этаж. И вздрогнул, когда Эйно́р окликнул его:

— А?!

Эйно́р и хозяин лавки рассмеялись — добродушно и спокойно. Эйно́р пожаловался старику:

— Вот такое сокровище.

— Йотеод или ещё дальше с востока, — сказал старик. — Там есть самые разные племена, как сейчас помню... — Он говорил, словно Гарав тут не было, но это не звучало обидно. И жестом показал: вся лавка в вашем распоряжении.

— Доспехов ты, конечно, никогда не носил, — сказал Эйно́р, кивнув старику. Но Гарав помотал головой:

— Носил... В смысле — примерял.

— Лучше бы не носил, — подытожил рыцарь. — Ну что ж. Давай подберём тебе что-то, в чём ты и правда будешь выглядеть моим оруженосцем, а не бродягой... Ты чего смеёшься?

— Ничего. — Мальчишка быстро принял серьёзный вид. А вот интересно, что скажет Эйно́р, если ему сейчас сообщить: слово «телконтар», которым он презрительно обложил Гарав, через полторы тысячи лет станет тронным именем короля Соединённого Королевства, которое вберёт в себя наконец-то и Артедайн, и Кардолан, и Рудаур, и Гондор... Не поверит.

Фередир между тем уже рылся в доспехах, как щенок — в кучах мясных обрезков, только что не скулил от счастья. Оружейник смотрел на происходящее чуть насмешливо и молча. Наверное, видел такое не раз.

— Послушай... — Гарав вздохнул. — Но всё это, наверное, очень дорого...

У Толкиена вопросы цены чего-то почти никогда не поднимались, разве что в рассказах о Хоббитании. Иногда создавалось такое впечатление, что всё нужное само собой падает на героев. По крайней мере так казалось Га... Пашке. А в реальности вставала перед глазами строка из учебника — что рыцарские доспехи стоили стада из 50–60 коров. Здешние монеты Гарав уже много раз видел — тут были настоящие монеты, а не рубленый металл, как на севере. Они были очень хорошей чеканки, просто филигранной. Маленькие — с ноготь пальца взрослого мужчины — золотые кастары, на одной стороне которых была

шестиконечная звезда с очень острыми лучами, а на другой — надпись алфавитом Кертар: «Мэлин мириан», то есть просто «Монета золотая» на квэнья. Серебряные зарни — их считали по четыре в каждом кастаре — были размером с «земную» десятирублёвку и чеканкой в точности повторяли золотые, только с надписью: «Телпе мириан», «Монета серебряная». И медь — размером с серебряную, по двадцати пяти медных фартингов (название было в точности английское!) в серебряном зарни. Фартинги были без надписей или рисунков, но покрытые с обеих сторон сложным красивым орнаментом. Чеканили монеты одинаково во всех трёх княжествах, но больше всего — в Артедаине. В общем, Пашка уже не раз видел монеты, но так и не мог пока соотнести, сколько тут чего стоит. Поэтому и в вопросе его прозвучало искреннее беспокойство.

— М-м, — хмыкнул Эйно́р. — Недёшево. Но честь дороже.

Гарав посмотрел на рыцаря круглыми глазами. Это были слова Руматы из «Трудно быть богом» Стругацких.

Впрочем, мальчишка тут же понял, что Эйно́р не собирается снаряжать его, как себя. Фереди́р к этому времени уже нагрёб полные руки всякого добра и выглядел пьяным от счастья, но по сторонам всё равно зыркал несатыми глазами.

— Будете всё это покупать? — флегматично спросил оружейник. Эйно́р отпустил оруженосцу подзатыльник и кивнул на Гараву:

— Его надо снарядить полностью.

Оружейник смерил мальчишку коротким взглядом — уже совершенно деловым — и, нагнувшись, выбросил на прилавок кожаную куртку, кожаные штаны, серую рубаху и ещё одни штаны — полотняные, короткие, чуть ниже колен. Потом — пару сапог, пару простых коротких шпор, ещё пару сапог.

— Меряй, — кивнул он и жестом пригласил Эйно́ра к... стеллажам, что ли? Как они тут называются?

Гарав охотно переоделся. Оставил на себе только трусы, а джинсы, подумав, отложил. Не хотелось с ними расставаться. Рубаха была без шнуровки, балахоном, и в тех и в других штанах — вшитые пояски, а куртка шнуровалась по груди на пол длины от горла. Сапоги, хоть и подбитые сталью, тоже имели мягкие голенища, это были, в сущности, чулки с прочной подошвой и завязками по верхнему краю. Но вся одежда, несмотря на непривычность, оказалась удобной — разве что чуть жестковатой, необтёртой. Фереди́р, так и не выпустивший из рук длинный кинжал с маленькой гардой в виде сердца и венчавшим рукоять начищенным диском, одобрительно кивал.

Гарав же в общем-то понимал одну важную вещь: это не сказка. Клятва, теперь это снаряжение... За это надо будет служить. И, наверное, не один год, даже денег не спрашивая — кормят, и хорошо. Конечно, можно поднять хвост... Но вот только зачем? Эйно́р — хороший парень, Фереди́р — вообще считай друг. Слуга у рыцаря — это не раб у орков. Поднять хвост и уйти — а куда? Ну, предположим, тут нет рабов. А делать-то что? В принципе Пашка умел копать в земле, ходить за скотом... Значит, наниматься батрачить к крестьянину. Может, и неплохо, но разве сравнить со службой у рыцаря? Ясно, что домой, кажется, дороги нет вообще. (Пашка задержал дыхание, чтобы не всхлипнуть — вдруг резко подкатила под горло забытая, казалось бы, тоска...) А тут надо как-то устраиваться жить. И это не худший, наверное, вариант.

Эйно́р тем временем, не глядя, бросил на прилавок большую круглую кожаную флягу — литра на два, не меньше, потом — свёрток, в котором Гарав опознал такой же длинный чёрный плащ с капюшоном, как у самого Эйно́ра и Фереди́ра, только совсем новый. Сверху шлёпнулась круглая фибула — простенькая, с узором в виде точек двойным кругом. Потом — широкий сложный ремень с похожей на фибулу пряжкой. Брякнулись две большие кожаные сумки, скреплённые грубым ремнём.

— Ну-ка. — Эйно́р заставил Гараву поднять руки и ловко опоясал его поверх куртки ремнём. Оказалось, что на широкой двойной полосе из толстой кожи — подвесы для меча и кинжала и даже крепление для кошель или маленькой сумки. — Шпоры давай.

Почему-то, прикрепив шпоры (не золотые, конечно, как у Эйнора, а такие же, как у Фередира, простые стальные, так, дужка с тупым шипом), Гарав почувствовал себя как-то по-новому. Уверенно, что ли? Он не успел об этом плотно подумать, потому что Эйнор добрался наконец до главного. С точки зрения Гаравы — и, наверное, и самого Эйнора.

Мда.

Эйнор и правда не собирался разоряться на доспехах для своего слуги. Кольчуга — чуть ниже колен, разрезанная по подолу спереди и сзади так, чтобы прикрывать сидящему верхом ноги, с широким рукавом ниже локтя, без усиления типа оплечий или нагрудника (ага, а у самого-то есть!!!). Правда, плетение было мелкое и густое. Шлем — простым куполом, но с кольчужными же шарфом и бармицей — а точнее, с единым типа комплексом, который оставлял открытым только овал лица и даже плечи прикрывал; на нижнем краю овала болталась какая-то широкая стрелка... А, понял Гарав, если её поднять вверх, то можно зацепить за нижний край шлема спереди, там вон и скоба есть — кольчуга тогда тоже поднимется, закроет подбородок, а эта стрелка — почти все губы и весь нос. Поножи — высокие, из двух половинок на ремнях. Потом — кожаный дублённый жилет с острыми крыльями-оплечьями... Ага, это поверх кольчуги, не так уж плохо. Кожаные доспехи — вовсе не такой примитив, как некоторые думают... Краги — тоже из толстой кожи, со стальными блямбами на сгибах пальцев и костяшках кулака и на тыльной стороне ладони — до середины предплечья. Треугольный небольшой щит без рисунка — деревянный, обтянутый чёрной кожей и обитый бронзовыми скрепами; изнутри — плотная подушка под руку и несколько ремней, один из которых позволял вешать щит на шею, а три других — крепить его у локтя и у запястья, плюс брать в руку. Меч — самый обычный, простейший и функциональный, как ложка, выбранный явно с учётом роста, веса и возраста нового воина — в черных ножнах из кожи и дерева, стянутых красивыми фигурными, но всего лишь стальными скрепами. (Но даже при всей своей простоте по клинку бежал характерный именно для кардоланских мечей алый узор — Эйнор выбрал оружие с родины...) Кинжал — в сущности, уменьшенная копия меча. Ещё один нож (как Гарав понял, столовый прибор «за всё») с удобной костяной рукояткой, гранёное шило, напильник, кожаный ремень — наверное, для «доводки» лезвий после заточки. Топор — обычный, рабочий, только полотно с оттянутым вниз концом отличало его от привычных Пашке. И копьё — не пика, как у Эйнора и Фередира, а именно копьё, метра два длиной, с удобной обмоткой ремнём под руку и широким наконечником, которым при случае явно можно было неплохо рубить. Гарав немедленно покрутил копьё с перехватом, как квотерстаф⁴⁰ — и смутился было, но Эйнор одобритительно хмыкнул:

— Хорошо, молодец.

Ободрённый похвалой, Гарав запустил топором, ни слова не говоря, в попавшуюся на глаза мишень для ножей — и угодил точно. На этот раз не удержался оружейник:

— Ого. Редкое здесь мастерство.

— Он и правда северянин, ты угадал, — гордо заявил Фередир.

Когда Эйнор приказал примерить доспехи, Гарав слегка сник. На руках всё было очень тяжёлым... но, облачившись, он понял, что Олег Николаевич был прав, когда говорил, что доспехи в руках и доспехи на теле — разные вещи. А когда оружейник, что-то бормоча, произвёл непонятные манипуляции с кольчугой, вес вообще стал каким-то... в общем, не тянущим. Гарав пожалел, что нет зеркала. Но, едва он об этом подумал, как оружейник снял ткань с большого предмета в углу — и там, как по заказу, оказался лист зеркально отполированной бронзы. Мальчишка почувствовал, что краснеет от удовольствия. А, повернувшись боком, чтобы полюбоваться, он увидел рядом с зеркалом на полке хорошо знакомую штучку...

— Арбалет можно? — Гарав сказал «арбалет» по-русски, но кивнул на указанный

⁴⁰ Английский боевой шест.

предмет, и его поняли. Оружейник поднял брови. Эйно́р усмехнулся. Фереди́р заинтересовался:

— Умеешь?! Это работа морийских гномов.

— Конечно, — кивнул Гарав. — Хорошо умею.

Он уже понял по реакции всех троих, что это оружие тут не в почёте. А зря. Тем более странно, что сделан был арбалет умело. Приклад, как у ружья, мощные стальные упоры для «козьей ноги» (она сама крепилась к арбалету снизу), удобная скоба спуска, стальной лук, стальная тетива... Арбалет, правда, оказался офигительно тяжёлым, как хорошее охотничье ружьё-самозарядка. В жёстком туле — кажется, берестяном, обтянутом кожей — хранились полтора десятка болтов: короткое толстое древко с трёхсторонним жёстким оперением из тонкой дранки, металлическая проушина, наконечники у большинства — массивная тупая шишка, но у трёх это были четырёхгранные «гвозди» длиной в указательный палец, а ещё у трёх — серповидные срезни шириной в ладонь.

— Покупаю, — кивнул Эйно́р...

...Коня купили через две лавки — вместе со всей сбруей. Фереди́р в это время ходил покупать продукты, потом — за конями и вещами, но вернулся быстро — запыхавшийся, тяжело нагруженный, но довольный. Он что-то жевал и, посмотрев, как Эйно́р выбирает жеребца, сунул Гараву кусок чего-то липкого.

— Жуй.

Гарав — он тоже увлёкся процедурой выбора — откусил и удивлённо сказал:

— Ой. Это же козинак.

— А? — удивился Фереди́р. — Это глирэ́д. — Слово было явно эльфийское. — Вкусно?

— Угу. — Гарав увлечённо жевал. Оказалось, что он дико соскучился по сладкому. — А шоколада у вас нет?

— Нет, — пожал плечами Фереди́р. — Ну... не слышал про такое.

— Для кого я выбираю коня?! — окликнул Эйно́р. — Эй, вы, двое!..

...Серого в яблоках хорошо объезженного жеребца-трёхлетку Гарав назвал Хсан. Сокращённо от «х'санкор» — было такое животное в одной читанной когда-то Пашкой книжке. Объяснять странное название он не стал, хотя Фереди́р спросил изумлённо: «А что это такое?!» Слово было короткое и красивое. Чего ещё надо? Гарав был рад — так рад, что даже сам себе удивлялся. Он бормотал слова благодарности, путая русские слова и слова адунайка, потом с величайшей осторожностью оседлал приобретение. Почему-то конь обрадовал его больше оружия, больше одежды, больше всего вообще. Под смех Фереди́ра и улыбку Эйно́ра Гарав наконец обнял Хсана за шею и поцеловал прямо в нежный тёплый нос.

— Ладно, — сказал Эйно́р. — Покажи, как ты умеешь увязывать своё собственное добро, — и пошли-ка ужинать и устраиваться на ночлег. Мы проведём в Форно́сте пару дней.

— А куда пойдём? — деловито спросил Фереди́р.

— В «Гнездо кукушки», — сказал Эйно́р.

Фереди́р в ответ на вопросительный взгляд Гаравы пожал плечами.

Глава 13, в которой обнаруживается кукушкино гнездо и происходят ещё некоторые события...

Внутри таверна «Гнездо кукушки», как ни смешно, оказалась больше похожа на ретро-кафе — из дешёвых. Стены, обшитые светлыми и тёмными деревянными полосками-панелями вперемешку, большой открытый очаг, высокие потолки, подпертые деревянными арками, с которых свисали на цепях потушенные днём светильники, выложенный алыми и серыми гранитными плитками пол, квадратные столы на четыре места каждый, стулья с высокими спинками, выведенными в виде стилизованной лилии — расширенные сверху, на

резных ножках... На небольшом возвышении в глубине зала сидели — правда, пока не играли, тихо разговаривали друг с другом — музыканты: арфист, флейтист и... скрипач, что ли? Четыре из каждых пяти столов были заняты, но хорошее место рыцарю и оруженосцам нашлось легко. Подошедшая девушка приняла и вскоре принесла заказ. Эйно́р не собирался экономить на еде — ни для себя, ни для своих оруженосцев. Сковорода с глазуньей из дюжины яиц с ветчиной, три жареных цыплёнка, полкаравая серого хлеба, листья молодого салата, хрустящие тонкие коржики, кувшин с вином, три тонкостенных кружки... В общем, поесть было что. Даже ножи и вилки были поданы — металлические, начищенные до блеска. И три чистых полотенца — с вышивкой. Да, ещё на подходе, с улицы, видно было, что заведение пользуется немалой популярностью — во дворе у коновязи стояло десятка три коней.

Мальчишки навалились на еду без церемоний. А вот Эйно́р несколько мгновений молча смотрел на запад, как будто видел сквозь стену, а когда занялся обедом, то ел изящно и даже красиво. Но Гарав на это поглядел лишь мельком. Он внезапно открыл, как это здорово — неспешно есть ножом и вилкой за столом и умело приготовленную пищу. Даже лучше, чем в «Гарцующем пони». Хотя Наркисс, несомненно, получил бы удар, скажи ему кто-нибудь об этом. А может — и даже наверное — перед этим удар получил бы критик. Обычный удар — кулаком.

— Тебе как — воды заказать? — Эйно́р вдруг, словно угадав, о чём думает оруженосец, подмигнул Гараву. — Ты знаешь, что почтенный Наркисс с твоими фокусами чуть не умер от гнева?

— Не надо мне воды, — буркнул Гарав и налил себе вина. Оно было густое, красное, но чуть-чуть с фиолетовинкой. И холодное — жёсть кружки запотела.

— Вино было сделано ближе к твоим родным местам, — Эйно́р тоже пополнил свою кружку. — На восточном берегу Руна.

— Эйно́р там был, — гордо заметил Фередир. Эйно́р усмехнулся:

— Был. Ещё оруженосцем... Кстати, это вино тогда и сделали. Пять лет выдержки.

Гарав отпил. Осторожно. Вино было и правда холодным... и не так уж походило на прокисший компот (а именно таким был опыт общения мальчишки с вином). Оно чуть сладило, чуть горчило, чуть кислило... чуть вязало язык — и было, в общем-то, приятным. И, видимо, крепким — через какую-то минуту, несмотря на то что Гарав плотно поел, у него слегка поехало сознание. В общем-то это было не неприятно и не доставляло особых неудобств — скорей было даже забавно.

— Ты что, опьянел, что ли? — усмехнулся Эйно́р. — Тогда пока хватит, ешь.

— Не, больше не хочу, — ответил Гарав. И не сразу сообразил, что ответил по-русски. Повторил то же на адунайке, а потом чувства постепенно пришли в норму. — Мы тут будем жить?

— Комната с задней стороны. Сначала вам надо будет коней устроить как следует.

— А ты в город идёшь? — вмешался Фередир. Эйно́р кивнул. По столу — ловкими быстрыми движениями пальца — толкнул три зарни Фередиру, три — Гараву. — Гуляйте, только чтоб с темнотой были здесь. Да, Фередир, — по столу скользнул золотой, — проверьте всю сбрую как следует и сумки заполните овсом.

— Конечно. — Фередир прибрал монету. Гарав катал по столу три свои, потом тоже убрал их в новенький кошелёк. Спыхватился:

— Тут кошёлки не крадут?

— Если в забегаловках у Южной Стены напиваться в дым не будешь — не украдут, — хмыкнул Эйно́р.

Все трое замолчали и расслабились. Гарав посматривал вокруг и ощущал невероятное умиротворение. То ли из-за вина, но, скорей, просто потому, что в его здешней жизни наконец всё определилось и он не просто нашёл место, но и обрёл, так сказать, все внешние признаки статуса. «Ну и ладно, — подумал Гарав, — ну и отлично. Вот так всё и будет. Стану жить, словно ничего другого не было. Да и правда же — не было...»

Подошедшая девушка убрала со стола, принесла Фередиру пива и всем — ржаных сухарей с солью.

— За счёт «Гнезда кукушки», — весело сказала она. — Как проживающим здесь.

— А почему «Гнездо кукушки»? — поинтересовался Гарав. Девушка улыбнулась:

— А тут всегда, как в гнезде кукушки — много народу, но никого постоянного. Разве плохое название.

— Грустное, — неожиданно для самого себя сказал Гарав. Девушка посмотрела чуть удивлённо и с интересом.

— А ты красивый, — сказала она вдруг, чуть нагибаясь к мальчишке. — Тебе говорили, что ты немного похож на эльфа?

— Говорили. — Мальчишка решил не отстраняться. Смотреть на девушку вблизи было приятно, и он ощущал себя совсем взрослым и ещё — как-то бесшабашно. — Ты тоже красивая, тебе об этом говорили? — Он, помедлив, выставил колено, и девушка на него уселась. Эйно́р на миг поднял глаза, но ничего не сказал, а Фередир подмигивал сразу обеими. Гарав не соврал. Девчонка — чуть постарше его самого, белокожая, зеленоглазая и светло-русая, с уже очень неплохой грудью — была симпатичной, одета аккуратно и со вкусом. Она гибким движением обхватила мальчишку за шею, чуть отстранилась и поинтересовалась:

— Ты оруженосец?

— Да-а... — Гарав подвёл руки под спину девчонки. Она засмеялась негромко, отняла одну руку от затылка мальчишки (второй — потихоньку — поглаживала ямку пониже затылка; жутко приятно это было!!!), обмакнула кончики пальцев в кружку с недопитым вином и легко провела по губам Гараву. Он облизнулся невольно и ощутил, как напряглось всё тело, каждая мышца. Сладко так напряглось — и чуть оглушающе, как вино. Во чёрт, так откровенно не вели себя девчонки даже в ег... мире Пашки. По крайней мере на людях. Но, судя по всему, окружающим было наплевать. Да-а, кто бы мог подумать, что в мире Толкиена есть такие девушки... и ещё... хрень, неужели она — такая красивая и молодая совсем — проститутка?! И подаёт здесь... что-то не сходится... Или я ей просто так понравился? Да ну... — А... — Мальчишка провёл пальцами по шее девчонки — она улыбнулась и потёрлась щекой о тыльную сторону ладони Пашки. — Ты дорого берёшь?

Треть!

Плюх!

Простучали шаги. Хохот обрушился со всех сторон добавочным водопадом — к тому вину, которое было стремительно и метко выплеснуто в лицо мальчишки. Левая щека у него мгновенно онемела от размашистой плюхи, а правая начинала гореть сама по себе без удара.

— Ччччччто это? — Гарав потряс головой и фыркнул.

— Болван, — хмыкнул Фередир. — Твоё счастье, что никто кроме неё не слышал этих слов.

— Я слышал, — сказал Эйно́р. Он поднял глаза от тарелок и смотрел на Гараву в упор. — Ты принял её за шлюху?

— Да, — Гарав опустил глаза. — Но разве...

— Ты ей просто понравился, ненормальный! — Фередир налил Гараву ещё вина. — Я тебе так позавидовал... — Он хихикнул и фыркнул.

— В моих местах девушки не усаживают на колени незнакомым парням в каф... в тавернах, если они не шлюхи или если эти парни не их близкие друзья, — сердито сказал Гарав, с удовольствием заметив, что вспыхнувший интерес к происшествию так же быстро угас.

— В наших тоже, — спокойно согласился Эйно́р. — Но тут большой город и очень вольные обычаи. Кроме того, она из твоих, из северян — а у них считается, что с каждым воином связана немалая Удача. Не могу сказать, что мне всё это нравится, но я приказываю тебе...

— ...я схожу и извинюсь, — Гарав решительно поднялся, начал вытирать лицо

полотенцем. Эйно́р совершенно спокойно, удовлетворённо кивнул и вернулся к еде. Фереди́р нахально и довольно цинично прошептал:

— Не будь дураком, если простит — возьми её. Давай, удачи!

Гарав отправился на поиски. Они оказались недолгими — девчонка стояла у камина и наблюдала за тем, как жарится баранья тушка, с которой мальчишка лет двенадцати равномерно срезал слои мяса и укладывал на блюдо, стоявшее рядом на трёхногом табурете.

— Послушай... — Гарав остановился рядом с девчонкой. Она обернулась, но холодно, и глаза были неприязненными. Тем не менее Гарав продолжал: — Я издалека. Я нездешний, понимаешь... У нас совсем другие обычаи. Я в мыслях не держал обидеть тебя. И сейчас прошу прощения за нанесённое оскорбление. У нас за такое, — приврал он, — берут виру или вызывают на поединок. Мне драться с твоим братом и отцом?

Мальчишка, резавший баранину, засмеялся. Девчонка свела брови... но вдруг улыбнулась тоже. Она увидела и поняла, что Гарав на самом деле смущён и растерян.

— Отец не умеет драться мечом. Это его корчма, и он имеет дело только с топором и ножами... А мой брат, — она кивнула на мальчишку, — храбр и могуч, как весенняя белка, — пацан скривился и показал язык сестре, — но, боюсь, легковат для боя с тобой.

— Тогда вира? — Гарав оперся высоко поднятой рукой о тёплую деревянную стену рядом с очагом, склонил голову на плечо.

— У тебя же пустой кошелёк, — насмешливо, но не зло сказала девчонка. — Даже оружие и доспехи куплены твоим рыцарем. Могу поклясться в этом.

— Я могу нарубить дров или убрать хлев, — пошутил Гарав. Если честно, он всегда робел перед девчонками — они казались насмешливыми, нелогичными и шумными. Но сейчас почему-то было легко говорить.

Брови девчонки поползли вверх:

— И ты это умеешь?!

— А что тут такого? Я из крестьянской семьи... Меня зовут Гарав, — он чуть поклонился, — а ты кто?

— Тазар, дочь Уризана. — Девчонка чуть поклонилась и повела рукой. Северянка или нет, но имена и у отца, и у неё были на адунайке. — Я прощаю тебя за твою глупость, произошедшую от незнания и дикости.

Гарав даже рот приоткрыл... но тут же понял, что девчонка смеётся над ним — не зло, так, маленькая месть. И засмеялся тоже...

...Ни Гарав, ни Тазар не замечали, как сидевший в углу недалеко от камина мужчина — средних лет, в простой одежде — ловкими быстрыми штрихами угольной палочки набрасывал на расстеленном на столе белом листе плотной бумаги эту сцену: камин, огонь, смеющиеся мальчик-оруженосец и девушка из трактира — юные, красивые, беспечные и немного «выставляющиеся» друг перед другом.

Человека звали Туив, и он был живописцем. Сейчас, когда он работал над наброском, перед его глазами уже была картина — настоящая картина, двенадцатая в серии «Люди Форноста».

Художник задумчиво улыбнулся, не переставая работать. Он был благодарен этим подросткам и, накладывая последние штрихи, привычно попросил Эру быть милостивым к его глупым и счастливым маленьким детям — ко всем на свете, и к этим, у камина. Хотя бы за то, что в нынешнем шатком и больном мире они смеются так, словно бессмертны. И немного самодовольно подумал, что может кое-что добавить к милости Эру — на самом деле подарить своим невольным натурщикам бессмертие...

...Эйно́р успел уйти. Фереди́р, скучающим взглядом созерцавший потолок, оживился, когда Гарав плюхнулся напротив.

— Ну что?

— А ничего, — легко ответил тот и засмеялся.

— Ясно... — Фереди́р расплылся в улыбке. — Пошли к коням, а потом я спать, темнеет уже, а ты...

— Выдумал, — фыркнул Гарав, снова поднимаясь, как на пружинах. — Пошли...

...В конюшне на отведённых местах Гарав так бурно нежничал с Хсаном, что Фередир опять засмеялся и толкнул друга в спину:

— Спокойней, спокойней, ты чего? Влюбился, что ли?

— Знаешь, нет, — откровенно признался Гарав. — Я... в общем, не влюбился я... — Гарав понизил голос. — Ты знаешь, она, во-первых, симпатичная и весёлая. А во вторых, я... ну это... ну, в общем... это как бы...

— Хочешь её, что ли? — просто спросил Фередир. Гарав покраснел. — Ну и иди, в чём дело-то. Я ж тебе сразу сказал. Только если ребёнка откуёте, придётся тебе его содержать. Иначе нечестно.

— А? — Гарав покраснел ещё сильнее. Фередир пожал плечами:

— У меня двое...

Гарав вытаращился:

— Че-го-о?!

— Ну да, а что? — не меньше удивился Фередир. — Одна рядом с Зимрой, второй — на юге Арнора. Мальчишка подрастёт — может, возьму его к себе оруженосцем. Стану же я к тому времени рыцарем.

— А как их зовут? — обалдело поинтересовался Гарав. Фередир пожал плечами:

— Откуда мне знать? И зачем? Хватит и того, что я про них самих точно знаю и посылаю им деньги...

— А Эйно́р? — допытывался Гарав.

— Эйно́р, — хмыкнул Фередир. — Эйно́р — нуменорец, они так собой не разбрасываются... Сколько тебя учить, кругами щётку води, кругами!!!

— Я сейчас тебя этой щёткой...

...В комнате, которую оплатил Эйно́р, было четыре кровати — не три. Но на четвёртую оруженосцы бестрепетно свалили все вещи и теперь плескались в большой медном тазу, по очереди поливая друг друга из кувшина. Повозишься с лошадьми — при всей любви к ним, — и в таком виде ни заваливаться спать в кровать, ни идти на свидание с девушкой не стоит.

— Вообще-то надо бы тебе рубашку. — Фередир, фыркая, выпрямился и критически осмотрел друга. — Накидку, штаны не кожаные... одни сапоги куда ни шло.

— Где я всё это тебе возьму?! — возмутился Гарав, вытирая волосы и из-под полотенца сердито глянув на Фереди́ра. — Гребень дай.

— Держи... — Фередир хлопнулся на кровать, забросил руки под голову и продолжал разглядывать Гараву, который сердито дёргал гребнем. — Иди так, она тебя расчесет как раз.

Гарав кинул в захохотавшего Фереди́ра гребнем и резко затянул пояс. Подумал и привесил не только кинжал, но и меч. Он думал, что Фередир будет смеяться, но тот как раз ничего подобного и не собирался делать. Хотя напутствовал довольно ехидно:

— Не разочаруй её...

...В зале народу было полно и дым коромыслом. Пашка на секунду ощутил себя мальчишкой, заполночь явившимся в бар, где гуляют взрослые дяди. Но почти сразу сообразил, что это он так думает. А окружающие если и глядели на него, то мельком. Ну оруженосец. Ну идёт куда-то. Ну и что?

Уризан — хозяин «Гнезда кукушки» и отец Тазар — стоял возле камина и руководил несколькими слугами — днём их Гарав не видел (видимо, по вечерам семья отдыхала). Проходя мимо него, Гарав внутренне съёжился — ему казалось, что Уризан насквозь видит, куда он, Гарав, пошёл. И вообще ситуация показалась на миг невероятно глупой — мальчишка едва не вернулся в комнату. Но представил себе ехидство Фереди́ра — и решительно вывалился на крыльцо, геройски придерживая меч.

Во дворе, кстати, народу тоже хватало — уединяйся тут! И Тазар, стоявшая у коновязи, где опять было полно «свежих» коней, тоже была не одна, а в компании двоих парнишек.

Между прочим, и повыше, и постарше, и покрепче Гарав. Но едва Гарав, нарочито громко стуча стальными подковками по замостке двора, подошёл ближе, как те испарились. Причём это был, кажется, не страх, а уважение. Именно настоящее уважение к воину.

Хм. Это было приятно.

С этой мыслью Гарав и подошёл к коновязи. И положил ладонь поверх руки Тазар, лежавшей на отполированном бревне.

— Добрый вечер, — улыбнулся он. — Погуляем или как?

— А разве твой рыцарь не велел тебе с темнотой быть здесь? — прищурилась Тазар.

Больше всего Гараву хотелось сказать, что он сам себе хозяин и вообще уже взрослый... но здесь это было правдой — он был взрослый и должен был себя вести, как взрослый. А взрослые не делают глупостей, чтобы доказать свою самостоятельность всему свету.

— Велел, — вздохнул Гарав и подбросил серебряную монетку. — Что тебе купить? Или дочери хозяина всё это уже поперёк горла?

— Почему? — удивилась Тазар. — Отец просто так не угощает, иначе мы всё съедим, посетителям и постояльцам ничего не останется. Принеси чего-нибудь попить. И что сам захочешь, ага?

Гарав снова заглянул внутрь и вынес кувшин с яблочным элем и сухие печенья на меду. Кувшин достался ему, а печеньями немедленно завладела и захрустела Тазар.

— Вкусно. У нас лучшее в городе печенье, — объявила она.

— Дай-ка и мне. — Гарав успел спасти одно, остальные перекочевали куда-то в глубь юбки Тазар.

Позади дома был небольшой садик — явно не для постояльцев. Но Тазар с решительностью хозяйской дочери повела Гараву туда. На ходу они сделали по паре глотков из кувшина — яблочный эль мальчишке понравился даже больше вина, чем-то он напоминал газировку, чем-то — квас...

— А ты откуда? — спросила Тазар. Гарав махнул рукой:

— С востока. Я точно сам не помню. Был в плену в Ангмаре, память отшибло...

— Ты был в Ангмаре?! — Тазар поёжилась. — Тебя освободил тот рыцарь, твой нуменорец?

— Я сам бежал, — гордо сказал Гарав. — Нас бежало много... но всех перебили охотники за беглыми. — Мальчишка вспомнил своих недолгих приятелей, умершего Туннаса и вздохнул. — А мне повезло. Эйно́р нашёл меня прямо у дороги.

— Ты похож на йотеод, — решила Тазар. — Мой дед был йотеод... И ещё правда похож на эльфа... — Она взялась рукой за усыпанную белеющими в темноте цветами яблоневою ветку. — Мы сами варим эль. Вот из этих яблок.

— Вкусный, вкусней вина, — признал Гарав, делая ещё глоток, и Тазар улыбнулась польщённо, взяла кувшин и отпила тоже. Мальчишка потянулся и поцеловал её в губы — даже не поцеловал, а ткнулся... но Тазар обвила его за шею одной рукой и не отпустила.

— погоди, вот так...

...Фух! «Вот так» продолжалось с минуту, и Гарав уже почти задохнулся, а когда отстранился, то губы горели. У Тазар был вкус эля; старого мёда и какой-то травы. Мальчишка облизнулся под смех глядящей девчонки и снова потянулся к ней:

— Ещё...

На этот раз она прихватила мальчишке нижнюю губу, и довольно беспощадно. Но боль почти не ощущалась за накатывавшим волнами удовольствием от поцелуя. Путаясь в юбке и не переставая целоваться, мальчишка повёл по бёдрам Тазар.

— Подожди, — засмеялась она и фыркнула в ухо Гараву. — Пояс, глупый.

— А, да... — Мальчишка поспешно задёргал пояс. Тазар снова тихо засмеялась и положила руки Гарав на свои бёдра.

— А тут, — прошептала она, — я сама, — и занялась поясом...

...Собственное неумение смущало Гараву. Вся «теория» вылетела из опустевшей

головы, в которой от виска к виску со звонким гулом раскачивались колокола, а мир вокруг кружился, пахнул травой и тёплой весенней землёй. Но Тазар была терпелива и спокойна. Она чутьём знала, как легко унижить и даже искалечить душу мужчины, если посмеяться над ним в таком случае и показать своё превосходство. Кроме того, мальчик был красив и правда ей понравился. Всё, что она знала об этой стороне любви, она знала лишь на словах, Гарав был у неё первым. Но, как обычно, знание девушки в этом было выше знания юноши — а вернее мальчишки, решившего, что он взрослый.

Нет. Тазар ни о чём не жалела.

И уж тем более не жалел ни о чём стонущий — сил молчать не было — Гарав.

* * *

— Покажи, — сказал высокий воин. Одетый в тёмно-синее одеяние с бледно-голубой восьмиконечной звездой, с короткой тёмно-русой бородкой и бледно-голубыми, почти прозрачными глазами, он больше походил на северянина, чем на нуменорца. Но Эйно́р сын Иолфа, рыцарь Кардолана, отлично знал, как выглядит Арвелег сын Аргелеба, князь Артедайна и прямой потомок Элендила. Поэтому он поднял руку и повернул кольцо. Блики двух факелов скользнули по поверхности Калан Айар, оставляя жемчуг холодным.

— Ты знаешь меня, князь. — В голосе Эйно́ра не было упрёка.

Из трёхсотярдовой пропасти, вытягивая вверх красными копьями факельное пламя, дул ветер — вечный и незаметный внизу, в распадке между холмов Эмин Карка и Эмин Э́кко, там, где в болотах гнили останки чудовищной орочей армии, когда-то пытавшейся взять крепость Форност — тогда ещё не город и даже не арнорскую крепость — крепость Нуменора. В городе уже мало кто помнил об этом чудовищном кладбище, разделявшем два крепостных холма. Нуменорская конница втоптала тысячи врагов в равнину вокруг холмов. И тысячи были загнаны безжалостными остриями в гиблую болотину, откуда ещё с неделю слышались стоны медленно тонущих врагов.

Мало кто знал и то, почему прекрасный и невероятный мост, словно эльфийским колдовством вознесённый над миром, назывался Иант Каунива.⁴¹

Но это было хорошее место для встречи.

Кроме Эйно́ра и князя Артедайна тут же были — стояли поодаль — два эльфа в серых плащах, приподнятых мечами. Золотоволосого атлета-нолдо, могучего и прекрасного даже для эльфов, звали Глорфиндэйл из дома Элронда, и он был полководцем Раздола. Второй — синдар с пепельными волосами — был Гэлдор, Бард и Голос Кирдэна Кириатана из Серебристой Гавани.

— Твои слова — слова князя Нарака? — Арвелег подошёл к обманчиво-тонким перилам и оперся на них рукой в коричневой краге.

— Мои слова — слова князя Нарака, — повторил Эйно́р, встав рядом. — Я должен был принести и слова наших рудаурских братьев. Но тот, кто должен был мне их передать, Тарланк сын Миндара, погиб — и Он завладел его душой.

Стоявшие неподвижно эльфы пошевелились. Лежавшая на перилах рука князя сжалась в скрипнувший кожей кулак.

— Мы почти не получаем сведений из Рудаура, — сказал князь тем не менее спокойно. — Почти все наши родичи погибли, кто жив — скрываются в лесах.

— Руэ́та строит укрепления недалеко от границы. — Эйно́р посмотрел в чёрную пропасть. — На работы ангмарские орки сгоняют рабов. Я привёз человека, который бежал с этих работ.

— Что за человек? — Арвелег повернулся к юноше.

— Мальчик-северянин. Не волнуйся, князь, он чист и он не лжёт.

⁴¹ Мост Криков (*синдар*).

Арвелег кивнул:

— Мои люди сейчас говорят с теми из вождей кланов, кто недоволен Руэтой. Их тоже осталось мало, но я жду вестей к началу лета или чуть позже. Может быть, тогда мы сможем поговорить и с нашими братьями... Что будешь делать ты теперь, когда передал слова своего князя?

— Что будут делать эльфы? — спросил Эйно́р.

Глорфиндэйл и Гэлдор подошли ближе.

— Мы будем сражаться, — сказал Глорфиндэйл. — Не только за Имладрис.

— Кирдэн даст воинов, — ответил Гэлдор. — Не дожидаясь, пока орки перелезут через Люну.

— Но из-за гор помощи не будет. — Глорфиндэйл покачал головой. — Что-то странное творится в Лихолесье. Там хватает своих забот. Люди уходят оттуда, даже звери убегают... Мастер Элронд пытается понять, что там творится, но пока безуспешно — какая-то завеса скрыла те края...

— Гондор пришлёт помощь, — сказал Эйно́р. Лицо юноши слегка ожило, с него ушла каменная неподвижность. — Это слово Валакара.

— Так куда же отправишься ты? — повторил вопрос Арвелег. Эйно́р отметил, что князь ничем не выдаёт радости при мысли, что скоро получит Кардолан. И Эйно́р был благодарен артедайнцу за это. Ему — вот странно — было бы неприятно видеть сейчас ликование по этому поводу на лице Арвелега.

— Он не слышит нас, — усмехнулся Глорфиндэйл. Эйно́р кивнул:

— Я знаю. Недаром мы выбрали это место для встречи... Я поеду на север и восток. К истокам Гватло.

— Почему не сразу в Карн Дум?! — изумлённо и неверяще вырвалось у Арвелега. Эльфы переглянулись. Гэлдор покачал головой. Глорфиндэйл сказал раздумчиво:

— Я бы решился на такое только ради спасения родича. Или ради исполнения клятвы. Кого хочешь спасти или какую клятву исполняешь ты, нуменорец Эйно́р сын Фаэла?

— В городе я видел харадримца Аганну, — ответил Эйно́р. — Скоро на севере будут знать, что Эйно́р сын Иолфа с двумя оруженосцами неспешно возвращается на юг. И будут гадать, зачем он приезжал сюда — мотался вдоль границ, ездил в Аннуминас и околачивался в Форносте. А ещё Он будет наблюдать за Раздолом, Гаванями, Зимрой, Форностом... Между тем Эйно́р сын Иолфа будет у Него под носом.

— Допустим, — уже спокойно сказал Арвелег. — Но зачем? Посчитать войска? Померить стены крепостей? Всё это сделают мои люди, и с куда меньшим риском.

— Тарланк, — тихо сказал Эйно́р. — Я хочу, чтобы Тарланк сын Миндара отправился туда, куда должны уходить после смерти мы, люди. Ты прав, Глорфиндэйл из дома Элронда. Я спасаю родича и исполняю клятву. Никто не вправе забрать у человека человеческую смерть.

Эльфы склонили головы и сделали шаг назад, показывая, что ни спорить, ни даже просто продолжать разговор об этом не считают возможным. Арвелег сжимал и разжимал кулак.

— Не получится ли так, что вместо этого Он получит ещё одну душу нуменорца? — резко спросил князь. — И заодно — всё, что ты знаешь и помнишь, Эйно́р сын Иолфа? Не дорогая ли цена?

— Ты говоришь как князь, Арвелег сын Аргелеба, — грустно и тихо сказал Эйно́р. — Я же могу говорить лишь как нуменорец. И у нас не принято мерить цену души. Даже одной, потому что она...

— ...бесценна, — закончил Арвелег и тоже опустил голову. — Прости меня, Эйно́р сын Иолфа. Ты прав. Я ошибся.

* * *

Юноша и девушка лежали под яблоней.
На них падали светящиеся в темноте белые лепестки.

Глава 14, в которой оруженосцы терзают славный город Форност, но в конце концов всё-таки его покидают вместе с рыцарем

Оруженосцев Эйно́р обнаружил в непотребном состоянии.

Фереди́р сидел внизу вместе с музыкантами, они пили эль (музыканты — явно не на свои) и вместе горланили такое, что... в общем, Эйно́р и задерживаться не стал, благо Фереди́р сидел спиной и дирижировал кружкой.

Но этот хотя бы был на ногах. А Гарав обнаружился спящим, хотя было уже к полудню. Он валялся на животе поверх покрывала — наискось кровати — в нижних коротких штанах, обнимал обтолкунную кулаками подушку и во сне улыбался так, что Эйно́ру стало искренне завидно. Плечи мальчишки были в сочных засосах, приоткрытые губы распухли, а спину украшали засохшие параллельные царапины.

— Мда. — Эйно́р громыхнул мечом о кровать.

— Мммммм... — промурчал, чуть пошевелившись, Гарав, перевалился на спину, раскинул руки (грудь у него тоже была в синевато-жёлтых пятнах) и открыл глаза — явно через силу. — Я сейчас... встану... — Но тут же, сообразив, кто перед ним, попытался не встать — вскочить. Конечно, его повело, и он плюхнулся обратно с искренне удивлённым выражением на лице. Эйно́р понял, что мальчишка выжат, как виноград прессом. И спокойно спросил, раздёргивая пояс:

— Понравилось?

Гарав начал краснеть интересно — из района живота. Эйно́р, продолжая раздеваться и позёвывая, с любопытством наблюдал за процессом. Потом, когда наконец уши Гаравы зажглись, как сигнальные маяки на побережье, сказал без подначки:

— Прими совет. В ходе соития женщина берёт. Берёт много. И становится только сильнее — такова её природа. — Гарав опустил голову и поставил ногу на ногу. — А мужчина отдаёт. Это приятно, но мужчину это здорово ослабляет. И он вполне может довести себя до того, что не сумеет сесть в седло. Поэтому не выкладывайся так, словно сражаешься за княжеский... — голос Эйно́ра чуть дрогнул, — ...княжеский трон. По крайней мере — не в походах... Оденься, приведи себя в порядок, принеси мне вина и рыбы. Я жутко устал, хочу есть и поспать. И скажи Фереди́ру внизу, чтобы он перестал поить музыкантов.

— Да, конечно, я сейчас... — Гарав встал — быстро, но теперь уже осторожно. Замялся и признался: — У меня это было первый... — шумный глоток, — ...раз.

— У всех когда-то бывает в первый раз, — равнодушно сказал Эйно́р, швыряя рядом с кроватью сапоги. — Я рад, что тебе понравилось. Пока вы свободны, часов на шесть. Когда выплусь — займёмся тренировкой, а к вечеру — как захотите...

...Если честно, Гарав боялся увидеть Тазар, а ещё больше — её отца. Но их внизу не было, зато был Фереди́р. Он уже не пел, а болтал в дверях с какой-то девицей, но на Гараву оглянулся, когда тот дёрнул его за плечо, без обиды:

— А, встал?

— Ты куда смотрел?! — прошипел Гарав. — Эйно́р пришёл!

— Ой! — Фереди́р округлил глаза. — Наверное, за спиной прошёл... прости... Злитесь?!

— Приказал вина и рыбы, говорит, что будет спать.

— Слушай... — Фереди́р замялся. — Отнеси ты. Он наверняка видел, как я тут пел... ой-ой...

— Я и отнесу, — Гарав махнул рукой. — Не бойся. Я просто так — предупредить. Он, кстати, сказал, что мы часов на шесть свободны.

Тазар оказалась на кухне, куда Гарав заглянул за рыбой. Она кивнула, услышав заказ, и

Гарав тут же прижал её в углу. Девчонка засмеялась:

— Рыба сгорит. Угомонись. Вечером встретимся, потерпи...

— Угу. — Гарав всё-таки поймал губами её губы. Было немного стыдно. Он ощущал, что не любит Тазар. Просто... в общем, пахивало чем-то нехорошим. Но в конце концов, она сама-то не протестовала, наоборот... В этих мыслях мальчишка благополучно запутался и, махнув на них рукой, отволоч Эйнору жареного карпа и кружку белого вина — не красного, как вчера.

Эйнор, сидя на кровати, читал какой-то свиток, хлопнул рядом по постели — Гарав опустил поднос и, подумав, поставил как следует валяющиеся сапоги рыцаря, потом уложил брошенную как попало куртку. Прислушался к себе — не противно прислуживать? И понял: нет, не противно. Просто потому, что... не противно, и всё.

— Иди. — Эйнор поднял глаза. — Деньги вчера не все потратил?

— Нет, пяток медяков, — вспомнил Гарав. — Больше ничего?

— Ничего, — улыбнулся Эйнор, сворачивая свиток. — Шесть часов меня не беспокоить...

...Перепоясываясь на ходу, Гарав вышел на улицу. Фередира нигде не было — не обнаружилось его даже на конюшне, и Гарав, погладив по холке Хсана и проверив кормушку и поилку, усмехнулся: «Предатель, блин». Но потом подумал, что это, может, и к лучшему. Вдруг захотелось посмотреть Форност самому, одному — и просто так, как посмотрится. Чтобы никто ничего не объяснял и не говорил вообще.

Мальчишка поправил пояс, пригладил волосы и решительно пошёл по улице — куда глаза глядят...

...Большим недостатком Форноста оказалось наличие в городе коней. Серьёзно. Кони неромантично и безо всякого уважения гадили где ни попадя. Раньше об этой стороне средневекового быта Гарав как-то не задумывался.

Но это, пожалуй, был единственный недостаток. В остальном город подтвердил вчерашнее своё о нём впечатление — он был красив и исполнен собственного достоинства. Даже на рынке — рынок раскинулся по площади у подножья одного из холмов и по окрестным улочкам — это достоинство ощущалось. Если, конечно, не подходить к лавкам харадримцев. Оттуда одуряющее пахло пряностями и духами, там были самые цветастые ткани и самые роскошные навесы и вывески. Конечно, против такого не могло устоять огромное количество женщин и девушек. Но Гараву не нравились ни внешний вид харадримцев, ни их крикливая напористость — они только что не хватали покупателей за рукава и явно ловили кайф от купли-продажи. Гарав же (и Пашка) никогда не понимал людей, получающих удовольствие от процесса торговли. Торговать и торговаться он не умел. И кстати, видел, что большинство местных мужчин смотрят на харадримцев с тем же высокомерным презрением.

Задержался мальчишка только у оружейной лавки, в которой торговец расхваливал сабли и ятаганы. По клинкам струился знаменитый дамасский (интересно, как его тут называют?) узор, рукояти и ножны были щедро усыпаны камнями и выложены драгоценными металлами. Язык у торговца был подвешен неплохо, его слушали с интересом, а харадримец тем временем — кстати, ловко играя саблей — стал расхваливать «несравненный клинок, который разрубит любую сталь, как жалкую веточку».

Потом люди вдруг подались в стороны, что-то коротко вжикнуло, хрустнуло. Торговец присел, ошалело глядя на оставшуюся в кулаке рукоять — и ровный обрубок клинка примерно в ладонь. Остальной клинок валялся на прилавке. В наступившей тишине сухошавый мужчина с острым лицом осмотрел кромки лезвия своего длинного меча (самого удара никто не заметил) и, не глядя вбросив оружие в ножны, другой рукой кинул на прилавок пять золотых монет.

— Это за камни и золото на рукоятке, — сказал он хриплым голосом. — Клинок не стоит и одного фартинга. Пойдёмте, мальчики.

Четверо мальчишек — от 7–8 до 12–13 лет, — одетые в тёмно-синее аккуратное платье,

восхищённо перешёптываясь, поспешили за мужчиной. Торговец молчал, только хлопал глазами.

— Это Адунард сын Загархора, — возбуждённо шепнул Гараву какой-то паренёк его лет, смотревший вслед уходящим, — Меч Северных Ворот. И его клинок Ару. Харадримец просто надутый дурак, иначе перестал бы хвастаться, только увидев Адунарду...

Гарав невольно стиснул рукоять своего меча. И внезапно решил кое-что проверить. Просто ради интереса...

... — Кардоланская работа. — Оружейник немного удивлённо посмотрел на мальчишку, стоящего перед прилавком. — Молодой меч.

— Что значит — молодой? — переспросил Гарав. Оружейник покачал головой:

— Ты не знаешь? Молодой — значит, откованный не в Нуменоре и даже не в Арноре... Но это хорошая работа. — Он вернул оружие хозяину. — Очень хорошая.

— Скажи, почтенный господин, ты просто торгуешь оружием... — Гарав убрал меч в ножны, — или...

Он не договорил. Оружейник улыбнулся без обиды:

— Я тридцать два года сражался, прежде чем начать торговать. Рыцарем не был, но повидал всякое. Что ты хотел спросить, оруженосец?

— Как называют мечи? Меч моего рыцаря зовут Бар...

— Твой рыцарь — Эйно́р сын Иолфа? — поднял брови оружейник. — Тебе повезло, гордись... Но я боюсь разочаровать тебя в другом. Меч нельзя просто назвать. Бывает, их имена рождаются вместе с мечами, но не с такими, как у тебя, прости. Или, бывает, приходят в снах. Или на поле битвы. Или меч сам говорит своё имя хозяину. Вот всё это может быть и с твоим мечом. Когда какое-то слово вдруг придёт само — как удар молнии в дуб, как рифма к поэту, — тогда знай: это и есть имя твоего меча. А придумать ему название просто так — всё равно что всерьёз назвать курицу орлом только потому, что тебе так захотелось. Насмешишь людей и прослывёшь дурачком.

— Спасибо, — задумчиво сказал Гарав. Зашарил было в кошельке, но оружейник покачал головой:

— Ну нет. Я не беру денег за приятный разговор.

Гарав ещё раз поблагодарил. Задумчиво. И снова вышел в толкотню рынка. Сунулся туда, где торговали рукописями — настоящими книгами и свитками. И вновь досадливо ощутил себя ущербным, неграмотным. Вот же гадство. К счастью, рядом шла торговля украшениями. Правда, тут было в основном то, что в мире Пашки называлось «бижутерия». Дутое золото, посеребренное железо, позолоченная медь, полудрагоценные камни, а то вообще явные стразы (надо же, умеют делать!)... Цены были, конечно, тоже мелочёвые, на фартинги, и Гарав отошёл подальше, где торговали настоящими вещами.

Тут, конечно, тоже разные были вещи и разные цены. Гарав пробежался взглядом по вещам — от лежавшей под локтем хозяина лавки диадемы, плетения золотой ажурной паутинки с изумрудами и рубинами. Да уж.

Ценников тут не было, а спрашивать цену Гарав стеснялся. Он спросит, ему ответят, станет ясно, что не купишь, и всем будет ясно, что у него просто не хватает денег. И будет стыдно.

Тем не менее он всё ещё водил взглядом — пока не наткнулся на простенький перстенёк. Явно женский. Серебряный. Тоненький ободок в виде стебля растения, красиво раскрытый — словно навстречу солнцу — цветок... А в середине цветка мерцал прозрачный красновато-коричневый камешек — Гарав не знал, что это гиацинт. Недорогой, но при правильной огранке красивый. А тут как раз явно поработал мастер...

Ювелир — неожиданно полненький, невысокий, в лихом берете на седоватых волосах — вдруг наклонился над прилавком и сообщил:

— Зарни и семь фартингов, оруженосец.

«А вот интересно, — подумал Гарав, — как они все угадывают, что я оруженосец?» Но тут же понял, о чём идёт речь, и удивлённо спросил:

— Что?

— Этот перстенёк — зарни и семь фартингов. Девушкам нравятся такие вещи. И иногда такой подарок намного ценней любой диадемы, которую покупают нелюбимым жёнам — как дополнение к красивой статуе.

Гарав поднял глаза.

У ювелира были хорошие глаза. Странно. Торгаш... Но у него и правда хорошие глаза.

— Я... возьму, — с заминкой согласился Гарав. И полез в кошелек. Нашарил монеты наощупь, чтобы не считать их на виду у всех — увидят же все, что там и есть-то... Вообще-то мальчишке это казалось — покупатели и зеваки не смотрели на него. Почему-то посчитал про себя: осталось зарни и двенадцать фартингов. Ну и нормально!

Перстенёк ювелир упаковал в маленький мешочек из тонкой кожи на завязке. И с улыбкой передал мальчишке:

— Пусть ей понравится.

— Спасибо, — кивнул Гарав, бережно убирая мешочек в кошелек. И пошёл дальше — пару раз оглянувшись и ощущая, что настроение почему-то стало очень хорошее и беззаботное.

Наискось от лавки ювелира шёл кулачный бой. Плотная толпа окружала почти настоящий ринг (по крайней мере натянутые на стойки верёвки наличествовали), на котором двое мужчин — голые по пояс — работали кулаками. Голыми. Оба были в крови, но как раз когда Гарав протиснулся поближе, бой прекратился, и противники пожали друг другу предплечья и даже обнялись, похлопали по спинам и отошли в сторону от толпы. Ещё двое — помоложе — тут же стали сливать на руки бойцам, а те умывались, фыркая. Между тем «на ринг» уже вылезла следующая пара, и Гарав сообразил, что бой любительский, просто машут кулаками желающие. Честно говоря, смотреть на это было как-то скучновато. Зато буквально по соседству на почти такой же площадке сражались на мечах — двое на одного. Этот один был эльф. Судя по репликам в толпе, такое встречалось редко.

Длинный меч эльфа — полуторка с заметно листовидным клинком, на котором серел витиеватый узор, — плёл вихревое кружево, удары и отбивы переходили один в другой незаметно и быстро, как волны на море. Он побеждал. Но Гарав с огорчением и досадой подумал, что он и удары проигрывающих людей не различает. Ну как тут научиться? А ведь надо. Это вещь совершенно необходимая, насущная... Нет, надо попросить Эйнора тренироваться чаще.

— Ау, yothejd, — вдруг коснулась плеча Гаравы рука. Он обернулся и увидел рыжеголового кудрявого парня своих лет. В чёрной и коричневой коже, с переброшенным через плечо чёрно-жёлтым клетчатым плащом, он смотрел на Гараву, держа ладонь на шайбовидном навершии меча в богатых ножнах. — Jakt veytta? — И, видя, что Гарав не понимает, повторил — громко, привлекая внимание окружающих: — Сразимся? Для интереса?

Голубые глаза парня были не интересными. Они были злыми. Неясно, почему, но он был явно зол на Гараву... хотя нет. Скорей всего, на йотеод. Вот чёрт, подумал мальчишка недовольно, ну вот же ж в чужом пиру... Отвечать за дела чужого народа. Но вокруг уже прислушались, раздавались поощрительные выкрики, мальчишек только что не подталкивали в спины. Судя по голосам, подавляющее большинство болели за Гараву.

Гарав смерил рыжего от головы до пят и обратно. Неспешно и внимательно. Хмыкнул и начал расстегивать пояс. Сразу протянулись несколько рук — принять пояс и куртку. Подумав, скинул и рубашку. В толпе прошёл шепоток — разглядели ещё не совсем поджившие шрамы на запястьях и спине. Наверное, разглядели и ночные украшения... но стыдливая мысль об этом ушла сразу, как только раздался голос:

— Не ваши парня поместили, рыжий? — спросил кто-то явно враждебно. Холмовик зверовато повёл глазами, тоже стаскивая куртку, одетую на голое тело. Он был худой, как щепка, но жилистый, на груди и плече слева синела вязь сложной татуировки. Сбросив ножны с длинного серого клинка, холмовик полоснул воздух крест-накрест. Гарав повёл

углом рта и вышел на край площадки. Пригнулся, ощущая неожиданный азарт — это чувство нахлынуло волной и утопило всю рассудочность и все опасения. Хотелось драться и победить.

— Обмотайте им мечи, — сказал вдруг эльф — он стоял в толпе, держа в руке кружку. — Это не шутки. Мальчишки порубят друг друга.

— Правильно, — поддержал кто-то. У Гаравы из рук потянули меч:

— Дай-ка, дай, сейчас вернут.

Рыжий отдал меч явно неохотно, и Гарав сообразил: а ведь правда хотел ранить. Или даже убить. Ну сволочь...

А мальчишкам уже вернули оружие — плотно обмотанное надёжно закреплённой тонкой тканью, густо выпачканной то ли углём, то ли сажей.

— Ха! — выкрикнул рыжий, топая ногой, тут же прыгнул влево и нанёс удар вправо, в плечо. Причём так, что воздух низко загудел — и попади меч в цель, это был бы перелом плеча и ключицы. Но Гарав чего-то такого ожидал — отшатнулся в сторону от удара и достал противника по колену. Мельком, несильно — но полоса сажки осталась. Рыжий оскалил зубы, прыгнул ближе, целя Гараву в живот — едва тот поднял клинок, как меч рыжего стремительно отдёргнулся и тут же метнулся выше, в грудь. Гарав опять ушёл — в сторону-вбок, сверху рубанул по вытянутой руке. Рыжий отскочил — как в танце, махнул мечом на уровне живота. Но Гарав не атаковал — ждал. Ждал, только губы себя как-то странно вели, сами по себе растягивались, словно в улыбке, открывая не только зубы, но и дёсны. Гарав ничего не мог с этим сделать.

Меч холмовика описал восьмёрку — и закрутился с бешеной скоростью. Похоже было, что оружие, как пропеллер, тянет за собой своего хозяина. Держа перед собой меч как перекладину — параллельно земле на уровне груди, — Гарав сделал несколько шагов назад по кругу. Врёшь, устанешь... Восьмёрка разрядилась стремительным броском в голову. Гарав отклонился — еле успел убрать её, ветерком прошлось по щеке — и ткнул мечом перед собой вниз.

— Ава! — не выдержал рыжий — меч попал между ног. Толпа разразилась хохотом. Гарав съездил рыжего по шее — плашмя, но довольно сильно — и наступил ногой на оброненный меч. Рыжий скорчился на коленях, прижимая руки к пострадавшему месту.

— Дагор, Кардолан!

— Кардолан!

— Кардолан!

— Загарадун!

До Гаравы не сразу дошло, что он победил. Тяжело дыша — надо же, какие-то секунды, а так запыхался, — мальчишка вскинул меч. Плавное повёл им в сторону — и по дуге, потом поклонился слегка. Видно было, что такое поведение пришлось людям по душе — одобрительный рёв, начавший было стихать, всплеснул снова. Гарав повернулся к своему противнику и подал ему руку.

Рыжий посмотрел так, что рука упала сама. «Ну за что? — растерянно и обиженно — радость от неожиданной победы ушла больше чем наполовину — подумал Пашка. — За что он меня так ненавидит?»

Но делать ещё попыток примирения он не стал — отвернулся.

Одеться ему помогли дружеские руки. Хорошее настроение возвращалось толчками — и Гарав не сразу сообразил, что происходит, когда высокий белокурый бородач придержал его за локоть:

— погоди, кардоланец, — дружелюбно сказал он. И протянул на широченной ладони три серебряных монеты. — Вот. Я ставил на тебя и выиграл шесть зарни. Половина твоя по справедливости.

Ха. А Гарав и не заметил, что на них ставили...

Мальчишка застегнул пояс, осмотрел и убрал меч, с которого сняли тряпки. И только после этого сказал — тоже дружелюбно, но решительно:

— Благодарю, добрый человек. И не держи на меня обиды... но я дрался не за деньги. За честь...

...После этого поединка бродить по городу расхотелось, и Гарав устроился на другой площади — небольшой, но с фонтаном. Фонтан был симпатичный — девушка или даже девочка с кувшином, из которого проливается вода. Дома вокруг площади были двухэтажные, с одного этажа звучала музыка, с другого доносились отзвуки скандала. За фонтаном двое мальчишек — лет по семь-восемь — играли в турнир деревянными фигурками воинов на деревянных же лошадях. Разбегались (один был в стареньких кожаных туфлях, второй босой) и сталкивались с разбегу, стараясь сбить с седла вражеского всадника. На крыльце одного из домов за мальчишками неодобрительно наблюдала девчонка — постарше их, она держала на руках и гладила полосатого котёнка.

Турнир закончился победой того, который был в туфлях. Мальчишки подобрались к фонтану, поставили своих воинов на край, нагнулись к воде, поплескали себе в лица и стали о чём-то перешёптываться, коварно глядя в сторону девчонки. Той, видно, уже не раз доставалось от этой парочки — она громко фыркнула и гордо, но поспешно смылась в дом.

Гарав усмехнулся, покачал головой. Но тут же почему-то вспомнилась рабская колонна на ледяной равнине. Гарав передёрнул плечами. Достал из кошелька четыре фартинга. Положил, вставая, монеты на край фонтана. И зашагал по площади — уже привычно придерживая меч.

Он почти дошёл до улицы — другой, не той, из которой вышел на площадь, — когда сзади послышался сдвоенный бег, и нагнавшие его мальчишки остановились по бокам.

— Оруженосец, ты забыл деньги, — сказал тот, который был в туфлях. Босой протянул ладонь — на ней лежали монеты.

— Правда? — Гарав растерялся. — Я их не забыл... я их оставил. Вам.

Мальчишки переглянулись. Потом — так же одновременно — недоумённо (но без опаски или недоверия) снова уставились на Гараву.

— А за что? — весело удивился тот, который босиком. — Куда-то надо сбегать, оруженосец? А что ты не сказал?

— Да ни за что, — пожал плечами Гарав. — Просто берите. И пусть у вас всё будет хорошо.

Мальчишки засмеялись. Немного снисходительно. У них и так всё было — и будет — хорошо, и они твёрдо знали это. Однако потом оба вежливо поклонились — ловко так, умело. И зашагали обратно к фонтану. Пару раз оглянулись.

А что они делали потом, Гарав не знал. Он свернул на другую улицу...

...Фередира, как по волшебству, Гарав встретил в какой-то — забегаловке? закуской? — короче, в небольшом заведении, куда заглянул, поняв вдруг, что страшно голоден. Он взял себе вина и жареной картошки с грибами и ветчиной. И едва сел за один из столиков (так себе, не слишком чистый) со своим заказом, вошёл Фередир. Осмотрелся и заулыбался, увидев Гараву, подошёл.

— Валары, ты что пьёшь? — Вместо «привета» Фередир сунул нос в кружку. — Укус...

— Думаешь, тут есть хорошее? — проворчал Гарав. Он был рад, что пришёл Фередир — почему-то привязалась и тащилась следом, набирая силы, серая тоска. — А мне пить хочется.

— А мне и есть, — признался Фередир и отлучился, а вернулся с тем же заказом, только порции были больше. — Да, хорошего вина нет, — согласился он.

— Хорошо, что ты пришёл, — вырвалось у Гаравы. Фередир задержал нож над едой и вдруг сказал:

— Тоскливо, да? Это бывает. Особенно если давно не видел людей, а потом сразу много — и все чужие. Я знаю.

— Да вот... — Гарав шмыгнул носом. От того, что Фередир так легко его «расколол», стало почему-то очень легко и благодарно. — В общем, хорошо... А та девчонка что?

— Какая? — Фередир мигнул. — А! Да ну. Корова.
— Ай-ай, ты же будущий рыцарь...
— Угу. И что? Корова она и есть корова. Она своё получила, я — своё. Ну и разошлись.
А ты со своей ещё встретишься?

— Я ей даже перстень купил, — похвастался Гарав. Фередир поднял брови:
— Ого... — Но показать не попросил. — А готовят тут вкусно. Я шёл-шёл... — Он ел и говорил одновременно. — И как потянуло... Гарав. — Он поднял глаза от тарелки. — Если всё будет хорошо — поедешь ко мне? Все будут рады. А потом мы, может, поедem искать твоих — на восток. И найдём. А что? Может, и Эйноp поедет с нами.

«Спасибо тебе», — хотел сказать Гарав. Но такое не говорят вслух. И как объяснишь, что можно объехать весь мир — и не найти... или всё-таки эта память — сон? И где-то на востоке люди ждут пропавшего мальчика?

Эти мысли были томительными. Гарав выпил полкружки вина. Рассказал, чтобы окончательно отогнать тоску, про поединок, хоть и не собирался сначала. Фередир коротко, резко захохотал, стукнул по столу кулаком:

— Так и надо! Ну ты молодец, Волчонок! Укусил их за рыжие хвосты, аххх — молодец!

Гарав тоже засмеялся — искренне. С Фередиром было легко смеяться. А тоска, как видно, его побаивалась. И то, как он назвал Гарав (Волчонок перевел синдарское имя даже не на адунайк — на талиска, получилось красиво: Ульфойл), тоже понравилось.

— А вот, — вспоминалось вдруг. — Почему тех тварей называли гауры? Волк же не гаур.

— Это были не волки, — хмуро ответил Фередир и отпил вина. — Оборотни.

Гарав опустил голову. Дёрнул плечами.

— Они прев... ращаются?... — начал он. Фередир помотал головой:

— Нет, это сказки... — Он задумался и поправился: — Ну, может, когда-то так было. Но сейчас так не бывает. Оборотень — это вот такое тело, а в нём душа какого-то разумного существа. Искажённая.

Гарава опять тряхнуло.

Это был страх. Но он пришёл — и ушёл.

* * *

Эйноp уже не спал. Он валялся на постели, чему-то улыбался и потягивался, как большое сильное животное. При виде оруженосцев замер, прищурил один глаз и внимательно посмотрел вторым. Пристально так. Оценивающе.

— Ой, — сказал Фередир почти всерьёз.

— Нагулялись? — Эйноp сел. — Гарав, тащи-ка свои доспехи.

— Уф, — выдохнул Фередир...

... — Ну не могу больше! — завопил Гарав и получил оплеуху. — Ну шестой раз! — Сил злобно зыркать на оплеуху уже не было, мальчишка был весь в поту и отдувался.

— Ты делаешь всё медленно и путаешься, — терпеливо сказал Эйноp. Он и не злился, оказывается. — Враг ждать не станет.

— Тебе самому всегда Федька помогает! — Гарав зло потёр ухо и мотнул головой на сидящего тише мыши за проверкой снаряжения в дальнем углу. — А от нас требуешь — сами, сами! Быстрей, быстрей!

Эйноp вздохнул...

...На то, чтобы снарядиться без всякой помощи, затягивая ремни одной рукой, Эйноpу понадобилось тридцать семь секунд. Гарав считал вслух — громко, и с каждой названной цифрой его голос становился всё более и более унылым.

— Тридцать восемь, — вредно сказал Гарав, хотя металлическая статуя уже стояла возле коня, глядя на мальчишку — насмешливо — глазами из прорезей маски.

— Но не двести тридцать три, — сказала маска. — Ладно. Пока хватит. Кстати, давайте-ка вниз, проверьте коней. Вечером уезжаем.

— Вечером?! — вскинулся Гарав.

И понял, что все его слова и желания просто не будут приняты в расчёт.

— Да, а что? — Эйно́р поманил Фере́ди́ра и с его помощью вылезал из доспехов.

— Ничего, — спокойно ответил Гарав...

...Они выехали из северных ворот Форноста, когда солнце уже начинало садиться. Гарав не понимал — зачем, почему? И не оглянулся — а ведь очень хотел.

Он качался в седле и вспоминал Тазар. Не лицо, а пальцы — пальцы и свой перстенёк, который осторожно надвигает на один из них.

Тонкий и тёплый.

Глава 15, в которой выясняется, какая это нудная вещь — путешествие

И опасная. И страшная.

Путешествие верхом оказалось длинным, монотонным и скучным.

День начинался через час после рассвета, когда они поднимались. Умывались, ели горячее, седлали коней и ехали. Ехали шагом, реже — рысью до полудня и останавливались на два часа. Рассёдлывали, кормили и чистили коней. Обедали всухомятку и отдыхали, сколько получалось, — по ощущению не больше часа. Ехали, пока солнце не опускалось к горизонту. Останавливались на ночлег. Рассёдлывали, кормили и чистили коней как следует. Готовили ужин на разведённом небольшом огне. Ели уже в сумерках. Какое-то время отдыхали и разговаривали. Потом двое ложились спать, завернувшись в плащи, а один заступал на примерно трёхчасовое дежурство. За час до подъёма последний дежурный готовил завтрак. И всё начиналось сначала. Всё, что разрешалось сделать на время сна, — расстегнуть поясной ремень.

Первые дни, если честно, Гараву было очень трудно. Утром не хотелось вставать так, что он невольно просыпался минут за двадцать, а то и за полчаса до подъёма и тоскливо слушал, что делает дежурный, ожидая: вот сейчас... сейчас... сейчас будет тормозить... Днём Фере́ди́р и Эйно́р по очереди спали в сёдлах. Гараву тоже никто не запрещал, но у него просто не получалось. По вечерам хотелось поговорить после дневного молчаливого качания в седле, но язык не ворочался, и мальчишка просто засыпал. Кроме того, зверски болели задница и ноги. Он, правда, ничего себе не стёр, как грозились авторы почти всех книг, где встречались всадники-новички, но боль была нудной и беспокоящей.

Потом он постепенно привык. И к коню, и к доспехам, и к медленному равномерному движению, и к ночной прохладе с ветерком. Научился правильно обхаживать коня. Ушла боль. И вечера обрели интерес — почти такой, как в туристском походе.

И Эйно́р, и Фере́ди́р умели и любили петь. Кроме того, Эйно́р любил рассказывать легенды о Нуменоре, а Фере́ди́р обожал то, что в мире Пашки назвали бы «страшилками» — рассказы о Шепчущем лесе и Мече Света, о страшном колдуне Мельнике, — и умел их рассказывать так, что даже Эйно́р как-то притихал, и становилось видно, что рыцарю не так уж много лет... Пашка тоже потихоньку начал рассказывать разное. Он для себя всё-таки выстроил легенду, что родом с очень далёкого востока, где про здешние дела и слыхом не слыхивали... ну и тут, соответственно, тоже про тамошние места не знают. Ни Эйно́р, ни Фере́ди́р не спрашивали особо больше, как же всё-таки Гарав оказался здесь. Видно, думали, что он, если и вспомнил, то ему не очень-то приятно про это говорить. Зато с удовольствием слушали, например, немного переделанные истории про битвы с монголами. Гараву даже было немного стыдно — чего доброго, попадёт это в здешние серьёзные летописи: вот, мол, какие дела творятся на востоке!..

...В тот вечер Гарав — а точнее Пашка — обнаглел окончательно, возжелал славы и выдал на привале стихи своего собственного сочинения, которые днём, качаясь в седле,

записывал выпрошенным у Эйнора свинцовым карандашиком на у Эйнора же несколько ранее выклянченной бумаге. Восстановив по памяти текст на русском, Гарав тут же стал писать подстрочник — на адунайке русскими буквами — и неожиданно обнаружил, что вполне может соорудить стихи и на этом языке, тем более что тут обращали внимание не столько на рифму, сколько на ритм. И вот теперь заливался соловьём, сидя возле костра и с удовольствием наблюдая, как спутники — оба — то фыркают, то откровенно хохочут.

— Какая такая Орда Золотая?
— Большая, быть может, она — аль малая?
— Конечно, большая, всю Русь захватила.
— Какая ж на свете бывает-то сила!..
И вот волненья средь народа:
— То хорошо, что помогла погода:
Татарин не дошел до нас,
В болотах да снегах увяз...
— Надолго ль он увяз в болотах?
— Нема. Сейчас увяз в заботах.
В Сарае сидя, зубы точит.
От нас он деньги дюже хочет.
Татарин зол. Нас вспомнит скоро...
— Эй братцы! Хватит разговоров!..
...Стоял мужик. Рука в бока.
Был пьян чуть-чуть — совсем слегка.
Особо ростом не высок.
И не сказать, чтобы качок...
Одет... ну, скажем, небогато.
Но что-то было в нем, ребята.
Стряхнул он наземь что-то с плеч
И двинул вот такую речь:
— Нашли чего — Орды бояться!
Славяне! Хватит придуряться!
Боимся шведов и тевтонцев,
Боимся, что не встанет солнце,
Что черти мир захватят весь,
Что дней в неделе будет шесть,
Что вступим мы в Евросоюз,
Что во всю рожу вскочит флюс,
Что пиво кончится на свете —
Всего боимся, прям как дети.
Че там? Какие-то татары?
Да мы порвем их без базара!
В прошедший год — совсем недавно —
Мы обломали чурок славно.
Казань мы рвали до зари...
Эй ты, мужик! Ты! Не ори!..
Имеешь ты задать вопрос?
С чего я волосом оброс?!
Сам волосат ты, как лешак...
Меня ты помнишь?.. Сам дурак!
Народ родной брех услышал,
Народ тут репу почесал:
— Братва! Да это же Петруха!..

— А где ж он был?..
— Ни сном не духом!..
— Да, это я, что, не узнали?
А ведь недавно провожали.
— Ну да! Конечно! Помним мы!
Вас не видали две зимы!
На стругах две весны назад
Вы плыли драть татарам зад!
Мы думали, что вы с концами!
Глядите-ка, вернулись сами!
— Да нет, народ. Один вернулся... —
Тут наш герой чуть-чуть запнулся.
И, посмотрев поверх голов,
С других рассказ он начал слов:
— Стоим мы тут, а они — там.
Татарин едет, видно — хан:
Немытый, страшный, как Хсанкор!
Аж в дрожь бросает до сих пор!
Подъехал стороны на край.
Послать стрелой в татарский рай?
Собачий сын — Кадум Байда —
Сказал нам: — Слушайте сюда!
Урус всегда великий воин,
Дружить с монголом он достоин.
Ты удаль показал свою —
Вы победили нас в бою.
Мы щедрость вам свою покажем
И доброту свою докажем.
Урус с татаром — друг навеки.
Мы братья, люди-человеки!..
Но наши парни — не придурки:
— Мы знаем, кто и что за урки.
Татар нам брат? Глядите сами:
Мой дом поджёг, чтоб пламя
Ему обзор весь осветило.
Схватил он девку...
Отрезал серьги ей с ушами.
Ее саму в огонь метнул...
«Кто враг, кто друг...»
Ну, ты загнул!
— Упал татарин, видно, с печки,
Ведь мы для них не человечки,
Не люди даже и не звери.
— Татарин врет?
— Пошли проверим...
— Не надо. Может мы домой?
Какой домой?! Там пир горой!
И вот спустя пустяшно время.
На пир зовет нас вражье племя.
Идем мы к ним во всеоружье:
Бухло бухлом — на время дружим!
Так вот, на самом прям к ним входе

При всем честном (и нет) народе
Какой-то бешеный старик
Писклявым визгом поднял крик:
— Урус, ты нас не уважаешь?!
Друзья мы все! Ты понимаешь?!
Зачем тебе на пире лук?!
Ведь я тебе не враг, а друг!
Оружье сдайте в гардероб!..
— Ты че, загнать нас хочешь в гроб?! —
Вскричал наш воин говорливый,
Потом рванул еще ретивей:
— Чем резать будем мы там мясо?!
И мы с ножами знаем пляски!
Нам без ножей на пир нельзя,
Какие мы, потом, друзья?!
Татарин, фактами убитый.
Глаза со страху чуть закрыты:
— Ножи вам можно — меч нельзя.
И это факты без бузья!
Веселье хряк как рылом стер...
Но вот зашли мы все в шатер:
— Аллах! ХСАНКОР! Иегова! Кришна!
— Все это нам? Ну, очень пышно!
Бухло и закусь, ананасы.
Потом натырим балабасов!
Сейчас братаемся и дружим,
Ну, в общем: не особо тужим.
Проходит час, потом другой,
(Бухи. Не шевельнешь ногой.)
И вот средь пьяной тишины
Крадется к нам через спины
Кадум с ножом наперевес
Так тихо, как медведь сквозь лес...⁴²

— Тихо, — вдруг сказал Эйно́р. Только что он смеялся — и вдруг, не переставая посмеиваться, ухитрился одновременно произнести это. — Орки.

От одного слова внутри у Гарава (у Пашки) всё сжалось в тугой ком — и пришёл унижительный, тягучий страх. Фереди́р продолжал смеяться, даже назад откинулся — так, что оказался рядом со своим щитом.

— Много? — тихо спросил он.

— Не знаю. — Эйно́р подбросил в костерок клубок сухих веточек. — Вокруг. Щиты приготовьте. Каждый закроет свою сторону, потом — как получится, от костра не отходить... Щиты!!! — Это он уже крикнул.

Гарав сам не помнил, как и когда он успел сунуть левую руку в ремни щита и вздё́рнуть его вверх, правой рукой нахлобучивая шлем. Конечно, получилось не очень удачно, и он несколько секунд ничего не видел... зато почувствовал два тяжёлых удара в щит (едва не опрокинувших его на спину) и услышал визгливые гортанные вопли.

Он вскочил, уже сжимая в правой руке меч, выхваченный из ножен. Из темноты приближалось несколько коренастых чёрных фигур — как будто куски этой самой темноты

⁴² Стихи на самом деле Павла Зубкова! (Отрывок из поэмы «Базар времён татаро-монгольского нашествия».)

ожили и надвигались, издавая низкое урчание и похрюкивание. Мелькнули несколько алых вспышек — отсветы костра на металле.

Пашка почувствовал, что сейчас побежит. Ему показалось, что он стоит один на ледяном ветру — как там, на склоне... Сил стоять и ждать не было, бежать, бросив бесполезный металл, казалось правильным, единственным спасением.

— Дагор, Кардолан, дагор, дагор! — раздался позади рык, в котором почти нельзя было узнать голос Эйнора. — Подходите, твари!

Локоть Гарава ткнулся во что-то твёрдое.

Это был щит Фередира. Сбоку. Рядом.

В прорези шлема сверкали зубы — Фередир смеялся.

Наваждение распалось, хотя страх и не ушёл, но это был знакомый страх, и Гарав знал: он всегда до драки, потом исчезает.

Надо просто представить, что это ролёвка. Просто ролёвка.

— Хх-у!

Удар небольшого круглого щита в щит Гарава был так силён, что мальчишка качнулся на поспешно отставленную назад ногу. Что-то больно ударило по левой ноге над коленом, шаркнуло по кольчуге.

Визг.

Вонь.

Тараторящий высокий голос.

— Аххх... су-ка... — Гарав ударил кулаком с зажатой рукоятью меча между жёлтых, светящихся бешенством круглых глаз — они были совсем близко.

— Йииии!!! — Высокий голос сорвался на вопль. Гарав отбросил орка щитом:

— Пошшшшш... тварррь!

Крух, драг! Меч и ятяган столкнулись крест-накрест дважды, вышибая яркие искры перед лицами другого орка и человеческого мальчишки. Гарав ощутил — не увидел, а ощутил слева опасное движение, выставил туда щит, принял удар другого ятагана на него, ещё дважды отбил первый ятаган мечом, отбросил второго нападавшего щитом и его ребром ударил первого по шее сбоку. Орк взвизгнул, уронил щит и прыгнул в темноту. Второй попятился — и Гарав, не удерживая удара, полоснул его мечом по голове.

— Храааа... йакккх...

— Уйдёт! — рычание за спиной. Справа выскочил Фередир, натягивая тетиву — и когда успел снарядить?! — своего длинного лука. Скрррр — услышал Гарав голос лука... твванггг!

Убегавшее чёрное пятно исчезло, как растаяло.

— Что, всё, что ли? — Гарав не узнал своего голоса — взвинченного, тонкого.

— Всё. — Эйнор повернулся к нему — с длинного меча рыцаря тягуче падали чёрные струйки. — Теперь понял, почему мы доспехов не снимали? Ну да, орки, как у тебя в песне, один к пяти привыкли воевать. А нас, сам видишь, трое на десятерых получилось. Не тот расклад.

Гарав увидел, что вокруг валяется с десятков чёрных тел. Два или три ещё корчились, и кто-то тонко пищал, как придавленная крыса.

— Трое мои, — сообщил Фередир. — Двое мечом, одного стрелой.

— А я только одного, — сказал Гарав. — Кажется.

— А я в первом бою ни одного не убил, только чуть голову своему коню не оттяпал, — вспомнил Эйнор.

— Не одного, — Фередир тем временем нагнулся над лежащим чуть дальше убитого Гаравом ещё одним орком. — Это тоже твой. Чем ты его так?

— Мечом... рукояткой. — Мальчишка посмотрел на меч и увидел, что крестовина испачкана кровью и какой-то слизью. — А... куда я его?

— В глаз, в левый. Наповал. А этому башку вместе со шлемом разрубил.

— Тупой удар, — осуждающе сказал Эйнор. — Клинок наверняка защербился... Так.

Тут должны быть двое живых.

Фередир быстро поджёг в костре факел, посветил вокруг. Гарав замер.

Впервые в жизни он увидел то, что бывает после рукопашной. И поразился — не испугался, а именно поразился тому, что увидел. Орки лежали в лужах чёрной крови и выглядели в общем-то не страшнее забитых свиней или телят. И дело было совсем не в этом...

...Удары Эйнора различались сразу. Они были точные и аккуратные, как будто их наносил не человек. Один орк был разрублен от левого плеча до правого бедра — вместе с кожаным доспехом, усиленным металлической сеткой; не прорублен, а именно разрублен, на две части. У другого — в прочном доспехе — была отсечена голова вместе с латным воротником. У третьего — снизу вверх, от паха до горла — вскрыто тело, как у препарированной лягушки. Ещё двое с хрипами корчились, и Гарав изумлённо сообразил, что Эйнор бил их плашмя. Это что же, рыцарь в бою ухитрялся думать о пленных?

Подошёл Фередир — он ходил за стрелой. Ухмыльнулся:

— Точно в затылок попал... Какого надо брать?

Гарав закинул за спину щит, стащил шлем и понял, что забыл поднять защитную стрелку. Да уж...

— Почисть мечи, — приказал Эйнор, передавая Гараву Бар. Фередир тоже подал свой. — Как следует, у них очень едкая кровь... Этого.

Гарав отошёл к огню. За спиной жутко завизжал орк — и тут же заткнулся. А через полминуты, когда Гарав только-только взялся за чистку, к костру вышли Фередир — он нёс оба щита и оба шлема, свой и Эйнора — и сам Эйнор. Он тащил за шиворот и за вывернутую левую руку стонущего орка — ноги у того были связаны, правая рука болталась, явно перебитая и, видимо, даже раздробленная.

Эйнор швырнул орка к огню, и тот сел, как-то по-животному подтянув под себя ноги. Губы орка тряслись, он часто сглатывал, по щекам из часто мигающих круглых глаз тянулись две дорожки слёз. От него отвратительно разило — Гарав теперь сам удивлялся, как не обнаружил врагов по запаху. Даже куски кольчуги, тут и там нашитые на кожаную куртку, выглядели как-то жалко, словно орка ошкурили заживо.

Но нет. Как раз жалости Гарав и не ощущал. Он ещё раз заглянул в себя. Нет, не было жалости. Да, орк выглядел жалко. Но пять минут назад, когда они вдесятером бросились на троих, будучи уверенными, что их не заметили, он, жалкий сейчас, вполне готов был резать и убивать без раздумий.

— Дай шило, — сказал Эйнор. Гарав покопался в сумке, перебрал шило. Тот аккуратно пристроил его у огня — тонким гранёным наконечником в пламя. Орк посмотрел туда и стал вздрагивать. — Ты не сюда смотри, — сказал Эйнор. Гарав не сразу понял, что рыцарь говорит не с ним, а с орком. — Ты смотри на него, — кивок в сторону Гаравы. — Этот парень был у вас в плену. Может, мне не возиться с тобой, а отдать тебя сразу ему?

Глаза орка метнулись к Гараву. Тот подыграл. Точнее как подыграл? Не скалился, не угрожал... да нет, даже не изображал ничего. Просто ответил своим взглядом — и при виде глаз орка вспомнил свой плен. Очевидно, этого оказалось достаточно — орк заметался у огня и взвыл, опираясь на здоровую лапу и подтягивая связанные ноги.

— Нет, нет, не я! — закричал орк. Он кричал на вестроне, хотя и с грубым акцентом, ему явно не хватало слов. — Не я главный! Не я старший! Я не хотел напасть!

— Кто приказал напасть? — Эйнор перетёк на колени — ближе к орку.

— Старший! Вон лежит! — орк затряс головой в сторону обезглавленного. — Старший!

— Ему кто приказал? — настаивал Эйнор. Орк моргнул:

— Ни-кто-о... Мы с гор пришли, увидели огонь — напали за добычей.

Гарав уловил, что Эйнор облегчённо перевёл дыхание. И понял, почему. Значит, это просто мелкая банда, а не спланированное нападение.

— Здесь все? — Эйнор поворачивал в огне шило. — Ваши все?

— Ты отпустишь меня, тарк? — Голос орка стал умоляющим. — Я сразу уйду в горы. Я не буду тут больше. Старший виноват. Даже днём от солнца было не спрятаться, и совсем нет добычи.

— Здесь все? — Эйно́р поднёс раскалённое уже докрасна шило к морде орка.

— Ааааа! Нет! Ещё пятеро в лагере! — Орк замотал башкой. — Там! — Он здоровой рукой затыкал в сторону.

— Далеко? — Эйно́р приблизил шило ещё, сделал движение к глазу.

— Ааааа! Нет, нет, нет, рядом, близко, здесь! Совсем мало идти! — взвыл орк. — Там пленные! Пленные!!!

— Пленные? — Эйно́р опустил руку. — Какие пленные?!

Глава 16, в которой появляется Мэлэт

Пашка умел ходить бесшумно. И неплохо видел в темноте. Но сейчас ему казалось, что каждое металлическое сочленение, каждая деталь доспеха и оружия, которая только может лязгать и брякать, делает это — громко и с наслаждением.

Орка Эйно́р убил. Взял за шею (орк пискнул и дёрнулся), тряхнул — и орк умер, только коротко щёлкнул переломившийся позвоночник. Но почему-то Гарав это не испугало и не удивило — он думал о пленных. Где-то рядом были люди — люди в лапах у этих тварей. Поэтому, когда Эйно́р посмотрел на оруженосцев, явно выбирая, кого взять с собой, Гарав подался вперёд всем телом, только что не прижал к груди стиснутые кулаки. И Эйно́р выдохнул коротко и кивнул:

— Гарав.

— Спасибо! — шёпотом выкрикнул мальчишка. Фередир недовольно загундел и в качестве основного довода привёл то, что он из лука выстрелит двадцать раз, пока Гарав один раз пальнёт из своего арбалета. Эйно́р повёл в сторону Фереди́ра пристальным взглядом, и оруженосец тут же осознал всю глубину своей неправоты и отправился к взбодораженным коням.

Гарав зарядил во взведённый арбалет срезень. Щит закинул за спину и всем своим видом показал, что он готов в одиночку очистить от орков все Мглистые горы. Эйно́р, подойдя к нему (кстати, нуменорец был без шлема), определил на место наносье и показал кулак...

...И вот теперь они двигались по осыпи — с одного большого камня на другой. Эйно́р был похож на перепархивающую большую жуткую птицу. А Гарав морщился всякий раз, когда подковки на сапогах цокали о камень. Кроме того, он начал уставать — помогала только беспощадная ругань в свой адрес. И ещё — вдруг вспомнившиеся строки...

Уж коли выбрал поле — так на нём и стой,
И не меняйся в цвете, коль билетик пустой —
Пусть меняет место, кто идёт за тобой!
О том, что лучше задохнуться, чем вдыхать этот дым,
О том, что лучше быть коричневым, чем голубым —
Пой, моя упрямая религия, пой!
Под глубоким морем, под высокой горой —
Рой, моя подземная религия, рой!
Это значит — небо близко, если пальцы в крови!
Жиденькие корни «разрешённых надежд» —
Режь, моя булатная религия, режь!
Рви, моя звериная религия, рви!⁴³

⁴³ Стихи О. Медведева.

Туннасу было в тысячу раз хуже. Он умирал. Знал это. И всё-таки он много часов шёл сам. А я — я сам напросился. Значит, надо идти, прыгать, ползти за чёрным плащом впереди...

Потом Эйно́р растаял. И Гарав даже не сразу сообразил, что это такое — но всё-таки понял вовремя и лёг тоже. И пополз, держа арбалет «на ремень» за пристёгнутую снизу «козью ножку».

Рука Эйно́ра легла на плечо и подтащила оруженосца к образованной двумя камнями естественной бойнице — она пряталась в тени. У Эйно́ра было мокрое от пота лицо и он улыбался — безжалостно и ярко. Кивнул вперёд и вниз.

До орков оставалось шагов пятьдесят — вниз по склону. А дальше кончались холмы — и Гарав мельком понял: Северное нагорье тоже кончилось, а значит они уже в Ангмаре. Но это была промелькнувшая мысль — не больше.

Внизу горел костёр. Около него — рядом с двумя конскими тушами — сидели полукругом четверо орков. Жарили мясо и переговаривались, поглядывая по сторонам.

Эйно́р снова тронул Гарава за плечо. И указал другой рукой в сторону по скалам.

Секунду-другую мальчишка ничего не видел. Но потом различил голову и плечи часового-орка среди камней. Эйно́р показал на арбалет.

Гарав кивнул. А Эйно́р указал на костёр и провёл пальцем по воздуху дальше. Там, за гранью светового круга, явно лежали два человека.

— Я застрелю часового, — еле слышно зашептал Гарав в ухо рыцарю. — Не промахнусь. А потом?

— Бегом вниз и с ходу рубим этих, — зашептал в ответ Эйно́р. — Иначе они убьют пленных. Не промахнись в часового, а то потом не найдём эту крысу в скалах.

Гарав кивнул. Устроил арбалет удобнее. И понял, что ничего не ощущает.

Расстояние маленькое, арбалет мощный, отдачи у него нет. Целиться надо в точку.

Гарав удобней приложился. Расслабился, поводит пальцем по кованой удобной скобе спуска.

«Ссссакк!» — сказал арбалет.

Гарав знал, что попал. Он даже смотреть в ту сторону не стал — вскочил на ноги, перекидывая в левую руку щит, а правой — уже на бегу — выхватывая меч.

Орки потеряли две секунды и десять шагов, прежде чем поняли, что происходит. Потом — ещё секунду и пять шагов на то, чтобы вскочить. И ещё две и десять шагов, чтобы расхватать оружие.

Остальное время у них почти целиком ушло на то, чтобы решить, кому первому бросаться на мчащихся врагов.

Гарав увидел, как Эйно́р буквально смёл — подбросил в воздух плечом и опрокинул на камни — первого попавшегося на дороге орка и зарубил второго. А перед Гаравом оказалась спина — спина орка, который, визжа, бросился к пленным.

В эту спину Гарав, понимая, что не успевает, пустил меч — как дротик. Орк полетел наземь — прямо около связанных людей. Он был убит наповал — меч попал точно под левую лопатку, пробив кожаную куртку. Эйно́р тем временем — Гарав этого не видел — снёс последнему орку голову и раздавил ногой горло и позвоночник тому, которого сбил с ног в начале атаки.

— Пленные живы? — спросил рыцарь, обтирая меч об орочьих лохмотья.

— Я сейчас... — Гарав потянул из убитого орка свой меч. Он ожидал, что будет противно — но испытал только досаду, что приходится прилагать усилия, клинок завяз. По примеру рыцаря быстро вытерев его, мальчишка убрал меч в ножны и, на ходу отстёгивая наносье, поспешил к неподвижно лежащим на земле людям.

Орки скрутили и избили пленных, и теперь они были без сознания, это хорошо

различалось даже в неверном свете костра. А вот то, что это не люди, а эльфы, Гарав понял не сразу, только когда нагнулся ниже.

— Эйнор, это эльф... — позвал он рыцаря и подавился.

Лежавший слева эльф — золотоволосый, невысокий и хрупкий, похоже, подросток — открыл глаза.

И Гарав застыл — на колене, полувытащив из ножен кинжал.

Девушка, понял он, глядя в эти серые глаза и не замечая больше ничего — ни идеально-нежного овала лица, ни губ (сейчас разбитых, но обычно, видимо, более пухлых, чем строгие жёсткие линии эльфийских мужских ртов), — ничего. Только глаза. Таких глаз не бывает ни у мальчишек, ни у мужчин.

«Таких глаз не бывает вообще ни у кого, — подумал Гарав как-то медленно, какими-то волнами. — Не создала природа таких глаз, потому что...»

— Ты что застыл?! — рявкнул Эйнор. Блеснул рядом его кинжал. И почти тут же Эйнор заговорил на квэнья — быстро и сердито, рассекая верёвки на руках и ногах пленницы. Та оправдывалась — явно оправдывалась, хотя и с вызовом. Гарав между тем освобождал второго эльфа — молодого мужчину. И при этом косился на эльфийку. Как-то сам собой косился — и не хотел, а глаза постоянно съезжали туда.

— Ты её знаешь? — потихоньку спросил он, когда эльфы были уже свободны и, сидя на земле, растирали руки. Эйнор сердито ответил:

— Знаю. Это Мэлэт, дочь Глорфиндэйла из дома Элронда — и будь я проклят, если понимаю, что она тут делает!!!

* * *

Среди людей бывают жёны-воительницы.

Правда, не так часто, как в легендах и сказках. Война — не женское дело. Женщина не может долго ездить верхом по-мужски — если хочет остаться женщиной. Женщина не должна убивать мечом — если хочет остаться человеком. Так что на свете масса причин, по которым воительница — редкость. А те, что есть — очень несчастные или очень страшные существа. Или — чаще всего — и то и другое вместе.

Среди эльфиек воительниц не бывает вовсе. Многие эльфийские женщины владеют мечом и копьём. Почти все — луком. Но это не то. Не то...

Так думала Мэлэт дочь Глорфиндэйла. С тех самых пор, как научилась ходить и держаться в седле. Для неё девы-воительницы из рода человеческого были не сказкой и не обыденной реальностью, а скорей примером жизни.

Для родственников же — и особенно отца, и особенно после того, как ушла за Море мать — характер Мэлэт стал источником постоянных забот и неприятностей. Особенно для Глорфиндэйла, не понаслышке знавшего, как на самом деле выглядит романтический бой и чем пахнут поля сражений — выигранных равно проигранных — после их окончания. Но именно из любви к дочери отважный витязь не мог ей отказывать и уж тем более не помышлял держать под замками или наблюдением...

...Сейчас Мэлэт терзало чувство вины.

Именно из-за неё чуть не погиб молодой Минуиал, когда, подслушав, что отец посылает своего помощника на северо-запад, она тайком отправилась следом. Когда через одиннадцать дней, казавшихся эльфийке интересным приключением, Минуиал обнаружил это, то возвращаться было уже поздно. Эльф, оправившись от возмущения, хотел уже отправляться обратно, плюнув на задание, которое дал ему Глорфиндэйл, чтобы не подвергать опасности дочь полководца, которую любил весь Раздол... но и тут всё случилось из-за её упрямой глупости — она поскакала прочь от попытавшегося схватить её за руку Минуиала — и... Они скакали долго, потом, среди скал, совсем уже догнавший её Минуиал вдруг осадил коня, подвыдернул из ножен меч — клинок светился пронзительно-голубым — и крикнул: «Орки!» А дальше...

...Орков она сперва не испугалась. Тем более что Минуиал зарубил восьмерых, прежде чем его свалили с коня камнями. Страх пришёл потом, когда их, связанных и избитых, бросили в стороне от огня — и страшно закричала лошадь, а орки заухали. Потом она, кажется, даже снова обеспамятела, увидев, что у Минуиала всё лицо в крови — помертвелое лицо, закрытые глаза, верёвки, мешающие дышать...

...а потом... ещё потом...

Сперва ей показалось, что над нею склонился эльфийский мальчишка — вроде старых товарищей по играм, которых она не раз и не два обходила во всех мальчишеских делах. У мальчишки был прямой нос, длинные прямые тёмные брови и светлая прядь на глазах — близкий костёр рассыпал в ней медные искры. А серые глаза, когда они встретились со взглядом всё ещё ничего не понимающей — даже того, что спасение пришло, как в книгах, в самый жуткий миг! — Мэлэт, сделались вдруг удивлёнными и какими-то наивными. Да, наивными, именно это слово пришло в голову Мэлэт.

Сейчас этот мальчишка сидел на конском седле чуть в стороне от костра, возле которого разговаривали нуменорский рыцарь и Минуиал и грелась Мэлэт. Оно отогревалась не только от промозглой сырости, но и от страха. Сейчас снова было почему-то очень страшно, как будто беда ещё не миновала и стерегла где-то впереди. И эта беда... странно, беда не была связана с орками.

«О чём я?» — удивилась Мэлэт. И подняла голову.

Она уловила быстрое движение. Мальчишка опустил глаза раньше, чем Мэлэт посмотрела на него, но эльфийка уловила его невидимое шевеление.

Он смотрел в её сторону.

Второй оруженосец нуменорца — светловолосый угрюмый парнишка — сразу, как только рыцарь разрешил, улёгся спать, завернувшись в одеяло и повернувшись спиной. От него веяло холодом. Не как от орков, другим, но тоже холодом и боязнью, которую он скрывал даже от себя. А рыцарь и Минуиал говорили — тихо и резко, на талиска, которого Мэлэт не знала. Ей стало стыдно. Из-за неё Минуиал потерял коня, чуть не погиб и не сделал чего-то важного. Из-за её глупости. В эту секунду эльфийка поняла, насколько глуп был её побег и дурной порыв к славе. Как будто маленький ребёнок, чтобы «помочь» взрослому, «дорисовал» незаконченную тем прекрасную картину.

Да, ребёнок хотел как лучше. Но картина-то всё равно испорчена...

...Гарав в сотый раз осмотрел наконечник срезня. Он попал точно — арбалетная стрела наполовину отрезала орку голову, мальчишка даже удивился, когда увидел. А ещё больше удивился, что по-прежнему не ощущает ничего «книжного» при виде убитых орков. А ведь это был третий из четырёх, убитых им.

Мысли об орках были «левые». Но как-то отвлекали — и Гарав дёрнулся, когда рядом встала спасённая эльфийка. Глаза поднять не получалось, и Гарав рассматривал узкие сапожки из тиснёной чёрной кожи и ноги в обтягивающих коричневых штанах. До колен свисала порванная длинными полосами... туника, что ли? Сероватая, с золотистой и голубой оторочкой.

— Какая короткая стрела. — Голос девчонки-эльфийки был высоким и... не то что с акцентом, но с какими-то стеклянными нотами — они походили (Гарав так и подумал) на пропущенные через воздух хрустальные паутинки.

— Да. — Гарав поднял глаза. И снова вплыл по странным ласковым волнам в серый взгляд. Поспешно пояснил: — Это арбалетная стрела.

— Я видела арбалеты только на рисунках в книгах. Их делают *hadhodor*?

— Кто? — Гарав свёл брови.

— Гномы. — Кажется, не сразу вспомнила адунайское слово эльфийка.

— Да, гномья работа, — кивнул Гарав. Подумал и встал, пересел с седла на расстеленное одеяло. — Садись, если хочешь.

Девчонка присела — одна вытянутая нога на другую, руками по сторонам оперлась на седло и чуть наклонилась назад. Разбитые губы уже поджили (ого, как быстро)... и Гарав

вдруг подумал: жаль, не знает, кто из орков разбил эти губы. И ещё подумал — хорошо бы, чтоб этот орк попал под его удары. И ещё — жаль, что они так быстро умерли.

— Я сперва думала, что ты из наших, из Golodhrim,⁴⁴ — сказала девчонка. — Сперва, когда ты наклонился. А ты не нуменорец даже.

— Не нуменорец, — кивнул Гарав. — Я йотеод. С востока, с дальнего. Совсем. Меня зовут Гарав.

— Гарав? — брови девчонки ломко пошевелились. — Это имя?

— Прозвище... Имя Павел, но оно по-вашему плохо звучит, да?

Девчонка вдруг тихо засмеялась:

— Так думают люди. Про число «тринадцать»... — И неожиданно добавила: — Я думала, что я ловкая и смелая. А оказалось, что я просто трусиха и неумеха. У меня даже был меч, и я умею им владеть. А я ничего не сделала, даже не прикрыла спину Минуиала. Даже ускакать не смогла...

— Я тоже попал в плен от страха, — вырвалось у Гарава. Эльфийка опять сломала брови, и у мальчишки коротко сбилось дыхание.

— Ты был в плену?! Расскажи...

... — Ты смелый, — покачала головой девчонка, когда Гарав замолчал (да он и недолго рассказывал — что там...). И добавила: — Меня зовут Мэлэт, дочь Глорфиндэйла.

«Я знаю», — хотел сказать мальчишка, но не сказал. Потому что одно дело — когда тебе говорит чьё-то имя посторонний человек (даже Эйно́р), а другое — когда хозяин имени называет его тебе сам. И вместо этого сказал:

— У тебя красивые глаза.

Это был не комплимент, нет! Гарав и сам не понял, как и почему это вдруг выговорилось. И обмер. Даже руки — он опять вертел в них срезень — уронил. Странно, так просто было с Тазар. А тут... «Принцесса — и трактирная девка?» — подколот сам себя Гарав, сам на себя разозлился (ну не была Тазар трактирной девкой, и так думать про неё было подло!) и немного пришёл в себя.

Красивые глаза Мэлэт стали немного удивлёнными. Она наклонила голову к плечу.

Никогда в жизни Мэлэт не слышала о себе таких слов. То, что люди называли «красотой», у эльфов считалось чем-то самым собой разумеющимся. Можно и нужно было восхищаться искусством воина, барда, художника, вышивальщицы, каменотёса, красотой того, что ими создано, всем тем, что поднимает Дитя Эру над миром материи, миром животных. Но «красота»? В книгах — там, где говорили люди — часто употреблялось это слово по отношению к Детям Эру.

Мэлэт медлила с ответом. Она исследовала лицо человеческого мальчика, оценивая его с той, книжной позиции «красоты» — и Гарав замер, скованный этим взглядом. Это было не неприятно, только немного... странно.

— Ты тоже красивый, — сказала эльфийка, немного отстранённо, как будто вынесла важный вердикт. Это было немного смешно, и Гарав, освободившись от полугипнотического состояния, так и сделал — рассмеялся, чуть смущённо. Пожал плечами — а что тут можно было сказать-то? За последнее не очень долгое время девчонки во второй раз в жизни говорили ему, что он красивый.

И вскинулся, вскочил — подошёл Эйно́р.

— Спать, — приказал он жёстко. Лицо у Эйно́ра было осунувшееся, как будто не час проговорил, а сутки кряду скакал галопом. — Iquista orlorie, Melet,⁴⁵ — совсем другим тоном обратился он к эльфийке, но та тоже послушно встала, смущённо опустив глаза. Она вдруг поняла, что будет страшно спать. Едва закроешь глаза — привидятся орки, ползущие к

⁴⁴ Эльфы-нолдоры.

⁴⁵ Пожалуйста, спать, Мэлэт (*квэнья*).

лагерю, она это знала. — Ты хорошо поработал, — уже немного мягче сказал Эйно́р Гара́ву, и тот кивнул.

— Благодарю, рыцарь.

— Можно я лягу здесь? — робко спросила эльфийка. Юноша и мальчишка обернулись к ней одновременно. — Здесь... рядом с Гаравом.

Эйно́р думал секунду. Потом кивнул и пошёл в ночь — от костра. Минуи́ала уже нигде не было видно.

«Эй, — хотел окликнуть Гарав, — а мне-то что делать?!» Но потом вздохнул и стал раскатывать одеяла.

Мэлет ждала, сидя на седле. Гарав чувствовал ее взгляд, и любой девчонке он уже сказал бы: «Чего уставилась-то?!» Но сказать такое сейчас просто не получалось.

— Готово, — сказал он негромко, распуская пояс. Потом помедлил, вытащил меч. Подержал его в руке и, пряча глаза, положил на одеяло точно посередине. И сам лёг рядом — спиной к устраивающейся эльфийке, которой досталось второе одеяло. Сам Гарав закутался в плащ. «Чёрт, — сердито подумал мальчишка, — не выплусь!» Он сунул руки под мышки и сердито засопел, против воли прислушиваясь, как возится Мэлет. Тихо и как-то... как-то извиняющееся, что ли.

— Мне просто было страшно, — сказала вдруг эльфийка, и Гарав повернул голову, привстал на локте. — Мне было страшно, что опять придут орки. Я очень перепугалась. И сейчас боюсь.

— Я же рядом, — грубовато буркнул Гарав. И сам замер — ага, защитничек... но Мэлет согласилась:

— Да. И меч у тебя под боком. Я боюсь, но... не так. Меньше. Намного.

Гарав удивлённо понял, что Мэлет не знает этого обычая — бытующего и тут.⁴⁶ И облегчённо сообразил: да она совсем не думает о том... о том... о чём он подумал. Ну и хорошо.

— Спи, никто сюда не придёт, а завтра ты поедешь домой, — сказал он, снова укладываясь и глядя на огонь. Из огня стали вылетать птицы с ало-фиолетовыми трепещущими крыльями; они кружились и по спирали поднимались в небо, очистившееся от облачных клочков...

...От одеяла, которым укрылась Мэлет, пахло железом, сыростью, конским и человеческим потом. Эльфы очень остро ощущали запахи, и некоторым из-за этого было трудно общаться с людьми. Но сейчас эти мысли казались Мэлет недостойными. Люди спасли её. Спасли. И...

Мальчик рядом посапывал, потом тихо вскрикнул и дёрнулся, выпростал руку — с неровно, но тщательно обрезанными (явно ножом) ногтями, плохо отмытую и побитую; нашарил меч, сжал рукоятку. Потом пальцы расслабились. Мэлет ни за что не позволила бы себе проникнуть в его сны, но она касалась их краешка — всё равно что войти в реку или сидеть на берегу и смотреть на текущую мимо воду. Сны были стремительные, изменчивые и живые, как пролитое неосторожным учёным жидкое серебро. Эльфы, которые спят редко, а могут и вообще вообще не спать подолгу, не видели таких снов. Их грёзы наяву были плавными и спокойными. А здесь...

Мальчик что-то тихо сказал на непонятном, но красивом языке. Для эльфов слова талиски были слишком быстры и коротки, слова адунайка — слишком неблагозвучны. Этот язык был другим.

Мэлет перелегла на бок и стала смотреть в светлый затылок человеческого мальчишки.

* * *

⁴⁶ Имеется в виду обычай класть во время ночлега между путешествующими вместе в сложных условиях воином и дамой (если они не муж и жена) меч — как символ ограды чести женщины.

Утром подморозило. Начало июня, блин, нариэ по-здешнему... Одеяло прихватило к земле, и даже торчащие из-под плаща сапоги побелели (во сне мальчишке привиделось, что он опять идёт босиком по ледяной каше). Гарав закутался с головой и проснулся только тогда, когда стало уже совсем холодно.

Тогда он откинул плащ и сел.

Утро было пронзительное, ясное, всё кругом покрыл иней. Солнце еле-еле поднялось краешком над горами, тонкой зубчатой линией поднимавшимися на востоке. Горел костёр, около него Фередир подкидывал в пламя клубки сухих былок. А...

А больше никого не было. Ни Эйнора, ни эльфов.

Гарав и сам не ожидал, что ему вдруг станет так — до боли в груди, до слёз на глазах и тугого шнурка, перетянувшего горло, — плохо.

Ёжась и сглатывая, он подошёл к костру, хмуро кивнул так же кивнувшему в ответ Фередиру. Обнял и погладил голову подошедшего Хсана, потом поцеловал и слегка оттолкнул — иди. Конь вздохнул и пошёл к Азару, который хрустел ячменём, сунув голову в торбу.

Оставленная с вечера в котелке вода подёрнулась льдом, мальчишка проткнул его пальцем.

— Не студишь, я квенилас заварю, — сказал Фередир и бросил в булькающую на огне воду котелка несколько скрюченных чёрных листочков. Они упруго распустились, закрутились, вода начала коричневеть спиральными струйками. — Эти... эльфы оставили.

— Чай! — обрадовался Гарав, ощутив знакомый запах — только более сильный и приятный, чем он привык.

— А? — Фередир поднял голову.

— Нет, ничего... — Гарав присел рядом на корточки, втянул запах заваривающегося чая. — А где все?

— Эльфы уехали на юго-запад, — Фередир махнул рукой. — В Артедайн, а оттуда будут добираться до Раздола. Эйно́р их проводит — недалеко, сказал, что к полудню вернётся.

— А чего не разбудили? — сердито и глупо спросил Гарав. Фередир удивился:

— Эйно́р сказал — ты вчера поздно лёг. А что?

— Ничего, — буркнул Гарав и опять потянул ноздрями воздух. Фередир зачерпнул кружкой тёмную кипящую жидкость, поставил на иней. Зачерпнул вторую, потом снял котелок с огня. И сказал:

— Что-то мне не нравится. Вообще не нравится. И Эйно́ру. — Фередир говорил отрывисто. — Плохо что-то.

— Мы что, вернёмся назад? — Гарав передвинул кружку к себе. Фередир покачал головой:

— Ну нет. Но вполне можем не вернуться.

— Ну... — Гарав пожал плечами.

И вдруг как-то очень обыденно понял, что это будет ужасно — умереть и больше ни разу не увидеть Мэлет...

...Эйно́р приехал, когда солнце подобралось к зениту, стало тепло и весь иней растаял. Оруженосцы сидели у костра и смотрели — почти час смотрели молча, — как по мокрой равнине от дальних скал приближается всадник. Сперва как точка, потом — как маленькая фигурка, потом — как отчётливо различимый кавалерист. Потом они различили черты Эйно́ра и оба сразу встали.

Эйно́р подъехал шагом. Соскочил, бросил поводья Фередиру, знаком показал Гараву: «Налей». Тот торопливо черпнул подогреваемый чай, подал кружку рыцарю.

— Есть будешь?

Тот, глотая, мотнул головой, сплеснул остатки под сапоги. Выдохнул.

— Сворачивайтесь, едем.

— А где... — Гараву показалось, что он сказал «Мэлэт». Но он не сказал — договорил: —...эльфы?

— Уехали, — рассеянно сказал Эйно́р, глядя куда-то сквозь оруженосца. Тряхнул тёмными волосами, слипшимися от пота и сырости в длинные острые пряди. И стал поправлять сбрую на Фионе.

Глава 17, в которой Гарав впервые убивает человека

Лес начался чуть ближе к вечеру, после спуска в широкий распадок, уходивший вправо и влево. Мокрый и пустынный лес, чёрные ели и редкая трава, серый можжевельник и звериная тропа, видимо, почему-то знакомая Эйно́ру.

Эйно́р кстати повеселел — точнее, стал обычным. Ехал впереди, временами тихонько посвистывал.

— И что, весь Ангмар — такая пустыня? — со вздохом спросил Гарав. Фередир фыркнул, а Эйно́р ответил, не поворачиваясь:

— Нет, конечно. Главное — уметь выбрать путь.

— А куда мы едем?

— К истокам Гватло. — Фередир быстро и удивлённо посмотрел на Эйно́ра, и Гарав понял, что тот тоже не знал этого. А Гарав и не знал, где это. И больше не стал ничего спрашивать. Ехал и думал про Мэлэт. Думал, думал, думал, то ворочал мысли, как тяжёлые камни, то плескался в них, как в приятной светлой воде.

— Глорфиндэйл — полководец Элронда, — вдруг сказал Эйно́р. Гарав поднял глаза. — Он родился раньше солнца и луны и видел Валино́р.

— И что? — враждебно-непонимающе спросил Гарав. Эйно́р покачал головой:

— Ничего... — И неожиданно спросил: — Вечером расскажешь ещё что-нибудь?

— Расскажу...

* * *

Костёр развели на поляне — в стороне от тропы, подальше, за сплетениями веток, недалеко от большого ручья (или маленькой речки, что ли?). Сегодня остановились раньше обычного — так захотел Эйно́р, а что, почему — его не спросишь.

На огне защёлкал котелок — на ужин опять ожидался суп. Но пока до этого было ещё долго, и Эйно́р с Фередиром выжидательно поглядывали на Гараву.

Если честно, не было у того настроения читать и что-то рассказывать. Ещё он почему-то знал: если сейчас откажется — Эйно́р не будет ни настаивать, ни приказывать. И благодаря этой мысли странным образом стало невозможно отказаться.

— Расскажу, расскажу, — буркнул он с полунатуральной сердитостью. — Я же обещал...

Фередир оживлённо и радостно заёрзал, как маленький. Эйно́р опустил голову — и Гарав понял, что тот улыбается.

— В общем, так... — Гарав прокашлялся, копаясь в памяти. А! Да вот же! Он шагнул к сумкам и достал вкривь и вкось исписанные толстыми мелкими строчками листки. Перебрал и тряхнул их. — Времена Нуменора. Юг. Харадская пустыня. Меж барханов бредут двое, рыцарь и оруженосец... — Мальчишка простёр перед собой руку, как бы невзначай показывая на своих спутников. Фередир хихикнул. Эйно́р нахмурился, но губы нуменорца подрагивали, силясь не разъехаться. — Во-о-от... Рыцарь на ходу вслух сочиняет письмо даме сердца, взор его наполнен любовью и нежностью. Оруженосец мрачно внимает, то и дело поглядывая по сторонам.

Любезная Катрин!

Уже который день
Мой тяжкий путь лежит через пустыню.
Здесь солнце белое и желтые пески,
И я готов задохнуться от тоски
Не видя Ваших глаз...
Душа пуста без Вас...
Мой конь давно издох от жажды и жары,
Оруженосец мыслит о побеге... зараза...⁴⁷

Фередир опять захихикал, косясь на Эйнора. Гарав пригнулся, пропуская над собой фляжку рыцаря, и тут же сделал вид, что кланяется.

— Благодарю за внимание.

Правда, в следующие две минуты он всё равно вынужден был бегать вокруг бивака от рыцаря, который носился следом, да ещё и швырялся разными предметами.

— Фляжка... — комментировал Фередир, помешивая в котелке. — Сапог... Эйно́р, сам будешь искать... опять фляжка... А это что?.. О, надо же, сумку не пожалел... Овёс не просыпался?.. Опять сапог... Меня за что?!

— Чтоб не болтал. — Сел к огню Эйно́р и второй раз треснул Фереди́ра крагой. С показной сердитостью обулся.

— Мне уже можно подходить? — осведомился из темноты Гарав. — Я есть хочу.

— Подходи, — хмыкнул Эйно́р. Гарав сел напротив. Эйно́р протянул руку и хлопнул оруженосца по плечу: — Когда вернёмся, выступишь перед князем.

— Я?! — испугался Гарав. И огляделся, словно князь уже стоял возле огня.

Но вместо князя к огню вышли четыре человека. Бесшумно. Один за другим.

Это были рыжие холмовики. В кольчугах, клетчатых плащах, с оружием и щитами. Двое молодых мужчин, двое мальчишек постарше Гаравы. Всё произошло так быстро и обыденно, что Гарав не успел толком удивиться. Фередир опустил миску, но больше ничего не сделал. Эйно́р остался невозмутим и неподвижен... хотя Гарав на миг увидел на его лице замешательство и даже... страх, что ли?

Холмовики остановились сбоку от огня, держа руки на виду, не на оружии. Гарав снова ощутил нелепость ситуации — а точнее какую-то её нереальность. Вышли к костру люди и стоят, смотрят. Как будто это тут обычное дело.

Или правда обычное?

— Hela,⁴⁸ — сказал Эйно́р, пошевелив ногой ветку в костре.

— Hela. Oyst tyja?⁴⁹ — отозвался тот из мужчин, что постарше. Вполне мирным голосом.

Эйно́р показал рукой на северо-восток.

— Karn Dum.⁵⁰

— Farst raydda.⁵¹

— Yo.⁵²

⁴⁷ Стихи Тэм Гринхилл.

⁴⁸ Привет.

⁴⁹ Привет. Откуда вы?

⁵⁰ Карн Дум.

⁵¹ Дальний путь.

⁵² Да.

— Wimma steppa?⁵³

Эйнор покачал головой.

И в этот миг рыжий ударил мечом.

А дальше всё смешалось. Вроде бы Фередир кинул углями в лицо второго нападающего. Мимо прокатился какой-то клубок, пророс стальным шипом. Гарав крутнулся на месте, вскакивая и рывком за рукоятку сбрасывая с меча ножны — пояс полетел в сторону. Пнул бросившегося на него во вторую атаку парня в колено и вскочил, подхватывая левой рукой щит.

Кто-то рухнул рядом с костром. Лязгала сталь и слышались ругательства. Но это всё уже отдалилось от Гаравы. Сейчас в мире остались он — и его противник.

Человек. Рыжий парень. С длинным мечом...

...Как это ни смешно и ни странно, но только теперь Гарав понял, зачем воины носят доспехи. По-настоящему понял, не умом, а почувствовал.

Противник был выше и сильнее Гаравы. И драться умел, пожалуй, лучше, хотя мальчишка пришёл сюда, в этот мир, с кое-какими навыками, а уроки Эйнора впитывал как губка.

И выше, и сильнее, и дерётся лучше... Но только достать Гараву как следует не мог. А ведь дважды доставал, несмотря на щит, так, что это могло кончиться глубокими ранами, и оба раза сухо шуршала безотказная сталь доспеха. И Гарав, после первого такого удара — в правое бедро — было струхнувший, осмелел. А после второго — по левому плечу — ответным выпадом достал противника сам, в локоть. В правый — левше Гараву было легче наносить такие удары.

И увидел, как на лице рыжего парня появилось и стало расти отчаянье. Он ещё отмахивался, но потом перебросил меч в левую и сразу стал отступать, не в силах противостоять натиску осмелевшего и разошедшегося Гаравы. Лёгкая кольчужка и такой же лёгкий шлем — немного против латника...

Странно, едва Гарав осознал эту обречённость своего противника, как исчезли злость и желание достать рыжего. Наоборот: Гарав подумал: «Да беги же, вот баранище!!! Я же не угонюсь за тобой в доспехе, так и скажу — не мог догнать. Да и не погонюсь я...»

Но рыжий продолжал взмахивать мечом в левой. Отчаянно и обречённо. Видно, он не был научен отступать.

— Помочь? — спросил Фередир. Он подошёл, держа окровавленный меч остриём вниз. Гарав мотнул головой в сторону, на миг упустил рыжего из виду — и тот немедленно прынул вперёд. Молча и стремительно, как молния.

Гарав поймал его — скорее от неожиданности, чем сознательно — ударом снизу вверх. Через пах, под кольчужный подол.

Парня отбросило в ручей — руки крестом, меч вылетел из ладони и сухо грохнул по гальке. Рыжий хотел вскочить — и из него выпало то, что из человека выпадать не должно.

Тогда он не выдержал — закричал. Истошным долгим криком, каким люди не кричат и тоже не должны кричать. Гарав отвернулся и не выпустил меч только потому, что твёрдо помнил — оружие не роняют. А крик звучал, звучал, звучал и никак не кончался. Тогда Гарав тоже закричал, и в крике прорвались смешные и страшные слова, сорвавшиеся на визг:

— Ну что он не умрёт-то никак?!

Фередир смотрел угрюмо. А подошедший Эйнор взял второго своего оруженосца за затылок и силой повернул его голову в сторону корчащегося в ручье умирающего:

— Потому что ты плохо ударил, — сказал нунеморец. — Не мучай его. Иди и исправь.

Гарав хотел замотать головой — и не мог. Хотел закричать, что не будет, — и не мог. Он повернулся и пошёл, тяжело переставляя ноги.

Рыжий перестал кричать. Он хрипел и сжимал обеими ладонями низ живота поверх скользких сизых и жёлтых петель, перепачканных кровью и ещё многим другим. Длинная прядь прилипла к белой щеке ниже безумного от боли глаза.

— Убе-е-ей... — попросил он, выдохнул пляшущими губами на неплохом адунайке. — Прикончи... южанин... ради твоей матери...

«Да он же не старше меня, — с ужасом понял Гарав. — Просто выше и крепче. Я не могу. Я никак не могу. Я и этого-то не имел права делать, ведь он же не орк какой-нибудь...»

— Почему ты не побежал?! — шёпотом крикнул он. — Я бы не погнался...

— Я не трус, — губы рыжего скривились, на них показалась кровь. — Моим... в сто раз легче будет знать... что я умер... чем видеть меня... беглецом...

— Добей его, — слышался холодный голос Эйнора. — Не будь глупцом, не тяни нити между.

Гарав приставил остриё меча к шее рыжего — к ямке между ключиц в вырезе расшитой рубахи и не спасшей хозяина простенькой кольчуги.

«Я сделал это и я не буду закрывать глаза, — подумал мальчишка. — Чтобы помнить, как это легко и страшно — убить человека».

И налёг на меч.

Хруст. Скрежет. Хаотичные рывки.

Глаза рыжего стали потусторонними от новой боли. Он открыл рот... но вместо крика, которого так боялся Гарав, лишь тихо закашлялся. И глаза сделались спокойными и сонными. Потом закрылись.

— Вынь меч, — сказал Эйнор. Гарав послушно потянул клинок, мёртвое тело чуть подалось вверх, потом соскользнуло. — Вытри его. — Гарав, присев, тщательно обтёр оружие, как во сне, о край рубахи убитого. — Теперь кричи или плачь. Не стыдись, Волчонок.

— Мы никому не скажем. — Фередир встал рядом. — Это не стыдно, Гарав, правда. Это первый человек, чью жизнь ты отнял. Плачь.

И Гарав закричал...

...Подогретое вино пахло корицей и было неожиданно приятным. Держа кубок обеими руками, Гарав выпил половину залпом и допил остальное несколькими глотками. Больше всего он боялся, что Эйнор или Фередир начнут говорить... утешать, рассказывать истории из своей жизни...

Но они молчали. Сами всё сделали со стоянкой, только что стащить доспех никто не помогал. Сами сложили в ряд и завалили плоскими камнями из ручья всех четверых холмовиков. Совсем стемнело. Гарав немного пришёл в себя, когда выпил вино... и совсем очнулся, когда на колени ему Фередир положил тяжёлое золотое зарукавье. Гладкое, лишь с концов его украшали двойные кольцевые выступы.

— Что это? — Гарав поднял голову. Вино согрело, но не ударило ни в голову, ни в ноги.

— Возьми, — сказал Фередир и присел рядом. — Это тебе.

— Что?! — Гарав отшатнулся, золотой обруч покатился с колен. — Ты что?! С убитого снял?!

— Бери. — Фередир опять сунул зарукавье Гараву. — Бери, Волчонок. — Голос его стал умоляющим. — Ты не понимаешь, что ли? У вас не так, что ли? Это же твой первый. Он придёт обязательно... Эйнор-то не верит. — Фередир покосился на рыцаря, который словно бы и не видел ничего, ворочал над огнём кусок окорока на двух прутьях. — Он придёт, а ты не бойся. И скажи: мол, честью я тебя убил, честью похоронил, честью твоё взял, погляди и уходи.

— Ты чего несёшь? — Гарав заозирался.

— Увидишь, — сердито отрезал Фередир и почти силой надвинул на запястье Гаравы зарукавье. — Вот так...

...Вино, как видно, всё-таки подействовало. Гарав потянуло в сон. Он кое-как

добрался до плащей, завернулся и лёг. Голова поехала, завертелась противно, и всё тело закружилось, как будто лежал не на камнях, а на диске старой карусели... «Ой плохо-то как...» — успел подумать мальчишка и провалился в сон...

...Он видел родное село. Село было сожжено, и он знал, что это орки и шпорить коня уже бесполезно. Где-то в глубине души жила мысль о том, что это НЕПРАВИЛЬНО и этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Но он ехал и ехал по улице и удивлялся, что не видит ни одного трупа. Именно удивлялся...

...Видимо, он спал недолго, потому что, когда открыл глаза — с криком, — то от костра обернулись сразу оба. Эйно́р кивнул:

— Есть будешь?

— М... ага-а... — Гарав встал.

Фереди́р спросил:

— Приснился?

— Не помню, — нерешительно ответил Гарав, садясь к огню. — Наверно, да. Я страшное видел...

— Не рассказывай, тогда не сбудется, — торопливо прервал его Фереди́р.

* * *

В разрывах крон елей неподвижно светили звёзды.

Гарав лежал и думал. Не об убитых, лежавших в полусотне шагов от стоянки, нет. Теперь ему не хотелось спать — короткий нервный сон сыграл плохую шутку с усталым мальчишкой.

— Эйно́р, — позвал Гарав. Тихо позвал, но оказалось, что рыцарь не спит.

— М? — так же негромко и как-то равнодушно отозвался он.

— Сколько стоит всё то, что ты мне купил в Форно́сте?

— Двадцать восемь кастаров, считая коня, — спокойно ответил рыцарь.

— Когда я их отслужу?

— Если брать жалованье наёмника, — в темноте произошло шевеление, на секунду мигнули и погасли некоторые звёзды — Эйно́р ворочался, даже привстал, — то через семь месяцев.

— А если брать жалованье оруженосца?

— Оруженосцы служат не за жалованье.

— Ради чести? — Мальчишка попытался снасмешничать, но голос дрогнул.

— Не только, — неожиданно ответил Эйно́р. — Оруженосец мечтает стать рыцарем. Это дорога в жизнь. В другую. Собственно, почти все оруженосцами в первую очередь ради этого и становятся.

— Почти все? — уточнил Гарав, привстав на локте.

— Я знаю одно исключение, — отозвался рыцарь. — Тебя... — Он сел. — Слушай, Волчонок, что тебя беспокоит?

— Будущее, — честно признался мальчишка. — Моё маленькое будущее в этом большом мире. Я принёс тебе присягу, я твой оруженосец. Но мне хотелось бы знать, что дальше.

— У тебя нет своего будущего, пока ты не станешь рыцарем, — спокойно отрезал Эйно́р.

— Так, — не менее спокойно кивнул Гарав и лёг на спину, заложил руки под голову, глядя в небо. — Если я не хочу?

— Ты не хочешь? — ровно спросил Эйно́р.

— Сдаюсь, хочу, — согласился Гарав. — Я думал об этом ещё раньше, до клятвы, и давал её не просто так, не думай. Но что потом? Я хочу, но я смогу?

— Ну, если мы вернёмся из этого похода, — заговорил Эйно́р, — а у нас очень мало шансов на это, я тебе скажу — то в будущем у тебя будет примерно шесть шансов на четыре,

что ты станешь рыцарем в ближайшие пять-семь лет. Ты вынослив, ловок, достаточно храбр и достаточно туп... — Гарав невольно хихикнул — Эйно́р холодно пошутил. — Князь посвятит тебя не без удовольствия, особенно если узнает, что ты мой оруженосец, ведь князь — мой воспитатель.

— Я не знал. — Гарав сел.

— Теперь знаешь... Четыре шанса на шесть, что в те же ближайшие год-семь ты погибнешь, и я тебе обещаю, что ты ляжешь возле нашего фамильного кургана, если будет, что класть; если нет — там вместо тебя положат плиту из мрамора.

— Спасибо, — без малейшей иронии ответил Гарав. — Предположим, что я стал рыцарем. Тогда?

— Тогда ты или станешь доказывать всем, что имеешь право на место в княжьей дружине — или получишь, как отец Фереди́ра, свой *fyellk*. — Эйно́р употребил слово из тали́ска, но Гарав кивнул, он знал, что это земельный надел за службу. — Если ты прослужишь рыцарем двадцать лет, *fyellk* превратится в *theyd*, и ты волен будешь жить на своей земле в меру своего разума и взглядов на жизнь. Я знаю тех, кто начинал сам пахать эту землю и находил в этом удовольствие — и знаю тех, кто тихо спился на покое, распродав *theyd* богатым крестьянам по соседству. В общем, всё будет в твоих руках... пока ты держишь в них меч — и будет зависеть от этого меча.

— А ты рыцарь князя? — утвердительно спросил Гарав.

— Да.

— Чем это лучше?

— Для меня не стоял этот вопрос, я пошёл путём моего покойного отца.

— Но всё же? — добивался Гарав.

— Подарки. — Гарав не видел Эйно́ра, но услышал, что тот улыбается. — Нет, правда. Даже прижимистый властитель не скупится на свою дружину. Денег тебе будет хватать с избытком. Но княжеские рыцари нечасто умирают на покое в дружинной зале.

— Я не трясусь за свою жизнь, — честно сказал Гарав.

Эйно́р согласился:

— Я верю. Тебе очень нужны деньги?

— Я не знаю, что мне нужно, — признался Гарав. — Но я не очень люблю власть, Эйно́р. На моей родине... — Он не стал договаривать. — Я не люблю власть, — повторил мальчишка.

— Выслуживай *fyellk*, потом *theyd*, — снова почти равнодушно подытожил Эйно́р.

— Эйно́р, — жалобно сказал Гарав, — а ты совсем не будешь давать мне денег в эти годы?

Рыцарь засмеялся.

— Будут и деньги, и подарки, и военная добыча...

— Не хочу, — буркнул Гарав. — С мёртвых...

— Никто не просит ничего брать с мёртвых, этот браслет — дело особое. Но кошелёк на поясе мертвецу не нужен, тем более — взятое во вражеских домах и крепостях... Ты не можешь уснуть?

— Не могу, — признался Гарав. — Я думаю, всё время думаю. Про...

Он не договорил, глухо замолчал. И вздрогнул сам — думал, что Эйно́р уже уснул:

— Нам сначала надо вернуться, Гарав. Лучше думай о том, что мы не вернёмся. Тогда тебе будет спокойней.

Глава 18, в которой есть только лес и его жители

Следующие дни запомнились Гараву как череда редкостно неприятных дневных и ночных часов. А тот день, когда он убил человека, — как последний на долгие-долгие дни, когда он читал стихи, а Эйно́р смеялся и вообще говорил.

Они окончательно углубились в лес. Чёрный, мокрый и холодный, несмотря на лето. Тут росли почти только гигантские ели — кроны начинались выше головы всадника, чёрные, даже не зелёные. Они смыкались в сплошной, не проницаемый ни для света, ни для дождя полог, под которым царил вечный полумрак и росли можжевельник и серый папоротник. Корни гигантов облегал жёлтый и зелёный мох, а стволы в объёме были — Эйнору, Гараву и Фередиру вместе встать и сцепиться руками, а то и больше.

Овёс почти кончился, а травы было мало. Да и «людская еда» мокла и плесневела. Охота оказалась неудачной, всё, что удавалось подбить — тетерева, от которых скоро хотелось выть, их мясо пахло хвоей. Хорошо, что было много грибов, которые Гарав любил есть и умел различать (а вот его спутники грибов явно опасались и есть начали только после того, как Гарав умял грудку жареных белых и остался жить, да ещё и имел довольный вид).

Эйно́р молчал. Всё время. Молчал и брал себе дежурства с полуночи и до рассвета — точнее, до того момента, когда темнота прореживалась на серый сумрак. Разводить костры стало трудно — даже трудней, чем на равнине, хотя, казалось бы, кругом было полно дерева. Оруженосцы разговаривали тоже редко и шёпотом. А уж ночи превратились в тяжёлое испытание.

Давящая темнота просто-напросто усаживалась на грудь. Перемигивались огоньки гнилушек. Постоянный шёпот повисал в воздухе, а за ним слышались вполне реальные жутковатые звуки ночной жизни. Хуже всего были часы дежурства. На пятую ночь — спать ещё не легли — к костру притащилось без приглашения что-то такое, чего Гарав даже не запомнил, потому что мозг отказался воспринимать увиденный ужас. Но Эйно́р только поднял голову и сказал отчётливо (впервые за пять суток):

— Чего пришёл? Пошёл вон.

И жуть канула куда-то в сырой бормочущий мрак.

На следующее утро Гарав попытался было расспросить про ночного гостя, но заработал поперёк спины (не больно через плащ, жилет и кольчугу, но всё равно обидно) поводом...

...К вечеру десятого дня Эйно́р остановил коня и хмыкнул неожиданно — оруженосцы даже в седлах пошатнулись. А рыцарь молча протянул вперёд руку (кольцо он всё это время носил жемчужиной наружу).

Гарав увидел прямо между сосен деревянный столб, украшенный черепом медведя (внутри вполне можно было поместиться, если свернуться клубком). По сторонам — снизу на половину высоты — шли двойные ряды вбитых в дерево гигантских (с клинок боевого кинжала) когтей, переплетающихся с изображениями каких-то птиц и витыми узорами, вырезанными в прочном дереве. Выше — и до самого черепа — столб был вымазан высохшей, тухлой и относительно свежей кровью (ясно по виду и запаху). Когда всадники подъехали ближе, то стало видно, что столб вбит не просто в землю, а в центр выложенного из чёрных обломков гранита изображения свернувшейся спиралью змеи.

— Что это? — спросил Фереди́р, опередив Гараву на миг. Эйно́р совершенно спокойно ответил:

— Эру, попирающий Моргота.

Фереди́р поперхнулся новым вопросом. А Эйно́р скомандовал:

— Дальше едем очень осторожно. Тут тропа.

И пустил коня первым. Фереди́р же ещё долго оглядывался на столб с ошалелым видом. Может быть, именно поэтому он не заметил того, что заметили Эйно́р (он остановил коня) и Гарав, который просто сказал:

— Осторожно, вон растяжка.

Эйно́р не понял сказанного по-русски слова, но с насмешливым уважением посмотрел на оруженосца:

— А, заметил.

— В наших местах так часто делают, — сообщил Гарав, рассматривая натянутую на уровне щиколотки человека и практически незаметную, хотя и толстую, верёвку, пересекавшую тропу. — А что будет?

— Попробуй, — предложил Эйно́р. Гарав достал топор и, привстав в стременах, сильным движением послал оружие вперёд.

Шак, сказал топор, перерубая верёвку и вонзаясь в мягкую землю. Почти в тот же миг над тропой с гулом прошёл и закачался на толстом канате чурбан, утыканный намертво вогнанными в глухие отверстия острыми кольями, а три стрелы — как по заказу на число путников, — свистнув в воздухе, вонзились в стволы елей. Стрелы были без оперений, короткие, толстые и — это стало ясно, когда Эйно́р не без труда достал одну — с кремнёвыми наконечниками. Пашка всегда думал, что камень — красный. Но Гарав видел теперь кусок камня, искусно обработанный в виде лаврового листа (вряд ли тут знают, что такое лавр), почти прозрачный, с желтизной.

— Фородвэйт, — сказал Эйно́р. — Будем ждать. Скоро кто-то должен прийти.

— Фородвэйт? Лоссоты? — Фередир подъехал ближе. — Разве они живут здесь?

— Живут, — коротко отозвался Эйно́р. — Молчите и ничего не делайте. Они должны нам помочь.

Несмотря на приказ молчать, Фередир, наклонившись к Гараву в седле, шёпотом коротко рассказал ему о народе фородвэйт, иначе называемом лоссотами. Они жили на берегах северного залива Форохел, но вот, оказывается, и в лесах тоже.

— А они за кого? — уточнил Гарав. Фередир с сомнением протянул:

— Вроде бы они не любят зло... Но ты сам видел, как они представляют себе Эру.

На этот раз оба оруженосца получили в лоб тупым пики — быстро, несильно и точно. И замолчали.

Ждать, впрочем, пришлось не так уж долго. Вскоре Эйно́р поднял голову (он сидел в седле, уткнувшись подбородком в грудь) и соскочил наземь, сделав знак спешиться оруженосцам. Они, озираясь, поспешно покинули сёдла.

Ни малейшего шума Гарав не услышал. Просто на тропе вдруг возник...

Сперва мальчишке почудилось, что это монгол. Ну, монголоид. Человек этот был невысокий, хотя плечистый — и раскосый, скуластый... Но в следующую уже секунду Гарав понял, что ошибся. Глаза — хоть и раскосые — были светлые, почти прозрачные, и без монгольской злобности, скорей даже весёлые. То же самое с волосами, торчавшими из-под круглой меховой шапки — цветом они больше напоминали пшеницу, как и курчавившаяся борода, и усы... Короткая куртка, бесформенные штаны, сапоги с круто загнутым носком — всё было тоже из меха и кожи. На широком поясе с простой завязкой висел в петле каменный нож, в правой руке человек держал... арбалет. Не такой богатый и сложный, как у Гаравы, но арбалет. Заряженный, кстати — стрелой всё с тем же каменным наконечником.

Фородвэйт заговорил первым. Странно, его речь отчётливо напоминала эльфийскую!⁵⁴

Эйно́р тоже заговорил — довольно медленно, запинаясь. Фородвэйт слушал, наклонив голову к плечу. Потом махнул рукой, рассмеялся и, повернувшись, поманил путников за собой...

...То ли какое-то колдовство было тому виной, то ли фородвэйт умел лихо путать следы, но уже через сотню шагов Гарав окончательно перестал понимать, куда они идут. Потом началась ложбина — сырая, над нею ветки переплелись вообще в непроницаемый полог. Пахло гниющим деревом. Копыта коней и сапоги людей чавкали — глухо и мокро. Гарав один раз поскользнулся и повис на узде Хсана — тот удержал хозяина, но покосился обиженно.

— Ну прости, прости, — Гарав погладил его между ушей. Проводник оглянулся и со смешком что-то сказал.

— Лау-Коннен говорит, что ему смешно, как люди с юга милуются со своими

⁵⁴ Профессор признавался, что эльфийские языки в немалой степени списаны с финского. Вот я и решил сделать лоссотов (фородвэйт) реальными предками современных финнов. Благо именно финские племена, по мнению многих учёных, являются автохтонами Европы. Кстати, у Толкиена фородвэйт говорили, что они — древнейшие люди Средиземья и языку научились непосредственно от эльфов...

животинами, — перевёл Эйно́р.

* * *

Да уж, у этих людей из животных были только собаки — некрупные серые звери, похожие на лаек. Именно они — толпой — и высыпали навстречу входившим в селение незнакомцам. Лау-Коннен хлопнул в ладоши, крикнул что-то высоким голосом — и вся стая тут же разбежалась.

Селение как таковое терялось в лесу, было его частью. Тут жили в шалашах — нет, не неуклюжих лёгких сооружений, шалаши были крыты корой и лапником в несколько слоёв. Видно было, что там можно стоять в рост. И каждый круглый шалаш был построен вокруг ели — как вокруг центрального опорного столба. Ко входам, завешенным шкурами, вели тропинки, по краям выложенные звериными черепами — по два с каждой стороны. Кое-где играли дети, работали женщины; мужчин сперва видно не было, а ни женщины ни дети не обращали на пришельцев внимания... нет. Гарав уловил краем глаза, что вслед им смотрят почти все. И перешёптываются, обмениваются жестами. А так казалось, что гостей просто не замечают.

Кроме шалашей были ещё помосты на елях. Гарав решил было, что это наблюдательные вышки и удивился — что ж так низко? Но потом мальчишка понял, что это склады — лабазы, как называют их в Сибири в мире Пашки.

А навстречу уже шли — и откуда только взялись? — двое. Пожилой мужчина и вообще уж полный старик, который еле ковылял, опираясь на посох. На поясе старика и в длинных седых волосах (он был без шапки) висели, качались и побрякивали разнообразные фигурки. Лау-Коннен же между тем просто-напросто свалил куда-то в один из шалашей — словно всё происходящее его не касалось.

Эйно́р бросил назад поводья и махнул рукой. Фередир поймал повод; оруженосцы остановились. А рыцарь прошёл ещё пять шагов и остановился.

Дальнейшее заставило Гараву обомлеть от изумления. Седой старик, подвывая и потрясая посохом, чуть ли не вприсядку и колесом обежал вокруг Эйно́ра и своего спутника. Потом упал на спину, немного попускал пену изо рта, перевернулся, побился лбом о землю, вскочил бодро и несколько раз хорошенько ахнул посохом поперёк спины — сперва Эйно́ра, потом — видимо, чтобы не обидеть — и местного (оба снесли происходящее, как будто старого припадочного тут и не было, стояли и молчали). Старик ещё покрутился вокруг себя (то приседая на одной ноге, то поднимаясь на ней — ну гимнаст!), потом взвыл особенно мерзко и тонко и запулил свой посох куда-то за пределы селения. Как копьё. Ну дед! Потом кашлянул, махнул рукой, плюнул и вразвалку пошёл за посохом явно без намерения возвращаться и вообще начисто потеряв интерес к происходящему.

— Гм, — кашлянул Гарав. Фередир пихнул его локтем и прошептал:

— В наших местах живут в плавнях дикари. Они похоже колдуют. Я видел, отец с ними дружит.

Между тем Эйно́р и местный... вождь?.. наверное... говорили. Так по-деловому, суховато. Кончился разговор тем, что вождь кивнул, махнул рукой — и к нему подбежали (да вот ведь — из воздуха они, что ли, материализуются?!) три молодых круглолицых женщины. Светлые волосы, убранные в тонкие косы, падали из-под вышитых головных повязок. Хихикая и переговариваясь, они подошли к Эйно́ру и оруженосцам.

Женщина, оказавшаяся рядом с Гаравом, взяла мальчишку под руку, потом с интересом и опаской поглядела на коня.

— Это Хсан, — кивнул мальчишка. — Я — Гарав.

— Ксаан. Кара-Ау, — повторила женщина и опять засмеялась, потянула Гараву за собой...

...Шалаш внутри оказался просторным. Но, конечно, стоять в рост можно было только у центрального столба-дерева и чуть в стороне. Очаг из плоских камней находился сразу

перед входом. А вдоль стен — там, где крыша сходилась к земле, — были постели и стояли круглые деревянные бочонки.

Гарав и Фередир задержались снаружи, занимаясь конями. В стороне скопилась стайка из десятка мальчишек и пары девчонок — они явно собирались ближе знакомиться с конями, когда уйдут одетые в металл пришельцы. Фередир поднял Азара на дыбы и заставил ударить воздух передними и задними копытами. Потом повернулся к детям и погрозил кулаком.

— А то ещё полезут и покалечатся, — пояснил Фередир.

Мальчишки вошли внутрь. Там уже горел костёр, две женщины сноровисто готовили еду — пахло жареной рыбой и какими-то ягодами. Третья раскатывала на постелях шкуры. Эйно́р — уже в одной коже, доспехи были сложены у одной из постелей — сидел, пригнувшись, на одном из бочонков и рассматривал какие-то бумаги.

— Повезло, — сказал он, не поднимая глаз. — Если всё будет хорошо, то мы закончим все дела здесь. Сразу. И на юг.

— Они нам помогут? — Фередир тяжело сел на шкуры. Гарав опустилсчуть в стороне — всё тело заныло и начало молить снять доспехи. Эйно́р кивнул и приказал:

— Теперь заткнитесь. Можете раздеться, поесть и спать.

Он что-то сказал на местном языке женщинам — и те, переглядываясь явно недовольно (или просто недоумевающе) выбрались из шалаша. Последняя опустила шкуру, но перед этим что-то спросила. Эйно́р мотнул головой.

— Чего они хотели? — Фередир начал вылезать из доспехов.

— Переспать с гостями.

Фередир засмеялся. Гарав почувствовал, что краснеет, и нагнулся к сапогам.

В шалаше было сыровато, но становилось всё теплее. Мальчишки с удовольствием разделись, оставшись в нижних рубахах, штанах и босиком. Оба сунулись к деревянному жбану с квасом и большому деревянному блюду, на котором лежали коричневые тонкие лепёшки и куски жареной щуки в окружении брусники и клюквы. Фередир клюнул одну клюковку и скривился, отгребая ягоды в сторону:

— Киссссс...

— Вкусно, — возразил Гарав. — Особенно с рыбой.

— У вас росла такая ягода? — заинтересовался Фередир.

— Нет... не помню... но я точно ел. Эйно́р?

Рыцарь дёрнул плечом и помотал головой. Ясно было, что есть он не станет, а дальнейшие предложения чреваты пинками.

Оруженосцы трескали за обе щеки. Наконец — случайно — оба схватились за один и тот же кусок. Гарав полушутливо рыкнул:

— Грррав! — и, пригнувшись, толкнул Фереди́ра плечом. Тот оскалился в ответ и, рассмеявшись, оторвал себе половину...

...Мальчишки наелись до отвала — так, что и лезть перестало. (Квас Фередир тоже пить почти не стал и выразил пожелание, чтобы создатели напитка... но тут Эйно́р хмыкнул, и Фередир поправился — приехали на юг поучиться варить пиво.) Ставив оставшуюся одежду, оруженосцы голышом забрались под шкуры — кстати, очень неплохо выделанные — подальше по углам, и Фередир тут же бухнулся в сон, Гарав ещё пытался держать глаза открытыми и порывался задать Эйно́ру хотя бы один-два вопроса. Но это не получалось, и когда мальчишка понял, что язык и мозги не повинуются, то с облегчением позволил себе уснуть. Крепко, как не спал уже давным-давно — с Форноста...

...Эйно́р вышел из шалаша, когда начало темнеть. Рыцарь был в поддоспешной коже и крагах, с мечом и кинжалом на поясе.

Старый Эйно́-Меййи ждал возле шалаша, опираясь на посох. Казалось, шаман спит стоя. Но когда Эйно́р бесшумно подошёл, старик буркнул, не открывая глаз:

— Всё-таки пришёл. Я надеялся — спишь.

— Я не затем преодолел такой путь, чтобы повернуть в конце.

— Дурак ты, таркан. Дурачина, право слово.

— Не говори о вещах, которых не понимаешь, шаман. Ты слишком мал для них.

Под седыми нависшими бровищами открылись глаза — глаза совы.

— Ну да, конечно, — хмыкнул Эйно-Меййи. — Ну да. Ну да. Скажи, таркан, где твой Нуменор? Где королевство Арнор? — Древние названия слетали с губ дикарского шамана с лёгкостью, как имена ближней родни, как названия недалёких и хорошо знакомых деревушек. — Где гордые замки нимри Белерианда, таркан? Ничего нет больше. Мой народ был и в те времена. Он есть сейчас. Он переживёт и то, что сделаете завтра вы — или Чёрный. Станете легендой, потом станете сказкой — и ты, и твой князь, и ваши враги, и ваше зло, и ваше добро. Придёт иное время, и звёзды за этими елями встанут в иной строй. Ха, скажут люди. Кто — Нарак? Кто — тарканы? Кто — Чёрный? Сказка, ха; слушайте и зевайте, дети, слушайте небылицу-небывальщину, чтоб лучше спалось. А мы будем и тогда жить в этом лесу и говорить — ха!

— Ты служишь Эру, пусть и в диком обличье, — напомнил Эйно. Голос его был спокоен, и только внимательный глаз мог различить игру сильных тонких пальцев, обтянутых перчаткой, на рукояти Бара.

— Я открою тебе секрет, который знают все, юный таркан, — сказал шаман. — Эру наплевать на наш мир. Валам наплевать на наш мир. Чёрному — не наплевать, и он хочет его изменить; я — не хочу. Поэтому я служу Эру и Валам, а не Чёрному — потому что их нет. И я могу служить себе и своему народу. А Чёрный согнёт нас, как рыжих дураков с юга. Как хочет согнуть вас. А согнёт вас — доберётся и до нас. Поэтому я помогаю вам. Убивайте друг друга тысячу лет — лоссотам будет жить спокойней.

— А ты страшный, Эйно-Меййи, — задумчиво сказал Эйно. Шаман хихикнул:

— Я старый, таркан. Я ужасно старый. И я устал. Оставайся — и ты займёшь моё место. Может быть. Юг умрёт. А ты будешь жить здесь. Людям я скажу, что это воля Эру. Скажу, что ты мой сын. Что вы все трое вышли из деревьев, чтобы помочь нам. Скажу что угодно — и они поверят, таркан. Останешься?

— Нет, — покачал головой Эйно.

Старик навалился на посох:

— Вот я вижу: ослепли ваши два глаза. Вот и кольцо, которое носил на руке гордый и глупый эльф, — оно у моего народа, потому что пошёл к морскому дну, захлебнулся в стылой воде, сгинул среди льдов последний ваш князь.⁵⁵ Что скажешь?

— Мой путь ведёт к спасению чести. — Эйно вдруг вырос, и шаман отшатнулся в изумлении и страхе. — Права твоя правота, старик; права — но мелка, как лужа, и тот, кто видел Море, не поверит кваканью лягушки: «Вот вся вода мира, в которой я сижу!» Нет высей Нуменора, но — были они. А что оставите после себя вы, спасшиеся в этих лесах от самих себя?! Какую сказку сложат о вас, переживших великие королевства? Веди меня, старик, — и молчи, потому что я — Эйно сын Иолфа, нуменорский рыцарь! Идо бета изинди, загир аннард ан Гимлад!⁵⁶ — И тихий гром родили последние слова, будто вдали тысяча обутых в металл ног шагнула по каменной мостовой, тысяча одетых в сталь рук ударила тысячей сверкающих мечей по тысяче гулких щитов...

— Я... выполню обещанное... я же сказал... — сипло пробормотал шаман, пригасив

⁵⁵ Шаман пророчествует и насмехается. «Ослепли ваши два глаза»... «кольцо, которое носил на руке гордый и глупый эльф — оно у моего народа, потому что пошёл ко дну... последний ваш князь»... — события, которые случаются в 1974 году. Ангмар уничтожит последние арнорские княжества. Последний князь Артедайна Арведуи сын Арафанта, найдя помощь у лоссотов, подарит им кольцо Финрода Фелагунда — реликвию людей, — а сам пойдёт ко дну в заливе Форохел вместе с прибывшим ему на помощь эльфийским кораблём и двумя Палантирами Арнора («ваши два глаза»).

⁵⁶ Ныне прямые мои слова, мечи воинов Элэнны! (адунайк; разговор Эйнора и шамана идёт на языке фородвэйт).

глаза. — Прости, таркан...

И покатился моховым шустрым клубком перед шагающим рыцарем...

...Они шли долго. Наверное, не меньше часа, и боковым зрением Эйно́р улавливал движение странных и жутких образов. Пробежала, мяукая, слепая рысь без шкуры. Прошёл, бесшумно ступая, безголовый лось.

— Хочешь напугать меня, шаман? — спросил Эйно́р. Старик впереди — видно, оправился — хихикнул:

— Нет, зачем мне это? Это здешние духи шалят, таркан. Они любят играть с людьми, поэтому ночью без моих амулетов редкий человек осмелится выйти за пределы деревень. И этой, и многих других, где живут лоссоты. Хочешь, я сейчас уйду в сторону, и никто не узнает, как пропал Эйно́р сын Иолфа?

Вместо ответа коротко лязгнула бронза перекрестья меча о сталь оковки устья ножен — Эйно́р подвыдернул Бар и бросил обратно. Виденицы отпрянули, маячили только на грани взгляда.

— Шучу я, шучу... — прокряхтел старик. — Сказал уже: мне в радость тебе помочь, чтоб без конца длилась ваша вражда — твоих братьев и Чёрного...

Эйно́р усмехнулся, рассматривая мохнатую спину куртки впереди.

— Пришли, — сказал неожиданно старик.

Светились десятки гнилушек, выступавших из земли по обеим сторонам узкой лоцины, как пальцы подгорных существ, которые, говорят гномы, никогда не видят света. Косо лежала каменная плита. Чёрная... или казавшаяся такой. Старик подошёл к ней и постучал посохом. Сказал — коротко и властно:

— Эй.

Эйно́р усилием воли остался на месте, когда откуда-то — то ли из-за плиты, то ли из неё — выступили два скрюченных... нет, не существа. Две сущности, так сказать вернее. Тёмные и безликие, да и бесформенные, если по правде. Послышался детский плач — тонкий и безнадежный. Между сущностями шёл ребёнок: голый, не различишь — мальчик или девочка, не поймёшь — скольких лет, но маленький, не старше десяти.

— Что это, старик? — хрипло спросил Эйно́р.

Шаман обернулся и мигнул:

— Жертва, таркан. Убей и начнём.

Два сгустка тьмы прижали ребёнка к плите. Тот вяло дёрнулся и заплакал громче.

— Кому жертва? — Эйно́р вытащил меч, и лезвие вдруг покрылось красноватой вязью, словно проступившей из глубины металла.

— Эру, рыцарь, — осклабился старик. — Не бойся. Жертва из дальней деревни — пропал ребёнок в лесу и пропал, искали и забыли. Бей и начнём.

— Ах ты старая тварь... — прорычал Эйно́р, взмахивая мечом...

...Лезвие со скрежетом пропахало в камне искристую борозду. Оказавшийся за спиной Эйно́ра старик хихикнул; и тёмные сгустки, и ребёнок исчезли.

— Где?! — крутнулся на каблуках Эйно́р.

— Не было ничего, — ответил Эйно́-Мейи спокойно и ссутулился, опираясь на посох. — Не приносим мы в жертву людей. Проверял я тебя... И что? Правда бы оставил своего родича в рабстве у Чёрного — только чтобы лесному дикарьку, никчёме, жизнь сохранить? А как же тогда?

От облегчения — понял, что старик не лжёт, — у Эйно́ра помутилось в голове, и он не сразу поймал ножны мечом. Процедил:

— Правда. Слишком дорогая цена — кровь ребёнка.

— А правда ли, что твои предки жгли людей в жертву Большому Чёрному, а, таркан? Своих жгли? И детей, и женщин?

— Мои — нет, — отрезал Эйно́р, прямо глядя в глаза старика. — Мои предки были

Авалтири, не Арузани.⁵⁷ Да и среди Арузани это делали лишь худшие из худших... Но мне стыдно и больно и за тех, кто жёг, — продолжал он. — И за тех, кто превращал в рабов Младших Людей. За всю мою кровь. За всех, кто был — Нуменор. Даже за... — Юноша не договорил и опустил глаза.

Старик вздохнул. Кивнул. Похромал к плите.

— Стой, где стоишь, — буркнул он. — Посмотрим, что получится.

Эйно́р вновь вытащил из ножен меч.

* * *

Гарав на этот раз проснулся первым.

Видимо, снаружи наступил день, потому что слышались голоса, смех и даже песня — пела женщина. Фереди́ра под шкурами не было даже видно. А Эйно́р сидел на своей постели, вытянув ноги и неудобно откинувшись к стенке шалаша. Бледный, уронив руки даже не на колени — по сторонам тела, ладонями вверх. Пальцы мелко подрагивали.

— Ты чего?! — вскочил Гарав, рукой и ногой отбрасывая шкуры. — Эйно́р, ты что?!

— У... ста... л... — в три приёма выговорил рыцарь. — Но всё... по...лучилось. Ночью... всё сделаем... Помоги раздеться. И пить дай. Пить.

Гарав метнулся к жбану с квасом, подал его — без кружки, кружку Эйно́р отстранил и начал пить, булькая, хрипя и половину проливая на грудь куртки. От глотков его покачивало. Проснувшийся Фереди́р секунду сидел, протирая сонно глаза и улыбаясь всему на свете, потом бросился на помощь. Оруженосцы вдвоём вытряхнули рыцаря из кожи, разули и осторожно уложили под шкуры. Эйно́р что-то пробормотал благодарно и мгновенно выключился.

Мальчишки, стоя на коленках возле спящего рыцаря, переглянулись.

— Уходил, — сказал Гарав по-русски. Фереди́р кивнул:

— Даже не поел.

— Да куда ему есть, он пил-то еле-еле... Поспит — поест...

Фереди́р опять кивнул и потянулся.

— Ну что, встаём?

— Так встали уже...

...Мальчишки выбрались наружу умыться (местные жители явно считали это зряшным делом, потому что ничего такого в шалаше не было) — уже одетые и даже при мечях. На этот раз на них просто никто не обращал внимания — на самом деле, не как вчера, когда глядели исподтишка. У коней хватало сена — кто-то позаботился, — и они лениво жевали, явно счастливые тем, что не надо никуда идти.

— Комарья здесь... — Фереди́р отогнал от лица серую стайку, провёл по крупу Азара. — Вот жрут, а?

— Не так уж жрут, — Гарав проверил Хсана. — Прокусить шкуру не могут, только ползают. Смотри, крови нет почти.

— Да я про себя, а не про коней... Отец рассказывал, на юге, далеко, есть такая гадина — москит. Вроде комара, но больше и кусачей.

Гарав уже хотел было рассказать про москитов, но появившаяся совершенно бесшумно женщина — не из вчерашних, старше и не слишком симпатичная — принесла новый жбан с квасом, лепёшки в чистом полотенце из грубой ткани (но с вышивкой) и поднос с ломтиками (нет, ломтицами) какого-то окорока — угольно-черная тонкая корочка, а дальше — розоватое мясо и стебли квашеной черемши.

— Спасибо. — Гарав принял еду и слегка поклонился. Женщина неожиданно прыснула, но тут же приняла серьёзный вид и ушла.

⁵⁷ Авалтири — «Верные» нуменорцы. Арузани — Люди Короля.

— Вчерашние были ничего, — оценивающе вспомнил Фередир. Гарав промолчал — ему почему-то не хотелось говорить о женщинах. Вместо этого он предложил:

— Тут поедим? Пусть Эйно́р спит.

Мальчишки устроились у входа, поставив поднос на сдвинутые колени, а хлеб и квас примостив рядом. Мясо оказалось лосятиной, а завтрак вполне заслуживал название «Слава холестерину!». Но Пашка ещё и там подозревал, что никакого холестерина нет, просто врачам надо впаривать людям разную хреноту под видом «лекарств», а здесь Гарав убедился в этом окончательно.

— Да что ж они такую дрянь в приправу берут?! — возмутился Фередир, попробовав черемшу. Гарав хмыкнул, активно жуя мокрые желтовато-зелёные лохмотки листьев и стеблей:

— Дурак, вкусно.

— Вкусно — как мама свиной окорок печёт, — мечтательно сказал Фередир. — Эстрагон. Майоран. От кухни отойти невозможно. А тут какие-то хвощи кислые.

— Да не ешь, — не стал спорить Гарав, соорудивший себе бутерброд из лепёшки, ломтя окорока и трёх черемшин.

Фередир заинтересовался:

— Ну-ка, как это ты...

— Вот так. Ам. — Гарав откусил треть сооружения. Прожевал и выдал: — У нас был такой... князь. Сэндвич. Игрок страшный, иногда в к... ости играл сутками напролёт, отойти от стола не мог. А жрать-то надо. Ну он и приказал повару, чтобы тот ему делал вот такие штуки — и возиться недолго, и поесть можно прямо за столом. Их так и стали называть — сэндвичи.⁵⁸

— Ловко, — согласился Фередир. — Ха, вернёшься — предложи своей Тазар отделиться от отца и таверну завести. А назовёт пусть «Сэндвич». Отбоя не будет от посетителей.

— Тазар не моя, — отрезал Гарав. И вспомнил, что ему снилось.

Мэлет.

Мальчишки всё-таки оставили Эйно́ру ровно половину того, что было принесено. Когда они занесли еду внутрь, Гарав нерешительно спросил:

— А что делать-то будем? Он ничего не сказал...

— Да ничего... — Фередир пожал плечами. — Может, на охоту сходим?

— А местные не застонут? Может, это нельзя чужим?

— Да они Эйно́ра боятся, — уверенно сказал Фередир. — По глазам видно. Ты что, не понял, что он делал ночью?

— Что? — заинтересовался Гарав. И добавил: — Я, если честно, вообще не понимаю, что мы тут делаем.

— И хорошо, — кивнул Фередир. — Поймают — будешь молчать, потому что просто ничего не знаешь.

— Кто нас поймает? — обеспокоился Гарав.

Фередир присвистнул:

— Ого. Это же Ангмар. Мы во вражеском королевстве... А Эйно́р точно колдовать ходил... Помнишь, он нам сказал: мы, мол, едем к истокам Грэма? А Грэм-то вовсе не здесь. Вообще не здесь.

Гарав хотел спросить, где, но как раз в этот момент к оруженосцам подошли несколько местных. Один из них что-то начал объяснять, подкидывая в руку свой арбалет и показывая то на Гараву, то на вход в шалаш, то куда-то в лес. Остальные кивали и подмигивали.

— Чего они хотят-то? — настороженно спросил Гарав. Фередир пожал плечами.

⁵⁸ Реальная история. Только была она, конечно, не с мифическим князем, а с настоящим английским лордом Сэндвичем.

— Ты. Я. Стрелять. Цель, — выдал наконец мужичок на адунайке. — Ты лук. Я мех.
— По-моему, он хочет соревноваться, — догадался Фередир. — Ты ставишь арбалет, он — шкурки.

— Стрелять?! — заорал Гарав (чтобы было понятней). — Соревноваться?!

— Со-ре-но-ня, — закивал фородвэйт и хлопнул Гараву по плечу. — Цель. Стрелять.

— Какие шкурки?! — проорал Гарав. — Мех?! Какой?!

Фордовэйт беспомощно пожал плечами, потом махнул одному из крутившихся рядом мальчишек, и тот буквально через полминуты притащил связку небольших иссиня-белых шкурок. Фордовэйт тряхнул их (там был десяток), провёл по меху, повертел, что-то приговаривая.

— Горностай, — сказал Фередир. — В Форносте за дюжину — четыре кастара, в Зимре — семь, может — десять. Будешь стрелять?

— Буду, — решительно кивнул Гарав.

Фередир покачал головой:

— Они с колыбели стреляют. Продуешь арбалет, и Эйно́р тебя выпорот, точно говорю.

— Буду, — упрямо сказал Гарав. Не то чтобы он не поверил, что Эйно́р выпорот — поверил. Но решил рискнуть.

Обрастая зрителями (в основном младшего возраста мужского пола), группа двинулась в сторону леса. Смешно, но у фородвэйт тут — в полусотне шагов от окраины деревни — было оборудовано настоящее стрельбище. Росчисть с мишенями на разных дальностях — да не какими-нибудь, а сооружёнными из дерева макетами животных, обтянутых соответствующими шкурами. Среди прочих Гарав увидел гигантского (метров шесть, если встанет на задние лапы!!!) медведя, волосатого носорога, саблезубого тигра... С ума сойти, всё это тут есть?! И они ехали по этому лесу?!

Соперник между тем громко что-то сообщал всем, передав связку шкурок гордо задравшему нос пацану. Видимо, тут этот стрелок был признанным чемпионом — в его победе явно никто не сомневался.

Между тем Гарав вовсе не собирался за здорово живёшь расставаться с арбалетом и подставлять спину под ремень рыцаря. И даже более того — оруженосец был почти уверен в победе.

Дело в том, что он, ещё рассматривая шкурки, сообразил важную вещь. Конечно, местные с этими арбалетами, можно сказать, рождаются. Но едва ли им надо стрелять на дальность. Такой лес ограничивает мир десятком-другим шагов. Тут важно уметь подобраться к врагу — бесшумно и как можно ближе. А Гарав легко стрелял на 60 метров из «эскалибура», а из развлекательного «арлета» за десяток метров попадал в муху. Местные жители едва ли вообще могли себе представить, что такое бывает и может кому-то пригодиться. Иначе, оценив «машинку» приезжего, они просто не стали бы нарываться на соревнование.

Линия стрельбы была аккуратно выложена белыми камешками. И местный стрелок подошёл к ней, заряжая арбалет... Ага! Он заряжает его с упором в живот. И руками — правда, обеими. Слабенькая тетива. И лук тоже... конечно, если сравнивать с арбалетом гномов.

Гарав зарядил оружие. И заметил, что вокруг запереговаривались. Но это уже было всё равно. Соревнование так соревнование.

Жестами местный объяснил, что сначала будем стрелять по кабану. (До него было метров двадцать, и дальше стояли только носорог и медведь.) Поднял три пальца — три стрелы. И жестом предложил гостю стрелять первому.

Гарав поднял арбалет и тут же выстрелил — фактически одним движением. Мишень пошатнуло, зрители вякнули — и притихли. Стрелы в мишени не было. Потому что она торчала в дереве на окраине росчисти — метров за пятьдесят от линии стрельбы. Исследование, проведённое мальчишками, показало — стрела попала за ухо.

Две другие стрелы Гарав всадил под лопатку и в глаз — они тоже улетели дальше.

Местный с задумчивым видом почесал нос и тоже начал стрелять.

Его стрелы практически повторили попадания Гаравы. Но остались торчать в мишени. Жестом местный предложил стрелять в медведя. Но Гарав покачал головой, снова заряжая арбалет. И показал на дерево за рощистью — ель, украшенную оранжевыми лишаями, выделявшуюся среди прочих даже в чаще. До неё было метров сто. На столько Гарав из арбалета не стрелял никогда. Но с другой стороны, гномский арбалет — не спортивная машинка.

— Вон та ель, — сказал Гарав. — Фередир, поставь там что-нибудь.

Тот кивнул, поманил с собой троих пацанов, и они оттащили туда, к ели, всё того же кабана. Вернулись бегом. Местные мальчишки смотрели обиженно и даже враждебно. Чемпион выглядел уныло, но ещё бодрился — кажется, всё-таки не верил, что такое возможно...

...Возможно.

Гарав попал все три раза, и местный только рукой махнул, когда ему явно стали предлагать попробовать выстрелить. Буркнул что-то, но когда отдавал шкурки Гараву, пожал ему локти с искренним восхищением и в движениях, и во взгляде.

И вздохнул.

* * *

Сидя у шалаша, Гарав любовался мехом. Он как-то не воспринимал эти шкурки как большие деньги. Если золото и серебро были близко к людям и в Пашкином мире, то меха, хоть и дорого стоили, не соотносились с «богатством». Но мех был красивым, что спорить. Казалось даже, что на нём играет солнце, которое если и было, то за кронами елей.

Фередир сидел наискось, резал на подобранной деревяшке какой-то сложный узор, мурлыкал простенькую песенку — такую простенькую, что не прислушаться было нельзя...

Я проснулся рано утром, оседлал опять коня.
Поднялась трава степная, снова вдаль меня маня.
Я скачу навстречу солнцу и смеюсь в его тепле.
Есть лишь счастье горизонта для рожденного в седле...⁵⁹

— Волчонок, а почитай что-нибудь.

Гарав ещё раз тряхнул шкурки, отложил их, потянулся. Он и не думал возражать — наоборот, после стольких дней молчания... Пару секунд мальчишка думал, что прочесть. И вспомнились стихи, которые писала одна женщина, уже взрослая — с ней Пашка познакомился в Интернете. Их Гарав тоже перевёл. На одной из вечерних стоянок у костра, когда думал о... о Мэлэт. А сейчас легко вспомнил перевод. Помедлил ещё немного — и...

Я себя ведь раздавала по кускам,
Не боялась и ходила по мосткам,
И поскрипывали мерно мостки,
А под ними — воды огненной реки.
А сегодня, что за диво со мной?
Я из дому ни рукой, ни ногой,
А в светлице полумрак, полусвет...
Сколько дней прожито в ней, сколько лет.
Мне и воля уже не нужна,
В чистом поле пролегла борозда,

Словно след лежит на сердце моем,
Хорошо так было нам в ней вдвоем.
А потом ругали мать с отцом...
Опозорила я весь отчий дом!
Запирали на тяжелый засов,
Выпускали во дворы злобных псов.
Посадили меня в темный чулан,
Жениха нашли, будь он окаян!
А мил друг мой убежал на войну
И забыл давно про ту борозду.
Завтра бабки снарядят под венец,
Прослезится в церкви старый отец,
А невеста ни жива, ни мертва,
И бежит за ней вприпрыжку молва.
Ты вернись, вернись, мой сокол шальной,
Забери свою голубку с собой,
Но в ответ мне только тишь-тишина,
И сквозь щелку светит мутно луна.
Темной ночью распахнула окно...
Мне теперь на свете все, все равно.
Я пошла искать далеки края,
Где теперь милого друга земля.⁶⁰

— Спеть бы её, — мечтательно сказал Фередир. — Какая там мелодия?
— А как я покажу? — хмыкнул Гарав, вытянув ноги. — Ну не умею я петь. Говорил же.

Полог откинулся в сторону.

Оруженосцы вскочили.

Эйнор вышел наружу, щурясь, — в одних штанах, правда, не нижних, а кожаных. Хлопнул себя по плечам, избавляясь от наглых комаров. И посмотрел на оруженосцев. На одного. На другого. На шкурки. Снова на оруженосцев.

— Я выиграл их. Соревновались в стрельбе с местными, — быстро пояснил Гарав.

— Хм... — Эйнор открыто потянулся и зевнул. — Есть поесть?

— Да, тут, мы поставили. — Фередир нырнул в шалаш. — Вот же.

— Сюда вынеси. И куртку. — Эйнор сел на один из черепов. Потянулся, зевнул. — Выиграл, и молодец, — рассеянно сказал он, влезая в поданную Фередиром куртку.

Следующие минут десять рыцарь ел. Жадно и быстро — не забыв, впрочем, перед этим посмотреть на запад. Оруженосцы почтительно взирали. Наконец Гарав кашлянул и спросил:

— Могучий Оби ван Кеноби, тренироваться будем?

— Кто? — нахмурился Эйнор, поднимая глаза.

— Рыцарь был такой, — туманно пояснил Гарав. — Погиб геройской смертью в борьбе со злом.

— Да? — Эйнор отставил поднос. — Ну тащи палки. Любые...

...Эйнор словно и не валялся совсем недавно без сил. Сперва он загонял Гараву и отлупил его. Потом сделал то же с Фередиром. Потом сделал то же с обоими мальчишками. Потом Фередир угодил ему по голове, и Эйнор одобрительно сказал:

— Отлично.

— Я отвлекал, — ревниво заметил Гарав, перекидывая шест из руки в руку. — Без меня бы ничего не получилось. Я...

⁶⁰ Стихи Евгении Власовой.

Эйнор кашлянул, и Гарав прекратил славословия в свой адрес...

...До вечера оруженосцы прогуляли коней и долго думали возле обнаружившейся реки — купаться или нет. (Первым в воду прыгнул Гарав и гордо заявил потом, что даже не пискнул. Что было не удивительно — от холода перехватило дыхание.) Потом просто валялись на шкурах и слушали, как Эйнор, тоже устроившись на постели, бесконечным потоком рассказывает нуменорские легенды. Легенды были потрясающе интересные, в этом Гарав уже успел убедиться. Но раньше Эйнор никогда не выдавал сразу столько.

После ужина все трое просто-напросто завалились спать. Точнее — улеглись. Сухие полешки в очаге прогорели быстро, оставив россыпь углей. Снаружи тоже всё успокоилось — звуки леса задавили немногочисленные звуки из людских жилищ. И тогда Фередир спросил, лёжа на животе и поставив подбородок на руки (а в глазах отражались тлеющие угли):

— Ночью ты возьмёшь нас с собой?

— Возьму, — сказал Эйнор и шумно повернулся под шкурами. — Спите...

...Гараву снился сон. Впервые за все дни, прошедшие с той схватки у ручья.

Он был в брошенном каменном городе, величественном и печальном, где из ниш в стенах и с площадок бесчисленных лестниц, уводивших почему-то всё время вниз, глядели каменные статуи воинов, мудрецов и прекрасных женщин. Гарав искал Мэлэт. Искал на улицах и лестницах, на крепостных стенах (что за ними, вокруг города — он не мог различить) и во дворах, в домах и на гулких солнечных площадях, где было почему-то очень страшно, и солнечный свет душил, как упавшая сверху золотая плита.

Он знал, что Мэлэт здесь и что она тоже ищет его. Но печальный город тасовал улицы, лестницы и площади, как опытный игрок тасует карты. В сухих фонтанах и каналах, выложенных мрамором, не было воды. Только в полном безветрии шуршали палые листья — золотые и медные.

Гарав понимал, что пуст не только город. Пуста вся планета, весь мир. Только они с Мэлэт ищут друг друга и не могут найти.

Тогда он отчаялся искать и сел у фонтана — странного и жуткого, изображавшего распятого на скале могучего мужчину с искажённым лицом, над головой которого красивая измученная женщина держала чашу. Когда-то в эту чашу падала вода — вода из пасти изогнувшейся над людьми огромной змеи. Но сейчас воды не было и тут. Была глухая тишина и пыльный солнечный страх. Гарав сидел и понимал, что погиб — за его спиной (он не смел обернуться) стоит тот, кто будет причиной его смерти (или чего-то худшего, чем смерть...). Мальчишка заставлял себя посмотреть назад, но сил не хватало. Он лишь знал, что стоящий там улыбается и медлит, потому что наслаждается растущим ужасом Гаравы.

И когда солнечный свет начал шептать какую-то простую страшную песенку с остро врезающимся в память словами — как клинок режет живую плоть, — Гарав слышал голос Мэлэт.

Он зазвучал далеко в одной из ведущих на площадь улиц, но очень быстро ворвался и сюда — как врывается в болото поток свежей воды...

Пламя заката проходит сквозь пряди,
Серебро становится темной медью,
Я иду к тебе в дурацком наряде,
Укрывая в ладонях метку бессмертья.
Я иду к тебе по белым ступеням,
Я иду к тебе по пыльным дорогам,
Я иду к тебе сквозь песни и тени,
И я верю, что мне осталось немного.
Там, куда я приду, будет только покой,
Будут руки твои, прикасаясь легко,
Исцелять мои раны на истерзанном сердце,

Будет право забыться, будет право согреться
У живого огня.
Годы бессчетные странничьей доли
Превратили память в досадную ношу.
Я устала жить среди долга и крови,
И однажды я мир этот просто брошу.
Я устала видеть во сне кошмары,
Просыпаться в чужих городах из камня,
По тавернам платить осколками дара
И хранить у сердца рваное знамя.
Приходи в мои сны, не бросай меня здесь,
Дай мне светлую память о нашей звезде.
Сколько лет я блуждаю по тропинкам и трактам,
Каждый день безуспешно сражаясь со страхом
Не увидеть тебя.
Я называю запретное слово,
Я шагаю в волны великого моря,
И со звоном рвутся оковы бывшего,
И бессонные чайки послушно вторят.
Кратковременной муке заведомой смерти,
Бесконечному крику иного рожденья
Я иду по волнам в догорающем свете,
Опасаясь поверить в свое отражение.
И расступится мгла, и отступит беда,
Я узнаю тебя по сиянию глаз,
Ты меня позовешь, и сомкнутся ладони,
Я вернулась домой, только имя не вспомнить,
Только кто-то снова будит меня
По велению нового дня.⁶¹

... — Мэлэт!

Гарав сел.

В шалаше была возня. Костёр горел, но слабенько, только-только увидеть, что вокруг творится. Эйно́р покосился на оруженосца:

— А я тебя будить собирался. Вставай.

Гадая, вслух он кричал или про себя, мальчишка начал одеваться.

— Доспехи... — начал он.

— Да, — отрезал Эйно́р...

...Снаружи была темнотища. Гарав почти врезался в кого-то и схватился за меч, но сообразил, что этот тот старый пень, шаман, терпеливо ждавший возле шалаша. Старик посторонился, что-то прошамкал, прошуршал амулетами в волосах и на поясе. Мальчишка стал седлать коней. Они вели себя странно — как будто чем-то были напуганы... или и правда были? А шаман пялился в спину мальчишки, и Гарав даже пару раз передёрнул плечами, а потом даже перевёл дух, когда услышал сухое шуршание металла — из шалаша выбирались Эйно́р и Фереди́р с вещами.

— Оседлал? — спросил Эйно́р (его шлем тоже тащил Фереди́р).

— Готово, — кивнул Гарав, придерживая стремя Фиона.

— Коней поведём в поводу, — сказал рыцарь. — И держите их крепче. Если взбесятся — погибнут... Веди, Эйно-Мэйи.

⁶¹ Стихи барда Тэм Гринхилл.

Глава 19, короткая, в которой выясняется, что такое «не везёт» и куда это «не везёт» может завести

Шли долго. Гарав всматривался в темноту и понимал, что неплохо видит в темноте — за ним и раньше такое замечалось, но сейчас зрение стало острее. Казалось, что по сторонам нет-нет да и промелькнёт такое, на что и смотреть-то не хотелось...

...Около каменной плиты старый шаман остановился и как-то весь осел. Сказал хрипло:

— Я жалею теперь, что взялся помогать тебе, Эйно́р сын Иолфа. Тяжело быть зерном в зернотёрке — сколько ни кричи, просыпешься мукой и будешь съеден; и не всё ли равно, кем?

— Мы уедем прямо отсюда, — сказал Эйно́р на адунайке. — Говори на нашем языке, мои оруженосцы должны понимать.

— Что тут понимать? — старик тем не менее перешёл на адунайк. — Они всё объяснят. Между елями струились серые тени с алыми парными точками глаз. Три тени. Судя по тому, на какой высоте глаза были от земли — существа были размером с телёнка.

— Гауры, — сказал Фереди́р. Звякнула сталь. Гарав почувствовал, как волосы на голове поднимаются дыбом — он отчётливо вспомнил тех тварей, огромных волков с искажёнными душами разумных существ, которые служили «конями» для орков Ангмара.

— Не трогать мечи, — сказал Эйно́р. — Держите коней. Только держите коней.

Кони хрипели и переступали с ноги на ногу — даже Фион. Гарав провёл рукой по шкуре Хсана — на перчатке остался остро пахнущий пот. Оруженосцы вцепились в поводья, сами вздрагивая, почти как кони, и неотрывно глядя на перемещение теней.

Из-за елей донёсся вой — негромкий, тонкий и какой-то дрожащий, плаксиво-жалобный. Тени приблизились, и старый шаман, оттолкнувшись посохом, взлетел на камень. Повыше, как взлетает на крышу испуганный кот.

— Старый скот, — процедил Эйно́р, стоя неподвижно между остальными и гаурами, которые вышли из-за деревьев. — Их трое.

— Я звал одного! — откликнулся шаман. — Но я тебе говорил, рыцарь! Я говорил! Они его не отпустили одного, они умеют думать, не под стать тебе!

— Говорил... — Эйно́р повернул Калан Айар. — Хорошо. Пусть трое.

Он глубоко вздохнул и вдруг позвал:

— Тарланк! Тарланк сын Миндара, брат мой, нуменорец!

Ответом было тройное рычание. Странно разумное, насмешливое. Гауры шли через узкую сырую прогалину — один в центре, два других расходились на края, как бы охватывая Эйно́ра, беря в кольцо.

Кони закидывали головы и плясали на месте. Мальчишки висели на поводьях; Гарав не сказал бы за Фереди́ра, но им самим овладевало сильнейшее, слепое желание — вскочить на Хсана и мчаться прочь, пока не утихнет сзади это сиплое горловое «уррррррррррррррррррррр...». Гарав видел глаза Фереди́ра — то ли азартные, то ли испуганные, то ли всё вместе...

— Тарланк! — крикнул снова Эйно́р, и мальчишки увидели, как его волосы раскидал на два тёмных крыла невесть откуда рванувшийся ветер. — Тарланк!! Тарланк!!! — Голос нуменорца стал похож на пение боевой трубы — и голубым светом брызнуло из его вскинутой руки в кроны елей, в невидимое небо над ними.

Гауры припали на брюхо — два из трёх, рыча с подвизгом. Третий — или первый скорей, потому что самый большой, — тяжело дыша, пошёл к Эйно́ру на прямых, словно деревянных лапах. Подошёл вплотную и поднял голову — до этого бессильно болтавшуюся. Два других гаура зло рычали, стоя на месте.

Алой молнией сверкнул Бар.

Гауры — словно их спустили с привязей — бросились прочь, в чашу. А Эйно́р встал на колено возле обезглавленного тела, всё ещё подёргивавшего лапами.

— Прощай, Тарланк, — рыцарь сказал это тихо, но слова его прокатились через прогалину, как гулкие свинцовые шары по каменному жёлобу. Он повёл рукой — и замершее наконец тело гаура вспыхнуло, словно пропитанное бензином чучело.

Слезший вниз старый шаман, что-то бормоча и напевая, поднял отрубленную голову зверя.

— Теперь доволен, таркан? — спросил он. Эйно́р кивнул, несколько раз вонзив меч в землю:

— Долг выплачен. Мы уезжаем немедленно; ни тебе, ни твоему народу не будет худа.

— Что б вы все провалились сквозь землю, — изрёк доброе пожелание шаман и заковылял в чашу, унося голову.

Рыцарь тяжело подошёл к замершим на месте оруженосцам — они вцепились в поводья мгновенно успокоившихся коней с такой силой, что Эйно́ру пришлось забирать повод у Фереди́ра силой. Нуменорец забрался — не сел, а именно тяжеломерно, непохоже на себя, забрался в седло и командовал:

— Ехать точно за мной. К утру мы должны быть далеко отсюда. Как можно дальше.

* * *

Серый рассвет застал всех троих на длинной прогалине, оставленной в незапамятные времена пожаром и с тех пор так и не заросшей почему-то. Над прогалиной висело низкое серое небо, сеялся мелкий частый дождь. Кони — словно проскакали сутки кряду — еле плелись, опустив головы.

— Я не знаю, куда мы едем, — вдруг сказал Эйно́р. И остановил коня.

Оруженосцы подъехали, встали по бокам. Фереди́р тихо спросил:

— Что значит — не знаешь?

— Всего лишь то, что я этого не знаю, — спокойно пояснил Эйно́р.

— Это... — Фереди́р помедлил. — Это ОН?

— Это ОН, — кивнул рыцарь и сел удобнее. — Я надеялся, что он не успеет понять... определить... Ошибся.

— Что будет? — спросил Фереди́р. Гарав молчал, но чувствовал, как воздух промокает от страха — от его собственного страха. И от понимания, что приближается — не очень спеша и неотвратно — что? Что-то страшное.

— Вы поедете дальше, — неожиданно ласково сказал Эйно́р. — Не мотай головой, Фереди́р, — голос на миг снова построжал. — Вы поедете дальше. Доберётесь и всё расскажете, о чём будут спрашивать. И обо мне расскажете — всем, кто спросит. И будете жить. Я...

Эйно́р не договорил. Кони вдруг с визгом и стоном встали на дыбы. Все три сразу. Затанцевали, крича и дёргаясь, словно под страшной пыткой, мгновенно покрылись густой пеной.

Гарав не удержался в седле. Был полёт, удар — и темнота.

Глава 20, в которой Гарав спрашивают: «Ну что, сынку? Помогли тебе твои эльфы?» — и он не знает, что ответить...

Гарав очнулся от холода. Это был странный, каменный холод, так что, ещё не совсем придя в себя, мальчишка вяло удивился этому. И открыл глаза.

Он был в каменном кубике. Два на два на два метра, не больше. Пол — две подогнанные плиты. Потолок — две. Три стены — по две, в четвёртой прорублено маленькое окошко без стекла или прутьев. Двери нет. В двух углах — две небольшие

деревянные бадьи.

Камера.

Осознав это, Гарав обмер. Окоченел, стал частью гранитного пола — без мыслей, мысли вышибло из головы. Потом медленно, рывками какими-то, вспомнил всё, что было. Полёт... удар... темнота...

Но было перед этим ещё одно. Неподвижная чёрная фигура в дальнем конце той мокрой прогалины — всадник, поднявший руку, похожий на статую чёрного камня...

«Хана», — подумал Гарав. В рот хлынула кислая слюна, и мальчишка снова потерял сознание.

Очнулся он опять быстро. Лежал, как кусок теста — расслабленный и не способный ни к малейшим действиям.

Плен. Он опять в плену — но на этот раз не у орков, а там, у того существа, о котором Эйно́р говорил с ненавистью и опаской. На место только что гулко ликовавшей в голове пустоты хлынула ужасная мешанина — слова, фразы, образы, обрывки и просто междометья. Живот скрутило невыносимой болью, Гарав застонал и скрючился, обнаружив только теперь, что лежит голый. Ну правильно, обыскали и отняли всё...

...всё... всё... всё кончилось. И кончилось страшно, сомнений в этом не было... а главное — то, что всё кончилось, не означало, что это — конец. До конца, скорее всего, оставалось ещё очень долго. И это долго будет непростым.

Захотелось зареветь. Громко и безутешно. Гарав не сделал этого только от неожиданно трезвого осознания взрослой мысли: не поможет. Теперь, похоже, вообще ничего не поможет.

Вновь накатило. Только теперь это был не ужас, а выматывающая тоска. Как в опере «Юнона и Авось» — «ниже горла высасывает ключицы». Пашка раньше не понимал этих слов. А теперь... Гарав теперь понял.

Никто ведь ничего и не узнает. Он вцепился зубами в правое запястье, всхлипнул...

...Мальчишкам редко хочется жить. Они просто живут, и всё — потому что жизнь впереди бесконечна. И их оглушает понимание того, что они тоже могут умереть. Не когда-то там, в неизвестной дали, а — сейчас. Как правило, они не верят в это до конца, поэтому нередко умирают очень мужественно. Не столько от смелости, сколько от неверия в возможность гибели.

«Меня будут пытаться, — неожиданно спокойно подумал Гарав. — Я почти ничего не знаю, но ведь даже этого рассказывать нельзя. Но я не выдержу, я раскисну и начну говорить. Потом меня всё равно убьют. Что делать?»

Он сел, вжался в угол, обнимая колени. Его начало трясти — от каменного холода и страха. Внутри всё противно сжималось и ухало, обрывалось — хорошо, что живот отпустило. «Может, сейчас умру? — с надеждой подумал мальчишка. Но он был здоровым и крепким; такие не умирают от страха. А это значило, что его хватит надолго. Гарав зажмурился до боли в глазах, до шума и радужных пятен. — Надо умереть. Самому. Как?»

Он открыл глаза, огляделся. Совершенно спокойно, почти даже без волнения. Гарав. Не Пашка. И Гарав мог много такого, чего не мог — нет, на что не мог решиться — Пашка.

Броситься на охрану, когда придут? Нет. Там, конечно, опытный народ, они просто не дадут ничего с собой сделать.

«Я не могу быть предателем, — подумал мальчишка. — Я не имею права быть предателем. Я клятву дал».

И эта мысль неожиданно придала ему мужества. Он встал в рост; за окошком со всех сторон было только хмурое небо, как ни изворачивайся. А хотелось увидеть зелень. Деревья. И чтобы солнышко было.

Гарав пригнулся. Отвёл голову. Облизнул губы.

И изо всех сил, не сдерживая себя, ударился виском об угол узкого подоконника.

— Нелепо.

Всхлипывая от пережитого напряжения, Гарав приподнялся с пола. Неверяще посмотрел на подоконник.

— Но как же... — пробормотал он. Ощупал висок. Снова посмотрел на подоконник... и сообразил, что в комнатке он не один. Каменные плиты в стене, противоположной окну, успели разъехаться, за ними виден был чёрный коридор, в котором большие факелы на стенах выхватывали из этого мрака шевелящиеся пятна каменной кладки стен.

— Нелепо, — повторил вошедший человек. Высокий, немолодой... но и не старый, не понять, какого возраста. Длинные седые волосы, на них — чёрная корона без украшений... вроде бы железная. Костистое суровое лицо с ястребиным носом и тонкими губами широкого рта, глубоко сидящие серые глаза. Тугая черная кожа — высокие перчатки, поддоспешная куртка, штаны для верховой езды, сапоги со шпорами — золотыми, яркими. Чёрный длинный плащ с откинутым на спину глубоким капюшоном. На поясе — на косых перевязях — длинные меч и кинжал. Ещё одно яркое пятно — кольцо на левой руке, на безымянном пальце. Кольцо с большим камнем, густо-фиолетовым. — Ну пробил бы ты себе голову. И что дальше? — Воин сделал ещё два шага к Гараву, тот вскинул голову и хотел встать... но вместо этого отодвинулся к окну и сжался. — В объятья Намо; а оттуда — в жадную пасть Эру? Да и не отпустил бы я тебя отсюда. Сделал бы своим посыльным... ну, например, в теле летучей мыши. Как тебе такое посмертие?

Гарав обхватил себя руками за плечи и подтянул колени к подбородку. Сил посмотреть на вошедшего не было никаких, а комнату отчётливо наполнил ледяной холод. Как будто он снова сидел в пещере, а снаружи шёл снег...

— Как тебя зовут? — Воин присел рядом на корточки и взял мальчишку за подбородок. Не сильно, не грубо — просто чтобы приподнять голову. Но, когда Гарав попытался сопротивляться, из пальцев в челюсть и в язык, а оттуда — в мозг ударили безжалостные тонкие ледяные иглы. Боль была такая, что мальчишка ослеп, а когда продышался, в его глаза смотрели серые спокойные глаза воина.

— Гарав, — хрипло сказал Гарав. И мельком подумал — нет, не просто подумал, а подумал где-то за страхом, — что это всё-таки не настоящее его имя, и...

— Сын?... — продолжил воин, ожидая услышать имя отца Гарав. Гарав мотнул головой:

— Просто Гарав.

— Ты бастард? — В голосе воина не было презрения, насмешки или осуждения. Даже интереса особого не было. Гарав пожал плечами. И тут же боль повторилась — слепящая, а крикнуть что-то не давало, и от этого она становилась сильнее.

— Отвечай словами и сразу, — сказал воин. — Иначе я буду тебя вот так наказывать снова и снова. Понял?

— Да, — поспешно сказал Гарав, не шевелясь.

— Ты бастард?

— Не знаю...

— Откуда ты родом?

— Я... с востока, — быстро ответил Гарав. Ведь Россия — тоже восток... Он ожидал боли за ложь... но нет. Боли не было, был следующий вопрос:

— Как ты попал в оруженосцы к этому нуменорцу?

— Меня взяли в плен орки и перепродали... я убежал с дороги на строительство укреплений... — Мальчишка шевелил только губами и даже не делал попыток отвести глаза от взгляда воина, мечтая только об одном — чтобы не повторялась боль. — Эйно́р подобрал меня по пути...

— Подбрал? — Тонкие губы усмехнулись. — Ты северянин или йотеод?

— Сев... — Гарав глотнул, — северянин.

— Зачем Эйно́р ехал сюда? — был следующий вопрос. Гарав промедлил секунду — и

был наказан новой вспышкой боли. На этот раз ему дали крикнуть, и, закончив стонать от боли, мальчишка одышливо ответил:

— Я... не знаю. Он не говорил. Ни мне, ни Фередиру... не надо больше, пожалуйста! — Это он крикнул по-русски. Странно, но незнакомый язык не удивил воина и даже не привлёк его внимания.

— Куда именно он ехал? — продолжал спрашивать воин. — Этого ты не мог не знать.

— Не знаю, — отчаянно прошептал мальчишка...

...На этот раз боль пришла серией вспышек, которые били в мозг и оттуда разлетались зазубренными прутьями через кости и мышцы до кончиков пальцев рук и ног — раз-два-три-пауза-раз-два-три-пауза-раз-два-три-четыре-пять-долгая пауза-раз-два-три-пауза-раз-два-три-пауза-раз-два-три-четыре-пять...

... — Ммммм...

Придя в себя, сквозь слёзы Гарав различил спокойное лицо.

— К истокам Грэма? — спросил воин. — Я правильно расслышал?

Расслышал что?!

Гарав понял, что прокричал эти слова — «к истокам Грэма» — во время приступа боли. Сам того не желая и не заметив.

— Да-а! — прорыдал Гарав, презирая себя... и с ужасом понимая: если так будет снова, он расскажет всё.

Врать нельзя. Но... но, может, удастся что-то скрыть?

Хотя — что скрывать-то? Всё уже... Губы воина шевельнулись, и мальчишка закричал в ужасе, захлёбываясь словами и давясь:

— Я ничего не знаю больше!!! Я ничего больше!!! Я ничего-о-о-о!!! Не надо больше!!!

Пальцы разжались, и мальчишка повалился на пол, как будто был сделан из тряпок. Тупо смотрел, как перед лицом туда-сюда прошлись сапоги — шпоры позвякивали. Остановились.

— Ты давал клятву Эйнору? — послышался ровный голос.

— Да-а-а-а... — прорыдал Гарав. Он и правда вспомнил это только сейчас — и от ужаса и стыда перед тем, что сделал, тонко взвыл и вскинул ладони к лицу.

— По законам Кардолана преступивших клятву казнят мечом, — сообщил воин.

— Кто ты?! — выкрикнул Гарав, отрывая руки от лица. — Ты кто?!

— Я Ангмар, — был ответ.⁶²

Гарав открыл рот и замолчал. Неверяще смотрел на воина — бегал по нему глазами, словно искал признаки явного сатанизма. Ангмар усмехнулся и спросил:

— Ну и что с тобой делать? Может, и правда убить, а душу подарить какому-нибудь драгазхару?

Гарав молчал. Ему почти не было страшно. Смысла бояться или отвечать не было. Ясно же, что с ним сделают всё что угодно, и его мыслей и желаний никто не примет в расчёт...

⁶² Вообще говоря, мне удалось разыскать среди опубликованных записей Профессора и его сына Кристофера упоминание о том, что Главный Кольценосец (а Ангмаром правил именно он) — это Чёрный Нуменорец, в прошлом — нардубар королевского флота Нуменора, и имя его неизвестно. Правда, Н. Некрасова в своём очень неплохом апокрифе «Великая Игра» говорит, что Первый Кольценосец — принц Нуменора Эльдарион, дальний родич короля Тар-Кириатана. Но в другом месте, причём у Профессора, совершенно чётко сказано, что «королевство Ангмар было названо по имени его правителя». Я питаю глубокую неприязнь к семитическим языкам и семитическим именам (а Профессору они нравились, увы...), поэтому «нардубар» у меня ну никак не вяжется с тем «бледным высоким королём», которым он предстаёт со страниц Трилогии. (Так и видится что-то кривоногое, волосато-носатое и хитро-подлое, но ничуть не грозное и не ужасно-притягательное в своём Уходе Под Зло.) А Эльдарион — хорошо, конечно... но уж слишком ДОБРОЕ имя, если читатель поймёт, о чём я... Потому я и решил сделать Чёрного Короля окончательно Ангмаром. Века прошли, ну взял он себе новое имя... Хозяин — барин. А прикинув годы туда-сюда, я пришёл к выводу, что, скорее всего, родился он в правление Тар-Телеммайте... В общем, как есть, так и есть! Но я еще хочу отметить — Дж. Р. Р. ЗРЯ нянькался со всеми этими «китабдахами», «баха китабами» и прочими «баликами». Не «ложаться» они на внешний вид и обычаи нуменорцев! Никак.

— Я спросил, — напомнил Ангмар.

— Мне всё равно... — прошептал мальчишка.

— Ну, это сейчас тебе всё равно, — возразил Ангмар. — А потом будет очень даже не всё равно. Я могу ведь оставить тебе человеческую память. А могу и быть милосердным — отнять её. А могу быть и совсем милосердным — оставить тебе и твоё тело, и память, и ещё немало лет жизни... Скажи, ты правда хотел покончить с собой?

— Да, — горько сказал Гарав. И поморщился: на полминуты бы раньше! И ничего бы не было сейчас... «А ведь это только начало, — с ужасом подумал мальчишка. — Теперь я всю жизнь буду думать про то, как предал. И искать оправдания. И не находить». И у него вырвалось: — А просто убить... не можешь? Я всё равно больше не нужен тебе. Ну так убей...

— Я не настолько добр, — серьёзно ответил Ангмар.

Гарав посмотрел на него. Глаза короля больше не притягивали и не спрашивали, они были обычными человеческими глазами.

— Но я, пожалуй, выполню твою просьбу.

Гарав перевёл дух. Ну вот и всё. И даже не страшно. Потому что по крайней мере там точно нет памяти.

— Выполню, если ты мне сможешь объяснить, с чего это ты так захотел умереть? — продолжал Ангмар.

— А ты? — горько спросил мальчишка. — Если бы ты... предал? Ты бы хотел жить после этого?

Король задумался. Сказал медленно:

— Знаешь... это интересный вопрос. Я плохо помню времена, когда мне было столько лет, сколько тебе.

Гарав удивлённо моргнул. И вдруг хихикнул.

— Представил меня мальчишкой? — угадал Ангмар. — И тем не менее. Хотя это было по человеческому счёту почти четыре тысячи лет назад. Я родился в Нуменоре в правление Тар-Телеммайте. И тоже изменил клятве, которую давал. Правда, не из страха боли, а от жажды силы и власти. Да и был я уже зрелым человеком в не малом чине... — Он опять прошёлся по комнатке и резко остановился, повернулся к мальчишке, по-прежнему следившему за ним с пола. — Может быть, ты передумашь умирать, если я предложу тебе службу — службу мне?

Гарав молча, недоумённо смотрел на Короля-Чародея. Тот спокойно ждал. Наконец мальчишка неожиданно хладнокровно сказал:

— Я предал один раз. Ты уверен, что не предаю второй?

— Предать можно только то, во что не веришь, — ответил Ангмар. — То, во что верят, не предают. А я постараюсь дать тебе веру, Гарав.

— Ве... ру? — кашлянул Гарав, вновь теряя хладнокровие.

— Конечно, — сказал Ангмар. — Ведь до сих пор у тебя не было веры, мальчик. Ты просто поехал с теми, кто тебя спас. Это понятно. Но что стоит за ними и что за мной — ты не знал, не знаешь и не задумываешься.

— Почему же, — Гарав повёл плечами. — Орки очень доходчиво мне это объяснили...

— Орки, — хмыкнул Ангмар. Очень по-человечески. — Я не предлагаю тебе служить оркам. Если уж ты не хочешь служить злу, — иронично выделил он это слово, — служи Руэте Рудаурскому. Он не орк и не слуга зла.

«Он твой слуга», — подумал Гарав. Осторожно подумал. Но с другой-то стороны... А что делать?

— Лучше убей меня, — прошептал он, опуская глаза.

— Да зачем? — Ангмар снова прошёлся. — Нарушил клятву? Ты клялся человеку, а не делу. Ты поклялся псу нимри, понимаешь? Там, — он вытянул руку, — люди рабы. Рабы эльфов. Здесь, — он указал на пол, — истинная свобода. Разве ты видел те земли, из которых пришёл твой рыцарь? Может, ему там и неплохо — он нуменорец, а к ним эльфы

благоволят... до известного рубежа. Но люди твоей крови для эльфов — немногим больше животных. И ты будешь и дальше помогать нимри и их слугам поработать людей?!

— Но и ты... нуменорец... — пробормотал Гарав.

— Конечно. И я хорошо помню, какая судьба ждала мой остров, стоило лишь нам попытаться сделать шаг из-под опеки эльфов и их хозяев. Ты умеешь читать?

— Нет, — Гарав мотнул головой.

— Жаль... — Ангмар остановился. — Я пытал тебя? А думаешь, твой рыцарь и ему подобные мягче обходятся с захваченными в плен? Или думаешь — эльфы не пытаются пленных?

— Да не знаю я ничего про эльфов! — в отчаянье со слезами крикнул мальчишка. — Ну подождите! — Он пытался уцепиться за кончик хвостика ускользающей правоты. — Я же поклялся! Эйно́р — мой рыцарь! А Фередир — мой друг!

— Ты предал их, — напомнил Ангмар. — Если бы у тебя была вера — ты бы не предал.

— Мне просто было больно!!! — заорал Гарав, вскакивая и стискивая кулаки. — Мне было очень больно, и я не смог промолчать!

Ангмар засмеялся — холодным и негромким смехом. Он смеялся, а мальчишка ждал с ужасом — вот сейчас король со страшными пальцами заговорит снова... и против этих слов нечего будет возразить.

И Ангмар заговорил:

— Я даю тебе право выбирать. А твоим знакомым их господа такого права не дают. Уже поэтому я честней их. Подумай и скажи. Сейчас. Я подожду.

Мальчишка не сводил с высокой чёрной фигуры затравленного взгляда.

Он думал, что нашёл друзей. И предал их.

Он думал, что нашёл себе будущее. И оказалось, что обманул сам себя.

Он думал, что стал воином. И что?

Гарав спрятал лицо в руках и застыл так.

— Я... согласен... — выдал он. — Верните одежду...

— И оружие, — согласился Ангмар. — Тебе, конечно, ещё может прийти в голову фантазия попробовать убить меня, но я бессмертен, Гарав. Вставай, пошли.

Это была команда. Спокойная и уверенная.

Мальчишка поднялся. И, глядя в пол, пошел следом за Ангмаром. Даже не думая о том, что там, снаружи, могут быть люди... или холод... или что угодно.

Теперь не было разницы.

Глава 21, в которой Эйно́р обедает

Положив ногу на ногу, Эйно́р подцепил вилкой большой кусок мяса, приготовленный с дорогими южными специями (не Аганна ли, сволочь, привёз их? А ведь вопрос: как попадают сюда, в Ангмар, эти специи?), зажаренный снаружи до коричневой корочки, а в середине — нежно-розовый. Пища не была отравлена. Зачем, если он и так полностью во власти хозяина этого жуткого места — и все его попытки хоть что-то сделать гаснут, как удары мечом по тесту? Мясо с травами, свежий хлеб, отличное вино. Чего ещё желать гостю от радушного хозяина?

Меч у него не отняли. Ничего из вещей не отняли. Даже Калан Айар. Он просто-таки изумился, когда пришёл в себя у ворот Карн Дума и сообразил, что даже не связан. Да и камера, в которой сейчас обедал рыцарь, больше походила на хорошо обставленную комнату. Но сомнений не могло и быть — это и есть камера. Эйно́р ощущал, что вокруг всё буквально напичкано тем, что несведущими людьми принято называть «магия». Слойми. Как чешуя на рыбе. Тут лишнего шагу не шагнёшь — сразу что-нибудь случится.

Поэтому Эйно́р спокойно ел и запивал отлично приготовленное мясо хорошим вином. Вино, кстати, было откуда-то с его родины, старое. Внешне юноша был совершенно спокоен

— ни в поведении, ни в движениях, ни в выражении лица даже тенью не сквозило напряжение. Казалось, что он обедает в гостях у лучших друзей... или даже у себя дома.

Мозг Эйнора работал с бешеной скоростью. Он искал возможность даже не освободиться — просто варианты хоть каких-то действий, которые смогут врага лишить возможности воспользоваться его пленением, а главное — пленением мальчишек. Своих оруженосцев, которых он не видел с той самой лесной прогалины за несколько десятков лиг отсюда.

Гарав ничего не знает. И ничего не сможет сказать. Вообще ничего, кроме неважных мелочей. Его допросят и убьют. Или он умрёт во время допроса, если окажется упрям — либо если заподозрят, будто он что-то скрывает.

Щёлк, щёлкнула чёрная костяшка на счётах. Эйнор увидел её воочию — выточенную из тёмного оникса. Такие счёты были у Нарака. Щёлк, минус один.

Фередир. Фередир знает больше. Намного. Но тоже ничего важного. Обрывки и кусочки. И кроме того, Фередир умрёт во время допроса — молча умрёт.

Щёлк, покатила по серебряному прутку вторая костяшка. Щёлк, минус два.

Вообще-то ужасно вот так сидеть и оценивать чужую смерть — смерть тех, кто тебе доверился и служил. Радует только, что речь идёт и о своей смерти тоже.

Кому достанется Фион? Конь не будет своей волей носить никого чужого... но нуменорец-морэдайн, пожалуй, сумеет укротить жеребца. Хотя бы он оказался хорошим хозяином, этот неведомый дальний родич.

Щёлк, минус три.

Эйнор налил себе ещё вина и стал наклонять бокал, тихо прокатывая густую тёмную жидкость по его краю и напевая:

Вот всё, что я знал о судьбах певцов,
Настанет мой час, закрою глаза,
И в мире ином мы встретимся вновь,
Так пой же со мной, ожидая рассвет.
Пой вместе со мной.
Грядущий день нас прочь уведёт
За окоём,
Никто не узнает наших имён,
Но песни будут звучать.
Грядущий день надежду несёт,
Пусть песня огнём
Греет сердца,
Пусть гонит боль и страх.
Старинный напев навек сохранит
Память о павшем в неравном бою,
Но закончились песни, пора уходить.
Многих ты встретишь, но имя певца
Никто не спросит.
Грядущий день нас прочь уведёт
За окоём,
Никто не узнает наших имён,
Но песни будут звучать.
Цель так близка, встретим свой рок,
Ты не одинок.
Без страха иди сквозь тьму и холод,
Ведь песни будут звучать,

Три мраморных плиты в фамильном кургане. Или две? Хоть бы артедайнцы передали на родину весть о том, что он взял служить Гарава. Обидно будет, обмани он мальчишку в такой малости.

Ведь ничего другого для него уже не будет.

Ни для кого из них троих не будет.

Дверь открылась и закрылась бесшумно, и вошедший тоже был бесшумен, но Эйнору не нужно было слушать или смотреть, чтобы понять, кто вошёл. Вино, оставшееся на стенках бокала, замёрзло розоватой паутинкой струек. Эйно́р отхлебнул — и без того холодное, оно сделалось похожим на только что взятое с ледника. Вкусное... Золото бокала студило пальцы так, что кончики их онемели — и Эйно́р поставил бокал на гладкую поверхность стола.

— Кто привозит тебе вино с юга, открой тайну, Ангмар ничей сын? — спросил Эйно́р, не оборачиваясь.

Он, конечно, угадал.

Чёрный Король сел напротив в кресло с высокой спинкой. Раньше Эйно́р никогда не видел его и удивлённо отметил, что Ангмар выглядит просто как уже немолодой, но опытный и сильный воин-нуменорец чистейших кровей. На миг рыцарю даже стало неудобно за насмешливо-фамильярный тон — как будто он и впрямь оскорбил намного более старшего и мудрого человека в его собственном доме — в благодарность за щедрое гостеприимство...

— Торговцы, Эйно́р сын Иолфа, рыцарь Кардолана и воспитанник князя Нарака, — ответил он на немного архаичном адунайке. — Торговцы привозят и вино, и специи. Надоедливые, как мухи на куче навоза.

— Куча навоза — ты это об Ангмаре? — невинно спросил Эйно́р, вытягивая ноги и кладя их одну на другую. Синонимичность названия королевства и имени короля удваивала оскорбление.

— Дай им волю — они превратят в кучу навоза весь мир, — невозмутимо сказал Ангмар и точно так же вытянул ноги. — Тебе никогда не казалось, что самое страшное зло мира — не Гобайн Саур, а именно торговцы?

— Ты считаешь Тху злом? — Эйно́р удивился, но вновь намеренно употребил это слово: «Вонючка» в адрес Саурана.

— Конечно... — Ангмар тоже удивился, и удивление не было фальшивым ни на ноготь. — А что, по-твоему, он добро?

Эйно́р беспомощно передвинул по столу бокал. Он не знал, что сказать. Ангмар молчал спокойно и доброжелательно.

— Отпусти мальчишек, — попросил Эйно́р неожиданно для себя. — Они младшие люди, зачем им нуменорские счёты?

— Я прикажу их привести сюда, — сказал Ангмар, — и посадить на колья вон в тех углах. Там и там. — Палец в чёрной перчатке со странным кольцом указал на углы, и Эйно́р невольно посмотрел туда. — Сначала одного, потом другого. А ты, если не хочешь этого, мне расскажешь, зачем Нарак послал тебя на север — встречаться с Тарланком, которого ты так удачно отпустил.

— Я ничего не скажу, — ответил Эйно́р.

— Тебе всё равно? — Ангмар переложил ноги, устроил руки на длинных резных подлокотниках кресла.

— Нет, но есть вещи, которые дороже наших жизней. И моей, и их. Намного. Так что убивать их бессмысленно, я буду молчать, даже если твои орки снимут с них кожу на моих

⁶³ Песенный текст группы «Громовник».

глазах.

— А тебя? — с интересом уточнил Ангмар. — Если я прикажу посадить на кол тебя? А их буду спрашивать?

— Они ничего не знают всё равно, — усмехнулся Эйно́р и допил вино. — Не знают и потому не скажут. Я — знаю... и я не скажу, даже если ты велишь зажарить меня на медленном огне.

При мысли об этом кожа стала липкой от холодного пота. Но Эйно́р усмехался и крутил в пальцах бокал.

— Но, может быть, передумаете ты сам? — поинтересовался Ангмар. — Пока ещё не поздно? Я ведь могу допросить тебя потом, когда твоя душа будет в моём распоряжении.

Эйно́р опять замолчал ненадолго. И с прорвавшейся тоской сказал:

— Может быть, хватит говорить? Слова ничего не изменят.

— Почему бы и не поговорить? — возразил Ангмар. — Здесь, на севере, всего три десятка нуменорцев. Редкостно скучно. Но я не разговариваю, я задаю тебе вопрос, Эйно́р. Вопрос: ты будешь говорить? И второй вопрос: ты встанешь под моё знамя? Под моё. Не Сау́рона. Если скажешь «да» на второй вопрос — на первый можешь не отвечать.

Эйно́р постучал костяшками пальцев по дереву стола. Провёл ладонью над полированной поверхностью — ладонь отразилась, как в тёмном озере.

— Кем ты был в Нуменоре? — спросил он в упор. — Ты же видел его. Кем ты был?

— Нуменором, — Ангмар вдруг улыбнулся. — Восхитительное чувство, юноша. Сейчас этого уже никому из людей не дано — ощущать себя частью такого.

— Он был красив? — Ангмар наклонил голову. — Ты видел Менельтарму?

— Да... — Голос Ангмара стал тихим и прозрачным, как зимняя дымка.

— А я нет, — сказал Эйно́р и допил вино. — Ты видел и всё-таки предал. А я не видел, но я никогда не предаю.

Ангмар молчал. Он молчал долго. Очень долго. Несколько минут молчал, и Эйно́р, смотревший в стол, знал, что Ангмар разглядывает его. Чувствовал, как чувствуют вцепившиеся в горло пальцы. Потом король встал, и Эйно́ра швырнуло в стену, подняв с кресла — как швыряют надоевшую игрушку злые дети. От удара у рыцаря помутилось в глазах... а когда он смог начать дышать, то увидел, что руки до локтей и ноги до колен поглощены камнем. Словно он расплавился без жара и охватил притиснутого к стене юношу.

— Не бойся, — сказал Ангмар, стоя возле стола. — Ты не умрёшь ни от голода, ни от жажды, об этом позаботятся. И уморить себя ты не сможешь тоже, и за этим присмотрят. Живи, Эйно́р сын Иолфа. Мне не нужны смешные тайны — твои, твоего дурака-князя и даже тайны... Арвелега! — Это слово Ангмар будто выплюнул. — В следующий раз я зайду сюда через год-другой, чтобы посмотреть, во что ты превратился... и подробно рассказать и, может быть, показать тебе, как я разделался с Артедайном и Кардоланом. И как прикончил род Элендила. На корню. А потом — если очень попросишь — я тебя убью. Может быть.

Какое-то время Ангмар с задумчивой полуулыбкой наблюдал, как потерявший-таки самообладание юноша с перекошенным лицом рвётся из каменных тисков — молча, только на лбу и шее под тонкой «благородной» кожей вздулись вены, да лопнула по швам на взбугрившихся мышцами плечах кожаная куртка.

Потом вышел, не оглядываясь — дверь сама открылась перед Ангмаром, а когда захлопнулась — с отчётливым стуком, — в комнате погас свет.

Эйно́р остался в полной темноте. В самом её сердце. Он даже слышал его биение — рваное и отчётливое.

И не сразу сообразил, что это бьётся где-то в горле его собственное сердце.

Глава 22, в которой Фередир не видит выбора, а Гарав его делает

С того самого момента, когда вернулось сознание, Фередир развлекался тем, что

поливал бранью на двух языках своих конвоиров, ехавших по сторонам телеги, к бортам которой мальчишка был привязан за руки и ноги. Конвоиров было шестеро. Пятеро вастаков и рыжий холмовик. Верхами.

Как они попали к стенам Карн Дума, Фередир не помнил. Он косил через плечо на медленно наплывающие стены, башни и здания, громоздящиеся по склонам горных отрогов, и ругался. Неспешно, вдумчиво.

От ругани было не так страшно самому. И это хоть как-то уязвляло конвоиров. Фередир очень надеялся, что вастаки знают хотя бы талиска — ведь они живут тут рядом с холмовиками. Весь запас самых поганных слов, которые только имелись в памяти, и всё своё умение их складывать в предложения Фередир бросил в бой. Подробно осветив родословную конвоиров и процесс их зачатия, а также реакцию отцов на появление на свет такого, Фередир вдохновенно обратился к нелёгким, наполненным разнообразными испытаниями детству и отрочеству врагов. Особое место он уделил их взаимоотношениям с овцами, козами, самцами самых вонючих свиней и не менее вонючими старшими родственниками обоего пола. Потом настал черёд мучительной во всех отношениях, полной разочарований зрелости... и холмовик, подъехав ближе, врезал мальчишке ногой в пах.

— Придержи язык, — процедил он. — Тем более что вастаки не понимают ни талиска, ни вашего клятого адунайка.

Фередир не сразу понял смысл слов — вообще-то ему казалось, что сапог рыжего прошёл куда-то в район живота, по пути оставив лопнувшие ошмётки всего хозяйства. Верёвки мешали сделать даже самую естественную вещь — согнуться, чтобы уменьшить боль. А закричать, как настойчиво диктовало тело, мешала гордость.

Переведя дух, Фередир переключился на одного холмовика. Выяснил, каковы его дела с женщинами и высказал надежду, что один из достойных мужей, что едут рядом, особенно вон тот плоскомордый красавец, у которого изо рта несёт так, что даже в телеге чувствуется, наконец ответит взаимностью на страсть рыжего борова. Как раз на многословном и тщательно проработанном описании того, как это будет происходить, телега с конвоем въехала в ворота Карн Дума — под арку чёрного гранита.

Фередир не знал, где Гарав и Эйно и что с ними. Но в своей участи он не сомневался и понимал: она будет ужасной, и смерть продлится не один день. Поэтому, когда телега загроыхала по булыжной мостовой, мальчишка умолк. Сил ругаться не осталось, да и вообще — вплотную подобрался страх. Он был унижительный и дрожкий. И конвоиры заметили это.

— Меня зовут Соваль, — сказал рыжий, чуть наклоняясь с седла. — И допрашивать тебя буду я. Обещаю, что тебе будет не просто больно... в общем, увидишь. Но возможность выкарабкаться у тебя будет — и это обещаю уже не я, а Повелитель. Так что думай. А ругань я тебе прощаю. Что толку злиться на мертвецов?

На этот раз Фередир смолчал. Он вздрагивал и изо всех сил старался, чтобы это не было заметно. Года полтора назад оруженосец видел в пыточной камере Зимры орудия пытки. Их применяли редко — преступников казнили без мучений, с пленными врагами обходились достойно; инструменты требовались, чтобы развязывать языки предателям и лазутчикам. Но они были, и невысокий седоватый палач — тихий и спокойный, аккуратно одетый человек, в котором явственно прослеживалась кровь жителей плавней, — без особых эмоций объяснил ждавшему своего рыцаря мальчишке, что для чего нужно. Фередир слушал тогда с жутковатым интересом. Но не более того. Он никак не примерял всё увиденное к своей жизни или смерти — жизни и смерти воина.

Теперь память отчётливо обрисовывала те инструменты и подсказывала их назначение.

В конце пустынной улицы был поворот — и конвой оказался в узком длинном двореке, над которым висела — кривая, что ли? — башня с некрасивой плоской вершиной без зубцов. Во двореке никого не было. Только за открытой дверью в дальнем конце шевелилась темнота.

— Приехали, — сказал Соваль, соскакивая на мостовую. И что-то добавил на чужом

языке.

Вастаки, тоже спешившись, развязали Фередира, навалились кучей и начали стаскивать с него одежду...

...Соваль принялся бить Фередира ещё на лестнице в подвал.

Первый же удар был по почкам — с обеих сторон рёбрами ладоней. Связанные у лопаток руки не давали шансов защититься, и от боли у Фередира всё оборвалось внутри. Он с трудом удержался на ногах и громко втянул воздух, запрокинув голову. Хрипло спросил, делая следующий шаг:

— Бьёшь связанного?

Второй удар был таким же. Самое мерзкое, что Фередир СОВСЕМ не мог защититься, и когда отошёл от боли, то обнаружил, что лежит на полу. По лицу из носа текла кровь.

Соваль замахнулся ногой, и Фередир против воли сжался в комок. Соваль не ударил, следя, как Фередир с трудом встаёт. Только тогда последовал ещё один удар — кулаком под дых, и мальчишка рухнул на колени, чтобы получить ещё — коленом в лицо. Фередир успел подставить щёку, и она лопнула изнутри, в рот потекло солёное.

— Ещё будешь бить? — спросил Фередир, всё-таки поднимаясь. Выплюнул струйку крови на пол — был соблазн на ноги Совалья... — Нет? Пошли тогда. Куда угодно, лишь бы тебя не видеть.

Фередир врал. С каждым шагом становилась ближе камера пыток (из её двери падали отсветы огня и слышался шум), и с каждым шагом ноги делались всё больше похожими на два ватных мешка, а в ушах всё громче колотила кровь. «Не надо, — отчаянно думал Фередир. — Ну не надо же. Ну как же так, не надо, не надо, не надо...»

Ухххх.

Мимо. К последней двери в освещённом факелами коридоре.

От облегчения Фередир расслабился так, что лишь в последний момент удержал на месте мочу. Телу сделалось жарко, пот хлынул ручьём. Соваль негромко хмыкнул, и Фередир понял: тот заметил сильнейшее облегчение оруженосца.

В открытую дверь Фередир влетел — влетел от сильнейшего пинка. С шумом рухнул в воду, в ужасе забарахтался и чуть не захлебнулся, хотя тут было примерно по бёдра. Потом с трудом встал — сердце прыгало в горле, кашель от залившейся воды раздирал нос.

Вода была холодной. Фередир ничего не видел — совсем ничего, ни единой чёрточки. Мальчишкой овладел ледяной иррациональный страх — ему казалось, что он стоит на краю пропасти; шаг — и всё. Именно поэтому Фередир шаг сделал.

Страх отступил, но отчаянье осталось. Фередир брёл по воде, пока не наткнулся на стену плечом. Стена была холодная и мокрая. Ведя по ней телом, мальчишка добрался до ступенек, влез на них (только верхняя была не в воде) и потолкался плечом. Бессмысленно... Дрожа, он спустился обратно, дошёл до второй двери.

Та же история.

Фередир сел, поджав ноги, на камень. Запястья у него онемели совсем, от них до плеч руки тянула тупая сильная боль. Он начал крутить руки, сипя сквозь зубы и временами судорожно изгибаясь от боли. Вскоре верёвки разошлись немного... ещё немного... сорвав их с запястий и локтей, Фередир хотел разогнуть руки — и закричал, не выдержал. Упал на камни боком, всхлипнул, собрался ногой столкнуть мокрый путаный клубок... но удержал себя. Вдруг пригодятся.

Хотя бы чтоб повеситься.

Он лежал так, не сдерживая стонов, пока в руки не брызнули огненные стрелы. Опять закричал — боль была невыносимой, да и кто слышит? Зато руки потихоньку стали шевелиться, и вскоре он смог разогнуть их, завести вперёд, а там и восстановить подвижность полностью.

Тогда Фередир сел. И понял, что дрожит — не только от страха и переживаний... даже НЕ СТОЛЬКО. Просто — от холода. От того, который и замёрзнуть не даст, отмучившись — и будет терзать бесконечно.

А что если... что если он тут — НАВСЕГДА?! В смысле — до смерти от жажды?! Фередир нагнулся, зачерпнул воды. Солёная, пакость — не как в море, по-другому, но какая-то солёная, она обжигала рот и в горло не шла... Он плюнул. Если это и есть и пытка, и казнь сразу?!

— М-м-м-м... — вырвалось у него. Зажмурился глаза покрепче (хоть так увидеть свет!), Фередир стукнулся затылком в дверь.

В любом случае ему предстояла смерть. И смерть долгая и трудная, такой никому не пожелаешь, даже врагу. А главное — совершенно бессмысленная. Настолько бессмысленная, что даже смешно. Что выцарапывать на скользких камнях?

Бессмысленно. Бессмысленно. Бессмысленно. Никто никогда этого не прочитает. Вот разве что... Фередир вдруг улыбнулся. Разве что Гарав. Он всё-таки живой пока. Эйно́р и Гарав...

...За ним пришли через час, не больше. И первый шаг из зала Фередир сделал с радостью — снаружи было теплей, чем в стылой чёрной воде.

А на втором он понял, что вот теперь его ведут туда...

...Внутри было всё. Всё, и более того. И четыре орка, сидевшие на скамейке у стены — под каким-то устройством... не думать, не думать, не думать...

— Вот твой выбор, — мотнул головой Соваль, как бы обводя многочисленные приспособления и инструменты. — Всё просто. Это — или присяга Ангмару.

Фередир посмотрел на жаровню (от неё шло приятное после сырого мокрого подвала тепло) и усмехнулся.

— Какой же это выбор? — с искренним удивлением спросил он и протянул замёрзшие руки к огню.

— Ты умрёшь в страшных мучениях, глупец, — сказал Соваль.

— А ты подохнешь безо всякой славы, трус, — ответил Фередир.

— Начинайте — приказал Соваль. Фередир быстро посмотрел влево-вправо — на двинувшихся к нему орков.

И стал смотреть перед собой.

* * *

Карн Дум был чёрно-серо-алым и мокрым.

За узким стрельчатым окном с открытыми наружу прочными ставнями шёл дождь.

Гарав сидел возле этого окна и смотрел на улицу. Сидел уже несколько часов. Он даже не осмотрел комнату, в которую его привели. Обычная она была, довольно большая, и, видно, в ней ещё кто-то жил — две кровати, сундук, какие-то вещи, на столе — светильник и книги, в камине — угли, рядом — дрова... Всё это мальчишка заметил мельком. Он свалил свои вещи у стены, прошёл к окну и сел с ногами в кресло.

И всё. А что ещё? В груди была дыра, и в неё дул ледяной ветер. Выл там, где недавно было сердце.

«Что ж я наделал? Что я натворил? Как это получилось?»

В какой-то момент ему захотелось вскочить, броситься прочь, найти Ангмара, просить, умолять о смерти, о...

...о чём? Предательства и страха, который привёл к предательству, назад не возьмёт ни злой, ни добрый колдун. Значит, только о смерти. Но смерти не будет, Ангмар ясно об этом сказал.

Меч Гарав лежал среди прочих вещей. Брошенный лежал. Тот меч, для которого Гарав хотел придумать имя... Заколотся. Сейчас заколотся. Но... нет. Мальчишка понял, что сил на это просто не хватит. Во второй раз не хватит. Остатки решимости из него выдернули безо всякой пощады, и нечего больше было играть в героя...

Сердце вынули. Решимость вынули. Что вставят на их место?

А, пусть. Что угодно пусть... Только бы как-то отгородиться от этого ледяного ветра,

который — отовсюду.

Он всё-таки слабо пошевелился, когда слышались в коридоре мужские голоса — кто-то остановился прямо за дверью, шёл взвинченный разговор на адунайке.

— Стадо, — с отвращением говорил один из мужчин. — Стадо, стадо, стадо... Княжеская конница пройдёт по ним, как камнедробилка по куску масла, только пахта брызнет... И ничего тут не сделать, из коровьего дерьма не слепишь меч. Орки останутся орками, хоть закуй их в мифрильную броню.

— Мои не лучше, — отвечал второй. — Лучники они неплохие. Но не более того. Не знаю, что мы будем делать, если появятся лучники-нимри... Смотри, у тебя открыто.

Скрипнула дверь. Гарав обернулся нехотя, потом встал. Вошли двое. Мужчины средних лет, высокие, темноволосые, в поддоспешной потёртой коже, с длинными мечами на поясах. Оба были очень похожи на повзрослевшего Эйнора. Комнату заполнил запах всё той же кожи, стали и конского пота. Гарав ощутил себя глупо и почти обрадовался — это было всё-таки человеческое чувство, живое, первое за весь день.

— А, ты новенький, — вдруг сказал, судя по голосу, тот, который жаловался на орков. — Мне сообщили... Гарав. — Он внимательно осмотрел мальчишку и вдруг подмигнул: — Да, выжали тебя неплохо. Я Тарик сын Нарду. И ты, когда отойдешь, наверное, будешь моим оруженосцем.

— Я пойду, — сказал его спутник, который на Гарава и глянул-то мельком. — До утра.

— До утра. — Мужчины пожали друг другу предплечья, закрылась дверь. Гарав всё ещё продолжал стоять. — Твоё оружие и вещи? — Тарик кивнул на груды. — Разбери.

— Да, — кивнул мальчишка и стал разбираться, радуясь, что нашёлся кто-то, конкретно приказавший, что надо делать. Тарик, насвистывая, переодевался, потом спросил, одёргивая из-под золотых зарукавий пышные манжеты чёрной рубахи с серебряной вышивкой: — Есть хочешь? — Гарав пожал плечами. — Не дури. — Морэдайн хлопнул мальчишку по плечу. — Конечно, встретиться с Ангмаром и говорить с ним — это ещё то испытание, тем более для Младшего. Но в жизни бывает всякое. Освоишься, привыкнешь и разберёшься, в чём был прав, а в чём ошибался. Пошли поедим... Потом подберу тебе одежду, чтобы не таскаться в коже каждый день. Пошли-пошли, я голодный, как пёс!

И Гарав пошёл. Молча и покорно...

...В большом зале, освещённом факелами, с огромным камином, в котором жарились несколько кабаньих туш, было полно народу. Больше всего — холмовиков в разноклетчатых одеяниях, они шумели, пили и ели за поставленными буквой Т могучими столами. Но ближе к камину за ещё одним столом — поизыщней, с резными ножками — устроились несколько морэдайн вперемешку со своими мальчишками-оруженосцами — явно тоже холмовиками, однако посматривавшими на столы родичей свысока. На Гарава же ровесники глянули с интересом, но разговор заводить не стали, ну а взрослые морэдайн так просто внимания не обратили на мальчишку.

При виде еды желудок Гарава скрутило, и он, положив на стол кулаки, уставился между них, глотая снова и снова противный скользкий ком, у которого был вкус густой рвоты. Тарик, который сам положил себе мяса и каких-то тушёных овощей, тихо сказал:

— Выпей вина. Выпей, выпей.

В голосе морэдайн были искреннее сочувствие. И он сам налил в простую деревянную чашу вино — налил своему оруженосцу... нет, нет, нет!

А кто же он теперь?

Гарав отпил, по-прежнему глядя в стол. Вокруг шли какие-то разговоры, в них включился и Тарик.

Но Гарав как будто разучился понимать адунаек. Слова казались ровным шумом.

— Тише! — рявкнул вдруг кто-то за столом холмовиков. И почти тут же в установившейся тишине низкий мужской голос — под однотонное бряцанье невидимой арфы — затянул мрачно, с подвывом:

Наши ноги быстрее крыльев,
Наши зубы клинков острее!
Рождены мы в степи ковыльной —
Мы потомки Чёрного Зверя,
Дети Древнего Волка!
Когда взывает ночь — восстань!
Не защитит доспехов сталь
Собачью свору!
Мы вам отплатим кровь за кровь —
И пусть пугает вой волков
Псов Валинора!
Мы — дети Древнего Волка!

«Грох, грох, грох», — отвечали кубки по столу. Холмовики стучали ими синхронно и резко, покачиваясь на скамьях — но не пьяно, а в лад, как качается от ветра лес. Лица их были мрачны и ожесточённые, и Гараву показалось, что многие из них подтягивают песню, но не голосом, а тихим: «Ууууу...»

Мы сольёмся с лесною тенью —
Лишь сияют лунные очи...
Мы свободны по праву рожденья —
Дети вольных ветров и ночи,
Дети Древнего Волка!
Мы в битве яростней и злей
Сынов Заката, сыновей
Холодной стали!
Навеки, до конца времён
Владыка наш один — закон
Свободной Стаи!
Мы — дети Древнего Волка!

Слаженное подвывание стало явственным. Мужчины выли — выли, как волки, блестя глаза и грохали кубки, но голос поющего перекрывал всё это:

Годы ноют, как старые шрамы...
Нам, покорности цепь порвавшим,
После битвы зализут раны
И в молчанье помянут павших
Дети Древнего Волка!⁶⁴

Шум, гомон, стук кубков...
— Разрешите мне уйти, — шепнул Гарав Тарику. Морэдайн оглянулся через плечо — он с кем-то разговаривал:
— Конечно. Найдёшь дорогу?
— Да, найду.
— Не броди по коридорам, тут... — Тарик поморщился. — В общем, не броди. Иди, ложись. Утром я подниму.
Ни на кого не глядя, Гарав молча выбрался из-за стола. Его шатало, словно он выпил не

⁶⁴ Стихи Элхэ Ниэннах.

два глотка, а полбочонка — и не вина, а эльфийского коньяка.⁶⁵ Тарик и его собеседник смотрели вслед.

— Как бы он не прирезал тебя ночью, — сказал Тарику второй морэдайн. — Я слышал, он северянин, оруженосец Эйнора — того, любимчика Нарака. Ну, который сейчас... — Морэдайн не договорил, только глаза поднял.

— Жалко мальчишку, — ответил Тарик просто. — И не прирежет он меня. Он сейчас даже сам-то зарезаться не может, глаза — и те пустые, как у больного щенка... Ну ладно. Я попробую что-то исправить, раз уж Ангмар его пощадил. Не жить же мальчишке вот таким, наизнанку вывернутым, так и перчатка долго не пролежит, тянет исправить. А человек... Не первый же случай.

— Проводи, — махнул рукой морэдайн своему оруженосцу на тащившегося через зал Гарава. Мальчишка без споров поднялся, нагнал ровесника и без навязчивости или насмешки пошёл рядом. А собеседник снова повернулся к Тарику: — А мы ещё погуляем, верно?

— Да, — кивнул Тарик. — Меня не очень-то тянет в коридоры.

— Почему ты не поменяешь комнаты? — поморщился собеседник.

Тарик не ответил.

Глава 23, в которой Гарав знакомится с Ломион Мелиссэ и обдумывает сделку

Гарав проснулся от того, что был в комнате не один.

И тот, кто находился рядом, был не морэдайн Тарик.

Гарав сел.

Он дрожал и был мокрый, какмышь.

Он не помнил сна. Да и не хотел помнить. Так он думал в первые секунды после пробуждения... а потом понял, что в комнате КТО-ТО ЕСТЬ.

— Кто тут? — позвал он.

Тишина.

— Кто? — голос изменил и сорвался.

ПОЧЕМУ ВНУТРИ ТАК ТЕМНО? Горела же лампа над входом!!! Он точно помнит — горела, когда ложился!!!

— Кто здесь?! — вскрикнул Гарав, наощупь хватая меч (как защиту, движение уже стало привычным, надо же). — Кто?!

На миг он отчаянно захотел проснуться. Но это был не сон. И никого в комнате не было... никого ТАКОГО, кому мог бы повредить меч.

— Нет. — Гарав уронил оружие, и оно тонко, беспомощно звякнуло — в хозяине не было ничего, кроме страха. Мальчишка отшатнулся на кровать и пополз, отталкиваясь ногами, к подушке, в угол. — Нет, не надо... не трогай меня... пожалуйста... — Он тихо завыл, вжимаясь в каменную стену. — Кто нибу-у-удь... Уйди, уйди, не надо!!!

Тьма усмехнулась. Надвинулась. Навалилась. И...

...и ушла.

Прорезалось ночным прямоугольником окно. Послышались отдалённые звуки в зале внизу. Снаружи шёл дождь. Обычный дождь над Карн Думом, крепостью и столицей Ангмара.

Но что это было?

Странно. Гарав никогда не боялся темноты и умеренно боялся разных существ,

⁶⁵ Мне понравилась легенда, рассказанная Ольгой Брилёвой, — про то, как во время перехода по Хэлькараксе эльфы «изобрели» коньяк (сгустившееся и вымороженное вино). У Брилёвой он назван «зимним элем».

которые — по рассказам у костра — в ней прячутся. Даже не верил в них, просто жутковато было представлять себе... Но НИ РАЗУ в жизни эта жуть не подчиняла его.

Он медленно поднял голову. И вдруг вспомнил совсем не «страшилку», а книжку, прочитанную когда-то. Автор писал, что если в каком-то одном месте погибает много людей — или погибают люди в течение долгого времени, — место пропитывается болью и страхом и начинает ЖИТЬ само. И даже ПОРОЖДАТЬ...

Сколько людей умерло в этом жутком месте?! Какие тени по ночам выползают из щелей?!

Снова пришёл озноб. Но Гарав больше не был беспомощной жертвой. Он быстро спустил ноги на пол и нашарил меч. Зажмурился. Ну же. Ну же, помоги мне. Я знаю, что я трус и что я не достоин... но помоги!

Он не знал, кого просил.

Но песня пришла...

...И полёт журавлика будет прям, как тысячу лет назад...
Мирозданию плевать, кто в небесный сад, кто на нары...
Всё равно — полёт журавлика прям, как и тысячу лет назад!
Так улетай, журавушка, улетай — саё нара...

... — Я иду, — процедил Гарав, на миг становясь прежним.

Но мига было мало.

«Поиграть хочешь, — усмехнулась, снова оживая, тёмная тишь. — Поиграй. Побегай. Посуетись и помаша мечом. Ты всё равно будешь лежать мёртвый, как и все. А ЗНАЕШЬ, КТО ТЕБЯ УБЬЁТ? ХОЧЕШЬ — СКАЖУ?»

— Я иду, — повторил Гарав. Повесил на место ножны с ножом. Сцепил зубы и пошёл наружу.

В коридоре стало полегче, душу отпустило. Гарав посмотрел влево и увидел в свете факела кровь. Кровь на каменном полу. Алую маслянистую лужу. Он уже хорошо знал, как выглядит кровь. И не мог ошибиться.

Потом — прямо на глазах — она исчезла...

...ИЛИ КАМНИ ВПИТАЛИ ЕЁ?

Или... не впитали, а... А ВЫПИЛИ?

Теряя решимость, Гарав шарахнулся обратно в комнату и закрыл дверь. Зубы стучали. Где же Тарик?! Ну где хоть кто-то?!

— Кто здесь? — уже с безнадёжным ужасом спросил он. Ясно было, что сил пробежать по коридору — к людям — не хватит.

И произошло самое страшное.

Он услышал ответ.

— Я, — словно колокольчик прозвенел — и из темноты в зеленоватом свечении выступила женщина.

Она была красива, эта... нет, не эльфийка. Похожа на эльфийку... и на человека тоже. Гарав не мог различить, во что она одета — какой-то белёсый лёгкий туман, изменчивый и летящий. Но лицо — лицо не запомнить было невозможно.

Красива? Нет. Прекрасна.

И в то же время в её красоте было что-то жуткое. Как большой жирный червяк, видный на просвет солнца в крупном, налитом соком яблоке.

— Ты кто? — спросил Гарав, пятясь. Наткнулся на кровать и сел. Даже шлёпнулся скорей, вцепившись руками в матрац так, словно кровать грозила вылететь из-под него. — Кто? — повторил он с отчаяньем, не в силах оторвать глаз от — совсем рядом! — прекрасного лица.

— Ломион Мелиссэ, — был ответ.

Колокольчики смеха прозвенели в темноте. Отовсюду.

Без сил Гарав упал на кровать и зажмурился.

* * *

Тарик не выспался и был хмур. Почти не ел, брезгливо крошил хлеб и пил, морщась, вино — словно глотал расплавленный свинец. Ясно было, что у морэдайн тяжёлое похмелье. Гарав честно попытался ему прислуживать (в конце концов, он не видел от Тарика ничего плохого), но рыцарь поморщился:

— Сядь, не бегай вокруг — и поешь.

С утра в зале почти никого не было, только на соломе у стены спали, громко и разноголосо храпя, несколько вдребезги пьяных холмовиков. Их стол был обрыган и залит вином, там лениво возились с тряпками какие-то хмурые личности — не то рабы, не то слуги. За дверью слышались голоса, стучали шаги — людские и конские, где-то вдали иногда трубил хриплый рог. Что-то ритмично грохало. И вообще — всё как-то не очень походило на мрачную обитель зла, если честно.

Гарав присел, стал есть. Кашу с мясом. Наверное, вкусную. Желудок сперва опять сжимался, но потом стал принимать еду... правда вкусно. И нечестно. Потому что...

— Они живы? — спросил Гарав тихо.

Морэдайн посмотрел на оруженосца.

— Было очень больно? — ответил он вопросом.

Гарав кивнул и опустил глаза.

— Живы. Пока живы. Больше я ничего не знаю, да и знал бы — не сказал. Они пленники Ангмара, а вот тебе повезло. Даже не представляешь, как. Забудь про них. Ешь, доедай скорей и пошли. Дел полно... Как голова болит! — Это вырвалось у него явно в сердцах.

— Если бы это были твои друзья, ты бы забыл, рыцарь? — горько спросил Гарав.

Тарик ударил его перчаткой по шее. Не сильно. Эйно́р иногда бил сильнее.

— У меня нет друзей на той стороне, — сказал Тарик. — Ты потом поймёшь, от чего спасся. Пошли.

Гарав вспомнил гаура-Тарланка. Нет, он немного себе представлял — от чего. Но всё-таки... И ещё вспомнился странный сон ночью. Странный и жуткий. Спасся? Если такие сны будут приходить каждую ночь — о спасении речи не будет. Мальчишке хотелось спать, ночь вымотала его, как будто он не спал ни секунды...

...Увидев на конюшне Фиона, Азара и Хсана, Гарав обрадовался им, как будто тут были их хозяева. Кони мальчишку тоже узнали, закивали смешно и словно бы даже разумно. Гарав обнял голову Хсана, потом погладил других. Снова обнял Хсана, поцеловал.

— Твой? — Тарик смотрел с незлой усмешкой. Гарав кивнул. — Ну и будет твой... А этот — рыцаря Эйно́ра? — Тарик показал на Фиона, и тот вдруг с визгом встал на дыбы, забил копытами. Тарик отшагнул, но без испуга, а Гарав успокоил Фиона и оглянулся:

— Кто его возьмёт? — спросил он.

— Не я, — покачал головой Тарик. — Я не особо люблю объезжать чужих коней. Мой вон. — Он кивнул на серого огромного жеребца, с интересом смотревшего на происходящее. — Познакомься, тебе с ним много времени проводить...

...Дождя не было, и это хорошо. Потому что до полудня Гарав рысил следом за Тариком по полям вокруг крепости, где тренировались орки. Много. Хорошо вооруженных и снаряжённых, под командой людей — но не морэдайн, а холмовиков. Правда, оружие и снаряжение орков были сделаны грубовато, но им большего явно не требовалось. На дальних склонах гор дымили кузницы — много, целые ряды, сновали туда-сюда телеги. Но на это Гарав обратил внимание лишь мельком. При виде орков он заостенел в седле. И старался смотреть поверх голов и дышать ртом, пока Тарик что-то проверял, отдавал приказы, орал и то и дело бил ножами. Когда они возвращались обратно в Карн Дум и проезжали в чёрные ворота мимо стражников-холмовиков, мальчишка сказал тихо:

— Противно на них смотреть.

— А, — Тарик покачал головой. — Тупое мясо. Но чтобы завалить юг, их хватит.

Гарав закусил губу. И вспомнил не Мэлет — о ней он почти не думал, это казалось кощунством тут, — а Тазар и Форност. И фонтаны. И тех двух мальчишек. И девочку с котёнком.

Орки придут туда. Эти орки.

Мысль причиняла боль — но не давала сил сопротивляться. Страх был сильнее. И всё-таки Гарав спросил:

— Скажи... как же ты можешь вести их на людей? Там же твоя родня. Пусть не друзья, но родня по крови. Ты похож на Эйнора. Ты знаешь?

Он почти ожидал удара. Но Тарик, помолчав, ответил:

— Среди родни и бывают самые страшные враги. Очень давно между нами лёг меч беды. Если меч кладут между мужчиной и женщиной — это ограда женской чести. А если между мужчинами — то жди, кто первый схватится за рукоятку. Тебе не нужны эти счёты. Ты всего лишь Младший. От этого всё в твоей жизни легче и проще.

Вот этих слов Эйнор не сказал бы никогда.

Гарав промолчал.

Он смотрел вокруг — на сырой мрачный город, словно выросший из камня. На людей на улицах. И узнавал Форност. Переделанный злым волшебником, но — Форност, нуменорский город.

Построенный Ангмаром Карн Дум был извращённым воспоминанием о его молодости и о Нуменоре.

Ангмар никуда не мог уйти от себя. И, наверное, за это ненавидел нуменорцев ещё сильнее.

* * *

После обеда Тарик куда-то ушёл, сказав, что Гарав может отдохнуть три часа, «потом опять поедет». Мальчишка кивнул, поблагодарил. Поднялся в комнату.

Ставни были закрыты, горела лампа. Если её потушить — станет темно. Но Гарав устал — слишком устал, чтобы думать про темноту и свет. И про странный сон. «Усну и при лампе», — подумал он, снял перевязи, сапоги, расстегнул куртку и повалился на кровать, думая об одном: поспать.

Прозвонили колокольчики. Где-то открылась дверь, послышались легкие, но отчётливые шаги — шаги по каменному полу в невидимой огромной зале, рождавшие эхо... Приподнявшись на локтях, мальчишка со страхом следил за тем, как трепещет пламя лампы. Потом оно дрогнуло особенно сильно — но тут же вытянулось вверх и застыло, как лезвие кинжала.

От облегчения Гарав громко задышал ртом. Вытянулся на ложе. Холод отступил — стало жарко, хотя мальчишка понимал, что это ненадолго.

А потом лампа потухла.

Не так, как будто на него дунули. А так, как будто пламя погасила огромная, нечувствительная к ожогам рука.

«Здравствуй, Гарав», — сказала темнота, усаживаясь рядом. С другой стороны трясся, ныл и жмурился Страх — немой свидетель, надеющийся на одно: что ЕГО не заметят.

Вчера ночью... в том сне, который, как оказалось, был не сон... страшная красавица, сидя рядом со сжавшимся в комок мальчиком, просто и даже весело рассказала, чего она ждёт от людей.

Гарав всё утро надеялся, что это сон...

«...Я буду думать про ребят, — подумал Гарав. Что-то холодное коснулось плеча... рёбер... шеи — там, где была рядом кровь артерии. — Нет. Я их предал. Тогда я буду думать про Мэлет. Сейчас можно. Сейчас нужно».

— Уйди, гадина, — процедил он. — Сейчас всё ещё день. И вообще это был сон.

Тьма ласкала его — нежно и любяще.

«Сон? Нет, мальчик... И тут нет дня. Тут всегда ночь, — возразила она. — Да, по большому счёту тут ВЕЗДЕ и ВСЕГДА ночь, мальчик. Ночь, в которой Я хозяйка... Я, Ломион Мелиссэ, которая древнее не только этого замка — этих гор... Я могу всё. Я видела когда-то мир, в котором не было Арды. Хочешь, я приму облик, который тебе будет приятен? Облик твоей девочки? Эльфийки? Я не такая злая, как иногда думают люди. Зло, добро — какая глупость... Я просто живу, как хочу».

Снова губы... Гарав ответил на поцелуй. Тьма коснулась его волос.

«Ты только согласишься, — предложила она. — Тебя найдут тут мёртвым и позавидуют тому, что увидят на твоём лице. Я получу своё, а ты... ты уйдёшь от мучений и от сомнений, и от душевных, и от физических... Ведь ты знаешь, что тоски не избыть. Так чего ждать? Согласись».

Лёгкая прохладная ладонь погладила щёки мальчика. Прикосновение было отвратительным и приятным.

— Зачем тебе моё согласие? — спросил Гарав. — Разве ты спрашиваешь согласия?

«Иногда, — прошептала темнота. — Иногда приходится».

— Приходится? — Гарав снова ответил на поцелуй — долгий и глубокий, как ночь в подземелье, которая никогда не кончается. — Почему приходится?

«Ты очень хитрый, мальчик, — засмеялась темнота, отстраняясь. — Ты не говоришь „да“, ты не отвергаешь моих ласк и спрашиваешь, спрашиваешь... Ну что ж. Я уйду. И приду, когда ЗА ТЕБЯ НЕКОМУ БУДЕТ ПРОСИТЬ. И тогда я буду пить тебя понемножку, неспешно... и ты будешь очень хотеть, чтобы тебя отвели на пытку — К ЛЮДЯМ. Оставайся и жди».

Она провела по груди Гараву, ниже... слегка нажала на пресс...

— Пошла прочь, б...дь, — сказал Гарав по-русски.

Холодный смех ушёл куда-то в сторону. И внезапно Гарав, привстав, окликнул её:

— Ломион! Ломион Мелиссэ!

Лицо в паутинном обрамлении тумана вернулось.

«Да, мальчик».

— А что ты можешь дать мне взамен? — спросил Гарав и сел, скрестив ноги. Страх внезапно отхлынул. — Только смерть?

«Почему, — удивилось существо. — Если мы договоримся, ты можешь получить и жизнь (но разве ты не кричал, что не хочешь жить?), и многое другое».

— Что? — в упор спросил Гарав.

«Да почти всё, — отозвалась Ломион Мелиссэ. И отдалилась, пошла к стене. Лишь сказала через плечо: — Ведь когда-то меня звали Мэлэт. Майа Мэлэт. Надумаешь — позови, и я приду».

Мальчишка опрокинулся на постель, зажимая уши и зажав глаза. Но лицо — слова о сделке — и внезапно возникшая страшная песня не смутились этим. Гарав продолжал видеть и слышать.

Цепочкой неги

Иду к тебе, моя душа...

Немного снега —

А может, тем и хороша?

Прохладным ядом

Ты зашипишь, коснувшись острия...

Прошу: «Не надо!»

Слова излишни, где лишь любовь нужна...

...Осколок сердца о стекло.

Не пролей вино.

Уже становится тепло?
Всё моё — твоё...
И разговор безмолвных рук,
хрустальный звон —
И робкий стук...
Привычной сказкой
Рассвет встречаю и закат.
Умелой лаской
Ты будешь снова мною взят...
И вечный голод...
Моя душа твоей души
Откроет полог
Желанной нежностью в тиши...
...Осколок сердца о стекло.
Не пролей вино.
Уже становится тепло?
Всё моё — твоё...
И разговор безмолвных рук,
хрустальный звон —
И робкий стук...
Ты жаден — словно
Как в первый час, как в первый раз...
Но я условно
Не открываю твоих глаз...
Огнём нечистым
Мы вены вновь переплетём —
Твой взгляд лучистый
Утонет в мареве моём...
...Осколок сердца о стекло.
Не пролей вино.
Уже становится тепло?
Всё моё — твоё...
И разговор безмолвных рук,
хрустальный звон —
И робкий стук...
Ты — моя нежность,
Распятый, как сердце,
На огненном сполохе крови моей!
Ты согреваешься бархатным зверем,
В лапах сжимая обрывки теней!
Ты для меня — исключенье из правил...
Я — твой последний несломленный гений...
Ты захотел — и я небо оставил,
Я захотел — ты любви моей пленный...

Глава 24, в которой Ломион Мелиссэ выполняет своё обещание

Ангмар встретил Тарика и его оруженосца в воротах Карн Дума на третьи сутки пребывания Гарава в крепости.

Это было даже смешно. Чёрный Король стоял, привалившись спиной к опорному

столбу ворот, скрестив руки на груди и глядя себе под ноги. Обычный морэдайн... вот только его обходили по широкой дуге все, кто двигался через ворота. Гарав покосился на Тарика. Рыцарь чуть заметно прикусил кончик губы. И всё... до того самого момента, когда Ангмар вскинул голову, шагнул — и оказался перед захрапевшими конями.

— Привет, Тарик сын Нарду, — сказал король. Тарик поспешно соскочил на мостовую; то же сделал и Гарав, придерживая пятящегося Хсана. — Ты не будешь против, если я заберу у тебя на сегодня твоего оруженосца? Как его зовут — Гарав? Мне нужен расторопный помощник.

Тарик молча наклонил голову и отсалютовал. И повёл коня дальше — неспешным шагом, с прямой спиной. Но Гарав видел, что морэдайн уходит с облегчением. А что он — он остался рядом с Ангмаром — осозналось только в следующий миг.

— Пошли, отведём твоего коня, — сказал король. — Иди вперёд, меня не слишком любят животные. Кроме специально выезженных и выученных.

Гарав пошёл. Покорно, как будто замороженный... да это так и было. Кончики пальцев и носа онемели, а мир вокруг стал каким-то плоским и дымчато-серым, словно бы отдалившимся. В этом мире единственным ярким пятном было кольцо — кольцо с фиолетовым камнем на пальце Ангмара. Дико и жутко, но Гарав его видел, хотя король шёл за спиной, а мальчишка старался смотреть только на носки своих сапог, шагающих по мокрой мостовой.

В конюшне мальчишка рассёдлывал Хсана и ставил его в стойло целую вечность. Потом — обнял коня за шею и так застыл надолго. Ангмар стоял в дверях и ждал. Терпеливо ждал. Даже смешно. Хсан похрапывал — испуганно и недоумённо. Мальчишке же хотелось вот так стоять вечно.

Но он отстранился от коня и пошёл к выходу. Внутренности выворачивало — и прямо возле Ангмара Гарав согнулся пополам и начал блевать в сток для навозной жижи.

— Ты меня боишься? — спросил Ангмар совершенно спокойно.

— Да... — с трудом разгибаясь, выдохнул Гарав.

— Убери за собой, вон вода.

Мальчишка, покачиваясь, принёс воду в деревянной бадье, смыл за собой и против воли вытянулся перед королём в струнку.

— Почему боишься? — Ангмар сделал приглашающий жест, и Гарав пошёл рядом, мечтая лишь об одном: только бы не вздумал дотронуться!!!

— Я... не знаю... — Слова примерзали к языку, их приходилось отрывать с кровью. Король и мальчик стали подниматься по лестнице на галерею одного из внутренних дворов. Ангмар внезапно остановился и протянул Гараву руку — ту, с кольцом.

— Сними его с моего пальца, — сказал Ангмар. Странно сказал — в его голосе прозвучало что-то непонятное. Гарав непонимающе посмотрел на короля. — Сними, сними.

— Я не могу, — сказал Гарав.

Ангмар нетерпеливо — и как-то жадно — спросил:

— Почему?

— Я... — Гарав удивлённо прислушался к себе. — Я не знаю, — сказал он честно и зажмурился от нахлынувшей вдруг невыносимой жути. И удивился, когда услышал человеческий вздох.

— Что ж. Идём дальше...

Они неспешно поднялись на галерею. Отсюда было видно окрестности Карн Дума, и Гарав понял, что собранные войска очень велики. Повсюду шевелились люди и орки, стояли лагерь, двигались повозки и всадники, плыли дымы... Но король смотрел не туда, а вниз...

Внизу в большом мощёном дворе стояли у мокрой стены пять человек. Двое мужчин, двое юношей, мальчишка. Все пятеро, полураздетые, избитые и израненные, они замерли плечом к плечу, поглядывая вверх — и в их позах, в их взглядах не было ничего кроме усталой безнадежности. В десятке шагов перед ними гарцевал холмовик — в дорогой броне, на мощном коне, он, подбоченясь, громко и насмешливо говорил людям у стены:

— Ну что, южане, где ваши эльфы? Бросили вас, небось, подставили под пытки, а сами фить! — Он сделал резкое движение кольчужной рукавицей, тряхнул длинными черными с проседью волосами, необычными для рыжих холмовиков. — Удрали к своему Мандосу! Трусы они, а вы — дурачье! Ну! — Он наехал конём на прижавшихся к стене людей. — Последний раз спрашиваю! Кто хочет служить мне — Руэте Рудаурскому, князю Рудаура?!

— Ты не князь Рудаура, ты предатель и лжец! — выкрикнул кряжистый рыжий мужчина. — Ты клялся в верности и предал — хочешь и нас заставить предать?! — И он яростно плюнул на носок сапога гарцующего воина. Видимо, попал. В воздухе сверкнул меч, Руэта сделал ныряющее мгновенное движение, одновременно посылая коня вперёд... и наземь упало разрубленное от плеча до бедра тело. В стороны брызнула кровь, хлынула несколькими ручьями на камни двора. Почти тут же один из юношей повалился на колени — его высокий от ужаса и отчаянья голос заполнил двор неистойвой мольбой:

— Не надо! Не убивай меня, пощади! Я буду служить тебе! Я не хочу!

— Трус! — выкрикнул едва державшийся на ногах мальчишка, чёрный от побоев и засохшей тут и там на теле и лохмотьях одежды крови. И тут же получил от Руэты пинок в лицо, отлетел на руки своих угрюмо молчащих старших товарищей.

И в тот момент, когда он запрокинул голову, именно тогда Гарав узнал Фередира. И вскрикнул тихо.

— Это твой друг? — спросил Ангмар. Гарав кивнул, помедлил... и сломанно, дерганно опустился на колени.

— Умоляю тебя, король... — Слова царапались, с трудом рождаясь наружу, извивались в мокром воздухе отвратительными кольчатыми червями... — Умоляю тебя, мой король... пощади Фередира.

— Он не хочет переходить на мою сторону, — тихо сказал Ангмар, глядя сверху вниз. — Ему предлагали. Но он оказался сильнее тебя... Впрочем, его я сам не допрашивал.

— Я уговорю его... — хрипло выдохнул Гарав. — Пощади его, мой король.

— А остальные? — спросил Ангмар, и камень в перстне сверкнул собственным светом, когда он повёл рукой. — Скажи, что делать с остальными. Пощадить всех я не могу. Его — могу, раз ты просишь и обещаешь поговорить с ним. Что делать с остальными, если не щадить, скажи? Скажи! — Голос Ангмара резанул, как нож.

— Убить... — прошептал Гарав.

— Что? — переспросил Ангмар.

— Убить, — уже отчётливо сказал Гарав.

— Хорошо, — Ангмар подошёл к перилам и сделал какой-то жест, мальчишка не различил — какой. — У тебя будет три дня. Если через три дня он не согласится... впрочем, ты сейчас увидишь, что тогда с ним будет. Вставай и пойдём.

Гарав поднялся. Ангмар уже уходил по галерее, и мальчишка заспешил следом... но бросил вниз быстрый взгляд.

Руэты (так вот он какой — вождь холмовиков!) там не было. Два десятка орков стаскивали в кучу изрубленные тела.

Тела Фередира среди них Гарав не увидел.

И перевёл дух. На миг. Потому что в следующий миг представил себе, как будет говорить с Фередиром (а не говорить нельзя).

Предательство растёт, как жрущий паук. Предал один раз — и конца у этого не будет.

Он стиснул кулаки и заспешил по галерее. Меч мешал идти, но Гараву было стыдно прикасаться к его рукояти...

...Винтовая лестница, уводившая вниз, была крутой. Ангмар спускался уверенно... и Гарав, глядя в его спину, озарённую бегучими отблесками странных алых факелов, горевших через каждые десять шагов странным ровным пламенем, подумал, что король всё-таки не человек.

— Кое-что во мне осталось, — сказал Ангмар впереди. — Например, моя ненависть вполне человеческая.

— Кого ты ненавидишь, мой король? — почти безразлично спросил Гарав (наверное, надо разучиться думать...).

— Всех. — В голосе Ангмара была усмешка. — Очень сильно — Гобайн Саура. К несчастью для вас, семя Элендила я ненавижу немного сильнее. Чутьочку меньше — но больше, чем Гобайн Саура, — ненавижу нимри. А тебе ведь нравятся эльфы?

— Да... — Какой смысл был лгать.

— Между прочим, — Ангмар ступил на пол узкого коридора, — с теми людьми были и эльфы. Мужчина, женщина и ребёнок. Мужчина мёртв. А женщина и ребёнок... им стоило воспользоваться своим умением ухода, но эльфы этого почти никогда не делают. Боятся запачкать следующую жизнь...

Гарав закусил губу. В коридоре — в свете тех же факелов — стояли двое эльфов. Точнее — эльфийка (на миг мальчишке показалось ужасное — что это Мэлэт, и он с постыдным облегчением понял, что нет...) и прижавшийся к ней мальчик, на человеческий взгляд — лет пяти-шести. Оба — в изорванной, перепачканной одежде. Женщина гладила волосы сына, а мальчик что-то ей шептал, обнимая ноги матери.

— Что ты бормочешь ему, ведьма? — Голос Ангмара был неожиданно взвинченным, злым — было ясно, что он на самом деле ненавидит эльфов, и ненавидит страшно, а корни этой ненависти — в каком-то дальнем далеке. — Вы умрёте оба!

— Он боится умирать. — Эльфийка подняла голову, и голос её оказался контрастным по сравнению с голосом Ангмара — оказался чистым и нежным, не вяжущимся с измученным лицом и лохмотьями. — Он просит, чтобы я спасла его.

— И что ты скажешь ему, ведьма? — с насмешкой спросил Ангмар.

— Я уже сказала, — тихо ответила женщина, и её голос заполнил собой коридор. — Я сказала ему, — тонкие пальцы эльфийки перебирали пепельные волосы сына, — что не стоит просить дар жизни у смертных.

Мальчик успокоился. Он тоже смотрел — через плечо — на Ангмара. Но Гараву казалось, что смотрит он на него, и взгляд был мучительным.

— Я бессмертен, ведьма, — сказал Ангмар.

Тогда эльфийка засмеялась.

— Ты хорошо знаешь, что ты даже не вечен. А умер ты уже давно. Ты просто не можешь себе представить, как мне тебя жаль, бывший человеком.

Ангмар поднял руку — и коридор в дальнем конце объяло пламя.

— Иди, — сказал король. — Вот твой путь в Мандос, стерва. Иди!!!

Ответом снова был смех — и голос эльфийки, которая медленно, словно танцуя, шла в огонь, оставив сына...

Под звон тетивы
Сорвалась стрела
В короткий полет,
Обрывающий жизнь.
Ты мог не прийти,
Ты мог не сломать
Чужой красоты.
Росток был так чист.
Она ведь могла
Пережить твою дочь
И внуков твоих
На тот свет проводить.
Она ведь была,
Как звездная ночь,
Наполнена светом,
Что смог погасить.

Цветы оплетут
Ее нежную плоть,
А телу убийцы
И духу его
Не ведать покоя,
Вовек не уснуть,
Лететь черной птицей
Над мертвой страной...⁶⁶

Пламя обняло женщину со всех сторон и стало её вторым платьем — трепещущим и прекрасным.

— Pada, ionyo. U-gosta,⁶⁷ — послышался из огня голос эльфийки.

— Padan, папа!⁶⁸ — звонко откликнулся мальчик, улыбнулся — и ровным шагом вошёл в огонь, протягивая руки.

Он успел прижаться к матери.

В тишине ревело пламя. И только. Больше — ни звука.

Потом женщина и ребёнок упали.

Гарав закрыл глаза.

— Когда уляжется пламя — убери тут, — приказал Ангмар. — Слева сброс, там просто открывается ящик. А на правую сторону не ходи, там камеры, и не все пусты... а кое-кто из их обитателей давно лишился рассудка. Подойдёшь близко — могут дотянуться...

...Когда мальчик выбрался на галерею, Ангмар отметил, что в его огромных глазах нет ничего, кроме страха. Белая кожа, синие круги у глаз и рта...

— Убрал? — Король облокотился на перила. Снаружи опять шёл дождь, настоящий.

— Да, мой король, — тонко сказал Гарав. — Там почти ничего не осталось...

— Вот странность... — Ангмар вдруг, обернувшись, чуть наклонил голову, разглядывая Гараву. — Меня к тебе необъяснимым образом тянет...

Гарав поднял глаза. Пожал плечами:

— Ладно... Только я ничего такого не умею. У меня была одна девушка, а с мужчинами... — Он криво усмехнулся. — В общем, вы как-нибудь сами всё делайте. Куда идти? Или здесь?

Ангмар рассмеялся. Невесело, даже с какой-то... болью, что ли?

— Знаешь, даже в бытность свою... другим, я никогда не одобрял этих влечений к одному с собой полу. Женщин у меня было немало... но так давно, что я и забыл, как это... Нет, мальчик, я о другом. Мне временами кажется, что ты — книга, которую я хотел прочитать очень давно... а потом отвлёкся и забыл на полке. И с тех пор всё время мешают взяться какие-то дела... Что скажешь на это?

Гарав опять пожал плечами:

— Ничего, ваше величество. Я не понимаю, о чём вы.

— Да? — Ангмар помедлил.

Отчётливой была сцена из фильма, виденного Пашкой, — не из книги.

Эовин. Мерри. Пеленнорские поля. Удар в ногу, удар в лицо... КОЛЬЦО.

— Какое кольцо? — резко спросил Ангмар. Гарав обмер. Он только теперь понял, что может случиться прямо сейчас. И перестал быть. Перестал мыслить и дышать.

Его спасло именно это. Это — и появившийся в конце галереи Руэта. Лицо вождя

⁶⁶ Песенный текст группы «Тамлин».

⁶⁷ Иди, сынок. Не бойся.

⁶⁸ Я иду, мама!

холмовиков было гневным, шаг уверенным, он держал руку на рукояти меча... но Гарав почти усмехнулся.

Руэта боялся.

Не доходя до Ангмара нескольких шагов, он отсалютовал и хмуро сказал:

— Нам надо поговорить, король.

— Несомненно... — Ангмар посмотрел на Гараву. — Ты можешь идти. Тарик наверняка нуждается в тебе... а я уже показал всё, что хотел... на сегодня.

Гарав поклонился. И пошёл прочь, стараясь не спешить.

— Он всё поймёт. Не сегодня, так завтра, — горячечно шептал мальчишка. И отчётливо увидел: а ведь для всего Средиземья лучше, чтобы он, Гарав, просто перестал жить. Сейчас же. Сию секунду.

На лестнице он чуть не упал и долго стоял, подставив лицо дождю — покрытый липким потом страха. Думал.

Сейчас пойти, повалиться в ноги и рассказать Ему. Всё рассказать, оборвать эту муку. Рассказать про будущее, про Кольцо, про всю эту нелепую фантастику, которая вдруг стала реальностью.

Мысль о признании обдала ужасом. Но... это был сладкий ужас. Какой-то мазохистский. И... не только ужас. На миг Гарав отчётливо представил себе, куда может вознести его самого такой рассказ.

Это не fyellk, это не theyd, не годы и годы опасной и тяжёлой службы. Такое бывает в жизни одного человека из миллиона. Такой скачок — это... это... это...

Он всё равно уже предатель, и в Кардолане его ждёт меч. А тут — полчаса рассказа, и будущее... Почему-то Гарав был уверен в том, что благодарность Ангмара — может быть, расчетливая и холодная — всё-таки будет не фальшивой и веской.

Весьма.

Мальчишка закрыл лицо рукой.

Как же страшно.

В долине — строй домов многоэтажных,
Коробок из камней и кирпича.
А за Рекою — черный дым все так же
И пламени отсветы по ночам.
Зловонием курятся шлака горы,
Тускнеет солнце в дыме, восходя.
Ползут с востока тучи и на город
Роняют капли черного дождя.
А люди, ничего не замечая,
И думать не желая про Врага,
Лишь о своем заботясь и печальясь,
Спокойно обживают берега.
Отстроены мосты, а переправы
Давным-давно забыли блеск мечей.
И в Реку, исходя холодным паром,
Вливается отравленный ручей.
А на горе — разрушенная крепость,
Остатки стен скрываются в траве,
Заросшие бойницы смотрят слепо,
И копоть красит камни в серый цвет.
Железные ворота с петель сбиты,
И часовые вход не стерегут.
Зачем? Ведь крепость всеми позабыта
И не нужна ни другу, ни Врагу.

В камнях гнездятся полевые мыши,
На стенах в полдень греются ужи...
Кто скажет, кто ответит, как так вышло,
Что пала Цитадель, а Мордор жив?!⁶⁹

Но предел есть даже у самого страшного страха. Тот предел, за которым уже не страшно.

Как часто те, кто правит кнутом страха, не понимают этого. Даже если они мудры — на горе людям...

...Те, кто считает, что самая страшная на свете боль — физическая, что моральные муки ничто по сравнению с муками тела — а такая точка зрения в последнее время очень была распространена в мире Пашки, — обманывают и успокаивают себя и других. Так проще жить и оправдывать предательство — надо лишь убаюкать свою совесть словами о том, что «жизнь одна», что «иначе было нельзя»...

Но у Гаравы — даже надломленного, испуганного, сжавшегося — совесть всё-таки была. И она говорила ему беспощадно: «Жизнь одна? Ну так живи — доволен?! Иначе было нельзя? Можно, не ври себе!»

Мальчишка вдруг отчётливо понял, что всё равно рано или поздно умрёт здесь. Тогда зачем трястись и цепляться за это... существование?

Но умереть нужно было так, чтобы хоть немного искупить свою трусость и своё предательство.

Правда, о том, что ждёт его в случае неудачи, Гарав старался просто не думать...

...В комнате опять горела лампа. Тарика не было. Гарав медленно снял перевязи, сел к столу, на котором — в раскрытой книге — бежали ряды букв. Интересно, что тут написано?

— Ломион, — позвал он. — Ломион Мелиссэ, я жду тебя...

...Существо с прекрасным лицом и неживой сияющей улыбкой на тонких губах сидело напротив мальчика. Оно слушало. Слушало горячечные слова внимательно... хотя мальчик мог ничего не говорить. Зачем? И так всё было понятно...

«Так ты отдашь?»

— Да, но сейчас — спаси их!!! — выкрикнул Гарав. Сжал и разжал кулаки, покачался на скамье. — Спаси их, ты же говорила, что можешь!!!

«ХОРОШО. Подожди. Я тебя позову. Ты услышишь и придёшь. Услышишь песню... А потом, после расчёта, я скажу тебе, что надо делать».

Она встала. Лёгкий клочок тумана пролетел по комнате. Прозвенели колокольчики, растаял звук шагов.

Мальчик за столом уронил голову на руки.

* * *

Гарав слышал песню, когда проходил мимо спуска в подвал — рядом с большим залом — с охапкой дров для камина в комнате.

Песня звучала внизу, в темноте. И никуда от неё было не деться — и, главное, НЕЛЬЗЯ было деваться.

Гарав ступил на лестницу. Сухо застучало оброненное «топливо».

Он вдруг ПОНЯЛ, что надо делать. И только крошечная часть сознания ещё кричала: «Не надо, не смей, не ходи-и-и!»

— ТЫ тут? — спросил он.

«Да, — ответила темнота насмешливо. — А ТЫ зачем пришёл?»

— Я хочу заключить с тобой договор, — сказал мальчишка стеклянным высоким

⁶⁹ Стихи Эйлиан.

голосом, двигаясь, как робот в старом фильме. — Ты получишь от меня пищу. И поможешь Эйнору и Фередиру.

Темнота плавным движением обвила его, как плащ. Послышался холодный смех.

«Мой храбрый и любопытный мальчик... Мой принц... Хочешь быть моим принцем?»

— Нет, — отрезал Гарав. — Говори, что надо делать. Я готов.

«Если не хочешь быть моим принцем, то станешь моим рабом, — сказала темнота. — Хочешь быть моим рабом? Кое-кто и это находит интересным... и придумывает для себя ТАКОЕ рабство, что даже МНЕ становится любопытно, хотя я видела ВСЁ... Люди бывают такие смешные и странные, даже в твои годы... Всё что-то прячут, прячут в темноте от меня, забывая, что прячут ОТ МЕНЯ — ВО МНЕ. Глупо...»

— Я хочу, чтобы ты взяла, что тебе нужно, и помогла моим друзьям, — сквозь стиснутые зубы выцедил Гарав. — Говори, что делать.

«Хорошо, я согласна», — неожиданно легко ответила — Гарав даже дёрнулся изумлённо — темнота. «Иди сюда», — услышал он затем. И увидел дорожку синеватого цвета — через тьму. В конце дорожки стояло старое кожаное кресло. «Иди сюда и раздевайся».

Ничего не спрашивая, мальчишка молча подошёл к креслу и быстро разделся, бросая одежду на пол. Странно, пол не был холодным. Он был тёплым и вроде бы пульсировал, как огромная нагноившаяся рана. А свет — светлый прямоугольник наверху лестницы — померк сперва, а потом и вовсе исчез, как будто медленно закрылась дверь...

«Какой ты незащищённый без оружия и одежды, мальчишка, — шепнула темнота в ухо. — Сядь в кресло... положи руки на подлокотники... голову откинь на спинку... и поверни её влево... Вот так. Молодец. Послушный мальчик. За это тебе не будет ОЧЕНЬ УЖ больно».

Кожа кресла была тоже тёплой и мерзко ЖИВОЙ, как у ящера какого-то. И Гарав беспрекословно выполнил всё, что требовала ОНА. Хотел закрыть глаза, но не стал — и безучастно уставился в невидимый потолок.

«Хочешь, мы сперва немного поиграем, — предложила темнота. — Тебе понравится». Гарав вдруг увидел надвинувшееся лицо девушки — на пару лет старше его самого, красивое и насмешливое. Не то, которое было у Ломион Мелиссэ раньше, более человеческое. Ощутил, как язык красавицы коснулся шеи — пониже челюсти справа. Провёл по коже — влажный, тёплый. И вдруг нажал, стал твёрдым и настойчивым... и невероятно приятным. Его движения не прекращались, стали ритмичным, быстрыми — и Гарав не выдержал, застонал от удовольствия, сам трогая свои щёки языком изнутри... и с трудом проговорил:

— Не хочу... чтобы ТЫ... была со мной... так... Бери, что нужно. Не надо меня... лапать.

«Но я вижу, что тебе понравилось, — засмеялась тьма. — Может быть...»

— Нет, — отрезал Гарав, закрывая всё-таки глаза, чтобы не видеть лица красавицы, в котором начала проступать Мэлэт.

«Ну что ж, — вздохнула тьма с сожалением, показавшимся Гараву искренним. — Тогда пусть...»

Шеи коснулись ледяные губы. Гарав обмер от пришедшего наконец ужаса... но было поздно.

Боль была огненной, резкой, но очень короткой. Охнув, Гарав дёрнулся и обмяк. Стало немного трудно дышать... но голова приятно и сладко закружилась, а потом по всему телу начали расплываться вязкие волны истомы; шея онемела.

Мальчишка опять застонал — тихо-тихо, прикрывая глаза. Гарав ощущал, как ОНА пьёт его кровь — не жадно, а аккуратно, как-то даже изысканно... как будто некая чёрная герцогиня, развратная и воспитанная одновременно — красное вино из красивого бокала... Голова кружилась... кружилась... кружжилася...

«Больно?» — спросила ОНА.

— Нет... приятно... пей, пей, — искренне прошептал Гарав. Слабо улыбнулся и спросил покорно, без интереса: — Ты меня выпьешь всего?

«Нет, я выпью лишь немного. Ты честен со мной, мальчик. И я тоже буду с тобой честна. Но ещё немного я попью. У тебя восхитительная кровь. Страх, отвага, любовь, ненависть, боль, восхищение — какой милый коктейль... Это бывает только у мальчишек...»

ОНА опять приникла к шее расслабившегося в кресле мальчика, касаясь его тела тут и там, словно танцуя вокруг Гаравы. Тот не возражал и не сопротивлялся — с застывшей улыбкой глядел в угол потолка пустыми глазами. Он слушал песню и думал, что она красивая — раньше он просто не понимал... а теперь понял... понял... понял...

«Ты отверг девушку, но хочешь, — прошептала ОНА, — я приму облик этого мальчика... Фередира? Вокруг МОЁ царство, а в темноте не бывает ничего стыдного... Мне не трудно. Хочешь? И он будет послушным, таким, как ты пожелаешь...»

— Нет, — Гарав ожил. Сжал губы. — Хватит. Довольно. Ты получила своё. Разве нет?

«Да, — усмехнулась тьма. — И я сдержу слово. Не трону твоих друзей... спасу и буду хранить в пути... пока ты САМ мне их не отдашь».

— Ты выжила из ума, ночная б...дь, — усмехнулся Гарав, поворачивая голову. Потрогал шею рукой — было больно, но кровь не текла, только немного припухла кожа над сонной. — Наверное, от переизбытка железа в пище...

«Приведёшь их мне, — засмеялась ОНА звонкими страшными колокольчиками. — Сделаешь с ними то, что я захочу. Так будет, глупый мальчик. Одевайся и иди. Воюй, МОЙ рыцарь...»

...Гарав понял, что лежит на холодном каменном полу — всё ещё голый. Было темно. Шея болела — нет, ныла и подёргивала...

...Тьма с усмешкой наблюдала за лежащим на полу подростком. Картины, промелькнувшие перед мысленным взором мальчишки в момент высшего наслаждения, когда он громко вскрикнул и крупно задрожал (а ОНА постаралась сделать его ощущения как можно острее и слегка приправить их болью — это только усилит наслаждение, пусть привыкает...) — там, в видениях, была ОНА, её аватара с прекрасным лицом Мэлэт, хотя мальчик едва ли осознавал сам, КОГО представляет.

Ну что ж, неплох. Не шедевр, но неплох. Сильный, умный, храбрый... и растерянный. Ещё один экспонат в коллекцию. Правда, кое-что мешало. И сейчас мешает. Сильно мешали эти песенки, которые мальчишка то и дело крутил в голове. Сильнее — ТА ДЕВЧОНКА, эльфийка, с её просьбами и молитвами. Мальчик не слышал их, но они его хранили даже в глухоте. Ещё сильнее то, что мальчик верил по-прежнему в честное слово, в отвагу, в честь, в дружбу, во многое другое, ненавистное и неподвластное ЕЙ... Не разуверился пока и скорее СЕБЯ считал недостойным этих понятий, а не ИХ — ненужным и лишним ему мусором...

Ничего. Постепенно и это исправится. Строгий поводок — из жалости, любви, даже желания испытать снова ЭТУ боль — будет готов очень скоро. Мальчишка сам застегнёт его на своей шее (так, чтобы не мешать ЕЙ пить). И будет в восторге от того, что стал ЕЕ псом. В восторге от того, что шипы ошейника ранят кожу. В восторге от того, что можно разрывать ЕЁ врагов.

ОНА подумала о ТОМ, наверху. Ему с его глупой вербовкой было далеко до неё. Он только ПУГАЛ и ЛГАЛ. И он, и его Хозяин на самом деле всего лишь один из слуг НАСТОЯЩЕГО, ДРЕВНЕГО Хозяина, которому некогда присягнула и она! Они могли и умели так мало, они ставили на страх и растерянность... Фи, какая убогая гамма чувств... А ОНА — ОНА заставляла себя ЛЮБИТЬ. Искренне, до рыданий, до неистового обожания. До того, что некоторые из её пёсиков кончали с собой самыми непредставимо жуткими, противоестественными способами, стоило ЕЙ забавы ради отказать кому-то в очередной встрече... Иногда ОНА являлась к умирающему, чтобы приласкать его напоследок. Иногда — чтобы посмеяться над ним. И то и другое было интересно, хотя и по-разному. ОНА вспомнила кудрявого рыжего холмовика... как его звали?.. нет, пропало имя... который, услышав от НЕЁ «нет» в очередной раз, пропустил через живот найдённую проволоку и

повесился на ней в сторожевой башне. ОНА стояла и смотрела, как он умирает, умирает в жутких муках, но молча, глядя на неё обожающими глазами. А потом посмеялась и ушла. И долго слушала, стоя на башне, как он закричал... и кричит, кричит... и как другие пытаются выломать дверь...

«Гарав, — наклонилась Ломион Мелисса к мальчику. — Ты выполнил обещание. Теперь мой черёд. Вставай и одевайся, мальчик».

Глава 25, в которой трое друзей с необычайной лёгкостью бегут из Карн Дума, но зато потом Ломион Мелиссэ приходит за платой

«Здесь очень холодно, мама, — бежали по чуть шероховатому листу пергамента строчки эльфийской вязи. — Так холодно, что в этом холоде замерзает даже моя ненависть к проклятым изменникам — „Верным“. Я знаю, ты, воспитавшая меня с мыслью о мести за отца и братьев, что пали от мечей нимри и их псов, предавших нашу кровь, поднимешь брови в недоумении, читая эти строки. Но поверь — ты поверь, ты, так редко целовавшая меня и так сильно любимая мной! — что здесь всё видится иным, в этих мокрых горах, под небом, так не похожим на наше.

У меня новый...»

Тарик отложил кисть и слегка нахмурился. О чём он хотел писать дальше? Новый кто? Новый что? Морэдайн слегка потянулся и нахмурился. Мысль ускользнула. Странно.

Ощущалось, будто он забыл что-то довольно важное. Во всяком случае — не мелочь какую-то. Как-то нелепо забыл. Разом.

Смешно.

Тарик вздохнул и отодвинул недописанное письмо. Подтащил к себе ведомости по оркам. И снова взялся за кисть, мельком подумав, что в комнате почти погас камин — а ведь он говорил... говорил кому-то насчёт дров... Кому?

Нет, не вспомнить.

Морэдайн углубился в подсчёты...

...Шедший по галерее мальчишка-оруженосец был в полном доспехе, с дорожными сумками, с арбалетом. Пару раз ему попались навстречу люди, от которых он шарахался. И, видимо, имел для этого основания.

Люди не просто не обращали на него внимания — они шли на оруженосца, как на пустое место. Никто не спросил ничего, никто не посмотрел...

«...Видишь, я держу слово», — промурлыкала большой кошкой Ломион Мелиссэ.

Гарав молчал. Страх наполнял его до краев, выплёскивался... но это был не ледяной страх, а деловитый, холодный и острый, придававший движениям и мыслям завершенность. Он думал сразу о десятке вещей, и — что интересно — мысли не смешивались, не наталкивались друг на друга, не путались.

«Почему ты такой напряжённый, — капризно спросила Ломион Мелиссэ. — Всё будет, как я обещала. И здесь. И потом. — Она рассмеялась. — Вы уйдёте отсюда и дальше. А когда настанет час — ты отдашь мне своих друзей сам. Ты ведь убедился, что это приятней, чем быть пленником Ангмара».

«Послушай, — подумал Гарав. — Ты кто?»

«Я? — Казалось, Ломион Мелиссэ удивилась и даже озадачилась. — Я здесь просто живу. Когда-то давно я — майя Мэлэт — была в свите Ваны.⁷⁰ Давно, очень давно. Тогда было веселей. — В мыслях Ломион Мелиссэ прозвучала детская обида. — Мне не было больно от солнечного света, я танцевала на полянах среди цветов — днём! — и люди меня любили сами, первые. Даже Оромэ меня любил... но потом ОН сказал мне, что надо... Я не

⁷⁰ Одна из Валар, супруга Оромэ Охотника, покровительница юности и веселья.

хотела ничего дурного, только любить! А Оромэ и Вана отказались от меня, и я ушла... было холодно и скучно... а у НЕГО было страшно... Перестань об этом спрашивать человек, мне больно», — вдруг взвизгнул красивый голос.

«Я не буду больше, — подумал Гарав. — Я не буду. Не сердись».

«Я не сержусь, — опять замурлыкал голос. — Не сержусь, мальчик. Я просто вспомнила и обиделась. Тогда меня любили... — голос стал неуверенным... — любили... как-то иначе... это было лучше и... и... и...»

Гарав дёрнулся, ему показалось, что недовольство Ломион Мелиссэ прожгло шею — там, на месте укуса — раскалённым стальным штырьком...

...У входа в тюремный коридор на этот раз дежурили четверо воинов-холмовиков. Они о чём-то негромко разговаривали друг с другом — и Гарав ощутил на своём лице идиотскую улыбку, когда проходил между ними. Лишь один как-то повёл плечами и осмотрелся... но тут же вернулся к общему разговору.

«Здесь, — сказала Ломион Мелиссэ, останавливаясь возле пятой камеры. — Можешь шуметь, они не услышат. Никто не услышит. Они сейчас думают о своих женщинах, мальчик. Им не до шума в коридоре».

Оценив замок, Гарав усмехнулся бледной улыбкой, не очень приятной. Ну ещё бы. Из Карн Дума просто некуда бежать. Зачем особые хитрости? Два ушка, обычный амбарный полупудовик.

Положив сумки и всё лишнее на каменный сырой пол, Гарав вытащил из петли топор и ахнул по замку обухом. Туда, где могучая дужка уходила в проём.

Замок распался с неожиданно тонким «скрик!». Мальчишка мельком оглянулся. Видные отсюда в свете факелов стражники даже не пошевелились.

Внутри тесного — полтора на полтора на полтора метра — каменного кубика полился холодный зеленоватый свет. Откуда-то из-за спины Гарав. В этом сиянии он увидел Фередира.

Фередир лежал, скорчившись и спрятав руки под мышки. Где на нём остатки одежды, где собственная окровавленная кожа, понять было невозможно. Но зато Гарав отчётливо различил, что все пальцы на руках друга переломаны — со вкусом и старанием — и обожжены дочерна.

«Можешь ему помочь?» — В вопросе Гарав не было ничего, кроме вопроса.

Зелёное сияние заполнило камеру целиком. Фередир вскрикнул и очнулся.

— Ни... за... что... — в три приёма выдохнул он в лицо склонившейся над ним фигуре, окружённой зеленоватым ореолом — фигуре человека с лицом, очень похожим на лицо Гарав, но... Конечно же, это был злобный морок, потому что сквозь лицо Волчонка проглядывали страшные, нечеловеческие черты. — Не испугаешь... будь ты... проклят...

— Федька, ну это я! — Гарав опустился на второе колено. — Федька, это я, я за тобой! Можешь встать? Встать можешь?! Ну скажи?!

«Не кричи, — произнесла Ломион Мелиссэ. — Молчи. Мешаешь».

Искалеченного мальчика ей было жалко. Его жизнь висела на тоненькой ниточке, оборвётся — и душа полетит в такие дали, куда не угнаться было бы и прежней Мэлэт. В теле не осталось почти ни одной целой кости, множество ран и ожогов буквально источали в сырой холодный воздух остатки жизни. Но для Ломион Мелиссэ ничего неизлечимого тут не было...

«Ты заплатишь мне?»

«Да, да, да, стерва!!! Миллион раз — ДА!!!» — Гарав прокричал эти слова молча, безумно.

Ответом был смех — лёгкий и звонкий...

* * *

Эйнор ещё не терял сознания — ни разу за эти пять дней. Он даже более-менее

нормально спал и не отказывался есть, хотя в окружающем мраке, как ни напрягался, не мог понять, кто приносит еду. Что-то могло измениться в конце концов. Это он говорил себе постоянно... но настоящая причина его терпения заключалась в том, что он просто хотел жить. Ужасно хотел жить. До крика хотел жить.

Ты можешь быть нуменорцем до мозга костей. Высшим существом, почти равным эльфам, для огромного количества взрослых людей. Но это поклонение и почитание не изменят простой истины: тебе семнадцать лет и ты боишься умирать в черноте подземелья — зная, что твоей душой тут же овладеет злобное и тысячекратно более сильное существо.

Эйно́р думал. Большею частью всё-таки не о себе, а о словах Ангмара. Стремился ли Черный Король его напугать — или и правда у него не было секретов при дворах Артедайна и Кардолана? Если это так — висение распятым в темноте было не просто страшным, оно было ужасным. Знает ли Нарак, знает ли Арвелег, что Ангмар — знает?

Забавная игра слов...

...Когда дверь распахнулась и внутрь с факелами вошли Гарав и Фередир, Эйно́р спокойно понял, что это первый шаг к потере контроля за разумом. Оруженосцы были мертвы. Но они стояли напротив него. Более того — в доспехах и с оружием.

Фередир плакал — тихо и, видно, сам того не замечая. У мальчика был измученный вид, казалось, он вот-вот рухнет под тяжестью своих же доспехов. Но если Фередир выглядел просто измученным, то на Гараву было прямо-таки страшно смотреть. Лицо Волчонка истончилось, скулы выперло, глаза стали огромными, как у дроу⁷¹ из легенд — и в них, густо обмётанных сине-черным, жил ужас, хотя в остальном Гарав выглядел намного лучше Фереди́ра.

— Мы за тобой, — сказал Гарав. Эйно́р сглотнул и ответил чужим голосом:

— Я не могу. Камень... вы же видите?

— Какой камень? — всхлипнул Фередир и улыбнулся. — Ты просто стоишь у стены, Эйно́р...

— А? — Эйно́р оглядел себя в свете факелов. Мальчишки между тем просто-напросто дёрнули нуменорца на себя за руки — и Эйно́р повалился кулем, не чувствуя ни рук, ни ног.

Какое-то время он лежал ничком. Мальчишки стояли рядом, держа факела — с них на пол падали горячие струйки смолы: пиут... пиут... пфить... Потом Эйно́р поднёс к глазам руку с кольцом.

Калан Айар умер. Жемчужина почернела и была похожа на изъеденный кавернами кусочек шлака.

— Великая беда ждёт Кардолан, — сказал Эйно́р, вставая. Он не стал спрашивать, как удалось мальчишкам то, что удалось. Удалось — и надо было пользоваться плодами удачи, вопросы — потом. — Где наши кони?

— Идите за мной, — сказал Гарав.

Еле заметная гримаса исказила на миг его лицо.

* * *

Трое всадников были уже в двадцати лигах на юго-восток от Карн-Дума и пришло утро, когда Тарик проснулся и сказал, вспомнив:

— Гарав?

А потом вскочил и выбежал из комнаты. Почти наткнулся на идущего по коридору Ангмара.

— Где он? — спросил король низким от сгущенного бешенства голосом — стены завибрировали, выпуская тонкие струйки растёртого между камнями в песок скреплявшего

⁷¹ Тёмные эльфы. В мире Дж. Р. Р. Толкиена такой персонаж один — Эол. В других книгах дроу отличаются злобностью, жестокостью, да ещё и живут под землёй, а то и имеют чёрный цвет кожи. На мой взгляд, это вряд ли верно. Скорей всего, это просто ответвление слабообразованных эльфов, ведущих ночной образ жизни.

их раствора.

Тарик покачал головой, не опуская глаз. Потом спросил:

— А где ваши пленники, ваше величество?

Ангмар повернулся и побежал по коридору. Свистел о стены чёрный плащ.

* * *

...Сон, который снился Гараву, сперва был быстрым, суматошным и весёлым. Они скакали вместе с Мэлэт по речному берегу — на неосёдланных конях, разбрызгивая воду и перекликаясь.

И когда он подумал это имя — Мэлэт, — сон изменился СРАЗУ.

Он был на вершине башни. Один... нет! К старому раскрошенному зубцу был привязан — распят на нём — Фередир. Привязан крестом, безоружный. Рядом валялся меч. В глазах мальчишки был ужас. Такой сладкий, такой вкусный ужас...

(Мальчишка наяву застонал и вяло повернулся на скрипнувшей лавке...)

— Ну что... — мягко сказал Гарав, водя глазами по связанному, от пяток до макушки, — вот и всё... — В голосе Гаравы прорезались самому ему неприятные мурлыкающие нотки, как будто кот играл с мышкой. Но остановиться он уже не мог и подошёл ближе, посмотрел в глаза, из которых через край плескал ужас. Дыхнул на горло мальчишки слева и протёр его шею рукавом. Потом за волосы отогнул его голову назад и полюбовался выступившей и пульсирующей артерией. — Тебя, кажется, интересует, что я собираюсь делать? — Мурлыканье стало хрипловатым, и Гарав во сне перестал узнавать свой голос и понял, что говорит голосом Ломион Мелиссэ. — Я расскажу, не волнуйся. Я хочу пить, Фередир. Просто попить. И я собираюсь попить твоей крови. Ну не надо, не дёргайся... — Гарав улыбнулся, с наслаждением наблюдая за тем, как мальчишка рвётся из верёвок, перекосив рот и не в силах даже кричать от ужаса. — Бесполезно. Хотя... одна моя дурная знакомая утверждала, что от страха кровь вкуснее... Нет, пожалуй, не из шеи... я не хочу, чтобы ты быстро умер. Думаю, что, если тебя не кормить и выпивать по стаканчику в день, недели две ты протянешь... Да, кстати. Полюбуйся на солнышко, на небушко — до самой смерти ты пробудешь в подвале. НИЧЕГО ЭТОГО УЖЕ НЕ УВИДИШЬ... Ну вот. Вот отсюда можно. — Гарав погладил кожу на внутренней стороне левого локтевого сгиба мальчишки. — Давай, поработай кулаком... — И он с силой ударил отчаянно мотающего головой из стороны в сторону мальчишку коленом в пах. — Делай, как я сказал, иначе останешься без пальца! — Выхваченный кинжал нажал на основание левого указательного пальца. Мальчишка громко всхлипнул и стал покорно сжимать-разжимать кулак, глядя на Гараву, как загипнотизированный. Кажется, он шептал: «Не надо, не надо, пожалуйста...», но всё равно продолжал работать рукой — и от этого сочетания бессмысленной надежды с покорностью Гарав улыбнулся. Это было так приятно видеть...

(«Пусти, пусти», — невнятно пробормотал мальчишка на лавке.)

Когда под загорелой кожей выступили казавшиеся сине-чёрными тугие канатики вен, Гарав нагнулся, легко — с коротким хрустом — прокусил одну и зажал рану, брызнувшей вишнёвой жидкостью, ртом, ощущая, как неистово забился парень...

Солёная и горячая, ЖИВАЯ кровь была невероятно вкусна. Правой рукой Гарав массировал руку Фередира, чтобы кровь не переставала идти. Он ощущал руками и губами, КАКОЙ ужас — сводящий с ума, всеобъемлющий — живёт в парне, из которого он пьёт кровь.

Наконец он оторвался. Небрежно, но плотно замотал руку Фередира бинтом. Сказал доверительно, глядя ему прямо в полумёртвые расширенные глаза:

— Знаешь, очень вкусно... — Он сцедил красную слюну, и она мгновенно впиталась в камень. — Видишь, как это грустно — когда не хочешь поступать по-человечески? К тебе тоже перестают относиться, как к человеку... А ты не бойся, ты умрёшь незаметно. Первые дня три будет очень хотеться есть, а потом просто будешь слабеть, слабеть, уснёшь и не

проснёшься...

(«Не проснёшься, не проснёшься», — бормотал Гарав, гримасничая во сне...)

... — Гарав, проснись. Волчонок, да проснись же!

Гарав ошалело сел, со свистом дыша. Фередир тряс его за плечи, глядя с испугом. В разбитую дверь косо падали последние солнечные лучи.

— Да? — прохрипел-простонал Гарав, постепенно приходя в себя. Шея болела. Снаружи похрапывали и фыркали кони. Эйно́р спал на другой лавке. На каменном выбитом полу тут и там были разбросаны одежда и снаряжение...

...Они скакали... скакали всю оставшуюся ночь и день до того момента, когда солнце, проглянувшее из туч, начало опускаться. Попадались люди, много людей. Но никто не замечал тройку несущихся всадников. Если бы они могли взглянуть на себя со стороны, то увидели бы окутавшую и их, и коней сероватую лёгкую пелену. То ли дым, то ли туман — но взгляды встреченных людей и орков скользили мимо, мимо, мимо... Потом они забрали к западу, прочь от дорог — и лес, не такой, как на севере, в землях фородвэйт, но всё-таки очень и очень густой, скрыл их и заставил перейти на шаг. Вовремя. Кони уже устали...

Когда солнце прошло половину пути от зенита к земле, из леса — будто сама собой! — выросла башня.

Башня была старая, приземистая, ушедшая в землю под своей тяжестью, какая-то торчащая во все стороны нелепыми углами и выступами — но, как оказалось, неожиданно крепкая. Потом, даже не поев, кое-как расседлав коней, они разбросали плащи и одеяла (всё снаряжение и оружие так и лежали в одной из оружейных комнат, Ломион Мелиссэ показала равнодушно, где; только деньги и шкурки горностаев пропали, конечно...) и свалились на них замертво. А вот проспали, кажется, часа четыре, не больше.

— Что? — снова спросил Гарав и потрогал шею. Тугая онемелая опухоль, внутри которой дёргалась боль, шла от ключицы к низу уха.

— Откуда это? — Фередир не сводил с Гарава глаз. В глазах был испуг.

Гарав открыл рот. И смолчал. Он видел, что Фередир боится.

И ещё Гарав хотелось пить. И есть.

Но ни вода, ни в спешке прихваченные сухари с копчёным мясом Гараву не были по вкусу. Более того — при воспоминании о них начинало жечь горло.

— Я поранился... когда спасал вас, — намеренно равнодушно сказал Гарав. Страх в глазах Фереди́ра отступил, он откинулся на лавку и покачал головой:

— Я до сих пор не понимаю, как это было... — Он посмотрел на свои руки и скривился. — Знаешь, меня...

— Знаю, — Гарав сел, поерошил волосы, потом рванул за них несколько раз.

Неужели так быстро?!

— Я не понимаю, куда всё делось, — признался Фередир. — От такого мне надо было или умереть... или отлёживаться в хорошей лечебнице с месяц, не меньше.

— Ты молодец, — невпопад отозвался Гарав. Тот криво усмехнулся и вздрогнул всем телом:

— Молодец... Я, Волчонок, орал и визжал, как поросёнок... Не вытерпел... А, да что там, сам знаешь.

Гарав съёжился ещё больше. Фередир думал, что его, Гарава, тоже пытали. И что он, Гарав, как и «оравший и визжавший, как поросёнок» Фередир, не отказался от своей клятвы. И что им просто повезло.

Повезло ли?

И что скажет Эйно́р, когда проснётся?

— Я пойду... дров соберу... и за водой... — Гарав сказал первое, что пришло в голову. Встал, покачнулся. Удержался на ногах, поднял кувшин — пусто и чистый, они нашли его около родника за башней. Фередир тоже хотел подняться, но плюхнулся обратно и смущённо сказал:

— Я не могу... Ноги не держат почти.

— Я один, быстро, — скомкано сказал Гарав. Стараясь держаться прямо, пошёл из полукруглого зала к выходу — в небольшую прихожую, где догнивали остатки разбитых дверей. От них на каменном косяке сохранились только вросшие в гранит рыжие от ржавчины петли.

Голова кружилась. Хотелось пить и есть. И Гарав знал — чего ему хочется.

Языком он потрогал зубы. Усмехнулся. Глупости какие. Нет там никаких клыков. Не нужны для этого клыки.

Снаружи начинало темнеть, и Гарав хотел было шагнуть туда — но услышал, как захрапели кони. И остановился, поняв, кого они боятся. В этот момент лицо мальчишки было страшным и горьким.

— Как быстро... — прошептал он вслух.

Гарав шагнул к лестнице, начинавшейся за его спиной, — лестнице на верхние этажи башни. Толкнувшееся человеческое любопытство заставило его босую ногу встать не на нижнюю ступеньку, открывающую путь на первый этаж, к друзьям, а наверх, по винтовой лестнице, заключенной в башне. Мальчишка тихо преодолевал виток за витком, поднимаясь всё выше. Некоторые комнатки-каморки, прилепленные к башенной стене, были открыты — и Гарав в них заглядывал. Ничего. Лишь мусор, пыль. Комнаты были нежилыми и пустынными, выглядели заброшенными и больше всего навевали мысль о средневековых привидениях. Он невольно ускорил шаг. Лишь одна каморка, почти под самой крышей, была заперта. И что странно — заперта снаружи, а не со стороны комнаты, засовом. Мальчик положил ладонь на шершавый металл, намереваясь сдвинуть запирающий язык в сторону, как вдруг за дверью послышался стон. Не человеческий, а тонкий, кошачий, и в то же время не кошачий. От стоны веяло могильным холодом. И вот что-то приблизилось к двери, припало к ней с той стороны.

— Гарааааав... мальчик мой... — раздался странный шепот. Именно шёпот, слова вслух, не мысли. — Ты пришел ко мне? Рано. У тебя есть один час. Потом ты умрешь. И родишься заново. А те, кого ты любишь, тоже умрут. Насовсем. Кого ты любишь, Гарав, ты решил? Остался всего час...

Чувствуя, как кожу покрывают мурашки, мальчишка попятился, пока не уперся спиной в гранит. Кувшин выпал из разжавшихся вспотевших ладоней и звонко лопнул, ударившись о ступени, осколки запрыгали в них.

— Ломион! — отчаянно крикнул он. — Чего ты хочешь, Ломион Мелиссэ?! Мы в расчёте!!! Я отдал тебе свою кровь, а на них — на них договора не было!!!

— А я их и не трону, — засмеялась Ломион Мелиссэ. — Это ты их мне отдашь. Сам. Я же говорила тебе, а ты не верил... И большое тебе спасибо за то, что помог мне перебраться сюда. Ты ведь возьмёшь меня с собой и дальше, да?

Дверь вздрогнула. Гарав опрометью бросился назад по лестнице.

Первое, что его встретило в зале, — был взгляд Эйнора.

* * *

— Осталось не больше часа.

Эйнор рассматривал шею сидящего на скамье Гарава. Фередир, бросая на друзей взгляды, полные ужаса, ходил по залу, позвякивая металлом. Его пошатывало, но он ходил и ходил.

— И что... потом? — В горле Гарава пискнуло.

— Потом ты станешь упырём, — спокойно ответил Эйнор. Гарав коротко передохнул и спрятал лицо в ладонях.

— Тогда уезжайте, — сказал он. — Скачите отсюда.

— Бессмысленно... — Пальцы Эйнора чуть надавили на опухоль, боль отпустила, но ненадолго. — Если эта тварь тут, то она просто так не отцепится... Как ты ухитрился-то?! Это же нужно самому... — Эйнор осекся, глядя в макушку Гарава. — Посмотри мне в

глаза. — Голос нуменорца стал жёстким.

— Эйно́р, — быстро сказал Фереди́р, пятясь от дверного проёма, кое-как заставленного обломками и подпёртого досками. — Эйно́р. Эйно́р, она идёт сюда.

Он вытягивал меч и вздрагивал.

Эйно́р поднялся. Сверкнул Бар. Гарав поднял лицо.

— Мальчи-и-ики-и-и... — Голос за дверью был похож на звон хрустального колокольчика. — Мальчики, я иду... — Послышался нежный смех. — Вы уже решили, кого отдадите мне первым? Эй-н-о-о-ор... Гарав... Фе-ре-ди-ир... — Снова смех. — Я никого не забыла, нет? Вы даже представить себе не можете, ЧТО вас ждёт. Даже представить не можете, КАК вам будет больно и страшно.

Импровизированная «дверь» рассыпалась инеистым вихрем.

В зелёный луч света, упавший из промёрзшего насквозь помещения, которое было прихожей, шагнула девушка. И подняла голову.

— Гарав, — сказала Мэлет. — Вот и я. Я тебя нашла. Ты рад? Иди же сюда... пёсик. К хозяйке. ИДИ.

— Мэлет, — выдохнул Гарав морозное облачко. И внезапно резко ударил в сторону и вверх ногой — в живот Эйно́ру. Прыгнул вперёд, сшибая Фереди́ра чётким, отработанным ещё Пашкой, прикладом заряженного арбалета. Сделал три быстрых шага. И опустился на колени. — Мэлет...

— ИДИ КО МНЕ, — послышался голос девушки, которая со злой ликующей улыбкой смотрела вверх. — Иди, милый. Мы так давно хотели сделать ЭТО. Сделаем сейчас... ЭТИ подождут и посмотрят. А потом ты убьёшь их обоих. Нуменорца ты выпотрошишь... и подаришь мне его голову, я хочу с ней поиграть. А младшему просто отрубишь голову. Ты ведь доставишь мне такое удовольствие, я очень хочу на это посмотреть... Ну же, давай, иди, где ты, Гара-а-ав...

— Да, да, моя королева... — шептал Гарав, подходя вплотную. И вдруг раздался хриплый торжествующий лай, почти ничего общего не имевший с его голосом: — ПОЛУЧАЙ, ЧЁРНАЯ КУРВА!!!

Выпущенная в упор арбалетная стрела швырнула мгновенно потерявшую облик эльфийской красавицы Ломион Мелиссэ обратно в замороженный коридорчик, к основанию лестницы. От дикого воя закачались стены; из мгновенно почерневшего проёма хлынул ледяной воздух, тугой и упругий, как резиновые тяжи. Гарав прыгнул вперёд, держа в руке не меч — его он отбросил, как и арбалет, — а кинжал. Пропал в темноте по пояс, как в кипящей смоле. Рука взлетела и опустилась — раз, другой, третий...

Потом он почувствовал, как ледяные пальцы разорвали грудь и сдавили сердце. Боль была такой ужасной, что он, к счастью, не смог осознать её и не ощутил, как отлетел на ступени. Но по ту сторону боли открылся чёрный коридор, полный... «Нет, — подумал Гарав. — Нет, нет, НЕТ!!!» И подумал ещё, что теперь он будет кричать, кричать, кричать...

Только кричать — всю... нет, не жизнь. Всё... нет, не время.

Теперь он будет только кричать...

...Его тело скатилось по ступенькам обратно в чёрный ледяной омут.

— Гарав! — Фереди́р поднялся, шатаясь, оглушённый ударом арбалета, но рванулся с места пульей, лишь на миг ощутив, как пальцы Эйно́ра беспомощно пытались удержать его за куртку. — Гарав!

Эйно́р что-то кричал вслед, но Фереди́р не слушал, скоро он был уже рядом с другом, который корчился, казалось, в невыносимой боли.

Мальчишка опустился на колени и попытался удержать его, чтобы рассмотреть раны...

...Нет, не получалось кричать. Даже кричать не получалось. Вокруг вращался хоровод теней, и каждая претендовала на одно — быть первой в доле, сделать Гараву именно частью СЕБЯ. «Хочешь, хочешь, хочешь, — шептали они. — Иди, иди, иди, — перекликались голоса. — Мой, мой, мой», — зло спорили призраки. Мелькнули лица — цепочка лиц, искажённых страхом и мукой. «А вот, а вот, а вот», — хихикали вокруг. Его тянули в разные

стороны, обещая невыносимую боль, невыносимое удовольствие, невыносимое-всё-вместе... «Оставьте меня, — попытался закричать он, — ну я же не могу, пожалейте меня!» — «Конечно, конечно, — услышали его тени, — пожалеем, вот сейчас, тебе понравится, хотя это больно, больно, больно...»

... — Больно, — выдохнул он, открывая глаза, и ртом хлынула кровь, потекла струйками носом, из ушей и даже выступила из уголков глаз. Сердце забилося — неровно, но забилося. Больно было всему, невыносимо, дико больно, и только правая рука с зажатым в ней ножом была в этой боли островком спокойствия. Гарав скосил глаза и увидел, что она посинела и разбухла от множества подкожных кровоизлияний. Кинжал по-прежнему торчал из кулака, как часть этого странного предмета, по какому-то недоразумению оказавшегося рукой Гаравы. — Больно, — повторил мальчишка и заплакал. Слёзы жгли, как огонь. — Мне больно, — пожаловался он. И только теперь понял, что лежит головой на коленях Фередира. Оруженосец замер рядом, глядя куда-то вперёд и вверх. Там — над обоими мальчишками — нависал чёрный ледяной купол, беспросветный и тяжёлый... нависал и... НЕ МОГ опуститься.

— Не смей его трогать, — сказал Фередир. Не сказал. Нет. Он ПРИКАЗАЛ, глядя в ледяную черноту над собой такими же ледяными, но... вот странность... удивительно ТЁПЛЫМИ глазами.

Гарав удовлетворённо вздохнул и закрыл глаза, мельком подумав, что всё-таки, кажется, умирает... но ПО-НАСТОЯЩЕМУ, а не превращаясь в частичку этой мерзкой твари, которая украла его мысли и страхи, но так и не смогла понять ГЛАВНОГО... не смогла...

...Стало темно.

Тепло.

Тихо.

Хорошо-хорошо...

И ещё... песенка. Песенка осталась и в этой темноте. Песенка голосом настоящей Мэлэт — слышанным так недолго, запомнившимся навечно...

Предать легко,
Забывать легко,
Убивать легко,
Оставлять легко.
Ты с улыбкой пел,
Но в твоих глазах —
Пустота и боль,
Светом, что погас.
Предать легко. Только, предав, ты —
Один навсегда. Один на один
С глазами того, кого предал.
Кому так легко простить...⁷²

Всего несколько мгновений промедлила та, что была майя Мэлэт. Промедлила при виде отчаянного мужества двух маленьких человеческих существ. Но этого мига оказалось достаточно, чтобы прозвучали слова хорошо ей знакомого древнего языка — того языка, на котором говорили когда-то прекрасные и весёлые существа, которых она учила петь и плясать под звёздами... И были эти слова грозны и суровы, как грозны и суровы становились те существа, если кто-то посягал на Свет и Радость...

— Не трогай их, иначе не существовать тебе более — будешь ты развоплощена и

⁷² Песенный текст группы «Тамлин».

изгнана, как стало и с тем, кому ты присягнула несправедно...

Эйно́р сын Иолфа, нуменорский рыцарь, выступил вперёд, в правой руке сжимая змеящийся струйками алого огня Бар, а левую поднимая вверх повелительным жестом.

Ломион Мелиссэ могла уничтожить их — всех троих. Разом. Она уже оправилась от неожиданности... но теперь её смутили звуки квэнья и мужество противостоящих ей. И она отступила. Ушла. Исчезла...

...Гарав упрямо бинтовал распухшую правую руку. Кровь всё ещё текла у него из носа и ушей. Когда Эйно́р протянул оруженосцу прихваченную из Карн Дума чужую фляжку, тот поднял страшное лицо, похожее на маску злого духа: всё в крови, глаза в чёрных кругах ушли в глубь черепа, белки стали густо-багровыми от сплошных кровоизлияний внутри глаз. Помедлил. Взял фляжку и стал пить коньяк, как воду, выхлебав не меньше стакана. Помедлил, не дыша, выпил ещё — меньше, но много. Вернул фляжку и подмигнул рыцарю (кровь струйкой сползла по щеке). Сказал по-русски:

— Не ссы, браток, Господь нас уважает. Песня такая есть...

Встал, качаясь, постоял. Потом зигзагом пошёл к лестнице, подобрал меч, потом — арбалет. Хотел зарядить, но не осилил и присел у стены. Посидел, встал снова — почти нормально. Зарядил оружие.

— Хорошо, что я левша, — сообщил он, подходя обратно к ребятам. — Только, похоже, у меня внутри каша... — Он криво улыбнулся. — Помру я, рыцарь. Жалко вообще-то... Давайте хоть эту гадость добьём сначала.

Движения у него стали почти нормальными, только правая рука работала плохо. Гарав переложил в неё арбалет — так, словно вставлял его в какой-то посторонний механизм, у которого осталась одна функция — жать на спуск.

Эйно́р покачал головой. Он-то хорошо знал, что даже если сейчас броситься бежать — это не поможет. А Ломион Мелиссэ нужно не так уж много времени, чтобы оправиться от изумления и неожиданного страха.

Ему всё ещё хотелось знать, как так вышло, что Гарав связался с этой древней и страшной тварью. Но в конце концов, это не имело особенного значения сейчас. Не имело. Хорошо было уже то, что его удалось привести в себя. А в остальном Волчонок был прав. Умений Эйно́ра вполне хватало ощутить, что внутри Гарава то, что бывает у человека, когда он падает с высокой башни и чудом остаётся жив. Как это он сказал? Каша. Чудо, что удалось привести его в чувство — ощущение было такое... да (Эйно́р прислушался к себе)... словно ему кто-то помогает.

— Пойдём драться? — спросил Фередир. Старший оруженосец не выглядел испуганным, скорее просто злым и взволнованным.

Эйно́р не успел ответить.

Кони снаружи разом перестали храпеть и визжать (они бились всё время, пока шла схватка — очень недолгое, видимо, время!). В прихожей грохнуло, словно кто-то споткнулся. Хрипловатый старческий голос произнёс сложное ругательство и спросил:

— Это так обязательно — ставить под ноги старику всякую дрянь?

Мальчишки изумлённо переглянулись. Даже в изуродованных глазах Гарава появилось удивление. А внутрь — с крайне недовольным лицом — вошёл высоченный седой и крепкий старик, постукивавший чёрным посохом. Серую шляпу он держал в другой руке, отряхивая с неё клочья паутины. Серой была и остальная одежда старика — какая-то бесформенная хламида. Глаза старика сверкнули на мальчишек из-под нависших кустистых бровей.

— Я чуть не сломал себе ногу, Эйно́р сын Иолфа. Привет, Фередир сын Фаэла. Привет и тебе, юный незнакомец; ты, однако, плохо выглядишь для своих лет.

— Серый... Странник?! — вырвалось у Эйно́ра изумлённое. Фередир, подняв меч, предупреждающе выдохнул:

— Эйно́р, это снова она, не поддавайся...

— Ах ты, маленький глупец! — пристукнул старик посохом. — Вы подняли тут такой шум, что я вынужден был оторваться от своих дел — немаловажных и сложных, слишком

сложных, чтобы говорить о них с тобой, смею заверить! — и свернул сюда; что же я слышу вместо благодарности? «Это снова она, не поддавайся!» — Очень похоже передразнил он Фередира, и Эйно́р засмеялся:

— Серый Странник, это ты?!

— Нет, это не я, тебе же сказали... — проворчал старик, подходя к Гараву, который не сводил с него глаз, в которых ожило нормальное человеческое чувство — изумление.

— А в фильме вас играл голубой, — заявил мальчишка по-русски. — Вы Гэндальф?

— Станный язык, — заметил старик, присаживаясь рядом и не отвечая на вопрос. — Ни на что не похож... а впрочем — об этом потом. Мда. Юноша, ты должен умереть где-то в пределах получаса, ты это знаешь?

— Знаю и почти не боюсь, — ответил Гарав.

Серый Странник поднял брови:

— Это довольно глупо... хотя, если учесть твоё близкое знакомство с сестричкой Мэлэт, может — и не так уж глупо.

— Серый Странник! — Фередир, выступивший вперёд, опустил на колено и с надеждой посмотрел в лицо старика. — Я знаю, ты великий колдун. Спаси Гараву, если можешь! Он мой друг и он выручил нас из Карн Дума...

— Чушь, глупости, бредни, — бранчливо заявил старик. — Ещё назови меня шаманом. Колдун, тоже мне! Подержи. — Он не глядя сунул в руки Фередира посох, и тот окаменел на месте, держа посох, как святыню королевского дома.

Сухие длиннопалые руки старика цепко взяли мальчишку за плечи. Гарав дёрнулся, громко задышал — и из шеи вдруг (Фередир вскрикнул, но вскочить не осмелился; Эйно́р подался вперёд) ударили две тонкие струйки жёлто-зелёной пенящейся жидкости. Там, где они попали на стену, камень вскипел и застыл, как стывшее мыло.

— Ну вот. — Голос старика был неожиданно и неподдельно ласковым. — Теперь ложись и спи... — Он толкнул Гараву в лоб, и тот мягко повалился на лавку, звякнув кольчугой. — Дай-ка сюда мой посох, Фередир... — Словно невзначай, Серый Странник провёл посохом над расслабившимся телом мальчишки. — Кстати, и тебе не мешает поспать, да и тебе, Эйно́р... а я пока что побеседую со своей старой знакомой. Нам есть о чём поговорить.

* * *

Эйно́р всё-таки дождался, когда Серый Странник спустится сверху. Кстати, ничего там не происходило. Царила полная тишина, даже странно. Разве что слишком уж глубокая, чтобы в ней ничего не происходило...

Но спустившийся сверху волшебник казался усталым и даже шёл тяжело. Мельком посмотрев на Эйно́ра, проворчал, усаживаясь:

— Я бы дорого дал, чтобы кто-нибудь в этом мире озаботился поисками зелья, способного снимать усталость и прояснять мысли. Но, как видно, и это придётся делать самому — едва освободится немного времени.⁷³

— Хочешь? — Эйно́р протянул фляжку с остатками коньяка. Волшебник отпил, кивнул. — Где... она?

— Далеко, — отрезал Серый Странник. — Ничего не хочешь мне рассказать?

— Да, конечно... — Эйно́р сосредоточился. — Вот...

... — Ты юный глупец, Эйно́р сын Иолфа, — подытожил рассказ юноши волшебник.

⁷³ Открытием такого зелья — табака — мир Средиземья позднее будет обязан хоббитам. Кстати, земное тело Гэндальфа станет законченным никотиновым наркоманом; помните, как он в Мории жаловался, что, не выкурив трубку, трудно думать? Впрочем, сам Профессор отличался неуёмным пристрастием к хорошему табаку и трубкам, так что уж простим ему и его героям это постоянное «адской травы никоцианы бесям воскурение».

Эйно́р пристыже́но смотре́л в пол. — Ужасно везучий, нелепо добрый и идиотски благородный глупец. Скажи, как и когда Нарак отдал тебе приказ отправляться в Карн Дум? Или это была твоя собственная полоумная инициатива?

— Я донёс его слова Арвелегу, — тихо, но упрямо сказал Эйно́р, постукивая о стол сцепленными в замок пальцами. — Я выполнил приказ. Но я не мог оставить...

— Ты понимаешь, где был бы сейчас и что с тобой было бы, когда б не твой оруженосец? — ехидно спросил Серый Странник. Эйно́р убито кивнул. — Как тебе могло прийти в голову, что ты — ты! — можешь противостоять Ему на его же землях?!

— Я надеялся на фородвэйт... — прошептал Эйно́р, становясь похожим на мальчишку, которого отчитывает суровый отец.

Волшебник крикнул особенно едко. Потом задумчиво сказал:

— Станный этот твой новый оруженосец...

— Да ничего странного, — Эйно́р поднял голову. — Просто у него отбита память. Он откуда-то с востока, бежал из рабства... Ты ведь щупал его воспоминания? Это не странность, это провалы и выдумки.

— Может быть, может быть... — задумчиво, явно размышляя уже о чём-то другом, согласился Серый Странник. — О дальнем востоке многое могли бы рассказать Алатар или Палландо... но я не видел их уже давно. Очень давно... — Он встряхнулся. — Что ж, видимо, все наши секреты выболтали Черному Королю дрозды. — Голос волшебника стал вновь ироничным. — Так или иначе, но союз Артедайна и Кардолана для него не секрет; знать бы — как давно? Тебе прямая дорога отсюда в Зимру.

— Я знаю, — кивнул Эйно́р. — А куда поедешь ты?

Брови волшебника пошевелились по отдельности. Эйно́р засмеялся, как мальчишка, увидевший проделки бродячего фокусника.

— Меньше знаешь — крепче спишь, — отрезал Серый Странник несердито. Поглядел на спящих мальчишек. — Поговорить бы с твоим Волчонком — как же он всё-таки сумел освободиться и почему к нему привязалась Ломион?

— Кто она такая? — Эйно́р подпёр щёку кулаком. Волшебник грустно улыбнулся:

— Кто она такая, она и сама уже не помнит... но напомнить ей можно. Жаль, что ненадолго. Дорого бы, кстати, я дал, чтоб знать, сколько подобных ей ещё прячутся в тёмных местах нашего мира... Вот что, Эйно́р сын Иолфа, ложись-ка и ты спать, а я ещё посижу и подумаю... — Эйно́р попытался возражать, но Серый Странник добродушно и непреклонно повторил: — Спать, спать, спать...

Глава 26, в которой Гарав бежит от себя

Гарав проснулся под утро. С пустой головой, приятной ломотой в теле и ощущением долгого лёгкого сна.

Он пощупал шею и засмеялся. Не было опухоли. И рука прошла, и внутри ничего не болело... В дверной проём заглядывали быстро блёкнущие звёзды, напоследок подмигивали колко.

Он привстал на локтях. Увидел спящих товарищей. Радостно улыбнулся им — спящим. Сперва вспомнил Гэндальфа. А потом...

...потом — всё остальное.

Всё — до капельки.

Он сел и закрыл глаза. Плотнo-плотнo, до боли в веках. Выжимая слёзы.

Никуда оно не делось — его предательство. Честное слово, в эту секунду мальчишка был зол на себя за то, что жив. Как было бы хорошо сейчас — ничего не осознавать и не помнить...

Он поднялся, сухо журча металлом кольчуги, вышел наружу. Кони приветствовали его тихим ржанием и знакомыми смешными и важными кивками. Гарав подошёл к Хсану,

приласкал его. Сказал в нервно подёргивающееся ухо, обнимая коня за шею обеими руками:

— Как мне жить дальше-то?

Хсан покосился удивлённо. Что он мог ответить? С его точки зрения, всё шло нормально, пока рядом был хозяин, к которому конь сразу привязался и которому прощал даже всё ещё неловкую посадку.

Гарав поискал Гэндальфа (ему нет-нет, да и казалось, что ночной визит был сном, как и все прочие ночные события). Не нашёл, конечно. И присел в мокрую от росы траву возле основания башни, глядя, как в лес входит рассвет и начинают петь птицы.

Скоро проснутся ребята. Эйно́р, может быть, и не будет ничего спрашивать. Ни сейчас, ни потом. Но он будет молчать и смотреть. Невыносимо. И даже если он и этого делать не станет... он сам, он, Гарав, будет жить дальше и помнить. Помнить столько всего, что от этой памяти...

Он не додумал. Вскинул голову, прислушиваясь. Почудились людские голоса. А ведь раз Ломион Мелиссэ больше нет (ну — или она где-то ещё, не здесь), то и её защита больше не действует...

Он прислушался. Нет, кажется, показалось.

Ему внезапно захотелось есть. Это было неправильно, предателям есть хотеться не должно, а точнее — они этого просто не заслуживают, но ему — хотелось...

...Когда Гарав начал брать арбалет, Эйно́р привстал. Фереди́р — тот спал, громко сопя, а рыцарь приподнялся и спросил:

— Серый Странник ушёл? — Гарав кивнул. — А ты куда?

— Поохочусь, свежатинки хочется, — ответил Гарав. Эйно́р несколько секунд смотрел на него, потом кивнул:

— Хорошо, иди. — И поднялся. — Я очагом займусь... а потом поговорим, когда вернёшься. Оружие возьми.

Гарав спал в доспехе и даже перевязях. Но безропотно закинул за спину щит, закрепил на нём шлем.

И обречённо подумал о предстоящем разговоре...

...Дичь не шла — как обычно бывает в тех случаях, когда охотник раздражён, зол, сердит или напуган. Через полчаса ходьбы Гарав устал, запыхался и понял: вряд ли что-то добудет. Он присел на коряжину около ручья и задумался. Грустно, почти с наслаждением — свойственным подросткам, переживающим свои страдания, — представил, как Эйно́р будет его судить и обезглавит. Наверное, сам, потому что Гарав же его оруженосец. Нарисованная в мыслях картина была какой-то нестрашной, хотя и торжественной. Должно быть, так и на самом деле кажется человеку, которого привели на эшафот.

Гарав вздохнул. Хотел потянуться... и увидел в десятке шагов, за деревьями, всадников.

Высокая посадка, круглые плоские шлемы с перьями, кожаная броня, маленькие круглые щиты — это были вастаки. Трое вастаков. Поодаль виден был ещё один всадник — холмовик, без шлема. Он внимательно и деловито осматривался — в отличие от явно чувствовавших себя неуютно в лесу вастаков. Но Гарав пока что не видел и он.

Да. Защита Ломион Мелиссэ кончилась.

Холмовик чуть проехал вперёд, нагнулся с седла к земле. И, получив стрелу в правый висок, сполз наземь, не выпуская из руки повод. Вастаки несколько секунд смотрели на него. Потом увидели стоящего между деревьев мальчишку — он заряжал арбалет...

...Страх не было. Гарав стоял до последнего прямо перед мордой первой скачущей на него лошади — и лишь за секунду до этого отскочил — так, что оказался слева от всадника. Вастак взвизгнул — он не мог ударить через свою лошадь и щит — и пронёсся мимо. Скакавший следом получил стрелу в лоб и тяжело вылетел из седла. Удар сабли третьего Гарав принял на переброшенный в руку щит и ткнул мечом сверху вниз — движение получилось само собой, выброшенный с силой меч и скорость самого всадника сложились, конь рванулся в сторону, роняя хозяина, застрявшего ногой в стремях.

Первый нападавший развернул свою лошадь... и понял, что остался один. На смуглом, с вислыми усами лице вастака мелькнул, а потом закрепился страх. Поигрывая мечом — шик-шик-шик, — Гарав шёл к нему. Вастак уронил саблю на пястной перевязи, дотянулся, не глядя, до небольшого крутого лука. Выстрелил. Гарав поймал стрелу щитом — она тупо и сильно ударила и осталась торчать. Вастак испуганно заорал, и совсем близко откликнулись несколько голосов.

Гарав усмехнулся и попятился. Орите, орите... Если Эйно́р всего этого не услышал — он глух, как тетерев, а экспериментально проверено, что нуменорец не просто не глух — он слышит, как растёт трава... Гараву вдруг пришла в голову интересная и жутковатая мысль. Мальчишка пятился, пятился к кустам, слушая, как всё ближе и ближе раздаются сразу несколько голосов, ржание коней и хруст веток. Вастак, видя, что враг бежит, героически завизжал что-то грозное, не двигаясь с места и целясь из лука. Гарав подобрал арбалет, обозвал вастака по-русски зачуханным мигрантом и ишачьим дерьмом, потом — на адунайке — усатой крысой верхом на дохлом сурке. Потом прыгнул в сторону и побежал...

...Мальчишка мотал преследователей по лесу почти час. Вполне естественно, что он увёл их к чёртовой бабушке от старой башни. Почти так же естественно было то, что поймать выросшего в лесной местности Гаравы — даже в доспехах — вастаки могли не больше, чем солнечный зайчик. Когда игра надоела, Гарав просто оторвался от преследователей и перележал их в яме под кустами. Когда шум и азартные выкрики (явно на тему: «Вон они, я их вижу!») утихли вдаль, мальчишка поднялся, привёл себя в порядок и пошёл.

Пошёл на юго-восток. Не на юго-запад, куда ехали они сначала.

Эйно́р и Фередир едут в Кардолан, в Зимру. Что ж... А он, Гарав, пойдёт в Раздол. И расскажет там о том, что видел в Карн Думе. И увидит Мэлет. Ещё раз увидит. А потом... потом он уйдёт дальше. Через горы. Туда, где Андуин, море Рун... Не может быть, чтобы там не нашлось ему дела. А может, там и вправду его дом? Может, там, а не в странных воспоминаниях ждут его родные?

Нет, Гарав не боялся суда и казни. Правда не боялся, и решение его было бегством не от угрозы смерти.

Невыносима была мысль о том, что придётся рассказывать. Эйно́ру. Фереди́ру. Говорить и смотреть им в глаза, потому что не смотреть — ещё стыднее.

Гарав бежал от себя.

* * *

Всё-таки ходить в доспехах — тяжёлое занятие. Тем более что Гаравы подстёгивала им самим придуманная мысль — мысль, превратившаяся в реально важное задание, мысль о том, что он должен как можно скорее попасть в Раздол.

К вечеру мальчишка выбрался на росчисть, где зеленел хлеб. Ячмень, молодой. Он не совсем соображал, где находится, — всё ещё в Ангмаре или уже в Рудауре? Судя по лесу, всё-таки в Рудауре. Желудок прилип к спине — он сутки ничего не ел, а до этого — Гэндальф там или нет — организм мальчишки был вымотан и разбит.

Он постоял, обирая с лица паутину и проверяя, не потерял ли чего в лесу. Жалко было, что пришлось оставить Хсана. С другой стороны, с конём вастаки его бы догнали.

Мальчишка хотел было присесть, но понял, что, присев, встать уже не сможет. Раз росчисть — значит, недалеко селение или хутор. Надо осторожненько посмотреть и добыть еды и коня. Если можно — коня, еды — обязательно.

Он пошёл по краю поля — так, чтобы в наступающей медленной темноте не выделяться на фоне леса. Вспомнил об убитых — двух вастаках и холмовике. Пошевелил рукой, вспомнил и то, как туго меч вошёл в тело всадника, пробив кольчугу. Хорошо получилось, недаром его мучил Эйно́р. Да и не ожидал вастак левшу. Когда-то, читая книжки, Пашка не верил, что пеший может одолеть всадника даже один на один. Оказалось

— может, если не струсит и если его полтора месяца лупить то крагой, то перевязью, то ножнами меча, то сапогом, то тренировочной палкой.

А если не лупить... то голова такого пешего сейчас лежала бы на прогалине отдельно от тела. Зато были бы соблюдены все права ребёнка и человека.

«Полтора месяца, — повторил он мысль. — Я тут уже полтора месяца, что ли?!» Но эта мысль не задержалась — хотелось есть и отдохнуть.

Он шагал краем поля по сырой дороге, набирая на сапоги всё новые и новые комья грязи, ещё минут пять или около того. Потихоньку темнело больше и больше, а потом появилась тропка, вильнула за лес — и уткнулась в открытые ворота в деревянном тыне, за которым поднималась приземистая крыша дома. Одного — не селение, хутор. И на хутор холмовиков было не похоже — Гарав помнил их дома, совсем не такие. Скорей тут было что-то пригорянское... и первый же увиденный Гаравом человек подтвердил его мнение.

В воротах стоял мальчишка — повыше Гаравы, в грубой рубаше и штанах, босой, с непокрытой черноволосой головой. Смотрел издали подозрительно, держал тройчатку, как копьё. Точно пригорянин. То ли он как-то услышал Гараву, то ли просто вот так вышел из ворот удачно — неизвестно...

Гарав поднял руки — точнее, протянул перед собой.

— Я не разбойник и не буду нападать. — Сказал он, останавливаясь. — Я хочу немного поесть и отдохнуть. Где старшие, позволяют они мне это?..

...Лошадь у них была. Одна.

А из старших — только женщина, усталая и тихая. И две девчонки. Лет по 8-10. Где её муж и отец этих девочек и угрюмого паренька по имени Орикон, Гарав не стал спрашивать. Ему было довольно и того, что можно было сесть и выскрести деревянной ложкой миску пшённой каши с маслом. И выпить большую кружку пива — не очень свежего, правда. И даже большой сухарь — другого хлеба не оказалось в доме — был радостью.

И теперь Гарав смотрел на свои мокрые следы на выскобленном полу.

— Наелся, господин? — спросил мальчишка. Женщина и обе девочки молча смотрели, перебирая пальцами упрялок.

— Да, спасибо... — Гарав отодвинул кружку. — Я на восток иду, — решил он. — Где дорога в Раздол?

Они были явно не холмовики. И стоило рискнуть.

— Нет туда дороги, — сказал Орикон. — Вернее, есть, через лес. Она одна там. Но там уже месяц никто не ходит. Там гауры. Стая. Оттуда не выходят, только и через лес никого не пускают.

Гарав кивнул. Ну что ж. Ожидаемо.

— Мне нужна лошадь, — сказал он, подняв голову. — Где можно достать?

Женщины замерли на миг. Мальчишка быстро оглянулся на них. Потом снова посмотрел на Гараву. Под глазами у парня появились круги.

Понял всё.

— Нет тут никого, кроме нас, — сипло сказал он. — А у нас одна.

— Вот... — Гарав стащил зарукавье, бросил на стол. — Трёх лошадей можно купить.

— Где купить? — Мальчишка даже не посмотрел на золото. — Всех лишних забрал князь Руэты, по одной оставил на семью. Сейчас самая работа как раз. Лето. Мне что, на золоте твоём ездить... господин?

— Мне лошадь нужна... — Гараву было мерзко до тошноты, но в то же время в нём жило ощущение своей высшей правоты... и ещё какое-то пакостное чувство силы. — Бери золото и покажи, где сбруя под верх.

— Не дам я лошадь, — покачал головой мальчишка. И посмотрел на лежащий на столе нож. Тут же отвёл глаза, взглянул снова на мать и сестёр. — Мы тебя накормили, напоили, господин. Обогрели. Хочешь — ночуй. Хочешь — дальше иди. А лошадь я тебе не дам, господин.

— Ты дурак, — тихо сказал Гарав, борясь с этой силой. — Я бежал из Карн Дума.

Понимаешь ты — из Карн Дума. Может, я один весть несус. Может, если я её не донесу, не то что твоего хуторка паршивого — вообще ничего живого до самых Мглистых не будет... Или тебе всё равно, законные князья или Руэта с его Господином?

— Мне всё равно, при ком мамка с сестричками с голоду помрут, — сказал мальчишка и взял нож. — Уходи добром и золото своё бери.

«Господин» он уже не добавил.

— Заберу, — сказал Гарав. — Заберу и хутор твой спалю. Дай добром, бери золото — последний раз прошу. Я воин, я не разбойник.

— Мне всё равно, кто нас по миру пустит, — сказал мальчишка. И прыгнул.

Драться он, как видно, умел. Но Гарав и в прошлые времена поставил бы на себя. А уж сейчас... Он в броске встретил мальчишку — подставил под запястье руки с ножом предплечье, а левой — рабочей — ударил парня в ухо с маху. Тот полетел обратно, роняя нож и опрокидывая скамью. Женщина не закричала — прижала к себе хнычущих девочек. В её глазах были тоска и покорность Тому, Кто С Оружием.

Желудок скрутило. Гарав нагнулся, толкнул зарукавье по столу. Задержал взгляд на поднимающемся мальчишке.

— Не надо, — попросил Гарав.

И сшиб кинувшегося парня — на этот раз ногой. А потом — в третий — ребром ладони под ухо.

Теперь Орикон не встал.

Девочки тихо плакали.

— Мне лошадь нужна, — угрюмо сказал Гарав. — Золото я оставлю. И лошадь отпущу за лесом. Слово чести — отпущу...

...В желудке огнём горели каша, пиво и сухарь.

Глава 27, в которой Гарав встречает поющего эльфа

Случилось то, чего Гарав ожидал в общем-то. Он старался беречь коня (мелкого, хотя и крепкого), чередовал рысь, галоп, шаг... Но через лигу конь стал сопеть, через три — засекается, а через пять — лёг, и Гарав еле успел соскочить.

Нельзя было сказать, что Гарав испугался, хотя понимал, что без коня ему не выбраться из этих мест до полной темноты, а значит... Пашка — Пашка, может, и испугался бы. Гарав присел рядом с конём и выругался на восторне, вспомнив своего Хсана. Да, тот бы не пал после такой скачки... Крестьянская лошадь, что с неё возьмёшь!!!

— Может, встанешь? — пробормотал он, поднимая конскую голову за ноздри. И понял — нет, не встанет, загнал до предела. Может, и поднимается... поднялся бы. Утром. Но до утра есть все шансы просто не дожить. — Ладно... — Мальчишка поднялся, стал расседлывать и рассупонивать коня. Вдруг оклемается, так зачем емудохнуть из-за людских дел? Конёк, видно, почувствовав, что человек хочет, но не может ему помочь, сам приподнял голову, тихо заржал и даже попытался встать на ноги, но не смог.

— Ещё поигогокай, — сказал Гарав по-русски, — а то нас и так не найдут.

Сбрую он сложил в кусты — точнее, просто покидал без особого старания спрятать. Потом стал влезать в доспехи, которые до этого вёз у седла. Лучше уж париться в них, чем застанут в одной коже. Вспомнилось, как Эйно́р учил его снаряжаться одной рукой. «Эйно́р, мой рыцарь, — подумал Гарав, — как же мне плохо без тебя. Я просто не знаю, что делать и как быть. Я глупый и самонадеянный мальчишка, в котором слишком много от другого мира... холодного и трусливого мира текучих рек из пангейского камня...»

Впрочем, сейчас он всё равно мог только одно: шагать вперёд по тропинке, на которой уже копились ночные тени... хотя наверху, над деревьями, ещё горел долгий летний закат. Гарав помахал коню — и пошёл, не оглядываясь...

...Первая плоская тень возникла, едва за верхушками деревьев растаял последний луч

солнца. Гарав посмотрел в ту сторону и сказал:

— Ты будешь первой тварью, что сдохнет сегодня от моей руки.

Он не знал — помогло ли. Но хотя тени копились и копились, а звуки неспешной погони сделались отчётливыми — нападения не было. Гарав усмехнулся на ходу. Да, разум — великая вещь. Там, где обычных зверей инстинкт бросил бы в атаку без раздумий — этим разум подсказывает осторожность. Надолго ли только...

Ещё он подумал, что хорошо бы снять шлем и вытереть лоб. Ночь не принесла прохлады, вместо неё ползла из укромных ложбин туманная духота.

Гарав понял, что эти нападут, когда туман сомкнётся над тропкой. А ещё — что конь, наверное, цел: крик умирающей лошади слышен издалека.

Неожиданно вспомнились слова из прочитанного зимой романа Эко «Имя Розы»: «— За что умрёшь?! — За Христа умру. — Не за Христа умрёшь! — Значит, за себя умру».

«Помолиться, что ли? — подумал Гарав. — Этому... Эру?» Эйно́р молился, хотя и говорил, что по вере его предков это почти грех — простому человеку напрямую обращаться к Эру. Но он ведь никогда и ни о чём не просил Вечного. А Фереди́р и вовсе не молился. Да и Гарав не утруждал себя молитвами... правда, ещё ни разу подбиравшаяся к нему смерть не была такой медленной, спокойной и глупой.

Он засвистел. Подумал спокойно: «Ах, Мэлет, Мэлет, золотая моя мечта, серебряный голос...» И вместо молитвы начал напевать:

Он в мире первом смотрел телевизор,
читал Кастанеду, сушил носки,
Пёс одиночества рвал его горло
тупыми клыками хмельной тоски...
А в мире втором — мотыльки и звёзды хрустели,
как сахар под сапогом...
И смысла не было — не было
ни в том, ни в другом...

Туман начал выползать на тропинку. В нём крались большие тени — уже не плоские, они обрели объём и сверкали парными алыми точками глаз. «Гр-р-раур-р-р...» — слышалось нетерпеливое, и Гарав, остановившись и встав спиной к большому ясеню, поднял арбалет и положил на верхний край щита:

— Подходите, rrrrr... — без наигрыша рыкнул он в ответ.

И услышал песню.

Золотая чаша отравленной воды —
Но проклятие уже в крови.
Не спасут от него ни кинжал, ни яд,
Ни слова любви.
Смертную чашу забвенья испей,
Позабудь проклятье прежних дней,
Но не забудь любви моей,
Рианно́н, что всех прекраснее,
Рианно́н, что всех печальнее,
О Рианно́н, что всех несчастнее.

Гарав замер. Замерли и гауры. Казалось, они тоже силятся понять, не чудится ли им это — и в красных глазах появилась удивлённая растерянность. А песня звучала — вроде бы уже ближе по тропе:

Все для тебя — изумруд полей

В лазурной оправе вод,
Белых птиц крыла
И арфы чудесной звон.
Я омою от крови руки твои,
Золотом украшу запястья твои,
Лишь не забудь моей любви,
Рианнон, что всех прекраснее,
Рианнон, что всех печальнее,
О Рианнон, что всех несчастнее.

Гарав затаил дыхание. Он ни разу в жизни не слышал такого голоса. Ни здесь, ни там. Ни у профессиональных певцов, ни у любителей. Голос был красив и полон печали — такой печали, что мальчишка на миг начисто забыл о том, где он и что с ним, — осталась только эта печаль, которая ужасней любого страха, потому что она — вечна.

Пел эльф. Сомнений не было. А ещё через миг Гарав стряхнул наваждение и крикнул:

— Эй, не ходи сюда! Тут гауры, беги!

Конечно, «беги» — это было сказано просто так. Куда от них убежишь. Но не предупредить певца со странным и прекрасным голосом Гарав не мог.

А песня продолжала звучать! Казалось, поющего нисколько не беспокоит посланное ему явно нешуточное предупреждение — и он переживает лишь свою же песню, по сравнению с которой всё вокруг — тень...

Одолел я Мост Срыва и смертный плен,
Одиночество горьких дорог,
Но страшит юной девы,
Забывшей меня, приговор:
Там под камнем в далеком кургане спит
Та, что радостью мою навеки хранит,
Та, что помнила мою любовь:
Рианнон, что всех прекраснее,
Рианнон, что всех печальнее,
О Рианнон, что всех несчастнее.⁷⁴

— Чёрт, — сказал Гарав по-русски. И...

Да что это такое, не может быть?!

Гауров на тропе не было.

Ни единого.

А туман сполз в стороны — и Гарав увидел приближающуюся фигуру, словно бы окутанную серебристым сиянием... с еле заметными алыми искрами.

Мальчишка отставил щит, отложил арбалет и наконец-то стащил шлем. Ночной воздух оказался не таким уж душным — он обмахнул лицо приятной прохладой, Гарав на миг зажмурился от удовольствия... а когда открыл глаза вновь — странный певец стоял в нескольких шагах.

Да, несомненно, это был эльф. Причём какой! Могучий стройный атлет возносился над Гаравом на две головы. Да что там невысокий Гарав — эльф далеко превосходил ростом и высокого Эйнора, да и большинство виденных тут мальчишкой самих же эльфов. Странные серебряные волосы, схваченные тонким обручем красного металла с синим камнем-звездой, водопадами рушились на широкие плечи, укрытые тёмным плащом, сколотым излучающей голубой свет брошью из драгоценного камня. Плащ почти скрывал его фигуру, видны были

⁷⁴ Слова Анариэль Ровен.

только рукоять меча (на ней лежала рука в кожаной перчатке с сияющими перстнями) и носки мягких сапог.

Эльф смотрел на человеческого мальчишку сверху вниз внимательными серыми глазами — большими и полными спокойного страдания. Гарав именно так и подумал, зачарованно глядя в них: спокойного страдания. Того, которое стало привычным. Не меньше сделалось — нет. Лишь превратилось в часть жизни. Неотъемлемую, от которой эльфа не избавит и смерть.

И Гарав вдруг понял — волосы эльфа не серебряные. Они просто седые.

Заговорить Гарав не успел.

— Илльо, ты?! — Мелодичный голос эльфа был удивлённым.

— Я... — Гарав кашлянул. — Нет, я... я не Илья... — Он удивился: откуда нолдор — а это несомненно был нолдор! — знает русское имя?!

— Прости. — Эльф поклонился немного. — Да, конечно. Просто у меня в голове уже давно многое путается, и ты показался мне похож на одного... человека... — Это слово прозвучало странно, то ли с сомнением, то ли с насмешкой. — Но пусть. Это ты кричал, что тут гауры?

— Я кричал. — Гарав как будто очнулся. — Но я думал тебя предупредить. Aiyā, noldo,⁷⁵ — вспомнил мальчишка запоздало кое-какие слова из квэнья.

Губы эльфа неожиданно тронула лёгкая улыбка.

— Elen sila lumenn' omentielvo⁷⁶ — вот как правильно, — сказал он мягко и необидно.

— Elen sila lumenn' omentielvo, — повторил Гарав. — Ты спугнул гауров. Я не знаю, как тебе это удалось, но спасибо тебе. — И он поклонился, приложив левую ладонь к сердцу.

— Ты, я вижу, воин, — без насмешки или удивления сказал эльф. — Куда ты держишь путь по этим опасным местам?

— Я... убегаю, — честно сказал мальчишка. — От себя. Я был оруженосцем... — вздохнул Гарав. — Был... оруженосцем. Но я предал своего друга... и своего рыцаря, который тоже был мне другом, — неожиданно добавил он и расплакался.

Это было нелепо и почти смешно. Закованный в сталь и опоясанный мечом парень плакал, стоя на ночной лесной тропинке перед молчаливым странным эльфом. Но Гараву было плевать, что это нелепо и смешно. Ему не было прощенья и у него не было будущего. Лучше бы его разорвали гауры, и зачем он защищался, зачем крикнул?!

— Лучше бы меня... растерзали... эти твари... — выдавил он сквозь рыдания. И услышал над собой:

— Расскажи, seldo.⁷⁷

Голос эльфа звучал равнодушно. Но Гарав не обиделся. Он просто понял, что за плечами эльфа такая огромная жизнь, что в ней вот такие лесные дороги и человеческие мальчишки, верящие, что их несчастье первое и самое страшное в истории мира, были много раз. Однако... рассказать о своём позоре?! О трусости?! О жалком вое?! О предательстве?! О том, как он почти стал игрушкой Ломион Мелиссэ?! Гарав отчаянно замотал головой.

— Нет... я не могу... прости...

— Пусть так, — кивнул эльф и взял Гараву за плечо, повёл рядом с собой. Арбалет оказался в руке Гаравы словно бы сам собой, щит — за плечами, шлем — в другой руке... —

⁷⁵ То, что сказал Пашка, звучит не только грамматически неправильно, но и просто-напросто оскорбительно. Это два поставленных рядом квэнийских слова: «Привет, нолдо!» Для наглядности представьте себе, как к гуляющему по парку президенту вдруг невесть откуда подошёл сильно поддатый тинэйджер и выдавил из себя: «Првет, прэзик!» Эффект примерно тот же.

⁷⁶ Очень доброжелательное традиционное эльфийское приветствие, дословно: «Звезда осияла нашу встречу!»

⁷⁷ Мальчик (квэнья).

Хочешь, я спою тебе?

Мальчишка молча кивнул и всхлипнул. И почти сразу приоткрыл рот. Голос эльфа был... нет, всё то, что он подумал, услышав его впервые издалека, оказалось... оказалось слишком мало для певца. Как для Пушкина слово «поэт».

Свет серебра струил Тельперион,
И золото ронял Лаурелин...
Вы просите спеть песню тех времен?
Я не могу — ведь песни те ушли.
А может быть, я сам ушел от них,
Оставив их навек в земле Аман...
Я спеть могу вам о волнах морских,
Одетых в серый, призрачный туман.
Я бросить эти песни мог в пути,
На битом льду, где были мрак и смерть.
Мне этих песен больше не найти...
Я вам могу о Хелькараксе спеть!

Гарав не знал названий мест, которые слышались в песне эльфа. Но тоска — тоска и боль — словно рисовали перед ним на экране странные туманные картины: сияющий город на склоне зелёной горы, увенчанной белой шапкой, гневные лица, почему-то — вздыбленные торосы льдов и цепочки путников среди них... Гарав не понимал, что это. Он просто слушал.

Я спеть могу о зареве вдали,
Что опалило край небес огнем.
В том зареве сгорели корабли,
И песни мирных лет сгорели в нем.
В сраженье жарком, в яростном бою
Забыть я песни радостные мог...
Я песню боевую вам спою,
Отточенную, как меча клинок.
Война и смерть... Не сосчитать могил.
И навсегда земли могильной плащ
Песнь о Земле-Не-Знавшей-Смерти скрыл...
Я вам спою о павших в битве плач.
А если не по сердцу будут вам
Баллады о печали и войне,
Я подберу красивые слова,
Спою о звездах, Солнце и Луне,
О ветре, что колышет море трав,
О вечных ледниках на пиках гор,
О чистых родниках в тени дубрав...
Но не просите петь про Валинор!
Навек забыты песни той земли,
Седой туман окутал гребни волн.
И больше не цветет Лаурелин,
И навсегда увял Тельперион...⁷⁸

⁷⁸ Слова Анариэль Ровен.

Голос эльфа прервался стоном, и Гарав схватил его за руку, за запястье:

— Тебе плохо?!

— Мне? — казалось, эльф очнулся. — Что тебе до моего «плохо» с твоей бедой, человек? Моей тяжести тебе не понять и не поднять. Она очень далеко. Её скрыла даже не прошлая эпоха... И во всём мире она — лишь моя. Так зачем тебе знать о ней? Поделись лучше своей. Не пришло желание?

— Я испугался пытки и боли, — сказал Гарав тихо, отпустив руку эльфа. — Я нарушил клятву верности и пошёл служить Чёрному Королю... — Он искоса посмотрел на эльфа, но лицо того было спокойным... и Гарав вдруг понял: а ведь его странный спутник, пожалуй, настолько же сильнее Ангмара, насколько тот сильнее самого Гаравы. И от этой мысли почему-то стало спокойней. — Я жалкий трус и ничтожный предатель, таких казнят мечом, но это слишком почётно для меня.

— Твои друзья погибли из-за тебя? — спросил эльф. Гарав вскинулся:

— Что?! Нет! Я... я смог их выручить... но... мне больно...

— Посмотри, — сказал эльф и, подняв с рукояти меча левую руку, правой снял с неё высокую крагу. Гарав невольно ахнул.

Рука эльфа была сожжена до кости. Собственно, это и была чёрная кость — свирепое пламя съело всю внутреннюю сторону ладони.

— Ожог болит почти пять тысяч человеческих лет, — сказал эльф.

— Ты... — Гарав чуть отстранился. — Ты не... ты живой?! — Ему вдруг помнилось, что рядом с ним — дух.

— К сожалению — да, — кивнул эльф, натягивая перчатку. — Хотя временами мне кажется, что я — призрак. Призрак прошлого и призрак самого себя. Я — нарушивший все мыслимые и немыслимые клятвы, которые только может дать разумное существо, чтобы исполнить одну-единственную клятву — клятву ненависти. Смешно и дико.

Эльф и правда рассмеялся. Но горький это был смех — горький, как запах полыни...

— Кто ты? — спросил Гарав робко. И добавил: — Лорд.

— Мэглор Ньйэлло, — сказал эльф. Он явно ждал какой-то реакции, но Гарав только представился в ответ:

— Я Гарав, оруж... Гарав я.

Эльф снова засмеялся — на этот раз почти весело. Гарав насупился:

— Тебя так насмешило моё имя, лорд?!

— Нет. — Здоровая рука эльфа легла на плечо мальчишки, успокаивая. — Но я вижу, что это не имя, а прозвище. И я не спрашиваю, почему. Смеялся же я... по другой причине. Спеть тебе ещё? Путь через лес покажется короче, а ты хорошо слушаешь... Вот. Это песня человеческого народа... который когда-то, на заре времён, Финрод Фелагунд встретил на берегах Талоса... Говорит ли тебе что-нибудь имя Финрода, оруженосец?

— Это был король эльфов там. — Гарав вспомнил песни и рассказы Эйнора и показал рукой на запад. — Великий король.

— Великий, — кивнул Мэглор. И снова в его голосе прозвучало что-то странное. — Так слушай.

И он запел, и это была иная песня. В ней не было горечи и грусти и она сильно отличалась от эльфийских баллад — какой-то молодой бесшабашностью... Гарав заслушался с первых строк.

В темноте мерцают звёзды
И цветы.
У костра ночного вместе
Я и ты.
Этой встречи, если честно,
Я искал —
Эй, волчьей песней мир будил и

Звал,
звал,
звал...
Затихает за оврагом
Волчий плач...
Мне в ночи всего-то нужно —
Ты и плащ!
Подарю тебе луну я —
На, бери!
А потом создам другую —
Изнутри...

Гарав невольно рассмеялся. Он почти представил себе того, кто пел эту песню раньше, — молодой мужчина, парень или даже мальчишка... крепкие кулаки, широкие плечи, тяжёлый нож на поясе... вот он стоит, подпирает забор любимой, жуёт травинку, и в желтоватых глазах — уверенность, что всё будет по его... и любовь.

На траве росой сбитой —
Волчий след.
Намокает плащ забытый —
Нас тут нет...
Поутру тебе в селенье —
Мне же в лес...
Эх, видно, я не в свои сани
Снова влез!
А тебя закружат ночи —
Словно дни!
Для тебя горят у леса
Глаз огни!
Для тебя звучит над миром
Волчий плач...
Я забыл в твоей прихожей
Волчий плащ...
Для тебя звучит над миром
Волчий плач...
Я забыл...
нарочно, понимаешь...
волчий плащ...⁷⁹

— Теперь спой ты мне, — неожиданно предложил эльф.
— Я? — Гарав от неожиданности опешил. — Я... не умею.
— Не умеешь петь? — эльф покачал головой. — Что ж... значит, не было в твоей жизни настоящего горя. И не любил ты, и не ненавидел. Выходит, ты солгал мне, Гарав-волчонок...

— Я не лгал! — ошетинился Гарав и вправду как волчонок, разгневанный тем, что кто-то осмеливается подвергать сомнению его страдания. Это до смешного оскорбило мальчишку.

Эльф чуть поднял одну бровь:

— Тогда спой мне. Хотя бы в благодарность — я знаю, что люди не обделены ею.

⁷⁹ Слова Алькор.

— Ну не у... — начал снова Гарав и вдруг ощутил себя какой-то ломающейся девчонкой. — Что спеть? — сухо вато спросил он.

— Что хочешь. — Странно, эльф как будто сам же и потерял интерес к своей просьбе.

— Хорошо, — согласился мальчишка. Он знал много стихов, а в таких случаях, как правило, трудно выбрать... Вот только выбирать не пришлось — первые строчки сами прыгнули на язык, а уж дальше оставалось просто идти следом, тут же перекладывая русский на адунайк и не особо беспокоясь о складе — тут это не было главным...

Понимаешь, это больно, очень больно,
Когда горят на берегу костры,
Когда уходим снова добровольно,
Когда сжигаем наши корабли...

Если бы Гарав внимательно смотрел на эльфа, он бы видел, как тот дёрнулся — словно в него попала стрела.

И даже сделал жест, какой делает смертельно раненный.

Но Гарав не смотрел. Он знал, что не умеет петь — и всё-таки пел...

В руке зажат обрывок гика-шкота,
Прищурен взгляд и холод по спине...
Сегодня ты взрослее стал, чем кто-то,
Так почему же слёзы на лице?...⁸⁰

...Гарав закончил петь — и поразился тому, как окаменело лицо эльфа. Стало чем-то похоже на маску — не страшную, не отчаянную, нет. Просто никакую. Мёртвую.

— Почему ты выбрал эту песню? — спросил Мэглор спокойно и негромко. Гарав пожал плечами. Пospешил добавить: — Не знаю, лорд.

— Было время, когда я убил бы тебя на месте за намёк... — Эльф вдруг мягко улыбнулся — как будто зажёгся в ночи фонарик. — Но ты даже не знаешь, что это намёк, ведь так, Гарав? Спасибо. Хорошая песня — и зря ты хулишь свой голос. Ведь важно, о чём петь, а не как петь.

— Так что, голос совсем не важен? — улыбнулся Гарав в ответ.

И тогда эльф взял его одной рукой за затылок — здоровой. И сжал — сильно, больно даже.

Странно — Гарав понимал, что эльф может свернуть ему шею, как цыплёнку. Более того — мальчишка видел, что эльф убил в своей жизни столько людей, что потерял им счёт, если и вёл когда. Но почему-то не боялся. Может быть, потому что глаза эльфа были спокойными и притягивающими, как...

...Гарав не успел придумать сравнения.

Сознание оставило мальчишку мягко и безболезненно — как приходит хороший сон. А с ним милосердно ушли все душевные муки и живая память о страхе и тоске...

...Эльф поднял человека на руки — вместе со всем доспехом и оружием, как добрый хозяин поднимает усталого щенка. И твёрдым ровным шагом пошёл по тропинке, напевая тихо:

Íre queluva Anarinya
Queliénen ú-návan minya.
Imbe menquë yéni, epuagë,
Carináva noire vinya,

Íre queluva Anarinya.
 Íre tuluva Mandos minna,
 Náva lómëa lúmë sina
 E ta lumba farnessë, yallo,
 Ente fairi meruvar linna
 Íre tuluva Mandos minna
 Íre Námo faukáva 'n anto
 Yassë vanuvan, vinyacanta,
 Nu talúnya caitávar — nandë,
 Linyar vanimë, tauri landë,
 Helma vayuva lauca vílya...
 Tárë enkenuvanyel, milya.
 Tárë nanuvan Valinóre,
 Ar enkapuvan minna morë;
 Omentáva ni nwalca hwinya —
 Ar enqueluva Anarinya,
 Íre queluva Anarinya... 81

Шаг его был лёгок и твёрд. И далеко по лесу разносилась уже новая песня...

В неоглядную даль гонит яростный ветер бессчётные серые волны...

Боль, отчаянье, смерти — безбрежное море навеки в себе погребло...

И лежат под водой белокрылые птицы из гавани Альквалонде!
 И седая волна, уходя в глубину, над обугленным плачет крылом...

И лежат под водой белокрылые птицы из гавани
 Альквалонде...

И седая волна, уходя в глубину, над обугленным плачет крылом!

Корабли! Парусов ваших гордый размах до сих пор вас не

Когда погаснет мое Солнце,
 Оно не будет первым гаснущим предметом:
 В течение тысячи веков, однажды,
 Будет поставлена новая могила,
 Когда погаснет мое Солнце.
 Когда я войду внутрь Мандоса,
 Это будет мрачным часом
 Даже в этой мрачной обители, откуда
 Сами духи мертвых и те захотят уйти,
 Когда я войду внутрь Мандоса.
 Когда Намо разинет свою пасть,
 В которую я пройду в новом теле,
 Под моими ногами лягут — долина,
 Прекрасные озера, широкие леса;
 Теплый воздух обнимет мою кожу...
 Вот тогда я и увижу тебя вновь, милая.
 Вот тогда я повернусь спиной к Валинору
 И вновь прыгну в глубину тьмы:
 Встретит меня жестокий вихрь —
 И снова погаснет мое Солнце,
 Когда погаснет мое Солнце...

видевшим снится...

Стая огненных птиц — неотмщённым деянием Зла вы летите
во мгле...

И во мраке, окутавшем мир, есть и вашего пепла частица —
Ибо равно бессмертны, к несчастью, и Зло, и Добро на земле!
И во мраке, окутавшем мир, есть и вашего пепла частица —
Ибо равно бессмертны, к несчастью, и Зло, и Добро на
земле...

В день конца своего всё прошу и забуду пустеющим сердцем
холодным...

Только гибели вашей — ни забыть, ни простить не дано...
Как я плачу о вас, белокрылые лебеди гавани Альквалонде,
Горький пепел смешав с погребальным мучительно-терпким
вином...

Как я плачу о вас, белокрылые лебеди гавани Альквалонде,
Горький пепел смешав с погребальным мучительно-терпким
вином!⁸²

* * *

Солнце било в глаза.

Прищурившись, Гарав потянулся и улыбнулся солнцу. Звякнула кольчуга — он удобно сидел на плавно изогнутом корне дерева, как на диване с хорошей спинкой, на самой опушке леса. Рядом лежали щит, шлем и арбалет.

А в сотне шагов по траве луга вели коней Эйно́р и Фере́дир.

Глава 28, в которой никто никого не прощает, потому что это не нужно

Гарав встал и смотрел, как они подходят. Эйно́р поотстал, а Фере́дир почти бежал, ведя в поводу и своего Азара, и Хсана Гаравы.

— Ты где был? — заорал Фере́дир, швыряя конский повод Гараву. — Ты как сюда-то попал?! Мы весь день и полночи через лес скакали, а он сидит и спит, как будто так надо!!!

Гарав поймал повод Хсана и улыбнулся, ощутив на щеке конские губы. Потёрся виском о храп. И подумал, что это справедливо.

Всё справедливо. Бежать от себя — бездарное занятие. Как ни оправдывай его и какие причины ни выдумывай. Труса нагоняет собственный страх, предателя — те, кого он предал. Так — даже в мире Пашки, что уж здесь...

— Так где ты был?

Эйно́р соскочил с Фиона, передал повод всё ещё изливающему свою радость Фере́диру. Гарав оттолкнул конскую морду и встал прямее.

— Я... — мальчишка перевёл дыхание. — Я вас предал...

— Да? — без интереса спросил Эйно́р. — Когда?

— Когда... Ангмар пришёл... я хотел разбить себе голову о камни... но он не дал... и он стал меня мучить... просто пальцами так делал, что я рассказал, куда мы ехали... а потом он начал просто говорить... ну... такие вещи, что всё было правильно...

— Подожди, — сказал Эйно́р встревожено. Заглянул в глаза Гараву. — Как хотел разбить себе голову?!

⁸² Стихи барда Потаня.

— Ну... как-как... — Гарав съёжился и выталкивал слова по одному. — Я сразу понял, что сейчас меня будут пытаться... и что я не смогу молчать... я же не Фередир... и... и... и надо же было что-то делать...

— И ты?.. — выдохнул Эйно́р.

Пряча глаза, Гарав рассказал, что хотел сделать. И как потом пришёл Ангмар. И что он сделал тогда. И как потом была Ломион Мелиссэ. И как он выкупил своих друзей. И за что. И вздрогнул, поднял лицо — твёрдые сильные пальцы Эйно́ра взяли его за предплечья. Мягко... твёрдые — а мягко! Глаза Эйно́ра были полны участием и... уважением!!! А Фередир — тот и вовсе смотрел неотрывно и восхищённо...

Но этого же не могло быть!!! Глупость какая...

— Veria rokuennya...⁸³ — тихо сказал Эйно́р, чуть встряхнув мальчишку за локти. — Если это называется предательством и трусостью — то что тогда верность и отвага? Скажи — что, Волчонок?

— Но я же всё равно нарушил клятву... — прошептал Гарав, не веря своим ушам, не веря, что всё могло так обернуться.

Эйно́р убрал руки. Его глаза построжали. Фередир заморгал.

— Да, — сухо сказал Эйно́р. — Клятву ты нарушил. И меч, на котором ты клялся, тебя и покарает. Дай мне клинок и опустишься на колени.

Всё, почти удовлетворённо подумал Гарав, вытягивая оружие из ножен и передавая Эйно́ру. Мир вокруг стал похож на разогретый клей, звуки — на тягучее тесто.

— Эй... — встревожено начал Фередир, но Эйно́р заставил его замолчать одним жестом. Оруженосец переводил взгляд с рыцаря на младшего оруженосца и обратно.

Шурша кольчугой, Гарав встал на колени. Всё было справедливо и — хорошо, что так — почти не страшно, только немного как-то туповато. И хотелось зевать. Ужасно, до смешного прямо.

— Волосы же будут мешать... — сказал он.

— Нет, — ответил откуда-то сверху Эйно́р.

Ну правильно, с его-то ударом и клинком... Наверное, ничего особо и не почувствуется...

«А ЗНАЕШЬ, КТО ТЕБЯ УБЬЁТ? ХОЧЕШЬ — СКАЖУ?» — засмеялась Ломион Мелиссэ. «Знала, — вяло подумал Гарав. — Ох, поскорей бы, пока не стало страшно». Он попытался вслушаться в слова приговора, но они тоже вязли, как пчёлы в чёрном меду... в гречишном... Жалко, что утро, да ещё такое солнечное-солнечное, тёплое...

— ...покарает его собственный меч, — услышал Гарав финальные слова. И покрепче взялся за коленки, вцепился в них пальцами.

Раздался свист. Вскрикнул Фередир, явно бросаясь вперёд:

— Нет!

Сталь коснулась шеи мальчишки.

Плашмя.

— ...но вот, вижу — меч не хочет тебя рубить, — довершил Эйно́р.

Стало тихо.

Потом засмеялся Фередир. Он узнал эту формулу — формулу прощенья для тех случаев, когда принявший клятву решал, что давший её «изменил без измены». Фередир смеялся, потом бросился поднимать Гарав.

— Всё в порядке, хорошо всё! Ну вставай, вставай! Ты молодец, Волчонок!

Гарав не держали ноги. Он озирался с диким видом, потом икнул и устоялся на свой меч, который ему протягивал — рукоятью вперёд — Эйно́р.

— Я тебе это припомню, Зигфрид хренов, — сказал наконец Гарав, беря меч.

— Не стоит ругаться, это слово мы уже выучили, — ответил Эйно́р.

⁸³ Храбрый мой рыцарь...

Горел костёр и пахло свежим жареным кроликом. Мальчишки разлеглись у огня на животах, глотали слюну, мерили (да нет — делили) кролика взглядами и болтали в воздухе пятками. Эйно́р сидел на седле, прислонившись затылком к дереву.

— До чего хорошо быть живым, — вдруг сказал он.

Фереди́р и Гара́в — как полувзрослые щенки, которым свистнул хозяин, — повернулись в сторону Эйно́ра.

— Я сказал то, что сказал, — сердито и смущённо ответил тот. — Что вы уставились на меня, как на...

Он не нашёл сравнения достаточно быстро, и оруженосцы воспользовались этим.

— Как на Статуи Королей? — уточнил Фереди́р.

— Как на мумию Тутанхамона? — невинно добавил Гара́в.

— Мне лень вставать, — объявил Эйно́р. И рассмеялся. — Я потом вас накажу, согласны?

— Ага, — кивнул Фереди́р и молниеносным движением зажал шею Гара́ва в нешуточный захват. — Я его придушу, ты меня простишь — и мне достанется больше кролика! А-у!

Гара́в боднул его в подбородок, выкрутился из захвата и навалился сверху...

...Кончилось тем, что борющиеся мальчишки закатились под кусты, где в тени было ещё полно росы. Двойной возмущенный вой — и они появились наружу. У Фереди́ра была разбита губа, у Гара́ва — нос, оба выглядели встрёпанными, но в следующий миг на лицах проступило одинаково возмущённое выражение.

Эйно́р невозмутимо ел кролика...

...Часовым посреди дневного внепланового отдыха был Эйно́р. Он ничего не приказывал, просто что-то невнятно буркнул и ушёл в лес. Мальчишки переглянулись и поняли — можно отдыхать.

Они улеглись по обе стороны от потухшего костра — лицами друг к другу, закутавшись в плащи. Какое-то время смотрели друг на друга, потом Фереди́р широко улыбнулся и протянул над остывающим пеплом руку. Гара́в выпростал из-под плаща свою и пожал пальцы друга. Мальчишки подержали сцепленные руки над кострищем и, смутившись, расцепились.

— Я бы так не смог, как ты, — сказал Фереди́р.

— Я не смог, как ты. Без всяких «бы», — признался Гара́в. Вздохнул и добавил: — Было очень страшно... и больно тоже было. Но я теперь знаю: когда стыдно — в тысячу раз хуже.

— Смешно, — вдруг задумчиво сказал Фереди́р. — Если бы ты... ну... держался крепче — мы бы все погибли.

«А ведь правда, — подумал Гара́в. Но тут же оборвал себя: — Не оправдывайся, отмазываешься себя...»

— Зато ты теперь знаешь, что можешь умереть, но не предать, — сказал он вслух.

Фереди́р кивнул:

— Да... Хотя я не помню, как выдержал. Кричал — помню. И что было очень больно. И всё. А потом дверь открывается — и там ты... Но вообще знаешь, — неожиданно продолжил Фереди́р, — я не слышал, чтобы вот так кто-то мог упырю противостоять. Как ты. Ты случайно не эльф? Хотя немножко?

— Нет, конечно, — почти возмутился Гара́в. — Я сам не знаю, как получилось.

— Или вы оба спите — или спать ложусь я, а вы дежурите, — слышался голос Эйно́ра.

Мальчишки умолкли почти с настоящим испугом. И одновременно закрыли глаза...

И — так же одновременно и мгновенно — уснули...

...На этот раз Гарав хорошо запомнил сон. Но только сам сон был странным, непонятным — хотя, пожалуй, красивым.

Гарав не помнил, где он стоял — то ли на берегу моря, то ли на какой-то скале над морем... Нет, вряд ли на скале, потому что острые носы и белые борта надвигались на него спереди и сверху. Их было много — этих кораблей, огромных и стройных. Кипенно-белые — какими они, наверное, не бывают в жизни — плыли громадины парусов. Беззвучно и красиво, закрывая небо. И почему-то это было не только здорово, но и очень тревожно. Гарав не понимал, почему — но была в этом странном медлительном параде какая-то горькая обречённость. Как будто последним парадом шло войско, перед тем как положить знамёна — войско не побеждённое, но обречённое на сдачу трусливым приказом...

— А вы знаете, сколько у нас было баркентин?⁸⁴ — спросил ниоткуда глуховатый мужской голос. И паруса начала пожирать юркая беспроектная тьма, похожая на беззвучное чёрное пламя...

«Белокрылые лебеди Альквалонде...» — бессвязно подумал Гарав. И тут же подумал: нет. Кораблям Альквалонде — он во сне чудесным образом знал эту печальную кровавую историю! — повезло больше, чем парусникам России. Прекрасные флотилии тэлэри, о которых плакал Мэглор, сгорели в пламени войны. Пусть нелепой, гражданской. И всё же это было достойней, чем гнить у причала и ощущать, как на доски палубы льются вино, блевотина и котлетный жир.

Моргот, говорят, ненавидел море. Смешно; уж не Моргот ли уничтожил, стёр в своё время — там, в мире Пашки! — названия мечты: «Вега», «Сириус», «Шокальский», «Орион»... Что там ещё? Космическая станция «Мир»,⁸⁵ прекрасный звёздный остров, о нелепом, злодейски-поспешном уничтожении которого в своё время с таким отчаяньем и гневом говорил Олег Николаевич? Наверное, это была его мечта, что-то значившая для него, как для других — облака многоярусных парусов...

...Мальчишка начал просыпаться, и так чётко горевшие в его сне названия гигантов-красавцев уплывали из памяти... оставалась только обида.

Когда мечты не останутся совсем — Зло победит. Оно стремится не погасить солнце, не заковать всех людей в кандалы, не выстроить по росту — нет! Всё не так эпично. Важней всего для Зла, чтобы никто не мечтал о чём-то большем, чем сытость и покой. Зло вовсе не собирается убивать всех. Оно даже щедро одарит тех, кто склонится перед ним. Воистину щедро. Ломящимися магазинными полками в мире Пашки. Тут... что ж, тут тоже найдётся что-то равноценное сорока сортам колбасы...

...Гарав проснулся.

⁸⁴ Здесь прямая цитата и отсылка к книге В. П. Крапивина «Трое с Площади Карронад» (по этой книге снят недавно небезнадёжный фильм), где содержится весьма нелестная критика действий властей, которые в 70-80-е годы XX века превратили в бары и кафе немало парусных кораблей. Автор «Волчонка» не горит к парусам и морю ни малейшей любовью, но абсолютно солидарен с мэтром детской литературы в его гневном обличении по двум причинам: 1) я просто терпеть не могу дорогие претенциозные рыгаловки; 2) корабль — это не площадка для пьяных бездельников, а воплощение многовековой мечты сотен тысяч мальчишек (не моей, но что с того?). И превращать эту мечту в бар — преступно.

⁸⁵ «Мир» — орбитальная станция для полета по околоземной орбите. Была создана в СССР на базе конструкции станции «Салют», выведена на орбиту 20 февраля 1986 года. Оснащена новой системой стыковки с 6 стыковочными узлами. По сравнению с «Салютом» на станции увеличена мощность системы энергопитания, созданы более комфортные условия для работы и отдыха космонавтов. Предназначена для построения многоцелевого постоянно действующего пилотируемого комплекса со специальными орбитальными модулями научного и народно-хозяйственного назначения. Максимальная масса — около 40 т, максимальная длина — около 40 м. Летом 2001 года совершенно работоспособная станция была утоплена в океане. Взамен на орбиту была выведена «международная» (американская) «Альфа», прославившаяся постоянными поломками и тем, что русские космонавты на ней выполняют роль извозчиков и obsługi. Так была фактически уничтожена космическая программа России... и всего человечества. Погиб порыв движения в космос.

Фередир сидел возле костра в какой-то невообразимой позе, раздувал огонь. По луговинке бродили кони. Тихо было, тепло, солнечно и красиво. Гарав даже засмеялся негромко. Фередир оглянулся — он был основательно перепачкан золой:

— Проснулся? А к Эйнору какие-то холмовики приехали. — В голосе оруженосца прозвучало неодобрительное удивление. — И как нашли? А он их ждал, похоже...

— Холмовики? — Гарав сел. — Что за холмовики?..

... — Мы не хотим ни Руэту, ни Чёрного Короля. — За девятерых танов говорил один, невысокий, но чудовищно плечистый, с полуседыми волосами, заплетёнными в косы. Они — восемь в ряд, один впереди — стояли перед Эйнором, положив руки на рукояти длинных мечей. — Но мы знаем, что тарканы себе на уме. Нас на этой земле много. Тарканов — мало. У нас много детей. У тарканов — мало. — Адунайк в устах холмовика слегка коверкался, и, как видно, он и сам это понимал, потому и говорил отрывисто. — Мы хотим жить на этой земле по своим законам. Мы не отнимали её у тарканов. Мы взяли её у swattawayt,⁸⁶ потому что они слабы и трусливы. Пусть они берут её у нас обратно, если смогут!

— И вы хотите своего короля? — спросил Эйнор. Седой богатырь презрительно повёл плечом под багрово-белым клетчатым плащом:

— Хватит с нас и Руэты. Он тоже кричал, что будет королём для всех. А стал королём для Анг... для нашего северного соседа. Не нужны нам короли, мы перегрызёмся друг с другом за трон, как стая псов за мозговую кость — а достанется она кому-то ещё. Нет, таркан. Пусть король будет ваш. Король для swattawayt, король для твоих братьев-тарканов — тех, что ещё уцелели здесь. Король для нас. Будет война — мы дадим ему воинов. Будет мир — мы дадим ему зерно, пиво и скот. Но пусть он не говорит: вот моя земля, и там моя земля, и там моя тоже, а ту землю я отдам родне с юга. Пусть не пишет для нас свои законы. Мы будем жить по своим законам на своей земле, а королю, который придёт с юга, будет уважение, как нашему вождю. — Он выдохнул облегчённо после такой длинной тирады на чужом языке.

— В обмен на согласие наших князей на сказанное тобой — что пользы будет нам от вас сейчас? — спросил Эйнор на талиска, вызвав перешёпывание и удивлённые взгляды танов.

— Наши мечи для Руэты и Чёрного Короля — не рукоятью, а остриём, — сказал тан. Трое его товарищей кивнули. — Наши мечи для Арвелега из Форноста — не остриём, а рукоятью.

— Рукояти ваших мечей — сейчас, в обмен на короля, который не будет указывать вам, как жить и отдаст вам землю, которую вы зовёте вашей — после падения Чёрного Короля, — сказал Эйнор и обнажил Бар. — Мои слова — слова князя Арвелега: да будет так, как сказали вы.

Холмовики обменялись возбуждёнными возгласами.

— Серый Старик говорил нам, что ты и твои князья — честные люди, — сказал старший из танов. — Ну что ж, возьми и нашу клятву и донеси её своим правителям, юноша, говорящий голосом Арвелега...

...Когда Эйнор вернулся, оруженосцы — плечом к плечу, тихие и послушные — сидели на брёвнышке, сложив руки на коленях, и преданно смотрели на рыцаря.

— Что? — подозрительно спросил он, останавливаясь возле кустов, из которых вышел.

Оруженосцы вздохнули. Вместе, в унисон.

— Что? — более нервно уточнил Эйнор.

— Вместе столько дорог прошли, — сказал Гарав со слезой в голосе. Фередир закивал и хлопнул носом. — Плечом к плечу стояли, одним плащом укрывались, одним лопухом подтир... кгхм... Все лишения делили, радости и беды... — Тут его слегка заперло, мальчишка задумался, что же они могли делать с радостями и бедами. Вместо него

⁸⁶ Чёрный народ (*талиска*) — название, данное северянами пригорянам.

включился Фередир:

— Ты мне как отец родной, — убеждённо сказал он, и Эйно́р вытаращил глаза. — А я тебе — как сын...

— Храни Валары от такого блудливого щенка в сыновьях... — пробормотал Эйно́р.

Фередир затряс головой:

— Не спорь, я лучше знаю... Какие тайны у отца от верного сына?!

— И вот заехали мы в глушь глухую, — влючился Гарав, — и быв зверьми кусаны и людьми пуганы немилосердно, и виденицы злые нас терзали... и думали мы, что старший наш — вроде брата нам родного и справедливого...

— Так отца или брата? — уточнил Эйно́р.

— А оно вон как вышло, — гнул своё Гарав. Мальчишки повесили головы. — Закрыв брат наш и отец от нас, глупых, своё сердце... — Плечи Фере́ди́ра вздрагивали. — Ходит окрест, а чего, куда — нам не рассказывает... Что ж нам, доверия лишённым, делать?! Закинуть петельки на берёзоньку, да и... — Гарав сглотнул и выдавил слезу. — Чем жить в таком позорном недоверии — уж лучше живота лишиться...

— Верно, верно... — простонал Фередир подозрительно срывающимся (явно не от рыданий) голосом.

— Нет, ты, Фередир, раньше таким наглым определённо не был, — задумчиво сказал Эйно́р, расстёгивая перевязи.

— А это зачем? — с неподдельным интересом спросил Гарав, чутко следивший за движениями рыцаря. Эйно́р ласково улыбнулся. — Федька-а... — пропел Гарав, поднимаясь с места...

... — А как ты всё-таки вперёд нас через лес прошёл? — спросил Эйно́р, жуя твёрдую полоску вяленого мяса. — Мы скакали полдня и всю ночь. А тебя вообще не видели, выезжаем — ты спишь на корне.

Гарав сердито зыркнул на рыцаря, натягивая левый сапог. Потёр по очереди плечи, по которым сильно досталось перевязью. Но потом хмыкнул и начал рассказывать, не замечая, что Эйно́р с середины рассказа застыл, держа в руке мясо, а Фередир сел рядом прямо на землю и вытаращил глаза.

— КТО?! — с каким-то звоном выкрикнул Эйно́р, когда Гарав назвал имя певца-эльфа, а Фередир обеими руками с отчётливым шлепком зажал себе рот и ещё более выпученными глазами повёл в сторону дальнего леса. — Мэ́глор Нь́йэлло?!

— Ну... он так сказал... — Гарав даже немного испугался. — А что, вы его знаете, что ли? — Он поочерёдно посмотрел на своих друзей.

— Масалауре Феанаро-һино! — выкрикнул Эйно́р. Он был бледный и как будто даже Гарав не видел. — Помнишь, я как-то пел его песню... в самом начале! Макалаурэ сын Феанаро! Мэ́глор, иначе говоря! Мэ́глор сын Феанора! Мэ́глор Нь́йэлло! Мэ́глор Певец!!! О Валар!!! Ты харадский длинношёрстный баран, Гарав! Ты не волчонок, ты слепой крот!

— Чего это я... — вяло бормотнул Гарав и спросил: — Это ТОТ САМЫЙ?! Из древних времён?!

— Древних... — Фередир не то икнул, не то хихикнул. — Когда он пропал без вести, Нуменора ещё не было... Правда, Эйно́р?

Рыцарь только рукой махнул. И с какой-то нелепой надеждой — или страхом? — спросил:

— А тебе это не приснилось, Волчонок?

Гарав честно подумал над этим. И со вздохом пожал плечами:

— Не знаю.

Эйно́р ещё какое-то время смотрел на него. Потом встал и скомандовал:

— Собираемся. И так задержались.

Мальчишки стали ускоренно сворачивать маленький импровизированный лагерь. Что ни говори, а у двоих это получалось намного быстрее и слаженней, чем у одного. Наблюдая за их вознёй, Эйно́р подумал: «Что ж, видимо, Волчонок теперь и правда от меня никуда не

денется. Ну и к лучшему, хороший он парень. И будет хорошим рыцарем».

— Мы едем в Зимру, — сказал Эйно́р, затягивая подпругу Фиона. Фереди́р поднял голову от щита, который крепил в чехле на конском боку. Гарав спросил равнодушно:

— В Раздол не поедem?

— Нет, — покачал головой Эйно́р. — Прости, Волчонок. В Зимру.

— Мне-то что, — так же равнодушно сказал Гарав, вскакивая в седло. Разобрал поводья. — В Зимру — так в Зимру... — И закончил по-русски: — Н-но, холера!

Эйно́р улыбнулся:

— Не грусти. Ты ещё побываешь в Раздоле, Волчонок.

— Зачем он мне? — удивился Гарав. Эйно́р не стал отвечать, а спросил о другом:

— Ты ведь пишешь. А говорил, что неграмотный. Это письмо твоего народа?

— Да. Моего народа, — кивнул Гарав и чуть пришпорил Хсана. Тот вынес его вперёд — туда, где тропка из рощ уводила в луга. Там он остановил коня, развернул его и вытащил меч, вскинул в руке к солнцу. Эйно́р и Фереди́р остановили своих коней. Гарав встал в стременах и застыл, подняв лицо и руку с мечом. Солнце вспыхнуло искрой на остром кончике клинка, и по нему вниз побежали алые молнии кардоланского узора. — Садрон — верный, — сказал Гарав.